МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Х. БЕНКЕНДОРФ

ВОСПОМИНАНИЯ
Том I. 1802—1825

А. Х. Бенкендорф

Воспоминания

Том I
1802–1825

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)52-8
Б46

Бенкендорф, А. Х.

Б46 Воспоминания. В 2-х т. Т. I : 1802–1825 / А. Х. Бенкендорф. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 500 с.

ISBN 978-5-4499-0453-9

Долгие годы Александра Христофоровича Бенкендорфа (1782–1844 гг.) воспринимали лишь как гонителя великого Пушкина, а также как шефа жандармов и начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. И совсем не упоминалось о том, что Александр Христофорович был боевым генералом, отличавшимся смелостью, мужеством и многими годами безупречной службы, а о его личной жизни вообще было мало что известно. Представленные вниманию читателей мемуары А. Х. Бенкендорфа не только рассказывают о его боевом пути, годах государственной службы, но и проливают свет на его личную семейную жизнь, дают представление о характере автора, его увлечениях и убеждениях.

Материалы, обнаруженные после смерти А. Х. Бенкендорфа в его рабочем столе, поделены на два портфеля с записями, относящимися к времени царствования Александра I и Николая I.

В первый том воспоминаний вошли материалы, относящиеся к периоду правления Александра I (1802–1825 гг.).

Издание снабжено богатым иллюстративным материалом.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)52-8

ISBN 978-5-4499-0453-9

Предисловие

Мой отец был другом великого князя Павла, а моя мать близко связана еще с детства с великой княгиней Марией. Эта двойная связь не могла нравиться императрице Екатерине, стремившейся расстроить малейшие пристрастия своего сына. Она выразила настойчивое желание, чтобы мой отец отправился служить в Молдавскую армию, находившуюся под командованием князя Потемкина, а некоторое время спустя отстранила от двора мою мать, которая навлекла на себя немилость и великого князя, старавшись вернуть его к чувствам нежности к супруге, в то время как его сердце принадлежало мадмуазель Нелидовой — фрейлине маленького роста, довольно некрасивой, но обладавшей гибким и живым умом. Мы отправились в Дерпт дожидаться возвращения отца, который усилил дурное расположение к себе императрицы, отслужив с отличием и, вопреки ее желанию, получив награды благодаря положительной рекомендации князя Потемкина, из глубины Бессарабии деспотически правившего петербургским двором.

Необходимо было путешествовать за границей, чтобы избежать последствий опалы. Мы остановились в Байрейте у родителей великой княгини — герцога и герцогини Вюртембергских.

Хороший пансион, который мои родители там нашли, побудил их поместить туда меня и моего брата. Я был очень невежественным для своих лет. Превосходство, которое маленькие немцы имели надо мной в учебе, нисколько не задевало мое самолюбие. Я полностью удовлетворял его тем, что силою и храбростью заставил уважать имя моей нации в наших «боях», командуя одной из «армий». Они организовывались по субботам, и та, которая попадала под мое начальство, обычно звалась «русской армией»: это было все,

что мне было нужно для того, чтобы уберечь свою честь от того недостаточного прогресса, что я делал на занятиях с учителями.

Моя репутация внушала ужас уличным проказникам, которые нападали каждый раз, когда представлялся случай, на учеников нашего пансиона, и которые, будучи побиты в нескольких стычках молодежью под моим начальством, донимали меня всюду, где они могли меня достать. Мое тело, покрытое шишками и ранами, являлось гарантией моих подвигов, а телесные наказания, коим подвергали меня за эти акции, только разжигали мое мужество и увеличивали мое влияние на сверстников. Апогеем моей славы стала дуэль с одним студентом из Эрлангена, против которого я дрался на саблях, имея от роду лишь 13 лет. Все прусские офицеры гарнизона стали на мою сторону и много меня чествовали: на балу я получил щелчок, и ответил пощечиной. В этих упражнениях, которые укрепили мое здоровье и сформировали мой характер, прошли 3 года.

Наши родители по возвращении из своего путешествия отправили нас в Ригу, где мой отец командовал кавалерийской бригадой. Страшась моего невежества, меня отправили в Петербург в модный тогда пансион, который учредил аббат Николь, и где собралась вся блестящая молодежь столицы. Более сражения с уличными хулиганами, сила и отвага не решали ничего. Нужно было учиться и посещать занятия столь же усердно, как и маленькие мальчики 9 лет, знавшие много больше, чем я. Силою старательности в 3 месяца я достиг уровня некоторых из моих товарищей.

В ту пору умерла императрица: ее долгое царствование заставило считать ее бессмертной. Ее триумфы, завоевания, великолепие ее двора вознесли ее в ранг полубогов. Весь Петербург и пансион плакали, но Москва — это пристанище всех недовольных, всех опальных, а с ней и здоровая часть

России, уставшая от высокомерия фаворитов, с радостью праздновала смерть государыни, чья частная жизнь была скандалом, и чьи руки, расслабленные возрастом, а также сластолюбие, позволили упустить бразды правления империей.

Павел, чей подозрительный характер, вспыльчивость и капризы были известны и лишь усилились злобой и подлостью придворных, вызвал ужас в этом дворе, ставшем его собственным, и в котором он так долго наталкивался на презрение; а также в гвардейцах, свергнувших с трона его отца Петра III, которые от удобной жизни и ослабленной дисциплины перешли к суровой активности, к тиранической и пристрастной дисциплине. Но Павел в то же время возродил самые счастливые надежды в Москве и в глубинке.

Мои родители были призваны ко двору на романтическую церемонию эксгумации Петра III, которого перенесли с немыслимой помпой для того, чтобы расположить его гроб подле тела его супруги. Эта церемония вызвала столь ужасную простуду у моей матери, что несколько недель спустя, мы испытали боль ее потери.

Мой отец вернулся в Ригу, где был назначен военным губернатором.

Я продолжал еще работать с усердием до того, как уроки танцев, на которых аббат Николь опрометчиво заставил ассистировать нам молоденьких девушек, повернули мое сознание на новый объект. Любовь заняла место в моей голове и прогнала оттуда математику, грамматику и все, что за этим следовало.

Для завершения моего образования все воскресенья нам (мой брат только что поступил в пансион) позволяли посещать наших сестер в пансионе Благородных девиц при Смольном монастыре, куда их определила императрица, после потери нашей матери, о которой она никогда не перестала

бережно хранить память. Мы являлись единственными молодыми людьми, имевшими свободный вход в монастырь, и за отсутствием лучшего, часть этих молодых девиц предпочла моего брата, другая отдала предпочтение мне. Мое сердце так разрывалось, что я стал кокетлив и очень доволен своей маленькой персоной.

Христофор Иванович Бенкендорф и Анна-Юлиана Шиллинг фон Канштадт — отец и мать А. Х. Бенкендорфа

Однако мне уже было необходимо другое развлечение, коего преждевременное раздражение сердца и ума заставило меня искать с яростью. Один из моих товарищей только что поступил в кавалергарды. Этот полк квартировал около монастыря, и однажды, когда я один возвращался от моих сестер, я остановился у этого товарища, и тот не имел ничего более срочного, чем предоставить мне прелести своей подружки, которая за небольшую сумму успешно занималась его «воспитанием», и охотно согласилась также обучать и меня.

Аббат Николь, не имевший особого желания присматривать за проказником, который более не учился и к тому же портил всю оставшуюся часть сборища, вверенного его заботам, сделал так, чтобы я поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Семеновский полк. Это положение мне с первого взгляда не понравилось, и я не пользовался ни своей свободой, ни обществом моих новых товарищей. Я серьезно взялся за работу и с помощью одного хорошего учителя вскоре был в состоянии так хорошо рисовать, чтобы представить императору план острова Мальта. Это было в тот момент, когда император сделался великим магистром ордена, и все, что имело отношение к этому новому титулу, становилось его предпочтительным занятием. Он увидел этот план, и вскоре меня произвели в офицеры и назначили его флигель-адъютантом.

Таким образом, меня вывели в свет, но в свет весьма скользкий, очень бурный: мой возраст и моя неопытность позволяли мне замечать только удовольствия. Окружение императора состояло из многих молодых людей. То, что испугало бы человека более рассудительного возраста, лишь возбуждало нашу веселость. Постоянные изменения положения, внезапные падения и взлеты придворных, эта деятельность и вечная перемена мыслей, это проворство в наказании, эта воля, которой никто не осмеливался противоречить, делали из прихожей императора театр, столь же кипучий, сколь и забавный, такой же поучительный, как и устрашающий. Гроза начиналась в 6 часов утра и не прекращалась до 10 часов вечера — момента его отхода ко сну. В распорядке дня царило точнейшее единообразие, ежедневно каждая минута была отмечена одним и тем же занятием, самая строгая мелочность сопровождала все эти действия, от оружейных приемов солдата до наиболее важных государственных дел. Имея точный и ясный ум, добрые намерения, он лишь

изредка мог управлять своим вспыльчивым характером, озлобившимся за 30 противоречивых лет. Пустяк опрокидывал самые прекрасные, самые благородные замыслы. Легкая небрежность в одежде разрушали в его сознании самую превосходную репутацию. Забытая формальность ввергала в жесточайшую немилость генерала или министра, который еще мгновение назад наслаждался полным доверием этого абсолютного повелителя.

В беседе, которую он имел с экс-генералом Дюмурье, принятым им со всем благородством и любезностью, которые, наряду с другими добродетелями были уделом этого человека, сочетавшего в себе все доброе и все дурное, речь зашла о причинах французской революции. Дюмурье, желая завоевать расположение императора, сказал ему, что в особенности вызвали недовольство нации и обманули доверие двора знатные сановники, и что при российском дворе также имеются такие вельможи. Император ответил ему: «Месье, у меня велики те, с кем я говорю и до тех пор, пока я с ними говорю. Выйдите». Час спустя французский генерал находился уже на пути к границе. Мы сами с трудом верим, что происходили все те жестокие сцены, чередовавшиеся с быстротой, которая почти стирала их из памяти. Да и кто поверит, что этот могущественный российский монарх, чья победоносная армия прошла Италию, чей флот проследовал мимо сераля великого султана, кого Бонапарт умолял о союзе, который в конце своего правления бросил вызов Европе, воевал с круглыми шляпами, сапогами с отворотами и жилетами. Мой отец потерял свое место и лишился благосклонности из-за донесения о том, что в Риге на улицах видели круглые шляпы.

Король Швеции, принятый в Петербурге со всеми почестями, надлежащими его рангу, был внезапно изгнан; даже кухня, расположенная по пути его следования до наших

границ, была отозвана. И этот монарх, оскорбленный так публично, был вынужден еще отправить посла для того, чтобы поблагодарить императора за милости, которыми он его осчастливил.

Буйство и деспотизм в характере Павла были увеличены легкостью, с которой он заставлял себе подчиняться. Однажды, когда я был на службе, по его возвращению с санной прогулки, которую он всегда совершал после ужина, он приказал мне зайти в его кабинет и направил меня к графу Палену, тогдашнему градоначальнику, с повелением ему, чтобы к завтрашнему утру имелась бы на проспекте аллея, подобная той, что существовала прежде. Я не знал, что эта аллея существовала, и не слишком понимая сути приказа, носителем коего был, передал его слово в слово графу Палену. Сей достойный исполнитель капризов своего повелителя, удивил меня еще больше, сказав мне: «Скажите императору, что все будет исполнено». Тысячи рабочих начали тотчас же очищать снег и ломать лед, разрушать мостовою, размораживать землю, делая огромные костры и сажать наконец деревья, которые тысячи других рабочих в то же время устраивали в сады.

Два камергера повздорили в Царском Селе, где располагалась вся придворная служба во время пребывания императора в Павловске. Он отправил меня, рекомендуя мне следовать с величайшей поспешностью, чтобы забрать весь двор и выставить его за пределы Царского Села, с приказом охране не позволять более возвращаться ни единой особе. Великодушно отблагодарив меня за исполнение этого важного поручения, результат которого его удовлетворил, как если бы от этого зависело бы благо государства, он представил меня на вечерней прогулке Ее Величеству императрице как ангела-истребителя камергеров. Но эта шутка не подавила его злопамятства: все камергеры были рассеяны по разным

департаментам администрации, вплоть до молодого графа Воронцова, который тогда находился в Лондоне подле своего отца, — все подверглись общей опале.

На одном балу, что давали в Москве, император заметил претенциозность, которую один молодой человек из дворян вкладывал в свою манеру танцевать, единственное достоинство последнего. Он послал к нему адъютанта с запрещением отныне танцевать.

Бракосочетания великой княжны Александры с венгерским эрцгерцогом и великой княжны Елены с наследным принцем Мекленбург-Шверинским с пышностью праздновались в Гатчине. Я был выбран для того, чтобы передать новость в Мекленбург: это путешествие наполнило меня радостью. Я проезжал через Берлин, где предался плотской страсти. В Людвигсланде[1] я был принят по всем правилам хорошего тона и со всем весельем, характерным тогда для этого маленького двора. Я отлучился оттуда в Гамбург, чтобы провести там несколько дней в удовольствиях менее деликатных. Затем, опустошив свой кошелек и ухудшив здоровье, я возвратился в Гатчину, дабы с болью вверить себя вновь строгости дисциплины и ежедневной скуке парадов.

Каждое утро одерживалась новая победа, когда парад завершался без чьей-либо опалы. Чаще они причиняли несчастье целой семье. Молодые люди знатного происхождения отправлялись в Сибирь или в крепость, а старых служаки лишались званий или отправлялись на гауптвахту. Генералы на парадах или утверждали, или теряли свою репутацию. Целые полки попадали в самую опасную немилость, а орденские ленты и награды раздавались как после победы в блестящем сражении. Хороший парад вносил кротость в работу

---

[1] *Людвигсландт* — правильно Людвигслюст, официальная резиденция Мекленбургских герцогов, устроенная Кристианом Людвигом II в 1765 году.

императора с министром и производил счастливцев, плохой провоцировал его гнев и часто отзывался в делах Европы.

Этот постоянный страх, в котором пребывали все те, кто к нему приближался, это шаткое существование побуждали забыться и искать удовольствия. Что касается меня, то я их находил в особенности в доме некоего господина Бале — одного из камергеров, кого месть Павла пощадила. Его молоденькая и хорошенькая супруга очень хотела разделить мою робкую страсть. Ее милости превзошли все мои ожидания. Как я, так и она в этом деле являлись новичками, любовь была нашим поводырем и направляла нас к счастью, самому совершенному и столь часто повторяющемуся. Таким образом, пролетели три месяца. Ничто не прерывало нашего блаженства — ревность супруга и сложности делали наши свидания более пикантными, как вдруг одна подруга госпожи Бале — госпожа Джулиани — прервала этот очаровательный союз. Я боялся потерять первую, но все же был влюблен в свою новую подругу, которая являлась доверенным лицом нашей связи и только с осторожностью выслушивала признания в моей любви к ней. Ее отъезд в Москву возвратил меня к согласию с госпожой Бале, не отнимая надежду соединиться с госпожой Джулиани по ее возвращению в Петербург.

Император покинул Зимний дворец и отправился со всей императорской семьей в свой новый замок Святого Михаила, сооруженный дорогой ценой и с небывалой быстротой. Там, окруженный рвами и пушками, он чувствовал себя в укрытии от всех событий. Его нрав от этого стал еще более свирепым. Он сверх меры увлекся женщинами, но продолжал, однако, свои романтические ухаживания за княжной Лопухиной, которую рыцарское благородство императора заставило выйти замуж за князя Гагарина, давнего претендента на ее руку и любимого княжною. Суровость Павла

увеличивалась день ото дня; вся Россия дрожала и стонала от его государства принуждения и порабощения. Петербург походил на какой-то изнуренный самыми жестокими бедствиями город; люди едва осмеливались показываться на улицах. Это насильственное положение не могло продолжаться и, наконец, вспыхнул тот заговор, который нас избавил от Павла и дал нам Александра: и от террора мы перешли к счастью, свобода наследовала террору, удовольствие печалям. Началась новая жизнь, все поздравляли друг друга на улицах, вся Россия приветствовала своего нового императора со всей радостью и любовью, которую он вызывал.

Вечером после столь радостной перемены я находился у графини Ливен в Зимнем дворце, куда вся императорская семья вновь вернулась занимать свои апартаменты. Меня тронула глубокая скорбь маленькой великой княжны Анны, столь сильно контрастировавшая с общей радостью. Она вошла, рыдая, к графине Ливен и подведя ее к окну смотреть иллюминацию, сказала ей: «Смотрите, Мадам, как все довольны смертью моего отца».

Гвардейские полки, кроме нескольких офицеров, никоим образом не были вовлечены в этот заговор, столь же счастливый в последствиях, сколь позорный в своем исполнении. Солдаты, которых под покровом ночи вели к дворцу Святого Михаила, были введены в заблуждение. Им сказали, что они идут на помощь императору, не назвав какому, а когда их поздравили с новым государем, коего им только что дал Бог, они спросили о том, что сделали со старым. Притащили Александра всего в слезах для того, чтобы показать его войскам. Было достаточно увидеть его, чтобы заставить крики умолкнуть. Все присутствующие присягнули на верность с приветственными возгласами от самой искренней радости. Сцена внутри дворца в течение этой преступной и патриотичной ночи полностью обнажила характеры: князь Зубов,

сопровождаемый своими братьями, желал оттянуть момент своего входа во дворец, но Бенингсен его втащил. Пален, стержень всего заговора, лишь медленно подходил с войсками, которые он вел сообразно успеху для того, чтобы помочь заговорщикам или чтобы спасти Павла.

Великие князья также дрожали от гнева своего отца, как и каждый офицер, а последние дни они даже были под угрозой заключения в крепость. Ночью князь Зубов разбудил великого князя Константина, сказав ему следовать за ним к императору, не сообщив ему о том, что только что произошло: Великий князь второпях оделся и был поражен, почувствовав, как его преданный камердинер положил ему в один карман пистолет, а в другой — пачку денег; он последовал за князем в самой большой тишине, но когда последний направился путем, ведущим в покои нового императора, великий князь спросил его, куда все-таки он его ведет. «Вы найдете там императора», — ответил ему князь.

Он вошел в кабинет брата, которого нашел плачущим и обхватившим руками голову. Беннигсен, Пален, Уваров и другие находились вокруг него. Пораженный всем тем, что он увидел, и не понимая ничего, великий князь был выведен из страшных сомнений, в коих он находился, словами Бенингсена: «Приветствуйте вашего императора». Оба брата, глубоко огорченные потерей отца, обнялись в порыве; затем император, обращаясь к лицам, неотвязно напоминавшим о его боли и желавшим оказать на него некое влияние, спросил: «Кто я? Какого императора вы намереваетесь сделать из меня?». Уваров воскликнул: «Абсолютного императора!». Офицеры, стоящие в дверях и в передней, единодушно повторили эти слова, а руководители заговора, которые, свергнув Павла, хотели ослабить деспотизм, вынуждены были отказаться от своих планов и последовать общему импульсу.

Среди лиц, несших службу подле тела Павла, находились также же два флигель-адъютанта. Вечером, когда все удалились, в присутствии только одного адъютанта, поправили туалет покойного и привели в порядок его лицо для того, чтобы спрятать синяки. Я оставался долго один его созерцать. Тысячи философских, религиозных и упаднических мыслей сменялись в моей голове. Только что приукрасили этот лоб, который несколькими днями прежде, едва лишь нахмурившись, заставлял дрожать самых смелых. Эта вулканическая голова, рождавшая столько гигантских проектов, правившая железным скипетром столь огромной частью земного шара, которая заставляла дрожать Европу и Азию, эта голова не вызывала ничего, кроме жалости.

Зрелище похоронного обряда притянуло невероятное количество людей, но только одна императорская семья сохраняла ту грусть и то достоинство, которое должно сопровождать эту величавую церемонию, весь остаток кортежа и зрители забыли то, чем они были обязаны величию трона и искренней заботе своих правителей.

Петербург тотчас наполнился всеми теми несчастными, кои вновь обрели свободу, толпой светских людей, приехавших, чтобы приветствовать нового императора, и любопытными иностранцами. Это первое лето было сплошной чередой удовольствий и увеселений, коим молодые и старые предались с неумеренностью, порожденной 4 годами принуждения и несчастий.

Госпожа Джулиани вернулась, и немного погодя я стал ее любовником. Записочка, которую я должен был ей передать вечером у ее подруги, попала в руки последней, и наша связь, открывшаяся в результате этого случая, лишила меня безвозвратно прекрасных милостей госпожи Бале. Меня это очень огорчило, и я постарался утешить печаль, вызванную этой потерей, удвоив чувство к моей новой любовнице.

Это первое лето нового царствования объединило все удовольствия; торговля вновь активизировалась, двор потерял почти все свое принуждение, армия, скинув свой прусский костюм, притянула вновь лучшую молодежь империи, а мир в Европе казался способным обеспечить годы счастья. Но двор не был спокойным. Эта революция, недавно распорядившаяся троном, оставила глубокие следы брожения в молодых головах, которые послужили ей орудиями. Амбиция и интрига завладели руководителями заговорщиков. Граф Панин подал первый проект этого заговора; граф Пален взял на себя его исполнение; этот дерзкий человек, который под маской искренности прятал самую искусную интригу, привел все в движение. Одна французская актриса, мадам Шевалье, любовница графа Кутайсова, который из турецкого пленника, являясь 20 лет камердинером Павла, был возведен в течение его царствования в ранг обер-шталмейстера и награжден орденской лентой Святого Андрея, эта актриса была использована для того, чтобы получить согласие Зубовых, один из которых являлся фаворитом Екатерины Великой и вскоре после ее смерти был отослан. Эта семья недовольных была необходима, и общие интересы ее связывали с Паленом; но, совершив переворот, эти две партии разделились, и ободренные своими многочисленными сторонниками или, скорее, своими подлыми креатурами, стремилась каждая к неограниченному расположению юного государя, которым надеялись легко руководить. Пален и Зубов с высокомерием дерзости изображали из себя всесильных министров. Тот и другой обнадеживали и переманивали к себе сторонников; тот и другой смущали молодого Императора; тот и другой должны были быть ненавидимы императрицей-матерью, которая видела в них только убийц своего мужа. Тот и другой привлекали внимание всей публики и поддерживали свое неопределенное положение похвалами подлых куртизанов.

Пален побудил молодых людей, преданных императору и вооруженных для его защиты, объединиться втайне против мнимого заговора; питая их достаточно усилившимися ложными конфиденциальными сведениями и тревожными слухами, хотя целиком неопределенными, он взялся за выполнение своего замысла в день, когда император уехал в Петергоф инспектировать свой флот в Кронштадте. Был дан сигнал тревоги; говорили, что злоумышленники хотели бы воспользоваться отсутствием императора, и что переворот должен произойти даже этой ночью. Напуганные новостями, кои к нам прибывали со всех сторон, мы решились (не очень хорошо понимая, какое основание они могут иметь) послать молодого графа Тизенгаузена предупредить императора об опасности, грозящей ему, и заверить его в нашей преданности и верности. Этот молодой человек нашел его уже на шлюпке, возвращающейся в Петербург. Пален сопровождал императора. Император выслушал эту новость со спокойствием невинности и расспросил Палена, который был еще градоначальником; последний позволил упасть подозрению на князя Зубова и его братьев; шлюпка причалила в 11 часов вечера к набережной около Зимнего дворца; ожидая адъютантов, гвардейские полки прибыли искать свои знамена, войска собрались, напуганный народ прибежал на Дворцовую площадь, набережная была полна, и никто еще не знал причины этого беспорядочного собрания.

Император пересек улицу и, входя во дворец, спокойно приказал адъютантам удалиться, а войскам разойтись; напротив, Пален зачинщик этой сцены, указал на Зубовых как на предводителей заговорщиков против императора, а час полночи как сигнал этой новой революции. Он надеялся, что молодежь, обожающая государя, бросится с яростью на Зубовых и преподнесет этих жертв его честолюбию; Бог знает, куда его завело бы это честолюбие, и какие надежды он

возлагал на этот порыв, однажды приведший к убийству. Спокойствие императора разрушило все его планы; сборище было рассеяно, Зубовы вызваны в кабинет императора, и все снова вошло в порядок, изумленное тем, что нарушило его ради призраков, которых сами себе вообразили.

Пален, однако, снискал доверие военных и становился день ото дня все предприимчивее. Возвратясь быстро с задания, которое ему дали, может быть, для того, чтобы его удалить, он позволил себе забыться, когда сказал своему повелителю, что тому следует решить, кто должен покинуть двор, он, Пален, или императрица-мать. Эта дерзость дала императору возможность почувствовать свою власть; он приказал этому наглому министру в 2 часа покинуть Петербург; падение этого начальника возвратило спокойствие в беспокойные головы, укрепило силу государя, вызвало замешательство у толпы куртизанов, у честолюбивого, но пугливого Зубова, и низвергнуло в небытие всех тех, кто способствовал смерти Павла.

Эта туча не прервала удовольствий; им предавались с неистовством; что касается меня, то я их находил в доме госпожи Нарышкиной, который привлекал многих молодых людей своей веселостью, своим великолепием и особенно приветливостью ее дочери, недавно вышедшей замуж за молодого Суворова. Это общество было тем более приятным, что оно было почти всегда одинаковым, и несмотря на существовавшее между нами соперничества в отношении княгини Суворовой, мы все были связаны дружбой. Это были дни, наполненные новостями, танцами, фейерверками, наконец, это лето может быть названо сумасшедшим летом; любовь и совершенная свобода окупили все издержки.

Петербург покинули, чтобы бежать в Москву за новыми удовольствиями: вся Россия собиралась там для того, чтобы присутствовать на коронации императора. Я собрался

в путешествие с моим товарищем Кретовым, таким же флигель-адъютантом, как и я; для смеха в дорогу мы взяли с собой французского актера по имени Фроже, а в нескольких станциях от Петербурга наше общество пополнилось молодым графом Паленом, с тех пор ставшим министром в Бразилии и в Мюнхене, и князем Трубецким. Тот и другой, как и мы, искали только развлечения: это желание нам удалось так совершенно, что мы провели нарочно 2 недели в дороге и были почти раздосадованы тем, что очутились в конечном пункте нашего путешествия. Весь Петербург направился в Москву, и на каждой станции мы встречали знакомых или добрых людей, чтобы их мистифицировать.

Император, согласно старому обычаю, остановился в Петровском дворце в 2-х верстах от городской заставы. Огромное количество народа покрывало равнину и все дороги; он уклонился от этого беспорядочного въезда, прибыв по другой дороге, и в одном из экипажей своей свиты. Но едва стало известно о его прибытии во дворец, как тысячи голосов потребовали его видеть; вынудили его прекрасную скромность показаться; он появился на балконе с императрицей Елизаветой; пугающая тишина свидетельствовала о почтении народа, но как только император поклонился, крики «ура» взорвались как гром; это выражение народной радости пронзило нас всех испугом и почтением.

Спустя несколько дней император появился в этой старой и великолепной столице империи, в этом городе, который своим положением представлялся границей Европы и Азии; в этом городе, украшенном тысячью четыреста храмами и бесчисленным множеством дворцов, которые свидетельствовали о ее богатстве и превосходстве над такой большой частью земного шара.

Вся Россия, казалось, находилась на пути следования государя, жаждавшая и счастливая его приветствовать, звон

колоколов, военная музыка, крики «ура» сопровождали его в Кремль. Здесь, сойдя с лошади, этот могущественный монарх благоговейно склонился перед образами, кои держал архиепископ Платон, окруженный всей пышностью церкви и ожидавший его при входе в храм, где покоятся мощи святых, где находятся могилы былых государей России и где коронуются императоры. Тысячи голосов откликнулись на обеты, которые этот почтенный епископ произнес во славу этого царствования, и тот же самый энтузиазм провожал императора до его дворца в Немецкой слободе.

Я проживал у дяди — брата отца; моя тетушка — превосходная женщина — взяла всю заботу обо мне лично на себя. Ее горничные, все до одной хорошенькие, питали слабость одна за другой к племяннику дома и бесконечно способствовали тому, чтобы мое пребывание в Москве было приятным. Одна толстая княгиня — подруга моей тетушки — также приехала из глубины провинции, чтобы принять участие в празднованиях в Москве; ее разместили прямо в стороне от моих комнат. Вскоре мы нашли общий язык; а ночью по моему возвращению с балов, она не пропустила случай зайти пожелать мне спокойной ночи, но ее прелести, хотя очень обширные, не очень привлекали, тем более, что на самом деле я был влюблен в молодую княгиню Суворову, которая в Москве, как и в Петербурге, продолжала собирать в доме своего отца толпу обожателей. Это было наше общее свидание, все дни мы вновь там встречались, а утонченное кокетство этой женщины, действительно соблазнительной, знало, как заставить всех надеяться и довольствоваться одним только наслаждением от знаков внимания. Все дни мы были на балу, чаще на двух, но покидали их и обычно заканчивали вечер у госпожи Нарышкиной, чей дом стал собранием самых прекрасных светских особ.

Коронация прошла со всей пышностью и принятыми обычаями; в течение этих дней император жил в Кремле. Затем он вернулся в свой дворец в Немецкой слободе; праздники следовали один за другим с истинно азиатской роскошью вплоть до его отъезда. Тот, что дал граф Шереметев в своем поместье вблизи города, был особенно замечателен богатством, которое в нем проявилось. Император, утомленный всей этой шумихой, возвратился в Петербург, куда также вернулись полки гвардии: я так много развлекался и, как флигель-адъютант, не имея почти никакой работы, получил позволение продлить свое пребывание в Москве, где я сделал несколько знакомств и где в особенности нашел женщин, очень хорошо расположенных к молодым придворным офицерам.

Но, наконец, было нужно возвращаться к своим обязанностям. Я нашел Петербург грустным или, скорее, я сам сюда привез усталость от удовольствий. Я снова возобновил связь с госпожой Джулиани, но мне не хватало чего-то. Я начал стыдиться своей столь ничтожной жизни; желание выделиться из толпы молодежи поколебало мои удовольствия, но придало мне мужества, чтобы их оставить. Генерал Спренгпортен, возвратившийся из Парижа после выполнения миссии, порученной ему императором Павлом, представил план поездки по России и попросил двух офицеров для сопровождения. Император одобрил его проект, а я с готовностью ухватился за эту отличную оказию с тем, чтобы освободиться от своего бездействия. Я представился, и генерал Спренгпортен попросил за меня у императора, который имел милость позволить мне быть в этой поездке. Вторым офицером стал майор артиллерии Ставицкий. К нам присоединился рисовальщик, господин Корнеев, и мы начали готовиться.

1802

К концу февраля мы покинули Петербург; желание сбежать заставило меня забыть интрижки, любовь, и я уехал в очень хорошем настроении, несмотря на погоду и отвратительные дороги. Я присоединился в Шлиссельбурге к генералу Спренгпортену, и на следующий день мы продолжили нашу дорогу, двигаясь вдоль Ладожского канала до одноименного города. Этот канал, приносящий в Петербург дань со всей России, снабжающий эту столицу и перевозящий в Кронштадтский порт экспортируемые товары из наших самых удаленных провинций, этот канал, который Волгой, Тверцой, Метой и Волховом соединяет Каспийское море с Балтийским, является детищем основателя Петербурга, того великого человека, чьи колоссальные проекты и неутомимое усердие, создавшие процветание и славу России, узнают на каждом шагу.

Какая великая идея не обязана его гению созидателя? Этот великолепный порт Кронштадт, этот флот, который помогли построить его собственные руки, его войска — гроза Азии и гарант равновесия в Европе, организованные его стараниями и приученные к победе его неукротимым характером, этот город, воздвигнутый на болоте, ныне ставший образцом красоты и великолепия, местопребыванием наук и искусств, эти загородные дворцы по всем сторонам Петербурга, для коих Петр умел выбирать место и распланировать парки, и, наконец, эта коммуникация, которую он сумел осуществить, и которая доставляет к Дворцовой набережной товары со всего пространства обширного владения России.

Затем мы остановились в Тихвине, маленьком городке, очень богатом, очень оборотистом и особенно известном как место паломничества к иконе Пресвятой Девы, составляющей богатство монастыря, который ее обладает. Наши самые

хорошенькие женщины Петербурга едут сюда искать отпущения грехов за свои любовные заблуждения, оплакивать потерю своих любовников, скрываться здесь с ними от назойливости супругов и света. Здесь священная завеса этого святого места скрывает в тени благочестия ребенка, которого не осмелились бы родить в столице, и, таким образом, оно действительно часто служит для того, чтобы освободиться от тяжкого бремени. Икона Пресвятой Девы покрыта драгоценными камнями, а церковь, так же, как и монастырь, образуют великолепное сооружение.

Мы проехали через Устюжну, весьма старый город, Мологу и Рыбинск, где Шексна, впадая в Волгу, обеспечивает этому городу активную торговлю. В Ярославле мы провели несколько дней; этот настолько же древний город, сколь летописи Руси, находится на правом берегу Волги, в месте сильно возвышенном, и выглядит как большой центр. Он украшен множеством прекрасных церквей, монастырей и большим количеством каменных домов. Этот город обязан своим богатством в особенности фабрикам по производству скатертей и полотен, которые здесь расположены с давних пор и снабжают своей продукцией значительную часть России. Великое множество дворян, имеющих собственность в этой богатой и многолюдной провинции, собираются в Ярославле, который является главным губернским городом, чтобы предаться очень приятному времяпрепровождению. В 70 верстах от этого города расположена Кострома, также столица одноименной провинции, расположенная на левом берегу Волги. На следующий день после нашего прибытия была годовщина восшествия на трон, и после богослужения в соборе, мы присутствовали на званом ужине у губернатора. В конце ужина я почувствовал себя так плохо, что был вынужден встать из-за стола. Едва я вышел в переднюю, как меня остановило сильное кровохарканье: кровь выходила из меня

со всех отверстий в таком изобилии, что меня перенесли на канапе, где доктор мне сделал кровопускание, пока я был без сознания. Очнувшись, я увидел себя почти раздетым, закутанным в смешной домашний халат губернатора и окруженного полудюжиной дам, одна из которых, госпожа Крамина, была совсем недурна. Они так сетовали, что моя грудная болезнь показалась мне весьма кстати. Генерал Спренгпортен, желавший уехать на следующий день, был вынужден задержать свой отъезд, а ледоход, начавшийся спустя некоторое время, нас оставил почти на 6 недель в Костроме.

Госпожа Крамина приходила следить за моим выздоровлением, но так как это было двусмысленно приходить одной устраиваться в стороне у постели молодого офицера, то она приводила свою сестру.

Эта сестра пришлась весьма по вкусу старому генералу Спренгпортену: последняя, девица около 30 лет, нашла генерала весьма хорошей партией и отныне наша компания удвоилась и стала удивительно приятной. Наш влюбленный начальник не торопил свой отъезд, приводя в порядок одну красивую и большую лодку таким образом, чтобы нас в ней разместить и спуститься по Волге: когда все было закончено, состоялась помолвка, что до меня, то я получил от моей красавицы рекомендательное письмо для одной из ее подруг в Нижнем Новгороде, мы поднялись на судно, и после очень нежных прощаний доверились течению прекрасной Волги.

Это было в тот момент, когда эта река, расширившаяся за счет таяния снегов, заливает край более чем на 40–50 верст, в местах, где берега менее высоки, они не противостоят паводку: течение становится более быстрым, города и деревни окружены водой и кажутся островами среди безграничных озер. Огромное множество лодок, использующих тот момент, чтобы спуститься по реке, баркасов всех размеров покрывает Волгу и делает это зрелище вправду восхитительным.

Мы переживали дивное время, а изменяющиеся без конца предметы, дарящие взору новый вид с каждым движением нашей лодки, заставляли нас желать замедлить наш ход; мы бросили якорь у причала Нижнего Новгорода, который сооружен на высоком берегу при слиянии Оки и Волги и высится величественно над безграничным зеркалом воды и большим пространством края. Расположение этого города таково, что он находится в центре прекрасных провинций подлинной России, и так выгодно для торговых сообщений, что он представляется местопребыванием государя. Достаточно естественным представляется, чтобы двор удалился сюда из беспорядочной Москвы, печально известной своими бунтами и бывшей театром стольких жестокостей, осуществленных прежними владыками, но очень сомнительно, чтобы так когда-либо сделал Петр I, имевший план устроить центр своей империи в Петербурге, в самом удаленном уголке России, наименее здоровом и наименее населенном, куда все предметы первой необходимости должны пребывать с большими издержками из глубины страны, где всякий русский оказывается чужаком и где всякий собственник находится, по меньшей мере, в 300 верстах от своих владений. Петр I переместился в Петербург, потому что это было душой всего, что он создавал, этот новый город, предоставивший ему возможность устроиться на Балтике и средства здесь создать военный флот, поглотил все его внимание; он заставил сюда приехать часть Сената и своих министров, потому как сам заседал в Сенате, но когда было нужно показать плоды своих побед, именно Москве он отдавал дань почтения; возможно, если бы Рига и Ревель принадлежали ему до образования Петербурга, то он создал бы свой флот в Ревеле, а торговлю в Риге, довольствуясь тем, что установил форт в устье Невы для защиты границ, тем самым покровительствуя торговле. Петербург не существовал бы или был бы

небольшим провинциальным городом. Первые преемники Петра, осмеливаясь быть только лишь жалкими его подражателями, и опасаясь, быть может, еще и недовольства Москвы, не покидали Петербург. Теперь эта резиденция освящена кротким правлением Елизаветы, блеском и великолепием Екатерины и, наконец, замечательными благоустройствами, кои привнес сюда император Александр: трудно покинуть Петербург, который поглотил столько миллионов, где появились на свет все наши принцы, где имеют силу деньги, где достигли покорения природы; но если посчитать то, чего лишает эта резиденция тружеников в провинциях, насколько она их превосходит всеми товарами, отдаляя этим цивилизацию, то можно было бы ужаснуться от этой картины и увидеть, что Петербург есть истинная язва, разъедающая Россию.

Нижний Новгород, наоборот; сближая дворян с их поместьями, был бы центром культуры, чьи лучи проникали бы в самые дальние уголки глубинки. Государево око, самый активный интерес собственников устранили бы притеснения, тяготящие народ, а коммерция легко вернулась бы в руки русских купцов — теперь чужеземцев в Петербурге, которых вытеснили иностранные торговцы в России.

Мы высадились в Нижнем Новгороде в день Пасхи; я направился вручить мое письмо от госпожи Краминой к ее подруге, госпоже Родионовой, и был пленен, найдя в ней очень хорошенькую женщину, пухленькую и очень доступную. Ее сестра, как и она, разлученная со своим мужем, была также очень приятной. Та и другая жили у отца. Вскоре знакомство состоялось, но чтобы видеться ночами, нужно было подняться на балюстраду, пересечь сад и подняться через окно, которое вело в спальню, где обе сестры почивали вместе. Моя застенчивость была немного озадачена тем, что я обнаружил там обеих вместо одной; но, наконец, я принял решение и, направляясь всерьез только к той даме, которой я был

рекомендован, улегся между двух сестер; это был третий день нашего пребывания в Нижнем Новгороде, но, к несчастью, также последний. Необходимо было очутиться точно в назначенный час на нашем судне, которое на восходе солнца подняло якорь и продолжило спускаться по Волге без оглядки на мою новую любовную страсть.

Мы остановились в 70 верстах вниз по течению от Нижнего Новгорода в Макарьевском монастыре, расположенном на левом берегу Волги и ставшим богатым и знаменитым благодаря ярмарке, которая здесь проходит каждое лето; огромная толпа торговцев приезжает сюда со всех уголков империи, больше всего здесь можно купить товаров, прибывших из Китая через Сибирь и из Персии через Астрахань, поднимаясь по течению Волги. Сюда привозят также большое количество железа, тысячи лошадей и все товары, какие требует товарообмен с Китаем и Персией; меха, поступающие отсюда в Европу и предметы роскоши, которые приезжают сюда искать дворяне из соседних губерний. Эта ярмарка, где можно также сказать встречается Европа и Азия, является одной из самых богатых из известных ярмарок, оборот, происходящий здесь, не поддается счету. Вся ширина Волги между Макарьевым и Лысковом, а также в нескольких верстах вверх и вниз по течению реки, покрыто лодками. Лагеря и барачные постройки покрывают всю Макарьевскую равнину; здесь можно увидеть татар, калмыков, персов, индийцев, смешавшихся с купцами из Москвы и Петербурга, а также кочевые юрты, установленные в стороне от ресторататоров и театров.

Все селения этих областей являются значительными и богатыми, их обитатели очень красивы и очень искусны. Мы продолжили любоваться этой благодетельной рекой, проплывая мимо очаровательных мест, городов, где всюду видели торговую деятельность. Свияжск — маленький городок

при слиянии рек Свияги и Волги, находится в течение паводка полностью окруженным водой, сюда можно доехать только на баркасе. Наконец мы прибыли в конечный пункт нашего плавания — в Казань, в эту древнюю столицу одной из колоссальных татарских орд, называвшейся Золотой Ордой.

Этот город очень важен; довольно обширная часть в нем еще населена потомками этих татар — некогда грозы мира и поработителей Руси. Теперь этот народ подает пример покорности и спокойствия. Татары очень хорошие и полезные граждане, очень преданные и храбрые солдаты.

Над городом высится Кремль; эта была древняя крепость, покорившаяся усилиям царя Ивана Васильевича, который пожелал построить на ее месте собор. Другие церкви города весьма красивы, а дворяне и русские купцы построили здесь очень красивые каменные дома; но Казань имеет несчастье быть опустошенной частыми и такими значительными пожарами, что только с трудом она возрождается вновь из пепла.

Это, однако, не мешает тому, что Казань остается одним из самых важных городов империи благодаря своему богатству, народу и безграничным ресурсам, кои она предоставляет для внутренней торговли.

Здешний климат уж очень приятный и способствует обустройству здесь многих семей; здешнее общество постоянно выигрывает: хороший рынок, находящийся здесь, предоставляет возможность жить в достатке и экономии.

Мы провели очень приятно несколько дней в Казани, много передвигаясь по городу и его окрестностям; я имел то преимущество, что здесь познакомился, не оставаясь в накладе, с одной славной женщиной, которая мне предоставила татарских девушек, чьи только имена и национальные костюмы возбудили мое любопытство и пришлись мне

так по вкусу новизной, что я нисколько не сожалел о моих интрижках в Костроме и Нижнем Новгороде.

Мы присутствовали на татарских праздниках за городом, где раздавали призы за лошадиные скачки и наиболее удачливым борцам: последние мне так понравились, что я заставил прийти назавтра одного из них к себе, опрокинув его на землю. Он отомстил за себя, ударив меня так жестоко, что я оставался почти без сознания. Это падение вновь возобновило мою грудную болезнь, только что меня покинувшую, и исцелило меня немного от увлечения борьбой и от всех буйных занятий.

Из Казани мы вновь набрали ту же команду, которая была на нашем судне, и направились к реке Каме, которая в 75 верстах вниз по течению от Казани наполнила протоки Волги. Кама еще не вошла в свое русло, и мы пересекли ее на большом пароме; ее разлив простирается вдаль, и мы насладились новым зрелищем, проплывая по воде посередине великолепного леса. Примерно в 30 верстах от маленького городка Тетюши и почти в 140 верстах вниз по течению от Казани на берегу Волги мы посетили развалины древнего болгарского города[2]; там прекрасно можно различить замок, образующий городскую крепость, очень высокую башню, еще довольно хорошо сохранившуюся, можно найти остатки храма и то, что указывает более на азиатскую архитектуру, одно большое строение, в котором легко узнавались общественные бани: все эти руины, чья величина указывают на то, что они являются частями одного большого

[2] *Болгар (Булгар, Болгары Великие)* — столица средневекового государства Волжско-Камской Болгарии. Сохранился ряд каменных древних сооружений XIII–XIV вв. — малый минарет, «черная» палата, церковь Св. Николая, развалины мечети, бани. Болгар был разрушен в 1361 г. золотоордынским ханом Булак-Тимуром.

города, сделаны из очень тщательно скрепленных камней, а некоторые смешаны с кирпичами на манер древнеримских.

После того, как мы заставили работать свое воображение, исходя эти руины, и обнаружили наше невежество, которое скрывала от нас история, мы отправились в дальний путь в Оренбург. Я вел дневник своего путешествия, обладавший, по меньшей мере, достоинством безукоризненной точности; он был выброшен в огонь в результате нелепого гнева одной дамы, которая, прочитав его без моего ведома и обнаружив там историю моих любовных похождений, имела глупость его сжечь. Я тем более сожалею об этом из-за того, что, описывая события спустя 12 лет, вижу, что мои воспоминания ускользают от меня, и, рассказывая о прошлом, я это могу делать лишь весьма несовершенно.

Оренбург расположен на реке Урал, которая, начиная с Верхнеуральска, маленького укрепления почти в 700 верстах по течению от этого города, образует нашу границу вплоть до своего впадения в Каспийское море, около города, именуемого Гурьев в более чем 800 верстах от Оренбурга; таким образом, она тянется на расстояние более 1500 верст.

Оренбург — это крепость или скорее нищий городок, окруженный ничтожными крепостными стенами, которых более чем достаточно, чтобы внушать уважение киргизам, против которых он и был построен. Но этот городок очень важен своим расположением, облегчающим нашу торговлю с этой многолюдной ордой и который является пунктом, куда пребывают караваны из Бухары и Хивы. Вне всяких сомнений, что, если провидение пошлет однажды в Оренбург губернатора, руководствующегося в своих действиях разумными взглядами, коммерческими и деятельными, то он сможет извлечь из этого товарообмена огромное богатство для империи, а в киргизах — весьма большую тягу к тому, чтобы прийти сюда заселять пустынные края. Но до настоящего

времени наши губернаторы были людьми, не признающими элементарных знаний, необходимых для достижения этой цели или, скорее, они являлись притесняющими полицейскими надзирателями для торговцев, и щепетильными, ограниченными и алчными начальниками для киргизов, которые подпали под их власть.

Это племя разделяется на 3 части, которые мы обозначили как большую орду, среднюю орду и малую орду. Они занимают безграничную пустыню, которая начиная с Каспийского моря, простирается до границ с Китаем и образует нечто вроде зоны, отделяющей Сибирь от остальной части Азии. Против Оренбурга находится малая орда; все эти орды представляют собой бедных и промышляющих грабежом кочевников. Летом они приближаются к нашим границам, чтобы здесь искать корм для их многочисленного скота, который составляет все их богатство, а зимой орды уходят отсюда для того, чтобы найти для скота более теплый климат. Киргизы имеют своих вождей, коих они зовут султанами, но которые не могут обладать какой-либо властью над народом, не имеющим определенного местожительства и кочующим по столь обширным равнинам, почти безводным, лишенным растительности, в которых главными отличительными признаками являются лишь несколько маленьких холмиков. Эти народы, не имеющие никакой организации, ничуть не опасны, несмотря на их численность; несколько киргизов пробуют порой увести скот из приграничных районов или у беззащитных людей, а наказывают их, довольствуясь тем, что посылают также несколько казаков воровать у них скот и лошадей. Таким образом, мы им не даем никакого примера, который смог бы им передать уважение к нашим законом. Наоборот, киргизы видят в нас только разбойников, чуть более сильных, чем они, и которые чаще провоцируют их к нападениям для того, чтобы иметь повод больше их ограбить.

На некотором расстоянии от Оренбурга находится соляной карьер, очень богатый, где разместилась пехотная рота для того, чтобы обезопасить карьер от киргизов и защитить рабочих. Я оправился в совершенстве от грудной болезни, употребляя все время довольно большое количество кумыса или кобыльего молока, которое киргизы заставляют киснуть и которое им служит напитком; оно очень питательно, но требует серьезной закалки, являясь очень трудным для переваривания. Упражнения мне было не занимать: генерал Бахметев — в то время командующий войсками всего этого участка нашей границы, давал мне превосходных местных рысаков, и мы каждое утро вместе пробегали верхом по 30 или 40 верст.

Е. М. Спренгпортен

Покидая Оренбург, мы вновь поднялись по реке Урал до Верхнеуральска и оттуда продолжили идти вдоль линии границы до крепости Троицкой, меняя постоянно лошадей и конвой в маленьких фортах или городках, окруженных маленьким рвом, защищающими нашу границу и являющимися в то же время единственными населенными пунктами на этой дороге. Они были образованы казаками, которые здесь понемногу освоились, и отставными солдатами, а их гарнизоны составляли немногочисленные регулярные войска, распределенные между ними поротно.

Башкиры, народ абсолютно схожий с киргизами, но немного менее дикий, чем их заклятые враги, увеличивают население этой части линии границы и способствуют этим отбыванию воинской повинности. На каждой станции генерала Спренгпортена ожидали верховые казаки и башкиры, которые затем нас сопровождали, забавляя нас своими ловкими трюками. Самым красивым, но самым опасным было, когда один из них водружал на свою пику шапку и несся во весь дух, преследуемый всей группой, которая старалась сбить эту шапку стрелой и пистолетным выстрелом. Их лошади очень легки и выдерживают скачку и усталость, неведомые европейским лошадям. Мы покинули линию границы в Троицкой для того, чтобы возвратится вглубь края, где мы посетили рудники Барнаула. Одна довольно хорошенькая дама, с которой я познакомился на балу, устроенном в нашу честь в этом городке, меня заняла много больше, чем шахты; зная, что я был всего лишь залетной птицей, она пренебрегла формальностями и нанесла мне визит после бала. Пришлось покинуть ее через день для того, чтобы последовать за генералом в Екатеринбург, административный центр окрестных рудников.

Этот край, возможно, один из самых богатых на земле рудами всех пород. Здесь можно найти золото, серебро, медь

и железо в изобилии; не хватает рабочих для того, чтобы добывать все эти богатства. Только в нескольких из этих месторождений можно найти яшму, мрамор всех видов и тот малахит, о коем не ведают ни в каком другом месте; можно обнаружить великое разнообразие драгоценного камня и особенно аметистов и аквамаринов, очень большой красоты. В Екатеринбурге добывают яшму и мрамор и выполняют из них с большим мастерством орнаменты на вазах и различные украшения, которые отправляют в Петербург; там чеканят также медные монеты. Этот город полон рабочих, располагает также несколькими очень богатыми купцами, а служащие приисков здесь живут очень приятно.

Мы посетили множество близлежащих рудников и наиболее любопытные предприятия, принадлежащие короне и собственникам таким, как граф Строганов, Демидовы и Турчанинов.

Та, которая, к несчастью, привлекла больше всего мое внимание, была женой генерала Певцова, шефа Екатеринбургского полка. Ее муж являлся к тому же грубым мужланом, тогда как она была мила; я влюбился в нее, тем более, что ее завоевание мне показалось трудным; она ответила на мою страсть только любезным пренебрежением, и мне пришлось покинуть Екатеринбург, не получив ничего, кроме отказов.

Мы прибыли в Тобольскую губернию; когда я пересекал эту границу Сибири, меня охватило нечто вроде страха; я очутился на этой земле, орошенной столькими слезами, местопребывании стольких преступников, но стольких же невинных жертв. На этой земле, которую один казак, столь же удачливый, сколь и смелый, знаменитый Ермак, начал покорять российскому скипетру, вырезая ее мирных жителей, коих железо и преследования уничтожили или загнали

в невозделанные и студеные края для того, чтобы освободить место горсточке русских, которые населяют его только затем, чтобы указывать единственную дорогу, по которой из Тобольска ведется торговля с Китаем.

Я жил в этом крае, который щедро одаривает Россию богатствами и который получает взамен от этого только отбросы людей, чьи преступления должны караться смертью, или известных интриганов, сосланных другими интриганами. Мысль жить среди преступников и несчастных ужасна, и можно только вообразить себе ощущение, которое производит переход этой границы, на которую приучились смотреть как на некую ужасную тюрьму и позорную гробницу.

Тобольск является городом, довольно основательно построенным на реке Иртыше, в месте, где Тобол впадает в Иртыш; этот город разделен на 2 части: верхний и нижний город. Верхний город включает собор, административные здания и нечто вроде форта — все это построено шведскими пленными, коих Петр I направил сюда для использования на этих работах; нижний город самый важный: купцы, рабочие, несколько ссыльных и гарнизон образуют в нем население. Лавки здесь довольно хорошо наполнены, есть ряд церквей, несколько красивых каменных домов и театр. Тобольск сильно снижает грустное и тяжкое впечатление, которое вызывает Сибирь, предлагая зрелище города зажиточного и оборотистого, но не нужно вдаваться в подробности. В этом городе можно найти несчастных, которые своим примерным поведением получили свободу зарабатывать себе на жизнь собственным трудом и ловкостью; губернатор, городничий или исправник произвольно властвуют над этими людьми, приговоренными к моральной смерти. Актерская труппа театра состоит из ссыльных, дирижер оркестра был итальянец, имевший несчастье в порыве ревности убить своего

соперника; он носил на носу знак позорного наказания, которое это преступление на него навлекло.

Нас уверяли, что Тобольск теперь очень уныл, но что во времена императора Павла здесь много развлекались; на самом деле правление императора Александра заселит Сибирь только истинными преступниками, в то время, как в предыдущее царствование этот край был наполнен богатыми и видными людьми, которых сюда сослала прихоть, теми, кто не имел причин быть удаленными от света, и теми, кто их жалел и ничуть не осуждал.

Эти многочисленные жертвы Павла были быстро возвращены императором Александром в привычный круг своих семей, в мягкость общества, и оставили Тобольск опустевшим и сожалеющим о времени своего процветания, подобно узникам, которые с трудом видят, как выходят из заточения их товарищи по несчастью, ранее разделявшие их неприятности.

В Тобольске меня захватила фантазия посетить берега Ледовитого моря; очарованный этой идеей, я купил лодку, приказал в ней соорудить палубу, мачту, руль, я наладил паруса, и, проверив мое новое судно на Иртыше, посчитал, сто смогу решиться предпринять это путешествие. Сопровождаемый нашим рисовальщиком Корнеевым, своим слугой и двумя казаками, запасясь провизией, в конце июня мы отплыли.

Плывя по течению, мы двигались довольно быстро; местами мы встречали города, довольно хорошо построенные, на правом берегу Иртыша, где мы набрали гребцов и проводников для ночи; но примерно в 450 верстах от Тобольска, в месте, где эта река впадает в Обь, поселения становятся редкими, а навигация более трудной по причине беспорядочных течений, небольшой глубины и каменистого побережья.

Обь имеет уже в этом месте очень значительную ширину и образует множество островков. Ее левый берег вообще почти полностью низкий и удобен для рыбалки; ее правый берег крутой и украшен густым лесом, деревья в котором по мере того, как приближаешься к северу, становятся менее высокими и менее крупными; затем видны только кусты; и наконец, примерно в 300 верстах от места, где Иртыш впадает в Обь, растительность исчезает полностью, и даже земля превращается в мох, который сохраняет под снегом тот же самый желтый цвет, который виден в течение немногих недель, когда земля не покрыта снегом. Почти в этом же месте находится монастырь, населенный тремя монахами, очень бедными, у которых мы, будучи слишком удаленными, искали помощи, которую можно встретить в монастырях на краю света. Но мы больше не были на большой земле, несколько бродячих остяков со своими переносными шалашами и собаками, были единственными жителями этого края, который, тем не менее, добавил к титулам императора титул князя Кондинского. Постепенно наша провизия стала заканчиваться, и бедные остяки, коим мы давали табак и водку, сделав для них из этого припасы, могли нам предложить только вяленую рыбу, а иногда даже, за неимением способности нам объяснить, нам отказывали в проводниках: дни были очень теплыми и увеличивались по мере того, как мы продвигались; с трудом солнце покидало горизонт, и утренняя заря приходила прогонять вечерние сумерки. Но при малейшем северном ветре холод становился очень ощутимым, а река столь неспокойной, что нам было трудно найти укрытие для нашего судна, которое могло быть разбито волнами о берега реки, чья слабая постройка и наше малое умение ее управлять, не позволили смочь лавировать. Мы переждали так себе целый день на маленьком островке, окоченев от холода и ничего не съев, кроме отвратительной вяленой рыбы.

Несколько остяков, загнанных как мы погодой, пришли составить нам компанию. Один из них, говорящий немного по-русски, предоставил нам очень большую возможность, отвечая очень четко на все вопросы, что мы ему задавали относительно того, что касается образа жизни его земляков.

Остяки полностью идолопоклонники и тем более, что некоторые их них были посещены монахами Кондинского монастыря, от которых они получили крещение, не зная, что означала эта церемония и ставя в стороне или под своими божками маленькие иконки или кресты, кои они получили; их идолы представляют собой деревянные фигурки, грубо обработанные; они им приносят в жертву часть добычи и часть улова, и, как правило, какие-то оставшиеся части от него на колу в стороне от их хижин.

Их шалаши состоят из множества кольев, скрепленных концом на земле и соединенных наверху, где они перевязаны и поэтому образуют конус; эти шесты покрыты шкурами оленей таким образом, чтобы на вершине оставалось отверстие, через которое мог бы выходить дым; это жалкое жилище имеет не больше, чем 4 шага в диаметре, и там располагается вся семья со своей провизией, своей утварью и всем тем, чем она обладает. Северные олени, чьи шкуры служат столь полезно строительству этих переносных домов, являются самыми необходимым этому народу животными; они питаются мхом и находят его под снегом; остяки их впрягают в очень легкие и довольно высокие нарты; их шкура, покрытая довольно длинной и густой шерстью, составляет одежду мужчин и женщин; они шьют из нее разновидность рубахи с капюшоном, надевая одну такую рубаху на тело мехом внутрь, а когда холодно, еще одну поверх мехом наружу. Остяки едят также сало оленей, кое они рассматривают как самую изысканную вещь, но кусок, которого я так и не смог проглотить.

Остяки любят курить, нюхать и жевать табак. Русские купцы поставляют его остякам и получают взамен шкуры соболей, лисиц, белых волков и медведей, и необыкновенно много выигрывают на этой спекулятивной торговле; они им привозят также водку, небольшие отрезы сукна, которыми женщины обшивают свои одежды, котлы и другую утварь. Но вплоть до настоящего времени цивилизация не сделала никакого развития среди этого народа и едва ли сможет это сделать; почва не может быть здесь обработана, а снега покрывают эту грустную страну в течение 9 месяцев в году; они смогут жить всегда только охотой и рыболовством, а для этого они должны оставаться всегда кочевыми, чтобы в зависимости от времени года передвигаться в места, которые им преподносят эти запасы. Они обладают крайне тихим, покорным нравом и платят с точностью небольшую дань пушниной, которую на них наложили: они называют ее «ясак»; они ее отправляют с нарочными в различные места, кои им укажет губернское начальство, никогда там не бывая; в остальном они так же свободны, как и до покорения Сибири; их не принуждали к никакой барщине; они не выставляют рекрутов и не видят почти никогда русских, кроме тех, кто приезжает к ним спекулировать.

Но согласно тому, что я смог узнать, их число все же заметно сокращается. Первые покорители их страны, будучи казаками и сборищем авантюристов с дурными наклонностями, конечно, очень мало с ними церемонились, и после истребления остяков в боях и на работах, на которые их из алчности нанимали, они прибрали к рукам все выгоды, предоставляемые природными богатствами, уступив несчастным остаткам древних хозяев этих краев лишь непригодные для жилья условия, чья суровость непременно воздействует на народонаселение.

Одна страшная болезнь пришла еще опустошить остяков — это сифилис, который, вероятно, им был завезен русскими, и чьи симптомы распространились со всей стремительностью, кои холод и отсутствие лекарств должны были к ним добавить. Почти весь этот народ разрушен этой болезнью и носит ее отвратительные отметины: один мужчина 25 лет уже имеет вид облупленного старика; девушка 10 лет выходит замуж и рожает слабых и пораженных гангреной детей; кости время от времени гниют и отделяются от тела, и многие из этих несчастных умирают от разложения.

Более ничто не может, по моему мнению, спасти остяков от этого бедствия, и понемногу имя остяков совершенно исчезнет.

Наконец мы прибыли в Березов, маленькое русское селение на левом берегу Оби в 940 верстах от Тобольска. Меня разместили у одного ссыльного, человека очень благородного, который в молодости был вовлечен в аферу с печатанием фальшивых ассигнаций, он служил в Конной гвардии и вот уже 28 лет расплачивался за свое преступление. Он женился, а своей деятельностью и ловкостью достиг достаточно обеспеченного существования. Впоследствии я имел счастье способствовать его помилованию.

Березов стал известен как место ссылки знаменитого Меншикова; ненависть завистливых куртизанов к его могуществу не смогла найти места более удаленного, более жуткого для того, чтобы заточить сюда объект своих страхов и мести. Меншиков, который управлял Россией, являлся другом Петра Великого, соратником в его свершениях, тем, кого этот могущественный государь награждал за заботу о величии империи и честь военных триумфов, этот человек, сброшенный со ступеней трона, строил сам домишко, которое должно было уберечь его старость и его семью от суровости самого страшного во всей империи климата. Те же руки,

что помогали поддерживать императорский скипетр, должны были взяться за топор. Он построил возле своего жилища небольшую часовенку и обозначил самолично место своего погребения. К стыду своих гонителей и неблагодарной родины, Меншиков оказался в беде и нищете еще более великим, коим он не был, стоя во главе армии и на вершине успеха.

Еще видны остатки маленькой часовенки и место, где была его хижина.

После двухдневного отдыха в Березове я продолжил путь, все время, спускаясь по Оби, которая уже в нескольких местах становилась столь широкой, что подумалось, что мы в настоящем море: берега очень невысокие, не видно более ни малейшего следа растительности; даже мох становится столь мокрым, что боишься увязнуть, шагая поверх.

Было самое начало июля; временами стояла томительная жара, а мгновение спустя — резкий холод, принесенный северным ветром; почти в 200 верстах от Березова мы нашли несколько льдин, которые эти ветры подняли вверх по течению реки, течение становилось едва ощутимым в некоторых местах, и мы с трудом продвигались только с попутным ветром.

Уральские горы, образующие естественную границу между европейской и азиатской частями России на всем необозримом пространстве империи, начали открываться. Эта цепь, которая теряется только в Северном море и уменьшается в высоту по мере приближения к полюсу, дала приятную передышку нашим глазам, уставшим от однообразности берегов Оби. Мы остановились в одном местечке под названием Обдорск, где можно найти еще следы небольшого форта, построенного здесь первыми отважными покорителями этих краев. Император украшает себя также титулом князя Обдорского. Около этого местечка, расположенного на правом берегу реки, находится самое значительное поселение

самоедов, которые сюда привлечены, особенно летом, удобной и обильной рыбной ловлей. Я нанес визит их князю, где я нашел его жену, занятую очисткой рыбы с совсем отвратительными от крови руками. Князь принял меня с удивлением, но выразил мне большое почтение. Я преподнес ему несколько подарков и удалился ночью на корабль.

Этим вечером я насладился неповторимым зрелищем, наблюдая, как солнце опускается за цепь Уральских гор, прячась только наполовину и вновь появляясь с новым сиянием.

На следующий день князь нанес мне ответный визит. Я чуть было не разразился громким смехом, глядя на него: босоногого, без чулок, выряженного в кафтан французского покроя из малинового бархата, обшитый галуном по всем контурам, а в такой же камзол и панталоны, с местной прической. Я не ведал, что двор прислал ему этот костюм, и он посчитал своим долгом нарядиться во все это для того, чтобы прийти меня повидать. Его сопровождала масса самоедов, и прием прошел со всеми формальностями, кои вождь себе представлял. Он мне преподнес 4 соболя, бутылку водки и огромную рыбу. Я ему подарил табак, сукно, женские украшения, и мы расстались добрыми друзьями.

Самоеды, чье имя, неверно истолкованное, как едоки самих себя, заставляет видеть в них людоедов, совсем кротки, как и остяки, и ведут тот же образ жизни; они платят тот же ясак, но только живут еще более бедно. Они обитают по берегам устья реки Обь и по берегам северного моря; трудно постичь, как это племя очень слабой комплекции, маленького роста и худосочное, может существовать в этом студеном климате, без иного крова, кроме убогих шалашей, построенных как и у остяков, а согреваясь, сжигая жир белого медведя или китов, на которых они охотятся в течение лета с риском для жизни. Сифилис опустошает также этот бедный народ,

который, кажется, появляется только для того, чтобы переносить все страдания, кои могут причинять огорчения людям: и все-таки, самоед может жить только в том жутком климате, в котором родился; перевезенный в Петербург, одаренный уходом, живя в изобилии и в хорошем и отапливаемом доме, он тоскует по родине и умирает вскоре от печали, вызванной разлукой.

Кто способен объяснить сердце человека! и диковинную игру, которую проявляет природа, получая удовольствие от беспокойства!

Я захотел продвигаться по суше до Уральских гор, но вождь самоедов показал мне столько непреодолимых трудностей, что я оставил этот план, и вновь направился по Березовской дороге после того, как удалился от нее более, чем на 350 верст; таким образом, я находился почти в 1250 верстах от Тобольска.

Но возвращение было более трудным; нужно было вновь подняться вверх по течению реки; отсутствовала возможность раздобыть хлеб; из всей пищи — вяленая рыба; наша единственная надежда была в северном ветре, который нам так часто досаждал во время путешествия. Мы повредили наше судно, дав ход против движения — то, что заставило его течь так, что мы не осмеливались более отдаляться от берегов, а быть всегда занятыми вычерпыванием воды. Ветер нам поблагоприятствовал, а наша путеводная звезда заставила нас пройти мимо места, где находилась рыболовецкая артель под предводительством одного русского, приехавшего сюда завести в течении всего сезона рыбный промысел; там мы нашли чай, чудесную уху и хлеб; очарованные этой встречей, мы починили наше судно и расстались только к сожалению наших рыбаков.

Мы вновь увидели Березов с удовольствием, которое испытывают, возвращаясь в какой-либо центр, где много

проводили времени; все показалось нам великолепным; и мы остались там еще на пару деньков.

Нужно было вновь возвращаться в Тобольск, поднимаясь снова очень медленно и со многими трудностями вверх по течению реки, по которой мы достаточно быстро спустились. Мы вдвое увеличили запасы провизии, и в 300 верстах от Тобольска, войдя уже в Иртыш, я покинул судно и возвратился по суше в эту столицу Сибири. Я потратил только семь недель, чтобы совершить весь этот долгий вояж — то, что очень удивило тех, кто имел представления более верные о навигации по Оби, и тогда я ощутил, что мне помогло счастье сверх всякой вероятности.

Я сделал подарок двум казакам с моего судна, которые сопровождали меня, и в течение недели отдыхал в Тобольске.

Генерал Спренгпортен давно уехал и вновь направился по нашей линии, начиная с Омска, поднимаясь снова вверх по течению Иртыша, который, как и Урал, образует нашу границу с киргизами от Омска до Усть-Каменогорска на расстоянии боле 1100 верст.

Я направился, стало быть, в Омск, который является тем местом, в коем находится генерал, командующий этой частью границы Сибири, именуемой Иртышской линией; в ту пору им являлся генерал Лавров, который одновременно командовал первым и вторым пехотными полками и одним драгунским, охранявшими эти границу совместно с казаками, уволенными солдатами и башкирами, коих определили почти вдоль Урала в маленьких деревеньках, укрепленных крепостной стеной.

Я нагнал генерала Спренгпортена только в Семипалатной, которая количеством своих жителей и крепостной стеной, более высокой и более тщательно сделанной, может заслуживать названия небольшого города. Мы остановились в Усть-Каменогорске, также достаточно основательно

построенном, и главном месторасположении второго пехотного полка, расквартированном вдоль линии границы.

Узнав, что в 100 верстах от нашей границы вглубь населенной киргизами степи находились довольно значительные развалины старого храма, я составил себе эскорт из 60 казаков, и сопровождаемый несколькими офицерами полка, вступил в эту страшную и бескрайнюю пустыню.

Один киргиз взялся быть проводником, и после того, как двигаясь, весь день и часть ночи, не встретив ни одной живой души, не обнаружив ни следа жилища, ни единого деревца или ручейка, мы прибыли в Аблайкит[3] — имя, коим называют эти руины, возвышающиеся посреди очень высоких скал, некоторые из которых образованы из раковин. Природа этих нагроможденных скал, подобных чуду средь огромной пустыни, указывает на произведенную водами революцию, следов стекания коих более не видно. На одной из этих скал, очень высокой, на вершину которой довольно сложно вскарабкаться, мы с удивлением нашли некую разновидность водоема или резервуара воды, возможно имеющего 25 или 30 футов в диаметре, чья поверхность лежит в более

---

[3] *Аблайкитский буддийский монастырь* — построен выписанными из Китая мастерами для калмыцкого хана Аблая в XVII в. и служил ему резиденцией. В 1670-е гг. был разрушен. Сибирский губернатор князь Гагарин доставил в Петербург Петру I несколько рукописей из Аблайкитского монастыря, «написанных золотыми и серебряными буквами на голубой и черноватой бумаге. Петр I отправил их в Парижскую Академию наук. Это были первые рукописи, обратившие внимание европейских ученых на тибетскую литературу. В 1734 г. библиотека монастыря была расхищена киргизами и казаками. По поручению академика Миллера из Аблайкитского монастыря были доставлены в Усть-Каменогорск 1500 листов рукописей на бумаге, частью на березовой коре, вместе с большим количеством досок, разрисованных фресками». (Подробнее *см.:* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1903. Т. 18. Киргизский край. С. 413–414).

100 футах над равниной, а глубина столь значительна, что кажется невозможным ее измерить. Вода там очень прозрачная, свежая и отменная для питья.

Видны остатки стены, поднимающейся и опускающейся по различным глыбам скал, собранных в этом месте на пространстве в полверсты в длину и почти столько же в ширину, которая образовала совершенно закрытое ограждение, оставив только одно единственное отверстие на юге. Этот проем достаточно широк и очень хорошо сохранился; не хватает только створок двери; эта дверь выходит на достаточно просторное и ровное место, которое образует как бы центр этих скал и этой стены. Посреди этой маленькой лощины возвышаются остатки старого храма; в них еще различим фундамент, имеющий более 15 футов в высоту, более 120 в длину и 60 в ширину; в стороне от входа еще имеются остатки ступеней лестницы, которая простирается во всю ширину храма; ниже можно проникнуть в подвалы, но чересчур тесные для того, чтобы попробовать составить себе представление об их назначении. Весь этот массив состоит из камней, извлеченных из соседних скал, обтесанных в кирпичи длиною 4 и 5 футов, полтора в высоту и 2 в ширину.

Вся поверхность этого массива храма, по которой можно передвигаться без малейшего риска, является неким рядом сводов, покрытых обломками, среди коих можно найти куски тщательно обработанных камней, которые, по-видимому, являлись орнаментом к колоннам и архитравам.

Прошло почти 60 лет, как русские открыли эти развалины: согласно тем рассказам, что казаки из нашей свиты слышали от своих отцов, русские разрушили эти памятники, которые они нашли заброшенными, но еще достаточно сохранившимися; они надеялись найти здесь спрятанные сокровища, а принесли доход только несколько пергаментов

столь тяжелых, что не смогли их развернуть, и отправили в Петербург. Я не знаю, сумели ли их прочитать, и что с ними стало. Но что достоверно, так это то, что они должны были вызвать самое большое любопытство; невозможно постигнуть, кто и с какой целью смог построить эти здания в страшной пустыне, пересеченной кочевым народом, без искусств, без законов и без религии.

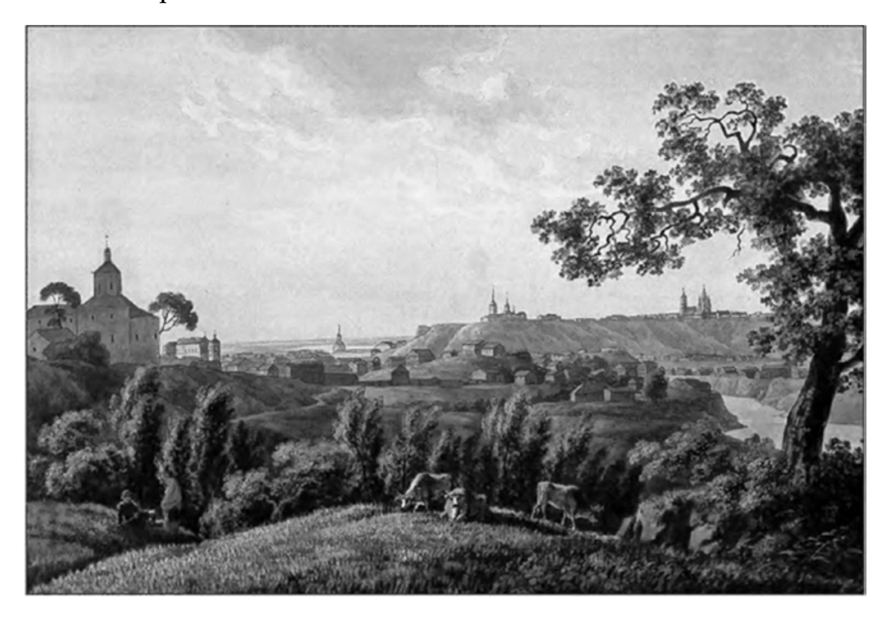
Эти руины Аблайкита были бы достойны исследований, сопровождаемых подготовкой и долгой работой; невозможно, чтобы тщательно здесь копая, не найти у киргизов немного более удовлетворительного объяснения.

Несколько кибиток киргизов устроились возле маленького ручья, протекающего около этого места, и видя, что мы им не хотели никакого зла, несколько вооруженных мужчин верхом начали понемногу осваиваться с нами: они не смогли нам дать удовлетворительный ответ на все вопросы, что я задал, нас только предостерегли от того, чтобы прикасаться к мертвым телам и к брошенной одежде, кои мы могли бы встретить в этих местах; их покинули, так как они были опустошены эпидемией. Эта эпидемия являлась ничем иным, как оспой, которая свирепствовала у киргизов, что было намного опаснее, чем чума.

Мы провели ночь посреди этих скал и руин; менее, чем за двухмесячный срок я спал в Обдорске в устье Оби, окруженный самоедами и льдинами, и в Аблайките, в этой пустынной степи, среди киргизов и под открытым небом.

Мы обнаружили в маленьком ручье довольно сносную рыбу, которую менее любознательные для того, чтобы посетить руины казаки, ожидая нас, выловили и приготовили на породе сланца, который мы нашли между этими скалами и который служил нам сковородой. На следующий день мы покинули эти дикие и таинственные места и вернулись в Усть-Каменогорск.

Генерал Спренгпортен покинул этот участок границы и вернулся вглубь края, направляясь к Томску: этот довольно большой город, населенный несколькими очень богатыми купцами, почти в центре Сибири, был выбран императором Александром для столицы новой губернии, которая носит его имя; ее образовали, уменьшив Тобольскую и Иркутскую губернии, являвшиеся слишком обширными для того, чтобы быть управляемыми двумя губернаторами: несмотря на это сокращение, каждая из трех губерний Сибири является еще более обширной, нежели какое бы то ни было королевство Европы.

Вид Томска. 1806

Край в окрестностях Томска очень красив и очень плодороден и станет, несомненно, одним из наиболее богатых в Сибири; вся эта губерния пронизана с юга на север прекрасной и широкой рекой — Енисеем, в который впадают другие достаточно важные реки, среди коих три Тунгуски, берущих

свои начала в Иркутской губернии и впадающие в Енисей перпендикулярно. В месте впадения Тунгуски, наибольшем на севере, выстроен город Туруханск, который обогащается значительной торговлей, основанной на множестве пушнины, кою жители Туруханска — аборигены края, обменивают на табак и водку.

Все реки Сибири вообще изобилуют чудной рыбой, леса — дичью всех видов, скот здесь великолепен и невероятно размножается; здешняя земля дает обильный урожай, а строевой лес — во множестве, и неудивительно, что деревни здесь, в целом, лучше построены, чем в России, а крестьяне живут в достатке. Даже преступники, чьи деяния не были достаточно тяжкими для того, чтобы быть приговоренными к работам в рудниках, и которые разбросаны по деревням и городам, живут здесь очень хорошо. Многие здесь обзаводятся семьей, строят дома и становятся полезными и кроткими гражданами.

Из Томска мы направились в Иркутск. Прошли по Енисею к Красноярску, небольшому городку, достаточно основательно построенному; затем, минуя Нижнеудинск, расположенной на большом тракте, мы прибыли в Иркутск. Этот город — второй в Сибири после Тобольска по величине, но первый — по богатству, выглядит прекрасно. Он находится на правом берегу реки Ангара; необходимо пересечь на плоту эту прекрасную и широкую реку, несущую с быстротою самые чистые воды, кои можно было бы увидеть. Ангара проистекает из озера или моря Байкал, который находится только в 60 верстах от Иркутска.

Можно удивиться, обнаружив на столь большом расстоянии в более, чем 6500 верст от Петербурга, достаточно хорошо построенный город, увидеть в нем лавки, наполненные всеми предметами роскоши, встретить здесь экипажи и все то, что составляет богатый город.

Купцы здесь чересчур обогатились торговлей с Китаем, происходящей целиком между рек; также, как и торговля с нашей Америкой и с островами морей Японии. Мы нашли в Иркутске военного губернатора, столь деспотически правящего, что мы были обязаны уведомить об этом императора, который не имел ничего более спешного, чем отозвать этого тирана, имевшего возможность на столь большом расстоянии от столицы безнаказанно злоупотреблять доверенной ему властью.

Генерал ускорил наш отъезд для того, чтобы смочь переправиться через Байкал и вернуться до начала зимы. Мы нашли в Листвянке скверное судно, однако же под командованием офицера императорского флота, с которым мы и пересекли это море, имеющее более 700 верст в длину и 60 на 100 в ширину. Навигация на Байкале очень опасная, его большая длина принуждает дуть ветер как трубе, а его берега обрывисты, и испещрены в изобилии скалами.

Мы сошли на берег с другой стороны около Посольского монастыря и продолжили назавтра наш путь в Верхнеудинск и Селенгинск. Последний является учебным плацем в этой местности: там есть довольно значительный гарнизон, арсенал, батарея и склады со всем, что необходимо для войск.

Наконец мы прибыли в Кяхту — наиболее удаленный конечный пункт нашего путешествия и место, которое должно было более всего возбудить наше любопытство. Эспланада в 1000 шагов, где осуществляется вся торговля России с Китаем, делит русскую часть города, населенного приказчиками наших купцов, и досмотрщиками китайской части; это единственное место, где она разрешена. Кяхта является также только торговым поселением; нет ни одной женщины, этот маленький китайский город заселен только торговцами, чиновниками и военными, которые несут службу с точностью и беспримерной суровостью, в порядке и в строгом исполнении

предписаний своего руководства. Нам позволили войти в него, и китайский офицер устроил нам званый обед на манер своей страны; нам представили бесконечное множество блюд, но все в столь маленьких порциях в миниатюрных фарфоровых чашечках, что оставалось только лишь пробовать; баранина, и различные сладости, и мучные изделия составляли суть всех этих блюд, все приправленные китайским уксусом, совсем без соли. Десерт состоял из довольно большого числа различных конфитюров, сухих и засахаренных фруктов. Все дома соответственным образом ухожены и построены почти все на единый лад. Кухня расположена во дворе, вся также начищенная, как и комнаты; вся мебель покрыта черным лаком и с большой тщательностью.

Нам показали их храм; около главного входа располагалась артиллерия; согласно конструкции и форме лафетов и орудий ясно видно, что это не является копированием наших пушек, и что изобретение пороха и способа им пользоваться принадлежали скорее Китаю, ежели Европе, и в Китае, очевидно, предшествовало открытию месье Бартольда Шварца. Внутри двориков храма две большие деревянные фигуры, сидящие на деревянных лошадях, как будто защищают вход: в храме видно бесконечное множество тех же самых языческих божков различных видов и форм, но всех расписанных и искусно обработанных.

Когда мы вернулись к себе, нас порадовали фейерверком, хотя было еще очень светло: это большое количество маленьких петард, привязанных одна к другой, коих держат на конце палки и которые производят много шума.

Торговля, которую мы ведем с Китаем, является полностью меновой торговлей. Китайцы берут наши меха, сукно, кожу, железо, а нам дают взамен свой чай, нанку и различные виды шелковых тканей. Китайское правительство, столь ревностно желающее сохранить свою замкнутость от всех других

наций, похоже предоставляет разрешение на эту торговлю только особой милостью и устанавливает все самые тщательные предосторожности для того, чтобы она не смогла бы слишком расширяться и особенно не распространяться через иное место, кроме Кяхты, где она находится под присмотром императорских офицеров. Было бы сложно вести незаконную торговлю, Китай отдален от наших границ пустыней, заселенной монголами, которые грабили бы китайцев и русских с одинаковой прожорливостью.

Эти самые монголы составляют, однако, самую большую силу китайских армий; именно они заполняют местами границу; эти посты из 25 и до 100 человек включительно находятся под командованием китайских офицеров, которые блюдут самую суровую дисциплину и чьи старшие офицеры, проживающие в Урге, производят осмотр все 2 года.

В то время, что мы были в Иркутске, губернатор получил уведомление от китайского правителя в Урге о том, что отныне все 50 лет генерал, назначаемый из Пекина, будет производить осмотр всех постов; мы отдаем предписания в Европе на месяцы и годы, в Китае же это делают на полувека! Только этот срок показывает древность этой империи и стабильность законов, которая ею управляет.

Никогда китайские солдаты не позволяют себе пересекать нашу границу, если только несколько монголов не совершат у нас кражу; скот или украденные лошади добросовестно возвращаются, а воры наказываются до смерти. Если какой-нибудь русский солдат или злоумышленник, дезертируя, стремился укрыться от наказания, кое он заслужил бы, за китайской границей, он немедленно схвачен и возвращен в то место, откуда сбежал.

Но зато китайское правительство настаивает на строгом соблюдении той же дисциплины у нас в отношении своих

границ, а малейшая оплошность тут вызывает ряд серьезных объяснений, угрожающих каждый раз разорвать торговлю Кяхты.

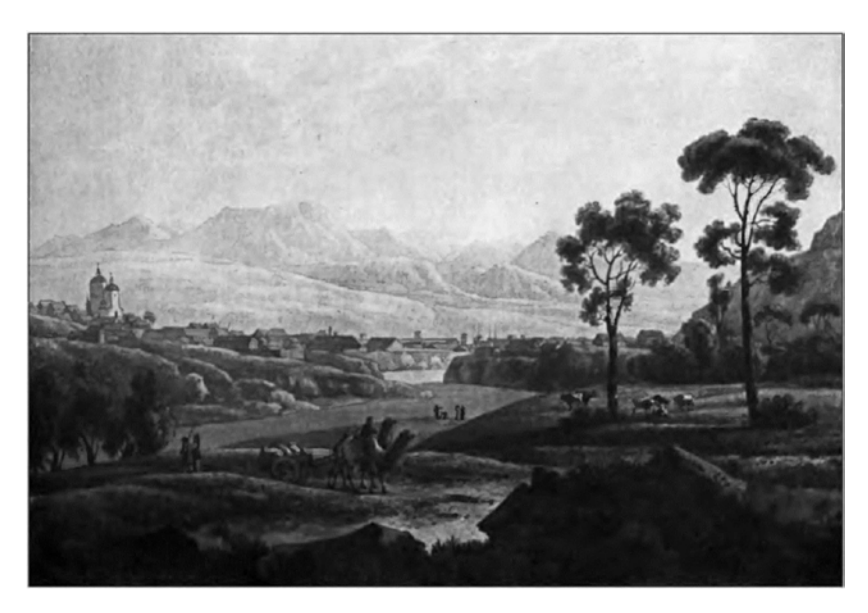
Китайское правительство обращается прямо к губернатору Иркутска по поводу всех торговых приграничных дел, и только в очень важных случаях он пишет в Сенат Москвы, не обсуждая ни с императором, ни с судами Петербурга. Китайцы боятся наших учреждений на реке Амур.

Мы располагаем всеми возможными средствами для того, чтобы обеспечить себя самыми точными понятиями относительно Китая с помощью русского архиепископа, проживающего в Пекине, которого должны менять каждые 5 или 7 лет и который с позволения может привозить с собой, я думаю, 4 или 6 студентов, кои в состоянии просвещать себя в китайском языке. Но архиепископы и студенты всегда привозят только любопытные понятия, а мы имеем только очень мало этих же самых студентов, добивающихся того, чтобы служить переводчиками. Правительство не занимается достаточно нашими отношениями с Китаем, и вследствие этого нет ни выбора, ни соперничества у этих студентов. Вскоре не останется даже более повода отправить их в Пекин, наши священники, не хлопоча должным образом или не имев надлежащего руководства для того, чтобы удержать в нашей религии раскольников из русских, содержавшихся в плену и устроенных в Пекине, обосновали учреждение монастыря греческого обряда следованием терпимости, которая является одним из основополагающих законов Китая. Этими заключенными, пристроенными в Пекине, являлись 7 или 8 сотен казаков со своими женами и детьми, защищавшими город Албазин, воздвигнутый завоевателями Сибири на берегах реки Амур. Эта горсточка храбрецов защищала это новое поселение в течение 10 лет против бесчисленных сил,

коих китайское правительство вооружило на земле и на воде: жестоко, что мы не узнали почти никаких интересных подробностей осады, выдержанной русскими на краю империи против сил наших богатых и многолюдных соседей. Одно описание этой осады сделало бы ее знаменитой и заставило бы придать широкой огласке имя русских героев, предоставленных своим собственным средствам, доведя в то же время идею, что применяли китайцы при осаде города, до степени искусства. Кем бы были Гектор, Улисс и Ахилл, и все столь знаменитые герои осады Трои без Гомера. Только не имеют его наши албазинские казаки!

Со времен взятия и уничтожения Албазина река Амур полностью пустынна; ни китайцы, ни русские не осмеливаются здесь плавать, и ее берега осуждены оставаться необработанными и безжизненными.

Мы посетили в окрестностях Кяхты, вглубь наших границ, одну кумирню или бурятский храм, в котором служат более 40 священнослужителей. Этот храм ламаистского вероисповедания, наполненный разрисованными образами из дерева и бронзы самых различных форм и сделанных с достаточной тщательностью: священнослужители в красных рясах, а главные — в желтых одеяниях, имеют в руке колокольчики — символы, которые вторят духовым инструментам различных величин, размеров, среди коих несколько походят на основной состав нашего оркестра, а другие сделаны из больших раковин, в которые дуют и которые издают очень резкий звук; вся эта музыка, весьма мало благозвучная, управляема громким звучанием пробки, являющейся одной большой повешенной пластиной, по которой бьют или ударяют чем-то вроде молотка: эта пластина изготовлена из сплава бронзы, который придает более жалобный звук колокола и чья вибрация имеет нечто мрачное.

Вид Кяхты и китайской границы. 1806

От силы сотня бурятов сопровождала генерала, нам показали подле их храма зрелище в виде одного военного упражнения; они сели на лошадей, которые, несмотря на свой очень малый рост, слишком проворны, а они владеют луком и саблей с большой сноровкой. Определенно буряты того же происхождения, что и монголы, на которых они похожи внешним обликом, платьем, обычаями и вероисповеданием, в отношении которых они питают, впрочем, невероятную ненависть. Они служат на нашей границе сообща с нашими казаками, и если когда-либо мы имели бы наступательные или оборонительные действия против Китая, буряты принесли бы нам самую большую пользу. Возвращаясь ночью в Кяхту, я был один с майором Ставицким посреди степи, мы были изумлены столь ужасным ветром обильным снегопадом, что посчитали себя чересчур счастливыми, повстречав юрту бурятов, которая была совсем одинокой. Мы нашли там целую семью, спавшую вокруг очага, который, как и во всех

этих юртах или войлочных кибитках, располагается на земле посреди вроде палатки: окоченевшие от холода, мы заново развели огонь и к нашей великой радости обнаружили, что наш хозяин говорил немного по-русски.

Я хотел бы, чтобы наши великие философы — проповедники человеческого счастья в своем первозданном состоянии, имели возможность провести эту ночь со мною; они бы, я считаю, изменили бы максиму и восхвалили счастье цивилизованного человека. Но также они восхитились бы со мной впечатлением, кое первые лучи солнца произвели на эту семью, которая, казалось, изнемогала под тяжестью нищеты. Все вышли из своего бедного переносного шалаша, чей вход всегда смотрит на восток, и упали ниц на землю, приветствовали благодетельное небесное светило и елейно помолились. Существует ли, в самом деле, более прекрасный храм, нежели природа; более прекрасное божественное изображение, чем светило, которое освещает, которое греет мир. Насколько самые прекрасные церкви малы, насколько самые торжественные обряды ничтожны.

Генерал Спренгпортен вновь поехал по Иркутской дороге, прибыв на Байкал, порт был замерзшим, а лед на озере уже треснул. Нужно было все же пройти или переждать, может быть, месяц до того, как Байкал полностью замерзнет, чтобы иметь возможность проехать на нартах. Работали весь день и всю ночь, и, наконец, мы покинули порт, поднявшись на борт отвратительного торгового судна, держась трех других судов той же постройки. Но едва выйдя из порта, мы должны были сражаться против новых льдин; я помогал работать с таким усердием весь день, что, как только я прилег, заснул столь глубоким сном, что проснулся только на следующий день после полудня; мы стояли на якоре около одного берега, испещренного скалами и в 30 верстах влево от порта, из которого мы отплыли: лоцман надеялся, что ветер переменится

и позволит ему вернуться туда, заверяя, что не нужно было более думать о том, чтобы пересечь море. Вечером генерал заснул, я приказал поднять якорь, свернуть парус; ветер поднялся и к великому удивлению нашего лоцмана стал таким благоприятным, но столь сильным, что он нас заставил пересечь Байкал с невероятной быстротой; на заре мы различили Листвиничную, и там благополучно высадились на берег. Лоцман, я не знаю почему, не смог постичь этот избыток счастья, и заявил, что вот уже 17 лет, как он плавает в этом море и это был первый пример, что он видел на Байкале: из трех судов, вышедших с нами, два вернулись в порт Посольское, а один разбился о скалы.

Я самовлюбленно и с великим удовлетворением приписал удачу этой переправы моей счастливой звезде, и принял с удовольствием от всех в Иркутске поздравления по этому поводу.

Мы провели некоторое время в Иркутске для того, чтобы дождаться перевозки на санях. Я нашел несколько офицеров среди полка гарнизона. Император Павел сослал сюда, Бог знает по какой причине, многих молодых людей, окончивших кадетский корпус и прекрасно воспитанных, как это было принято в этом корпусе до того, как пруссомания и в. к. Константин не превратили в казармы эти дворянские школы и не сделали из этих офицерских питомников охранные корпуса капралов.

Я нашел также несколько довольно красивых девиц, кои могли бы служить образцами свежести и крепости, отличающие прекрасный пол Сибири, и которые помогли мне дождаться перевозки на санях с меньшим нетерпением. Я познакомился также с неким французом, величаемым Монтескью, который был приговорен к работам в рудниках Нерчинска, где он провел 7 лет, а теперь получил разрешение проживать в Иркутске, где он нашел призвание, довольно

плохо малюя, с позволения сказать, портреты. Он приходил меня навещать ежедневно и рассказывал мне с разглагольствованием и естественной для его нации важностью историю своей жизни и своих несчастий. Этот Монтескью мне заявил, что его отправили в Сибирь по подозрению в намерении поджечь наш Черноморский флот, и предоставил мне самое веское доказательство своей невиновности, заключавшееся в том, что у него обнаружили только одну единственную свечку. Конечно, при помощи столь малого средства было невозможно поджечь флот, но он заверял, что это был только повод, коим воспользовались его недруги, преследовавшие в его лице родного брата Людовика XVI, и для того, чтобы доказать эту мало почетную гарантию, он разделся и показал мне какое-то пятно на своей руке, которое, как он утверждал, являлось французским гербом, высеченное матерью несчастного короля, которая, произведя его на свет, была вынуждена с ним разлучиться.

1803

Перевозка на санях установилась, генерал Спренгпортен вернулся в Тобольск, а я направился в Якутск. Меня сопровождали мой слуга и один казак, и я отправился в дорогу в очень суровый холод и в очень ничтожной повозке. Вплоть до Киренска — маленького городка в 950 верстах от Иркутска — мне было чересчур комфортно, и я ехал довольно быстро. Но тут нужно было следовать всем извилинам реки Лены и прокладывать себе по ним дорогу сквозь глубокий снег; другой дороги не было; летом до Якутска добираются вплавь, спускаясь по Лене, а зимой необходимо передвигаться по льду, который покрывает эту реку. Станции, из рук вон плохо обслуживаемые, словно нарочно устроенные, в некой стране, где никогда не путешествуют, находятся, как правило, на левом берегу и представляют собой только маленькие шалаши, получающие жизнь посредством света, которому сюда позволяет проникать кусочек стекла, служащий окном. Иногда нам было слишком трудно втаскивать нарты на обрывистые берега Лены, и мы были очень счастливы обнаружить несколько убогих лошадей для того, чтобы покинуть как можно быстрее эти грустные поселения, где редко можно обнаружить хоть какой-нибудь кусочек хлеба. Эти заставы охраняются обитателями страны — якутами, и мы были удивлены, что эти несчастные, коих не вознаграждают и не обеспечивают даже лошадьми, еще имеют милость исполнять довольно точно обязанность, которую им навязали.

Так как дорога по реке, если даже она проложена санным путем, вновь покрывается тотчас же снегом, мы были вынуждены запрячь лошадей в ряд одна за другой; мы их ставили порой до 7 и 8 в мои маленькие нарты, и столько же якутов оседлали каждый свою лошадь — то, что образовало совершенно отдельную упряжку. Холод был столь суровым,

что мои проводники были закутаны не только в пальто на меху, но и имели еще нечто вроде масок из меха, которые оставляли отверстия только для глаз.

В 11 сотнях верст от Киренска я нашел второй маленький городок, или скорее небольшую деревню, в которой я имел возможность согреться в одной комнате и заготовить хлебную провизию. И то и другое было по необходимости заморожено и было твердым, как камень, но на каждой станции я подносил кусок хлеба к огню и клал кусок супа в котелок.

Вплоть до Якутска мое путешествие было таким же; я не верил, что встречу хотя бы 2 человек, кроме якутов — постовых, и страдал все больше от холода, от которого неосмотрительно не обеспечил себя хорошим пальто на меху.

Я прибыл в Якутск к полудню так, что было светло; словно не видел ночь в Обдорске в течение лета, я не увидел почти что дневного света здесь в конце декабря. Но в полдень, это было довольно для того, чтобы я смог отчетливо прочесть на столбе: 2600 верст от Иркутска и 9250 от Москвы. Это расстояние меня испугало, однако же, нужно было его преодолеть, чтобы вернуться; я прекрасно знал, что был на этом расстоянии, можно сказать, на краю света, но этот столб произвел на меня впечатление зловещего оракула и живописал мне в одно мгновение все затруднения, все тяготы, кои меня ожидали и были бы тем более несносными оттого, что мое любопытство было уже удовлетворено.

Якутск — город довольно важный для места, где он построен; природа здесь уж более ничего не производит; но он подобен связующему звену, кое соединяет Камчатку и Охотск с оставшейся частью Сибири. Нужно непременно сюда приехать, чтобы направиться в эти удаленные края. Якутск является в Сибири основным местопребыванием торговой конторы американской компании; я очень боюсь, что эта компания скоро не исчезнет, ибо устои ее торговли и ее связей

с островами японских морей, с Кадьяком и Американским континентом, стали основываться на двуличии и самых гнусных притеснениях. Несколько мошенников обогащаются, но торговля должна падать и уже падает.

Якутск осуществляет большую торговлю меховыми изделиями, самыми красивыми в Сибири, которые проходят через руки купцов этого города; сверх того, вблизи устья Лены, собирают великое множество клыков мамонта, которые совершенно похожи на слоновую кость; меня заверили, что, если бы я приехал летом, то смог бы спуститься по реке приблизительно на 400 верст, где я увидел бы большое количество останков этого колоссального животного, которого именуют мамонтом, и которое более не существует на земле. Скелет мамонта много больше, чем скелет самого большого слона; натуралисты и ученые ломают себе голову, чтобы обнаружить, откуда появились эти животные, и какое потрясение смогло здесь уничтожить эту породу.

Я встретил в Якутске одного морского офицера, занимавшегося в течение многих лет строительством кораблей в Охотске и усовершенствованием этого порта и порта Петропавловск на Камчатке. Направляясь в Петербург, он заверил меня, что его желанием было иметь возможность вернуться в этот край, который, по его словам, являлся очень приятным и очень доходным; отсюда он увез с собой одну молоденькую камчадалку, имевшую весьма миловидное и одухотворенное личико. Этот офицер мне живописал жуткую картину гадостей, кои служащие американской компании позволяют себе не только с несчастными обитателями Курильских островов, алеутами, и большого острова Кадьяк, но даже с русскими матросами, которые позволили себя вовлечь в их работу. Я очень хотел бы посетить Охотск и Камчатку, но это было не то время года, в котором можно предпринять это долгое и утомительное путешествие, и я должен был присоединиться

к генералу Спренгпортену. Мой приезд в Якутск стал большим событием; невозможно было поверить, что какой-то молодой человек, флигель-адъютант императора, смог приехать сюда только из-за любопытства, а плутишки, чувствовавшие себя виновными и достойными виселицы, дрожали и страшились моих обысков, я думаю, еще долго после моего отъезда.

В приблизительно 30 верстах от Якутска я посетил одно поселение якутов. Это племя гораздо менее дико, чем большая часть других коренных жителей этих краев. Оно обитает в деревнях и в деревянных хижинах, достаточно основательно выстроенных, посреди которых расположен большой очаг, дым из которого выходит через дымовую трубу. Якуты имеют множество хозяйственной утвари и начинают смешиваться с русскими, и перенимать их привычки и их ловкость. В этом поселении мне показали отвратительный спектакль шамана или колдуна, который постепенно и посредством судорожных гримас казался и вправду потерявшим всякую связь с миром и вдохновленным неким демоном, вещавшим его брызжущими слюнями устами и завладевшим всеми струнами его тела. Это занятие, кое якуты созерцали с глубоким уважением, продлилось по меньшей мере добрый час, после чего шаман впал в состояние обморока, который являлся естественным продолжением судорожных движений, сотрясавших его тело. То, что помогает навязать этот ритуал якутам, сделать действо по-настоящему ужасным, так это одеяние и позы, которые придавал себе шаман, этот неистовый актер. Он был одет в платье из дубленых шкур, покрытое кусочками железа и кожи, изображающих различных животных и фигурки, которые при каждом его движении ударялись друг о друга, сопровождая этой нестройной музыкой тот шум, который производил шаман, стуча в бубен неким подобием лопаточки. Его костюм был еще украшен длинными

тонкими кожаными ремешками, пришитыми по кругу в виде бахромы к его одеянию, почерневшему от дыма. Свои волосы, длинные и закрывающие лицо, шаман встряхивал при каждом движении, что придавало ему по-настоящему зловещий вид. После того, как я провел почти в безвестности 8 дней в Якутске, я вновь направился в Иркутск, куда и прибыл в середине января. Доклад о поездке, замерзшие ноги, которые заставляли меня сильно страдать, вынуждали меня задержаться с отъездом. Как только я стал в состоянии, я вновь отправился в путь. Я переночевал почти в 60 верстах от Иркутска, на фабрике, где производят сукно, кожу и большую часть того, что необходимо для обмундирования и снаряжения войск, находящихся в Сибири, и которое стоило бы невероятно дорого, если было бы нужно вывозить все эти вещи из России. Та фабрика выгодна ещё и тем, что содержит и использует почти 5 тысяч преступников, мужчин и женщин, которые являются единственными рабочими, коих здесь применяют: почти все мастера различных мастерских и большая часть надсмотрщиков выбраны среди этого «добродетельного» общества. И что самое удивительное, они способствуют поддержанию здесь порядка и повиновения. Я увидел всех рабочих, большая часть которых имеет вырванные ноздри, а некоторые — кандалы на ногах. Около сотни старых солдат, очень лениво охраняющих фабрику, достаточно для удержания этой толпы разбойников, наименее виновные из которых, однако, убили человека, или, по крайней мере, взламывали двери и грабили на большой дороге.

Я думаю, необходима своего рода привычка для того, чтобы жить среди этой колонии, и я покинул её без большого сожаления. Какие бы огромные преступления, какие бы ужасные замыслы ни бродили в их головах, дети этих отбросов общества все-таки становятся законопослушными, мирными крестьянами или промышленными рабочими. Какая

школа для философов, какое необъятное поле для их трудов, их исследований и заключений! Но сердце человека — выше наших мыслей. На следующей от фабрики станции я был вовсе поражен: молодая и очень красивая женщина стала меня целовать с пылом, свойственным только более жаркому климату. Это была жена смотрителя станции, чей муж отсутствовал, и которая хотела воспользоваться случаем для того, чтобы отдаться похотливой наклонности. Я не представлял себе лучшего, чем поддаться её желаниям и провести несколько чрезвычайно приятных мгновений в объятьях этой сибирячки.

Я продолжал свой путь с удивительной скоростью: дорога была очень хорошей, лошади — превосходными, а посты замечательно обслуживались, так что я преодолел 350 верст за сутки. С той же скоростью я миновал пустыню Бараба, которая вскоре не будет больше заслуживать это имя, ибо здесь начали строиться несколько деревень, а небольшой городок Тара, построенный в этой пустыне, уже даже украшен очень красивым каменным домом, принадлежащим какому-то богатому купцу.

Я обнаружил генерала Спренгпортена в Тобольске, где он развлекался, давая балы. Мы провели такой веселый карнавал, насколько это возможно в Сибири. Что меня забавляло больше всего, так это горы льда, которые я приказал водрузить в саду дома, где я остановился, и на которых я провел, катаясь, целый день. У нас было несколько балов, и я нашел очень красивую женщину, захотевшую принять меня в своей постели: старый генерал предавался утехам с одной девушкой точёного сложения, содержание которой обходилось ему очень дорого, и которая, беря его деньги, приходила ко мне ради удовольствия. В общем, женщины в Сибири очень хороши: кровь с молоком, крепкого телосложения, и очень шаловливы.

Карнавал завершился, мы направились в Россию, и остановились в Екатеринбурге, где я вновь с удовольствием увидел госпожу Певцову, но я добился у неё не больше успеха, чем в первый раз. У меня было огромное желание возвратиться в Петербург, и генерал предоставил мне такую возможность, направив меня в столицу с докладом обо всем его путешествии.

Тот миг, когда я пересек границу Сибири, доставил мне истинное наслаждение, ибо даже имя этой страны, приговоренной к слезам и к покаянию, внушает грусть. Я был безмерно счастлив, что покинул эти края, где я увидел лишь несчастных и много несправедливости.

Я торопился и остановился лишь на день в Казани, скорее для того, чтобы вновь увидеть здесь татарочку, благосклонность которой я приобрел в свой первый приезд, чем для того, чтобы отдохнуть. Дороги были ужасные, оттепель была уже в полном разгаре, и я с трудом добрался до Петербурга на санях. Я был счастлив вновь очутиться среди своих друзей, со своими сестрами, после довольно утомительного путешествия, которое удалило меня от них больше, чем на год.

Но очень польщенный похвалами, которыми меня осыпали, и любопытством, с которым меня расспрашивали, я ускорил отъезд. И в сопровождении молодого Гурьева, более благоразумного, чем я, но как будто доверявшего моему здравому смыслу, я покинул друзей и удовольствия, и вновь отправился в путь, в Москву, проведя в Петербурге всего лишь три недели.

Я был счастлив вновь увидеть Москву, мою тётушку и особенно её хорошеньких горничных; мы с трудом представляли, где найти нашего старину генерала, который, во время моей поездки в Петербург, отправился в Кострому, чтобы жениться на своей красавице, и приурочить это к нашим

поездкам: мы решили, что если, представляя нас генерал-губернатору Москвы, он посмотрит направо, мы поедем в Кострому, а если он бросит взгляд налево, мы направим свой путь в Царицын, куда генерал хотел отправиться после свадьбы. К несчастью, он посмотрел налево, и мы вынуждены были проделать эти 1500 вёрст без всякой пользы.

Итак, мы отправились по дороге на Рязань и Тамбов, и, прибыв в Царицын, не получив там даже известий от генерала, мы тотчас же вновь поехали назад, навстречу ему; мы встретили его около Нижнего Новгорода, и остановились с ним в Симбирске, где он всецело предался своей любви, и где мы очень много скучали.

Единственным развлечением, которое у нас было, была одна поездка к некоему очень богатому дворянину, чьё имя я забыл, который имел очень миленькую деревушку, фабрики, конный завод, и который в течение трёх дней дал для нас три спектакля, чтобы нам продемонстрировать свою оперу, комедию и трагедию, не считая концертов, которыми он нас потчевал за ужином и обедом. Я хотел направить свои желания на его оперную примадонну, но бедная певица была наказана кнутом за то, что вняла мне, и я старательно избегал навлечь на неё вторичное наказание.

В первые дни июня мы покинули Симбирск и поехали в Саратов; этот город большей частью своих домов, своей промышленностью и своим богатством обязан немецким поселенцам, которые со времени императрицы Екатерины обустроились в провинции, в которой Саратов является главным городом. Эти поселенцы построили великое множество деревень, и они заметно процветают.

Мы вернулись, наконец, в Царицын, откуда отправились в Сарепту, маленький немецкий городок, построенный и населённый моравскими братьями, которые здесь соблюдают всю строгость своей секты, свои обычаи и даже одежду.

Можно представить себе, какой эффект производит нахождение в этом маленьком немецком городке, где всё вас заставляет забыть, что вы находитесь в степи, населённой калмыками, и на границе с Азией; всё здесь напоминает Германию, и можно даже получить удовольствие в одной отличной харчевне, с хорошим обслуживанием и хорошо снабжаемой питанием. Эти моравские братья, числом почти 600 душ обоего пола, занимаются всякого рода ремёслами, которые обеспечивают это поселение благами жизни, создают основу богатства; кроме того, несколько фабрик, продукцию которых они с большой выгодой продают в саму страну, вплоть до Петербурга; они обрабатывают землю и приучают калмыков не только покупать зерно и табак, но также исподволь начинать свыкаться с мыслями о земледелии.

Несомненно, что промышленность, и особенно мудрое и благочестивое поведение этой общины не окажет ощутимого влияния на бродяжнические нравы калмыков.

Один из правителей этого народа пригласил нас посетить его стан, который в тот момент располагался в добрых ста верстах от Сарепты; он послал нам лошадей и заставил сменить их на полдороге. Мы проделали эти 100 вёрст верхом, и почти что мчались во весь опор, хотя эти лошади не казались усталыми от скачки: почти невероятно, что они могут выносить, и особенно если к этому добавить то, что они целый год ищут себе пищу сами. Этот князь принял нас со всеми приличиями, которые в ходу у калмыков, что сводилось к предложению кумыса, разновидности чая, и добавляя к этому ещё и сухофрукты. Мы возвратились в Сарепту, умирая от голода и от усталости, но мы насладились видом трех или четырех сотен войлочных юрт или шатров, множеством верблюдов, лошадей и баранов.

Мы покинули наших моравских братьев, этих кротких и искусных немцев для того, чтобы посетить Дон — край

неспокойных и воинственных казаков. Мы проехали эти 70 или 80 вёрст, отделявших Волгу от Дона, которые Сулейман II и Пётр I хотели соединить одним каналом, и где видны ещё следы работ, начатых этими двумя великими людьми. Государь, который осуществит этот великий проект, сделает больше для процветания и обогащения России, чем те, кто прибавляет провинции к своей бескрайней территории. Он даст возможность вывозить в Чёрное море продукцию наиболее плодородных частей России, и соединит Каспийское море с морями Европы.

Малая Избянская была первой станицей, в которую мы прибыли; мы там были приняты и щедро угощены семьёй Орловых-Денисовых; там я оставил генерала Спренгпортена ехать по постовой дороге, а сам продолжил с молодыми Гурьевым и Нехлюдовым путешествовать верхом от станицы к станице, вдоль Дона, до Черкасска, где мы вновь встретились с нашим стариной генералом, с его дражайшей половиной, которая уже успела преждевременно разрешиться от бремени.

Черкасск состоит из 12 станиц, которые вместе образуют один довольно внушительный город, но его расположение на берегу Дона и почти на уровне реки подвергает его каждый год наводнениям, которые делают пребывание в нём очень некомфортным и воздух очень нездоровым; Император приказал выбрать великолепное место в 20 верстах от Черкасска, на Аксае, чтобы перенести этот город туда, но привычка и ещё более некоторые религиозные предрассудки, оставят, я боюсь, эту новую столицу Дона ещё долго необитаемой. Это истинное удовольствие, находиться среди свободного, воинственного народа, управляющегося своими собственными законами, не имеющего иного страха, кроме страха перемен, и иного желания, чем оставаться

в том состоянии, в котором он находится: насколько мало правительств, достаточно мудрых и либеральных для того, чтобы народы не желали никаких изменений. На Дону видно только богатство и достаток; все мужчины и женщины хорошо одеты, пышут здоровьем и не ведают принуждения. Казак, возвратившись с войны, с которой он обычно привозит добычу, отдыхает в своём доме, пьёт много хорошего вина, которое ему кажется тем лучше, что он его делал сам, плотно кушает, и узнаёт теперь своего офицера только для того, чтобы его вежливо поприветствовать при встрече. Вот действительно истинное состояние воина, гражданина; эти два состояния никогда не должны быть разделены. Солдат в Европе является только наёмником, несколько тысяч несчастных оторваны от своих семей, лишены своих очагов для того, чтобы гнуть шею в казармах и лагерях; их жизнь продана ради защиты их земляков, которые перестают быть их товарищами. Казак остаётся гражданином, он идёт в бой, когда император этого требует; весь Дон целиком двинулся бы, если бы Россия в этом нуждалась, но когда война заканчивается, он возвращается наслаждаться благами жизни и всем тем, чем так щедро наделила его природа, особенно вдоль реки Дон, воспитывать своих детей, и умереть в стране, которую он знает с детства. Лишь с большим трудом я покинул Черкасск, там мне всё нравилось, казаки, их женщины, их лошади, и даже их кухня.

Мы отправились по пограничной дороге кавказской границы, и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказского наместничества, и вся эта пограничная линия, которая защищает наши губернии от неспокойных и разбойных жителей Кавказских гор; вид этой знаменитой цепи, предела побед Александра и границы крепостного рабства, которое Рим навязал народам, где столько армий нашли свою гибель,

откуда столько народов вышло для того, чтобы опустошать земли, внушать уважение и вызывать удивление. Посреди этой горной цепи, покрытой вечными снегами, виден возвышающийся громадный Эльбрус, который жители именуют Кот-гора. Мы поехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия гор, именуемых Бештау, в добрых 20 верстах от Георгиевска, где находятся сернистые и очень горячие воды, которые привлекают все годы великое множество больных; мы оставили генерала и его супругу подогревать их любовь в сере, а сами отправились ещё на добрых 30 вёрст дальше, к минеральным водам, именуемым кислыми водами, которые имеют много сходства с водами Зельцера, и где мы обнаружили одно общество, очень значительное и очень расположенное к тому, чтобы разделить веселье, которое нас сопровождало. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь воды и больных и защищали их от посягательств черкесов, которые смотрят с крайним неудовольствием на это заведение, которое расположено уже в их горах.

Я там познакомился с одним черкесским князем, именуемым Рослaнбеком, братом Измаил-бея, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге.

Сам Рoсланбек имел чин полковника, и обладал довольно значительной пенсией, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия к его дружбе не было. Однако я принял с удовольствием тот дар, что он мне преподнёс: проехать с ним добрых 30 вёрст, чтобы увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла очень красивой. Почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, и их красота столь много славится, что я не обратил внимания на внушения, которые мне сделали, об опасности, которой я мог бы подвергнуться. Ещё несколько молодых людей присоединились к нам, и после того, как мы ехали несколько

часов через горы и чарующие селения, мы прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед по обычаю своей страны, показал нам своих лошадей, своё оружие, и смутно — свою сестру, у которой мы смогли хорошо различить только фигуру, которая была великолепна, как у всех черкешенок, чьё элегантное одеяние даёт возможность показать её. Мы вновь оседлали коней, и по сигналу стрелы, которую Росланбек самолично пустил на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооружённые различным оружием, прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооружённая из всех, которые можно было бы увидеть; он нам сказал, взирая с удовлетворением, чтобы мы любовались его войском, хотя бы здесь и был один конвой казаков. После того, как нам показали их способ ведения боя, стреляя по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он проводил нас в наш лагерь, где все были очень рады вновь увидеть нас, сильно укоряя нас за неосторожность. Тот самый Росланбек два года спустя лишил нас двух пушек, разбил две роты стрелков и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России.

Я познакомился ещё с одним князем, живущим в горах; его называли Максимка; он сказал мне с полным воодушевлением, присущим этим народам, «здесь я — Максимка, а когда проходят через ущелье, которое ведёт в Грузию и которое возвышается над моим селением, меня величают Максимом Павловичем».

Мы продлили более, чем могли, наше пребывание на этих водах, где несколько женщин присоединились к развлечениям общества; в одном шатре недалеко от моего проживали две сестры — дочери одного старого генерала; старшая, будучи замужем, очень захотела позволить мне скрытно разделить

с ней ложе, но так как несколько дней спустя она узнала, что я отнюдь не был деликатным, ей пришлось искать счастья в другом шатре, более дальнем, у стряпухи этих двух сестёр. Наш генерал, запасясь здоровьем и силой, вернулся к нам в Георгиевск, где госпожа губернаторша захотела отведать моих здоровья и сил; это была очень красивая женщина, более чем легкомысленного поведения, и это именно то, что годилось для путешественника. Мы покинули, наконец, эти места удовольствия, и поехали вновь по пограничной дороге до Кизляра, повсеместно сопровождаемые приграничными казаками, из которых гребенские и семейные являются наилучшими; они одеты, вооружены и ездят верхом в точности как черкесы, и перед лицом постоянной необходимости защищать свои очаги и собственную жизнь они так закалились, что можно смело сказать, что они во многом превосходят лучших донских казаков.

Кроме того, эта линия границы защищается регулярными войсками, как пехотой, так и драгунами, и поселениями, защищённые валами с наблюдательными пунктами.

Кизляр — левый край этого участка границы, расположен почти в устье Терека, который образует нашу границу, начиная за 50 вёрст вправо от Моздока и до Каспийского моря, он пользуется доброй славой из-за количества вина и водки, производимых здесь. Здесь мы покинули пограничную линию и наш смелый конвой, и отправились в Астрахань, через ужасную пустыню, в которой калмыки единственные поддерживают посты, и устраивают там мимоходом свои кочевнические жилища.

Астрахань — одна из столиц бывшей Татарской империи, обладая наиболее благоприятным для торговли месторасположением — в устье богатой Волги и почти на берегах Каспийского моря, этот город получает товары со всей России

и из Азии: Пётр I, этот великий гений, который создал всё в своей обширной империи, который построил верфи в Финском заливе, который развернул флаги России в северных морях, также построил корабли в Астрахани и укротил Персию, которая уступила ему безраздельно навигацию в Каспийском море.

К несчастью, вместе с Петром I закончилась и деятельная забота правительства о процветании астраханской торговли, она чахнет, и ожидает, что некая покровительствующая рука обеспечит ей всё пространство, которым она должна бы пользоваться, и завершит прекрасный труд, начатый Петром I. Нет никакого сомнения, что нужно лишь немного заботы — и торговля Астрахани станет для России источником неиссякаемого богатства. Улицы сего города похожи на настоящий маскарад; там можно встретить индийцев, бухарцев, турков, персов, армян, евреев, калмыков и представителей других наций, и все они имеют собственные храмы вкупе с полной свободой вероисповедания.

Город очень обширен, украшен прекрасными церквами, множеством высоких домов и окружен бескрайними садами и виноградниками.

Мы спустились по одному из притоков Волги, чтобы присутствовать на грандиозной рыбной ловле, которую здесь совершают, и которая снабжает рыбой большую часть России: это настоящая битва, в движении одновременно находятся больше сотни баркасов, вытащенная рыба покрывает значительную площадь поверхности, а добрая сотня людей занята тем, что солит ее и укладывает в бочки.

Я встретил в Астрахани молодого графа Воронцова, с которым был очень близок в Петербурге, и американского путешественника Аллена Шмидта, которые готовились к поездке в Грузию; я с готовностью ухватился за эту оказию повидать

столь интересную страну; а генерал позволил покинуть его на несколько месяцев. Мы воспользовались еще несколькими балами, которые давали в Астрахани; одна почтенная пожилая женщина добилась для меня благосклонности одной очень милой армяночки; мы запаслись вином и вновь пересекли, Шмидт, Воронцов и я, ту же самую пустыню, по которой уже проходили; затем из Кизляра снова отправились вдоль границы Кавказа и остановились в Екатеринограде, чтобы приготовиться там к нашей кампании и дождаться конвоя, который должен был нас сопровождать.

Мы купили лошадей и перешли через Терек вместе с ротой егерей и 80 казаками с границы. Вдали показались несколько черкесов, как бы для того, чтобы наблюдать за нашим передвижением. Вечером мы прибыли на Елизаветский редут, охраняемый двумя ротами с двумя пушками; там мы покинули наших егерей и продолжили наш путь на следующий день вместе с 80 казаками. Дорога сия проходит по чудесной равнине, ограниченной высокими горами Кавказа, которые кажутся еще выше по мере того как к ним приближаешься.

Мы остановились на берегу Терека, быстро вьющегося по этой равнине, чтобы накормить своих лошадей и искупаться самим, хотя и был уже октябрь месяц. Наши пикеты сообщили о появлении противника; каждый из нас хотел продемонстрировать желание добраться до него первым, и мы пустились во весь опор, еще более ободренные, видя, что он обратился в бегство. Но каково же было наше удивление и радость, когда мы узнали в тех, за кем гнались, донских казаков, которые конвоировали почту из Владикавказа в Елизаветский редут. В веселом расположении духа мы прибыли во Владикавказ, крепость, возведенную у подножия кавказских гор и защищаемую одним батальоном с несколькими

орудиями. Комендант выделил для нас хорошую просторную землянку, где мы глубоко заснули после ужина, который показался нам превосходным.

На рассвете мы взобрались на лошадей; а наш эскорт пополнился 50 пехотинцами из владикавказского гарнизона. Тот самый Максимка, с коим я познакомился на водах Кавказа, находился в крепости, и мы должны были пройти как раз по его территории, но он принес извинения за то, что не может нас сопровождать, потому что чума опустошала его деревню.

Следовало действительно быть настороже и строго запретить солдатам прикасаться к чему-либо из того, что можно было повстречать в дороге; чума объявилась почти во всех окрестностях. Мы проехали лесом и сделали привал поблизости селения Балта, чтобы приготовиться к входу в ущелье. Туда заходят как в некий коридор; на вершинах гор, отвесно вздымающихся с обеих сторон, можно заметить селения горцев. Все они — наши враги, но нередко сражаются и друг против друга и приходят тогда умолять наших офицеров, чтобы те помогли им перерезать друг другу глотки.

То малое согласие, которое царит меж ними, и которое мы всеми средствами стараемся, насколько возможно, укреплять — одно смогло нам открыть этот проезд, столь непроходимый, что ясно выраженная и хорошо организованная воля местных жителей могла бы соперничать с целыми армиями.

Терек бурно катится меж этих высоких гор, и его приходится множество раз переходить вброд; невдалеке от Балты мы были остановлены несколькими ружейными выстрелами; я принял командование авангардом, а Воронцов — основными силами нашего маленького отряда. Как бы я был счастлив, если б каждый последующий бой позволил мне ощутить столь же живое удовольствие, какое я испытал в самом начале моей военной карьеры! Два казака были легко

ранены; одержав победу, мы прошли до Ларса, где улеглись спать в небольшом редуте на склоне горы, увенчанной замком под тем же названием; чума оставила этот замок, а равно и трупы несчастных, умерших от этой болезни; так что мы могли любоваться сим древним донжоном лишь издалека. 15-й егерский и Севастопольский полки, направляющиеся в Грузию, раскинули свои бивуаки вдоль ущелья, чьим великолепным видом мы могли этим вечером насладиться.

Спускаясь от Ларса, мы вернулись в ущелье, кое становится в этом месте настолько узким, что в некоторых местах можно было идти лишь по 2 или 3 человека в ряд. На протяжении 17 верст Терек переходят 20 раз по мостикам, которые по большей части приходится сооружать самим, поскольку злоба местных жителей и буйство реки часто разрушают их. Самый опасный и наиболее часто атакуемый переход — это Дарьял. Там опасаешься быть унесенным с камнями, которые катит Терек, или быть расплющенным огромными скалами, нависающими над головой. В конце этого ущелья находится замок Казбек, у подножия горы с тем же названием, принадлежащий князю, коего также называют Казбек и который исповедует полную преданность России. Мы остановились на ночь в его замке, немного напоминающем таинственные замки госпожи Радклиф, чьи двери закрываются со столь же тщательной заботой, какую могли проявлять древние рыцари, оберегаясь от нападений врагов. Не найти ни одного человека, который не был бы вооружен; кажется, что ты переносишься в какой-то роман.

Однако, покидая Казбек, ты доволен тем, что чувствуешь себя немного более просторно, и что миновал это ужасное ущелье; и снова встречаешь берега Терека меж гор, однако менее высоких, образующих долины и панорамы восхитительной красоты и разнообразия. Сей день — вплоть до селения Коби — был настоящей прогулкой; однако следующий

день — до Кашаура — был самым утомительным из всех переходов Кавказа; непрерывно поднимаемся по очень узкой и очень плохой дороге; на вершине этой горы — крест, давший ей название, мы совсем напуганы, глядя себе под ноги: селения теряются в облаках; с трудом можно различить истоки Терека, несущего свои воды в Россию и воды Арагви, которая вскоре оросит равнины Грузии. Из Кашаура спускаемся (намного быстрее, чем поднимались сюда) и входим в чудесную долину, орошаемую Арагви и затененную великолепными деревьями. Перемещаемся в новый климат; вся природа могла бы принарядиться здесь по-новому; воздух там более мягок, и нельзя не позволить себе любоваться на каждом шагу чудесными и живописными ландшафтами. Таким образом, мы прибываем в Ананур, маленький городок, где мы остановились на ночь и обнаружили прекрасное местное вино, которое помогло нам заснуть и забыть об опасности чумы.

Нам не терпелось быстрее прибыть в Тифлис, и мы с Воронцовым оставили наших компаньонов и, в сопровождении всего двух казаков, отправились рысью. Наши казаки не смогли следовать за нами, испугавшись, как бы мы не поехали не той дорогой; мы были в восторге, заметив на Мухранской равнине лагерь с нашими войсками; но какое неприятное чувство мы испытали, когда, пожелав приблизиться к нему, столкнулись с часовыми, которые, нацелив на нас ружья, приказали удалиться; хоть мы и объявили свои звания, нам пришлось проехать мимо. На некотором расстоянии от этого лагеря мы обнаружили казачий пикет, который сообщил нам, что в крае царит чума, и тот егерский батальон изолировался, чтобы обезопасить себя от этого зла. Мы проехали мимо Мцхеты, руин старинного замка и монастыря, построенного на великолепном месте — там, где Арагви впадает в Куру. Вид Мцхеты, гор, и быстрого извилистого течения двух рек — один из самых прекрасных, какие только можно увидеть в мире.

Наконец, мы ясно увидели Тифлис, довольно большой город, стоящий на берегах Куры, чьи древние стены увенчивают отвесные скалы; проехали мимо чумного кладбища, что отнюдь не было для нас приятным, и прибыли в дом князя Цицианова, главнокомандующего в Грузии и на границе Кавказа. Он принял графа Воронцова очень хорошо, а вот меня очень плохо; его разместили в доме князя, а я с Нехлюдовым и Шмидтом отправился ночевать в город. Сия первая ночь была очень неприятной: мы прошлись по узким темным и абсолютно пустынным улочкам; эпидемия заставила жителей спасаться бегством, и при слабом свете нашего фонаря мы различали на некоторых дверях намалеванные дегтем кресты, которые указывали на дома, где произвела опустошение чума. Наш квартал тоже был заброшен; окна были разбиты, и ветер и кошки проникали туда со всех сторон. Мы не слишком-то обрадовались такому началу, и чума не внушила нам разве что чувство ужаса. Но со следующего дня мы начали привыкать к этой мысли, а несколько дней спустя о ней больше не думали, и находили даже очень забавным меры предосторожности против чумы. В Тифлисе есть очень приятные горячие серные ванны, где я частенько бывал; нужно было отказаться от женщин, что удалось с большим трудом, я лишь ненадолго смог за деньги найти себе одну: говорят, что когда в городе нет эпидемии, удовлетворить любопытство, которое должен иметь каждый приезжающий, чтобы познать столь хваленых красавиц Грузии, очень легко.

Князь Цицианов готовился к походу на Гянджу, и, когда все было готово, мы покинули Тифлис и отправились на соединение с армейским корпусом, собранным приблизительно в 15 верстах от города и состоящим из Нарвского драгунского полка, батальона Кавказского гренадерского

полка, 17-го егерского и Севастопольского полков, нескольких казаков; грузинские и татарские волонтеры присоединялись к ним на ходу, и каждый день несколько князей или дворян, великолепно одетых, следовавших на превосходных лошадях вместе со своими хорошо вооруженными и хорошо держащимися в седлах вассалами прибывали, чтобы пополнить нашу маленькую армию, и придать ей облик некоего крестового похода; князья Орбелиани, Амилохвари, Чавчавадзе и другие грузины, татары и армяне высокого происхождения также прибыли, чтобы предложить свое мужество и хвастануть своей роскошью.

Мы двигались по правому берегу Куры, спускаясь вниз по течению сей реки; на второй день мы переправились через мелкую, но быструю речку Аджету по превосходному каменному мосту, который называют Красным; он древней и очень прочной постройки. В кладке этого моста, с той стороны, откуда мы пришли, сделана вровень с водой очень просторная и удобная конюшня, в которой может укрыться целый караван. В одной из опор, служащих основой арки посредине моста, есть лестница, которая ведет в квартиру, где путешественник найдет даже камин. Наша команда без особого труда поднялась на мост, образующий очень высокую арку. В пути мы получили удовольствие от бегов и тех упражнений, которые грузины и татары выполняли со своими лошадьми, это нас очень развлекло.

На 7-й день похода мы прибыли в Шамхор, древний полностью разрушенный город, от которого остались только руины; князь принял здесь посланца от Джевата, хана Гянджи, который, узнав о марше нашей армии, спрашивал о цели оного, а скорее хотел с помощью гонца разузнать о силах нашей армии. Он нашел наше вооружение внушительным, но, однако, поведал нам, что хозяин его обладает куда большими пушками, чем наши.

Прибыв поближе к Гяндже, князь возжелал произвести ее разведку, но, видя противника, развернувшего свои силы, он приказал двинуться почти всему корпусу, и у садов окраин города дело пошло: батальон Кавказских гренадеров под командованием храброго подполковника Симановича и самая большая часть наших казаков вместе с грузинами и татарами, поддержанные несколькими артиллерийскими орудиями, атаковали противника с фронта и вынудили его укрыться за слободскими стенами; князь самолично с оставшейся частью войск взял правее и проникнул в слободу; персы, не сходя с места, ожидали нас за одной из стен, обстреливая оттуда всю улицу. Воронцов и я спешились и попросили о милости быть задействованными в сражении; князь охотно доверил каждому из нас по 30 егерей; вперед выдвинули одно орудие и через несколько минут противника выбили и, преследуя, гнали из одного сада в другой; мы взобрались на стены и постарались расчистить путь артиллерии: несколько грузинских князей проявили действительно геройскую отвагу и преследовали кавалерию противника до самой крепости. Отряд под командованием подполковника Симановича также отбросил противника сквозь слободу и, в то же время что и мы, показался на площади, отделяющей слободу от крепости.

Князь поместил артиллерию на внутренней границе слободы, и то там, то сям началась стрельба из орудий. Огонь из мушкетов, ведущийся противником из небольшого передового укрепления, стоящего отдельно от стен крепости, стеснял наших артиллеристов, и князь отдал приказ захватить укрепление; капитан Котляревский со своей ротой 17-го егерского полка, Воронцов и я с нашими егерями, побежали чтобы овладеть им, но, когда мы добрались до рва, огонь, направленный на нас со всех сторон, был столь сильным, что большая часть наших солдат или была убита, или бросилась наземь; Котляревскому пуля попала в ногу, и Воронцов увел

его; не считая эскадрона драгун, которых князь направил нам на выручку, у нас оставались лишь солдаты, с трудом улизнувшие от персов, которые предприняли вылазку и отрезали головы несчастным раненым.

После того, как князь посетил все окрестности крепости и отдал приказания, он вернулся на ночевку в лагерь, но на следующий день оставшаяся часть корпуса подтянулась, и Гянджа была окружена со всех сторон.

Крепость Гянджа окружена рвом, позади коего есть маленькая стена из засохшей земли, затем глубоким рвом и очень высокой стеной из кирпича и камня с башнями по сторонам.

Князь Цицианов и начальник штаба разместились на расстоянии пистолетного выстрела от крепости, в маленьких помещениях внутри мечети, чьи окна и двери выходили внутрь двора. Хотя был декабрь месяц, погода стояла превосходная, мы обедали на открытом воздухе во дворе этого персидского монастыря, затем шли на террасу, чтобы осмотреть крепость и сделать несколько выстрелов из ружья; иногда мы объезжали верхом наши позиции, которые располагались столь тесно, что в один прекрасный день, в то время как мы были за столом, несколько наших гранат, неумело направленных с другой стороны крепости, разорвались над нашими головами.

Персы неоднократно делали вылазки, особенно ночью; их самообладание и ответы Джеват-хана на предупреждения князя доказывали нам, что осада протянется долго; артиллерия наша была слишком слаба, чтобы расшатать стены крепости, а снабжение наших войск затруднялось; итак, следовало испробовать последнее и единственное средство для овладения Гянджей — штурм.

Решившись на штурм, князь скрыл от нас это; будучи довольным тем, как мы с Воронцовым участвовали во взятии

пригородов, и не желая подвергать нас слишком большой опасности, он направил нас против лезгин, под команду славного генерала Гулякова, сказав нам, что там мы найдем больше возможностей отличиться, нежели при осаде, от которой нельзя ожидать серьезного боя. Он доверил нас грузинскому князю Луарсабу Орбелиани, которому он дал для нашего эскорта 300 татар.

Мы двинулись в путь, но вместо того, чтобы заночевать, как рассчитывали, на постоянном посту наших войск, мы сбились с пути, и, поскольку ночь становилась очень темной, нам пришлось встать среди степи чтобы накормить наших лошадей. Едва мы приступили к нашему скудному ужину под обильно валящим снегом, как татары обратили наше внимание на далекие огни, как они утверждали, лезгинского войска; мы разожгли больше костров, чем те, которые устрашили наш эскорт и спокойно заснули в ожидании восхода луны. Луарсаб резко разбудил нас, объявив, что татары нас покинули, и что ни он, ни его верный грузин не смогут разыскать дорогу, и что, тем не менее, оставаться там где мы были дальше было опасно; итак, следовало вновь взобраться на лошадей, в сопровождении лишь наших слуг и двух казаков, и переносить дружелюбную брань нашего проводника по поводу глупости, которую мы совершили, приехав в Грузию, тогда как в Петербурге могли бы прогуливаться в экипаже и развлекаться в театре; в течение некоторого времени он наслаждался этими развлечениями и находил их тем более приятными, поскольку в свое ранней молодости был игрушкой в руках судьбы. Уведенный в ранней молодости лезгинами, которые захватили и разграбили замок его отца, он был продан одному черкесскому князю, который перепродал его на границе Кавказа одному офицеру нашей армии; этот офицер, не сомневаясь в благородном происхождении своего молодого невольника, сделал из него своего

конюха и взял его с собой в поездку в Петербург; как раз в то время, когда он был в столице, посол царя Грузии, который сообщил о несчастье, случившемся в семействе Орбелиани — одном из самых прославленных в своей стране и близком царской семье — нашел и признал молодого Луарсаба и вернул того к своему положению и к родителям, которые за несколько лет уже оплакали смерть своего ребенка. Итак, ему было более позволительно, чем другим, бояться лезгинов и удивляться тому, что мы по своей доброй воле прибыли чтобы подвергнуть себя опасности попасть в такую же беду.

Мы провели несколько часов, не зная, ни где мы были, ни какого направления следовало придерживаться, прислушиваясь к каждому собачьему лаю, который, казалось, нам слышался, опуская руку в каждый ручеек, который мы переходили, чтобы определить направление его течения, несколько раз возвращаясь к своим следам, пока, наконец, не вошли в деревню, признанную Луарсабом татарской. После множества сложностей он растворил нам двери землянки деревенского старосты, но наше удивление не было приятным, когда при свете возженого для нас Луарсабом камина мы распознали персов, устроившихся у нашего хозяина, предложил нам лечь и притвориться спящими, пока он будет расхваливать наши успехи у Гянджи, чтобы запугать хозяина или разузнать его планы. Мы так устали, что на полном серьезе заснули, а Луарсаб рассказывал так хорошо, что персы убрались восвояси, а хозяин на рассвете дал нам проводника, чтобы довести нас до первой грузинской деревни; там в деревне мы съели обед, показавшийся нам чудесным, и благополучно прибыли вечером того же дня в Тифлис.

Здесь мы как свалились как снег на голову коменданту, коего нашли в веселом настроении, в окружении певцов и бутылок; мы подстроились в унисон к этому обществу и нашли дорогу к нашему дому не иначе, как нетвердой походкой.

На следующий день, первый день Нового года, мы вновь отправились в путь, подобно странствующим рыцарям, в сопровождении одних лишь своих оруженосцев; мы имели вид искателей приключений; мы остановились на ночь в Сагореджи, где прекрасная княжна задержала нас на целый день; это была княгиня Юстиниана, красавица-дочь князя Орбелиани, генерала на нашей службе; и оба добрых рыцаря втюрились в эту красавицу и, для того чтобы ей понравиться, провели всю ночь в танцах. На следующий день ее пришлось покинуть и с грустью ехать на ночевку в Сигнах, неприглядный на вид маленький и очень грязный городок, опустошенный чумой.

Покидая Сигнах, мы спустились на равнину, орошаемую Алазани, которая вот уже много столетий являлась кровавым театром для не прекращающихся битв между лезгинами и грузинами.

На самом берегу этой реки, которая образует границу между сими двумя враждебными народами, мы обнаружили лагерь под командованием генерала Гулякова; там размещались Кабардинский мушкетерский полк, части Тифлисского мушкетерского и 15-го егерского полков; на некотором расстоянии от лагеря находился мост с плацдармом под названием Александрийский редут, по которому можно было пройти на вражескую территорию. Всегда следовало быть настороже, особенно ночью; все укладывались спать одетыми и вооруженными и, для избежания неразберихи, два фонаря обозначали вход в небольшое укрепление, куда нужно было собираться в случае нападения. Каждый раз, отправляясь за водой или ведя на водопой лошадей, рисковали получить пулю; удаляться от лагеря остерегались, и даже казачьи пикеты были от него весьма близко.

Эти славные войска провели, большей частью, уже 18 месяцев в таковом утомительном положении, порой не получая провизии и часто вступая в бой.

1804

Едва мы пробыли пару дней среди сих отважных войск, как генералу Гулякову доложили, что лезгины прошли большими силами парой десятков верст ниже нашего лагеря и грабят грузинские селения. Он тотчас же выступил, к концу дня мы прибыли в место, неподалеку от которого они перешли реку, и куда были должны вернуться, отягощенные своей добычей. На заре послали нескольких стрелков, чтобы разведать сие место, и нашли его занятым шайкой пеших лезгин, оставшихся здесь, чтобы прикрыть отступление своей кавалерии. Мы с Воронцовым пошли с первыми стрелками; открылся огонь, но когда генерал пожелал взять сей пункт приступом, бой стал таким упорным, что мы потеряли много людей и не смогли выбить оттуда противника. Лезгины отошли в довольно густой лес, и когда наши солдаты, утомленные перестрелкой, хотели броситься в штыковую, лезгины с такой яростью устремились на них с кинжалами в руках, что заставили отступить самых отважных.

Генерал, видя сколько людей он терял впустую, приказал прекратить атаку; тогда мы двинулись в горы, чтобы выбить с них лезгин, возвращавшихся после набега. Огромное количество уведенного ими скота, особенно баранов, которых они гнали перед собой, делало гору белой и покрывало часть долины; мы направились к ним и несколькими пушечными выстрелами рассеяли противника, не захотевшего выступить против нас на голой равнине, но нам было невозможно нагнать основные силы их войска, которое, волоча за собой большую часть добычи, отправилось искать более удаленную переправу. Когда наступила ночь, мы заняли позицию, расположившись в каре; ночь сия была очень неприятной, шел снег, и было очень холодно, а имевшимся среди нас раненым было трудно принести хотя бы некоторое облегчение, ибо ни для нас, ни для лошадей не было даже воды.

Крепость-монастырь Ананури. 1804

Мы возвратились в лагерь, не слишком хвастая нашей вылазкой, но наше настроение подняло известие о счастливом исходе штурма Гянджи. Князь Цицианов рискнул предпринять его, имея не более 3 тысяч пехоты против почти отчаянно оборонявшегося 7-тысячного гарнизона. Джеват-хан с двумя сыновьями и огромное число его войска погибли в сражении; несколько сотен лезгин, бывших в составе гарнизона, сгорели, укрывшись в мечети, где они продолжали обороняться.

Этот успешный штурм, один из самых превосходных подвигов нашей армии, заставил дрожать все народы, которые окружают Грузию, и укрепил власть князя Цицианова. Он назвал Гянджу Елизаветполем и, оставив там достаточный гарнизон, вернулся в Тифлис.

Мне пришлось покинуть Воронцова, чтобы тоже вернуться в Тифлис, откуда я должен был, воспользовавшись благоприятным сезоном, вновь перейти Кавказские горы и разыскать моего генерала, назначившего мне встречу в Херсоне.

В Тифлисе я присоединился к Шмидту и Нехлюдову; когда чума приостановила свои опустошения, мы смогли больше насладиться пребыванием в городе; уже открылись несколько лавок и жители начали возвращаться в свои дома. Князь Цицианов относился ко мне с отеческой добротой; прибыла украсить Тифлис своим присутствием и прекрасная княжна Юстиниана. Но было нужно уезжать; мы задержались на несколько дней из-за известия о несчастье, только что пришедшего из нашего отряда стоящего на Алазани: славный генерал Гуляков, в прошлом году уже проникший до Джара, главного города лезгин, возжелал перебросить наши войска вглубь их гор; противник лишь слабо сопротивлялся движению, но когда генерал Гуляков, почти во главе колонны, углубился в очень узкое ущелье, образованное с одной стороны непроходимым лесом, а с другой — пропастью, лезгины с такой яростью обрушились на наши войска, что генерал Гуляков стал одной из их первых жертв, а остатки войск были опрокинуты в пропасть, откуда были вынуждены отступить в самом большом беспорядке. Молодой граф Воронцов удачно упал на нескольких лошадей, сброшенных до него и, контуженный, бежал оттуда. Потеря отважного генерала Гулякова привела в уныние всю армию и всю Грузию, которая потеряла в нем самый надежный щит против лезгин, на которых он наводил ужас в течение двух последних лет.

Граф Воронцов вернулся в Тифлис, мы распрощались, и я поехал обратно на Кавказ. Спустившись с горы Ларе, я поехал вперед и увидел черкеса, скакавшего ко мне крупной рысью; будучи вооружен и видя, что он один, я постыдился замедлить ход своей лошади, и мы встретились у подножия горы. Он посторонился как бы для того, чтобы дать мне проехать, и я узнал Максимку, или Максима Павловича, с которым я познакомился на водах Кавказа и которого еще раз видел во Владикавказе, направляясь в Грузию. Мы обнялись,

и он сказал мне, что, узнав о моем прибытии, приехал встретить, рассчитывая на мою лояльность; что князь Цицианов отдал приказ взять его живым или мертвым и что, таким образом, он не может рисковать, дожидаясь моего конвоя, но просит поехать с ним в его деревню и отправить конвой во Владикавказ, куда он сам меня проводит.

Не желая лишить Шмидта и Нехлюдова хорошей возможности увидеть поселения горцев изнутри, я спросил его разрешения взять их с собой. Итак, я уведомил их и приказал конвою ехать одному; офицер, командовавший им, очень неохотно отпустил нас, но я дал ему расписку, что беру все на себя, и мы — Шмидт, Нехлюдов и я — отправились к нашему князю Максимке, который, чтоб быть менее узнаваемым, оделся как можно беднее.

Чтобы сделать приятное нашему проводнику, мы двигались со всей возможной скоростью; по очень узким и извилистым тропам мы приехали в его замок, все подходы к коему охранялись вооруженными людьми; мы заехали во двор, где спустились на землю безоружными: таков обычай страны, и он очень мудр — горцы говорят, что не нуждаются в оружии, находясь в комнате, и особенно за столом, где они могли бы, на минуту вспылив, неуместно воспользоваться им.

После прекрасного обеда Максимка попросил меня выслушать его: он поведал, что когда увидел меня по моем приезде во Владикавказ, ему помешала последовать за мной не только чума, но и распря с деревней, расположенной с другой стороны ущелья напротив его селения; что жители сей деревни, собрав много людей, неожиданно напали на его селение и вырезали там несколько человек и, что еще хуже, угнали всех его баранов. Что через некоторое время он собрал всех своих воинов, и ему посчастливилось разорить вражескую деревню и принести оттуда десятка четыре голов, за которых ему уже вернули большую часть его баранов,

и что он надеется за те, которые у него остались, получить обратно все, что у него взяли; но что это столь невинное дело было плохо передано князю, и он хотел бы, чтоб я оказал ему услугу подробно изложить это дело князю и заверить в полной преданности Максимки России, и добиться от него, чтобы между ними восстановилось полное согласие.

Я написал все, что он хотел и отправил письмо нарочным в Тифлис. Сия исповедь Максимки, на самом деле, есть целая картина горских нравов. Для них позорно оставить в руках врага тело или голову своего родственника или друга, и их купят любой ценой перед тем, как отомстить за его смерть смертью убийцы, его сына или одного из близких. Таковой способ мести увековечивает войну и ненависть между деревнями и семействами.

Наш занимательный проводник проводил нас до места, откуда была видна наша крепость и, посоветовав помчаться туда во весь опор, поехал обратно к своей горе.

Мы прибыли в Моздок, где устроили карантин, и где, после того как мы хорошо надушились, нас заперли на несколько дней в отвратительной хижине, в которой ветер и снег, дувшие во все дыры, как нельзя лучше очистили нас от всех возможных заразных болезней.

Некоторые были против оккупации Грузии, которая на самом деле требует от нас множества людей и денег; но Грузию надо рассматривать как передовой рубеж, который Россия имеет в Азии для того, чтобы быть вовремя осведомленной о военных приготовлениях, которые Азия может однажды предпринять позади сего непроницаемого заслона Кавказа.

Затем, достаточно заскучавшие в Моздоке, мы направились в Черкасск, где остановились на несколько дней, очарованные возможностью вновь находиться в городе, хорошо размещенные и не имеющими нужды ни в оружии, ни в охране.

Оттуда мы проследовали через Екатеринослав, губернский город, которому дал жизнь князь Потемкин — творец всей этой части юга России. Во время путешествия Императрицы этот визирь, желая заворожить взгляд своей государыни, похвалиться своими обширными завоеваниями и преобразованиями и, как галантный любовник, позабавить и изумить свою владычицу, повелел возвести этот город словно по волшебству. Императрица прибыла сюда из Киева в мае, путешествуя по Днепру на великолепной галере, и сойдя на берег, остановилась здесь в волшебном дворце, в котором были соединены все великолепие и элегантность; просторный и со вкусом разбитый сад, оранжерея, лавчонки, дополняемые торговцами и торговками со всех частей света, многочисленное население, превосходные дома поразили взоры государыни, польстили ее честолюбию, а князь Потемкин, которого придворные замыслили погубить, посоветовав это путешествие Императрице, оказался в еще большей милости, когда выказал ее великой в глазах иностранцев и ее собственных подданных.

Императрица покинула этот новый город, и этот новый город перестал существовать. Дома разрушились, а жители, торговцы и лавки были переведены в другое место, вновь единственно по воле Потемкина, и снова поспособствовали тому, чтобы ввести Императрицу в заблуждение и усилить влияние фаворита.

Климат Екатеринослава, его прекрасное местоположение и богатство земли всей этой губернии не смогут не создать там со временем значительный город. Мы прибыли, наконец, в Херсон, где и нашли нашего старого генерала.

Городское устройство, крепость, торговля Херсона — все это деяние Потемкина, этого Визиря, столь выдающегося своими великими замыслами, талантами и пороками в бытность его министром, фаворитом императрицы Екатерины.

Херсон стал мавзолеем Потемкина, там он был предан земле. Этот столь могущественный человек, арбитр политики Европы, правивший Россией, грозивший Константинополю, возводивший города, умер на шинели, и его тело, после того, как покоилось несколько лет в церкви в Херсоне, было сброшено в Днепр по восшествии на престол Императора Павла; невероятно, чтобы эта гнусность, эта столь низкая месть была осуществлена по приказу Павла, но низость придворных всегда идет дальше желаний тиранов.

С первыми днями весны мы покинули Херсон и направились в Крым. Въезжают на этот полуостров через единственный проход — Перекоп. Татары — долгое время хозяева России, в свою очередь побежденные со всех сторон, нашли в Крыму свое последнее прибежище. Они возвели этот земляной вал, или Перекоп, который оказался всего лишь слабой преградой против отваги наших войск. Этот оплот был взят приступом, а Крым — завоеван. Но вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что весь Крым сделался безлюдным; эта прекрасная провинция, житница Константинополя и Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питающая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню.

От Перекопа до Ак-Мечети, или Симферополя, 130 верст, где более почти не находишь следов прежних поселений.

Мы направились в Карасубазар, город, который был одним из самых значительных в Крыму, оттуда — в Кафу, или Феодосию, огромные руины которой еще говорят о ее прежнем размере и былом великолепии. Этот город некогда именовался Маленьким Константинополем, имел более 100 тысяч жителей, обширнейшую торговлю, мечети, общественные бани и множество других зданий, даже незначительными остатками которых восхищаются до сих пор; стены города и древний замок, или цитадель, были возведены

генуэзцами, его весьма просторный порт был некогда заполнен судами; теперь нет и 150 жалких лачуг, ни тени торговли; разруха и нищета овладели этим городом с того момента, как он перешел под власть великой Екатерины. Находясь в Кафе, испытываешь стыд; татары здесь были искусны, русские все разрушили.

Мы посетили маленькие крепости Керчь и Еникале, которые защищают вход с Азовского моря и которые также являются сооружениями генуэзцев, этих старых хозяев судоходства и торговли, я покинул свою карету и продолжил с одним татарином пересекать южную часть Крыма. Трудно увидеть поселения, более радующие взор, более величественные, чем те, что представляют берега моря и горы; Судак особенно примечателен своим прекрасным расположением и развалинами одного античного замка, построенного на удивительной по красоте возвышенности, откуда открывается вид на обширные дали Черного моря.

После нескольких дней путешествия, в ходе которого погода первых весенних дней мне благоприятствовала, я прибыл в Бахчисарай, прежнее место пребывания крымских ханов. Нас поместили во дворец, который по распоряжениям императрицы Екатерины тщательно поддерживается в том же состоянии, в котором находился, когда принадлежал прежним хозяевам. Город, как и все другие, изрядно утративший свое богатство и население, коими он обладал когда-то, тянется вдоль узкой долины ограниченной скалами, что придает ей самый живописный облик, который возможно увидеть. Замок состоит из ряда строений, соединенных друг с другом без малейшей внешней композиции. Но внутри его все возможные удобства объединены с азиатской роскошью. Купальни из белого мрамора, фонтаны, рощи, сладострастные комнаты и обширные залы. Все это окружено стеной. Мечеть и усыпальница ханов и их домочадцев расположены

во внутренней части двориков, единственный мавзолей находится вне стен дворца. Этот мавзолей был построен для какой-то русской женщины, в которую один из последних ханов был влюблен, и которую он не осмелился приказать захоронить рядом с мусульманами.

В этом дворце более, чем в любом другом месте, мечталось бы обнаружить какую-нибудь красавицу и здесь хану владычествовать гаремом, полным прекрасных рабынь.

Мы покинули это прекрасное место для того, чтобы отправиться в Севастополь. Какую печаль должен был испытывать хан, вынужденный покинуть навсегда свой дворец и этот прекрасный Крым.

Севастополь стал для нас новым зрелищем; этот крупнейший порт, построенный в соответствии с регулярным планом, был полон военных судов — они захватили все наше внимание. Севастополь и наш флот, который теперь доминирует на Черном море и угрожает Константинополю, являлись еще одним творением князя Потемкина.

В глубину порта, чья акватория тянется очень далеко и в своем основании не шире, чем небольшая река, идут с любопытством, чтобы посмотреть остатки старого города Инкермана, выдолбленного в скале. Сверх того, здесь можно хорошо прогуляться по кельям, в которые свет проникает через проемы, проделанные в части горы, выходящей на порт, здесь различают часовенки и довольно просторные покои.

В нескольких верстах от Севастополя мы посетили древний монастырь Святого Георгия, также выдолбленный в скале, отвесно обрывающейся у самого берега моря. С сожалением мы удаляемся из этого безлюдного, пугающего, и в то же время живописного и величественного места.

Весь этот край вызывает самый большей интерес сказочной историей своей древности, потрясениями, которые он

испытал, народами, которые его населяли, историей греков, генуэзцев, татар и русских, которые последовательно владели этой землей.

Здесь еще находят следы искусства греков, как в мраморе, так и в металлических медальонах, на каждом шагу встречаются развалины древних генуэзских крепостей, повсюду еще сохраняются небольшие остатки прежнего богатства, населения и агрокультуры татар, и только в Севастополе находится произведение новых хозяев этого прекрасного полуострова; можно подумать, что Россия покорила Крым только ради создания порта и флота в Севастополе. Действительно, невозможно найти в Крыму более просторного и удобного места; все флоты Европы могли бы здесь встать на якорь.

Несколько хорошеньких женщин, которые нашлись в этом городе, помогли мне очень приятно скоротать время, потребовавшееся, чтобы подготовить военный бриг, который должен был нас перевезти в Константинополь.

Для меня было праздником взойти на судно, и радость увеличилась еще более, когда подняли якорь, и когда свежий ветер вывел нас из порта и вскоре нес посреди моря.

На четвертый день мы увидели берега Азии и Европы, которые сближаются, чтобы образовать канал рядом с Константинополем. Мы салютовали маленькому форту Килия, который нам ответил тем же числом орудийных выстрелов, и к закату дня мы вошли в пролив Босфор.

Все самое прекрасное, самое разнообразное, что может представить себе наиболее блестящее воображение — ничто еще по сравнению с красотами и разнообразием, которые открываются взору вдоль берегов Европы и особенно Азии. Берега Азии выше, богаче растительностью, но менее населены, менее ухожены, чем берега Европы, которые преподносят череду очаровательных домов и дивных садов.

Многочисленные укрепления, которые с двух сторон защищают этот прекрасный вход, о котором можно подумать, что это райские врата, служат украшению этого вида, а старые остатки генуэзских донжонов, несут на себе отпечаток древности, которая благородно контрастирует с турецкими киосками, украшенными позолотой и разноцветными флажками.

Все вокруг новое, как будто перенесенное в другой мир, одежда, конструкция судов и лодок, великолепные деревья, все привлекает ваши взоры. Заходящее солнце позолотило горы, отбросило большие тени, еще более усиливая красоту этого зрелища и восхищение, в котором мы находились.

Наш бриг бросил якорь перед Буюкдере и перед домом, в котором проживает наш министр.

Буюкдере — это крепость на канале, в которой летом живут все члены дипломатических корпусов, находящихся в Константинополе, и многие иностранные торговцы, которые образуют европейскую колонию среди турецких поселений. Дом нашего министра — самый красивый, к нему примыкает чудесный сад, террасы которого поднимаются вдоль горы, возвышающейся над Буюкдере.

Едва состоялось знакомство с нашим министром, г-ном Италинским, как желание увидеть Константинополь, попасть, наконец, в этот столь знаменитый город, заставило меня покинуть Буюкдере и прыгнуть в каик, или небольшую турецкую шлюпку, чтобы проплыть вниз по каналу и продолжить наслаждаться сменой очаровывающих видов, которыми я так восхищался накануне. Каждый взмах весла прибавляет красоты новому, всегда величественно открывающемуся виду, но тот же взмах заставляет сожалеть о том виде, который предстоит покинуть. Не знаешь, на чем пристальнее остановить взгляд: все велико, чарующе и невиданно.

Наконец, пред нами открывается башня Леандра. Она высится посреди воды, слева виден Скутари, простирающийся на плодородных азиатских берегах, вдалеке виднеются Мраморное море, Принцевы острова, справа, за непрерывной чередой деревень, поселений и садов, где богато развертывается все азиатское великолепие, глазам предстает античная башня Галата, город Пера, Топхана, соединяющиеся на склоне горы, и наконец, восторженный взгляд восхищенно замирает на садах верхнего сераля султанского дворца Топкапы Сарай, на том бескрайнем пространстве домов, построек, минаретов, которые образуют огромный и многолюдный Константинополь. Величие греков, могущество султанов кажутся слишком слабыми для того, чтобы пребывать в этом городе; Константинополь представляется столицей мира, Небеса, кажется, обосновались здесь, между Европой и Азией, между севером и югом, чтобы властвовать на земле.

Мы спустились в Топхану, около плавильни я вышел, собираясь поселиться у нашего консула, г-на Фродинга, который был отцом трех самых хорошеньких девушек, которых только возможно встретить.

Первые дни я провел, бегая на прогулки, по лавочкам, отправлялся верхом пообедать в Буюкдере, который находился всего в 17 верстах от Перы. После обеда я возвращался на лодке, чтобы как можно чаще наслаждаться видами канала и Константинополя.

Мы были представлены рейс-эфенди — министру иностранных дел; он принял нас в Диване, куда все министры, начиная с визиря, должны приходить ежедневно и проводить там весь день. В этом же здании сосредотачивались все суды и органы власти, это центр всей государственной службы, именно здесь завершаются все процессы, проходят казни, отсюда исходят все приказы. Пример этого учреждения

неплохо было бы позаимствовать у турок. Сколь многим бы людям во всех столицах Европы тогда не пришлось бы ездить из одного конца города в другой, не будучи уверенными в том, что они всегда смогут попасть на прием даже к какому-нибудь секретарю, который снимает свой домашний халат только для того, чтобы присутствовать при запоздалом моционе никем не виданного министра.

В тот же день мы проехались по разным базарам; какой повсюду блеск, какое богатство в лавках. Что дает наилучшее представление о численности населения, так это бесчисленное количество небольших лодок, которые покрывают канал между Скутари и Константинополем, и особенно между этим городом и Перой.

В глубине порта, разделяющего эти два города, находится адмиралтейство, где расположены верфи военного флота, и где линейные корабли стоят далеко в стороне от берега.

В другой раз мы посетили главные мечети города в сопровождении охраны из янычар, чтобы не быть убитыми истинными верующими, которые слишком не любят, чтобы христианские «собаки» заходили в эти священные места. Святая София удивила нас более всего своей величиной, другие мечети являлись в той или иной степени подражанием этой старой и знаменитой церкви.

Пока султан находился в своей деревне на канале, министр получил для нас разрешение побывать внутри сераля. Однако нам не позволили проникнуть в покои и сады гарема, хотя все женщины сопровождали султана за город.

Этот знаменитый дворец, так живо привлекающий любопытство всех иностранцев, нисколько не соответствует тому, как его себе представляют. Он состоит из множества домов, беседок, садов, соединенных одни с другими, но которые не создают ни единого архитектурного ансамбля, ни дают

представления о богатствах и наслаждениях, средоточием которых он должен являться.

После осмотра города, мы объехали деревни, посетили Принцевы острова, Халкедон, пресноводные родники, находящиеся в глубине порта и являющиеся местом для восхитительных прогулок; кладбища, которые турки поддерживают со всей возможной тщательностью, и где мужчины собираются с одной стороны, а прекрасный пол — с другой. Эти богатые одеяния разных цветов и эти покрывала женщин производят волшебное впечатление среди могильных плит из белого мрамора, на которые падают тени деревьев. Это было время, когда султан создавал пехотные войска вопреки желанию народа и особенно янычар; венгерские и шведские офицеры, сбежавшие из своих стран, взялись обучать эти первые войска. Для них построили прекрасные казармы, одели в униформу, окружили роскошью. Создали военную школу для обучения молодых людей, которых готовили в офицеры. Их обучили фортификации, артиллерийскому ремеслу, и всем наукам, кои составляют военное искусство. Благодаря деспотической воле султана, которую питали мудрые идеи визиря Юсуфа, уже было подготовлено 17 тысяч человек для большей части пехоты. Визирь, проводя за городом смотр новой армии, позволил мне на нем присутствовать. Я поехал туда верхом в сопровождении мнимого переводчика. В момент прибытия визиря, ему отдали военные почести грохотом музыки, очень отдаленно напоминавшей европейскую. Он сошел на землю и вошел в прекрасный шатер, ему преподнесли трубку и кофе, и маневры начались. К несчастью, он оказал мне честь, впустив в свой шатер, и вместо того, чтобы наблюдать за войсками, мне пришлось принять трубку и кофе. Маневры закончились, а мы их видели только издалека. Войска прошли перед шатром, где мы находились, и, по крайней мере, тут я их смог разглядеть.

Пехота была очень хороша, правда у нее не было ни той манеры держаться, ни той четкости, которые присущи нашим войскам; она довольно хорошо держала ряды и шла достаточно уверенным шагом. Артиллерия, в особенности конная, имела превосходных лошадей и выглядела довольно хорошо обученной; кавалерия оказалась плохой, как кавалерия регулярная, солдаты, сидящие на племенных жеребцах, не могли держать строй.

Если турки смогут поддерживать мужество и естественную стремительность в своих войсках, дисциплину, свойственную европейцам, они смогут однажды вновь достичь прежнего превосходства и снова наводить на мир ужас. Но они слишком стары, чтобы учиться; янычары слишком ревнивы к своим правам, а жизнь султана очень мало застрахована, для того, чтобы его могли бояться, чтобы такой новый порядок вещей смог развиться и стать стабильным.

В пятницу мы отправились посмотреть на проезд султана, который каждую неделю направляется в одну мечеть города во всем блеске своей короны. Его движение в окружении кортежа столь же многочисленного, сколь и богато одетого представляет любопытное театральное зрелище.

Общество Перы и Буюкдере было чрезвычайно приятным. Я, прежде всего, познакомился с одной очень красивой женщиной — госпожой Серпосс; родившись в Малой Азии, она обладала прекрасными глазами женщин Востока, но к этому добавила все изящество жительниц Европы. Наше знакомство состоялось и завершилось почти что в один и тот же день; будучи вдовой, она была хозяйкой своих действий, и я смог приходить к ней, дабы наслаждаться ее расположением со всей возможной легкостью. Жена неаполитанского консула, госпожа Марини, скоро отвлекла меня от этой связи, и хотя была она менее прекрасной и даже немного

увядшей, ее любезность и особенно большей вкус к удовольствиям и любви привязали меня к ней и заставили навсегда покинуть госпожу Серпосс. С ней я проводил ночи, а утром, когда ее старый муж являлся в гостиную для завтрака с супругой, я входил через другую дверь пожелать семейству доброго дня и разделить с ними трапезу. Время от времени, чтобы чувствовать себя еще более свободной, госпожа Марини приезжала провести день-другой в дом, который ее муж имел в Буюкдере, и там без малейшего страха мы восхитительно наслаждались всеми удовольствиями, которые ее пылкое воображение могло придумать.

В то же время я был влюблен в дочерей нашего консула, но это была платоническая любовь, которая не имела иной цели, кроме как придать интерес нашим прогулкам и балам, на которых я присутствовал. Их брат, молодой человек, знавший все возможности Константинополя, время от времени находил для меня развлечения, отводя меня к одной старухе-гречанке, где мы находили дам ее национальности, а также армянок и евреек: в Турции нужно отказаться от надежды обладать турецкими женщинами; мусульмане столь суровы по этой части, что женщина, которая забылась с христианином, будет брошена в канал, а дом, который служил местом свиданий, подвергнется большому риску быть разрушенным.

Молодые турки, наоборот, очень любят приезжать покутить в Перу, где часто забывают предписания Магомета, и хмелеют от вина и от распутства. За некоторое время до моего приезда в Константинополь один мошенник, грек, чтобы привлечь побольше турецких молодых людей и заработать на этом побольше денег, уверял, что может предоставить им жен всех европейских министров и консулов; одному он преподносил супругу посла Франции, другому — жену

поверенного России, который, однако же, не был женат, он в этом не дошел только до старой госпожи Гюбш, жены генерального консула Дании, чье имя не фигурировало среди плутовок, коих этот грек выдавал за стольких знатных дам. Молодые турки, вдохновленные своими удачами, начали хвастать этим в Константинополе; шум этого скандала дошел до визиря, который, дабы оградить нравы и здоровье своих молодых земляков, повелел издать циркуляр для всех иностранных министров, в котором он их предупреждал о бесчинствах их супруг и просил держать своих жен в большей строгости.

Сотрудники европейских посольств, возмущенные этой беспрецедентной дипломатической нотой, об источнике которой они не могли догадаться, собрались и, пребывая в крайнем раздражении (часть из них, возможно, пеняла на неверность жен), потребовали ответа за подобную наглость. Они отправились на розыски, и несчастный грек был повешен, но турецкая молодежь всегда стремилась наслаждаться благосклонностью супруг послов и министров.

В течение нашего пребывания в Константинополе русские войска проходили через пролив, направляясь на Корфу; через пролив перевозили также множество амуниции и продовольствия; турецкое правительство разрешило эту переброску, действуя заодно с Россией, руководствуясь при этом как боязнью рассердить императора и Англию своим отказом, так и желанием отомстить за Египетский поход и за все бедствия, которым Бонапарт подверг азиатские провинции и войска, посланные Портой против Наполеона. Но так как почти основополагающим законом Оттоманской империи являлось не пропускать через пролив ни одного вооруженного корабля иностранной державы, то наши суда были вынуждены двигаться без флагов, с закрытыми бортами

и выкрашенные в черный цвет. Только два линейных корабля имели разрешение поднять военный флаг и показать орудия; турки благоразумно догадались организовать эскадру под командованием капудана-паши, которая стояла на рейде у Константинополя, готовясь плыть к архипелагу. Эти два корабля, «Азия» и «Прасковья», имели на борту Сибирский гренадерский полк, направлявшийся для пополнения гарнизона Корфу. Суда бросили якорь в Буюкдере перед домом нашего посланника.

Когда капудан-паша был готов встать под парус, я не упустил случая насладиться видом отплытия и спустился по проливу на «Прасковье»; наши корабли приветствовали Великого Владыку, находившегося в своем загородном замке, затем солютовали порту и турецкому флоту; турки приветствовали нас в ответ, капудан-паша со всей помпой, которую должен был продемонстрировать по этому случаю, получил последние распоряжения султана, вернулся на борт корабля, и весь флот поднял якорь. Все торговые здания были украшены флагами в знак приветствия флагу капудана-паши, который в свою очередь салютовал сералю; трудно увидеть более прекрасное зрелище; порт, пролив были покрыты бесконечным множеством баркасов и лодок, азиатский и европейский берега наводнили толпы народа в разноцветных костюмах, которые составляли по настоящему волшебное зрелище. Я покинул наш корабль в самом разгаре действа, когда музыкально бушевали дружные «ура» и клубился дым орудий, которые еще долгое время после этого неслись над проливом.

Мы провели еще несколько дней, развлекаясь в Константинополе, и приближение момента нашего отъезда не вызывало ничего кроме сожаления. Госпожа Марини приехала в Буюкдере, чтобы иметь побольше времени для прощаний со мной, которые были бы, возможно, очень трогательны,

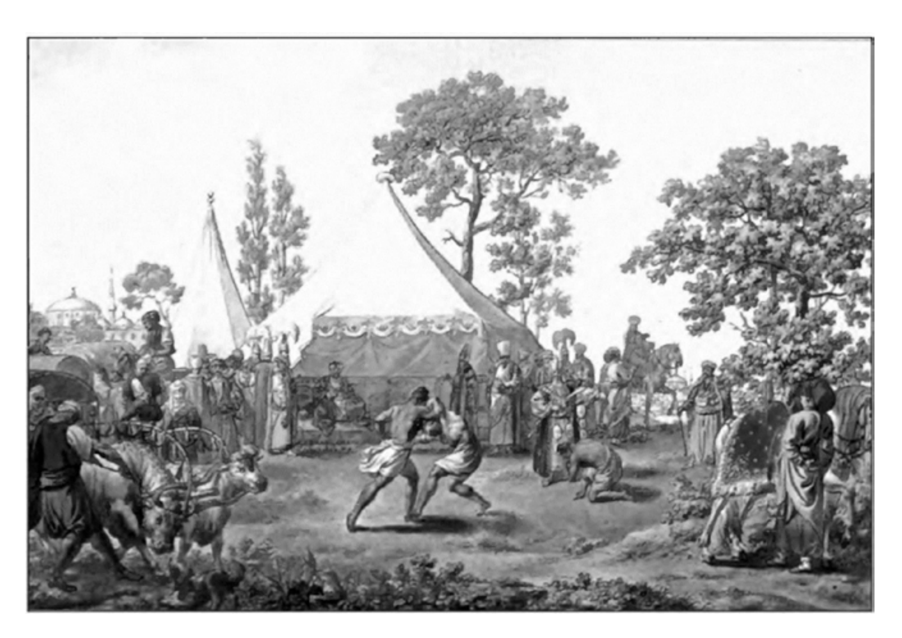
если бы предусмотрительность не заставила ее подыскать на мое место другого, который занял ее спальню до того, как наш бриг смог поднять якорь.

К десяти часам утра мы проплыли мимо сераля, затем мимо семи башен и зашли в это прекрасное озеро, или Мраморное море.

К вечеру перед нами открылись Дарданеллы, и глазам предстал вид более обширный, нежели вид Константинопольского пролива, но менее живой и обжитый; Галлиполи, лежащий на европейском берегу, скромно предстает взору. Несколько минаретов являются единственным его украшением, остальная часть побережья начисто лишена поселений; и эта земля, некогда бывшая ареной стольких великих событий, наполненная знаменитыми городами и огромным населением, теперь представляет собой пустыню. Этот прежде величественный пролив используется флотом не более, чем опасный торговый проход у стен Константинополя.

Сами руины древнего Ламзака и стольких театров и знаменитых памятников исчезли под действием опустошающего времени и переворотов, и больше не найти следов искусства и богатства греков, кроме как на месте перехода пролива Ксерксом и прелестей Леандра; по берегам пролива все спокойно; два оснащенных большими орудиями донжона: один — на азиатском берегу, другой на европейском, построены рядом с Сестосом и Абидосом у места впадения Дарданелл в Средиземное море. Кажется, что они защищают проход от этого прекрасного одиночества.

Наш бриг бросил якорь в ожидании восхода солнца и благоприятного ветра, чтобы избежать течения. Чтобы придать больше игры нашему воображению, в котором сходились в бою греки и персы, генуэзцы и мусульмане, какой-то американский фрегат бросил якорь рядом с бригом московитов.

Турецкие борцы. Рисунок Е. М. Корнеева. 1804

На следующий день очень свежий ветер быстро унес нас от этого прекрасного мавзолея греков и даже позволил проплыть нам перед надгробным памятником величию Трои и столь многих героев; — мы различали только нечто вроде арки и несколько развалин стен, которые были единственными остатками Трои Александра[4], построенной на некотором удалении от Трои древней. Сколько воспоминаний! Видя все эти места, которые занимали твое воображение с младых ногтей, приходишь в восторг. К полудню нашим глазам открылся Тенедос и турецкий флот, среди которого развивались флаги двух наших кораблей, «Азии» и «Прасковьи».

---

[4] *Троя Александра* — город, основанный в 300 г. до н. э. одним из полководцев Александра Македонского — Антигоном I. Город расположен в 20 км южнее от Трои Гомера. Автор мог видеть постройки уже римского времени (руины театра, храма и терм, которые можно увидеть и в настоящее время).

Мы приветствовали капудана-пашу, но, так как он находился в этот момент на борту одного из наших кораблей, нам пришлось лавировать некоторое время прежде, чем нам ответили на приветствие.

На следующий день мы увидели вдалеке слева гору Митилену и к вечеру вошли в бухту Смирны; поднимающееся солнце показало нам город Смирну, который роскошно раскидывается вдоль берега, увенчивая собою часть гор.

На рейде стояло множество кораблей всех наций; мы спустились на берег и пошли устраиваться к нашему консулу Марасини, у которого была очень гостеприимная матушка и весьма любезные сестры. Одна из них была очень хорошенькая, и за ней с полным на то основанием я не преминул поухаживать, соблюдая, однако, все законы чести. После того, как мы изучили город, его прекрасные окрестности, несколько деревень, принадлежавших европейским торговцам, мы наняли лошадей и нескольких янычар и направились в Эфес. По дороге в одной кофейне, где шесть или восемь вооруженных мужчин следят кое-где за порядком на больших дорогах и слишком дорого просят за чашку кофе, я повздорил с одним из этих господ и дал ему пощечину, он, вероятно, ответил бы мне выстрелом, если бы один из наших янычар не подоспел мне на помощь. Потом он внушил мне через переводчика быть в следующий раз более осторожным, и что когда я буду убит, мой фирман султана мне больше не пригодится.

Мы прибыли на прекрасную и знаменитую равнину, усеянную развалинами, грустным свидетельством былого великолепия Эфеса. На более чем четырех квадратных верстах видны только остатки акведуков, колонн, театров, огромных зданий, одно из которых было школой философии, другое — храмом, посвященным то ли языческому Богу, то ли Богу, которому мы поклоняемся, — руины перемешались; обряды,

процессии священников знаменитого Эфесского храма, нарочитая простота первых отцов церкви — теперь все это существует только в истории. Море, которое прежде омывало ноги этого священного города и приносило в храм Дианы дары всех наций, отступило и оставило широкое пространство между своими водами и руинами Эфеса.

Не встретишь и намека на поселение, создается впечатление, что даже турки чтут память храма Дианы и церкви Святого Иоанна и боятся пренебрегать столь прекрасным воспоминанием. Мы совсем одни среди этой груды руин, окружены остатками города, который был сценой для помпезности и для переворотов, для процветания и бедствий. Можно превосходно различить архитектуру многих памятников.

Часть руин, которая находится на севере города, и даже некоторые развалины невдалеке от южной части сохранились бесконечно лучше, это то место, откуда видна церковь Святого Иоанна, первая из христианских церквей; она еще сохранила две гранитные колонны огромной высоты, другие украшения, оставшиеся со времен мечети Святой Софии в Константинополе, врата, называемые вратами Преследования, сохранились почти невредимыми. Они украшены барельефом также превосходной сохранности, представляющим вакханалии. Эта часть города, первое прибежище христианства, надолго пережила южную, жители которой в течение веков поклонялись Диане. На ипподроме в Константинополе видна витая бронзовая колонна, сделанная в виде трех змей, это фрагмент одного из главных оснований знаменитого храма Дианы.

В течение двух дней мы исходили эти развалины, в течение двух дней мы жили одни среди стольких мертвых. Воспоминание о той меланхолии, о грусти, которая царила в обломках Эфеса, сопровождает меня в Смирне, с удовольствием

я смотрю, как наш бриг увозит меня из этой Азии, обреченной еще на века варварства: может быть, исчезнут даже следы руин Эфеса прежде, чем цивилизация и свобода вернутся, чтобы осчастливить свою колыбель.

Мы причалили к Схио, одному из самых больших и самых прекрасных островов Архипелага. Что нас сначала поразило, так это то, что мы встретили только женщин, все мужчины, занятые мореплаванием и торговлей, возвращаются только зимой наслаждаться прелестями домашней жизни. Наряд женщин на Схио почти что полностью походит на одежду торговок из Ярославской губернии. Этот остров принадлежит непосредственно сералю, и не имеет другой повинности, кроме поставок во дворец султанов апельсинов, лимонов и мастики; капудан-паша, главный управляющий всех островов архипелага, из которых он вскоре начнет выбивать дань каждое лето, не осмеливается ничего брать со Схио; этот остров был бы самым счастливым в мире, если бы турецкий комендант крепости, возвышавшейся над городом Схио, не позволял себе частенько притеснять бедных жителей.

Город был построен венецианцами; все дома из камня в один или два этажа и слишком узкие улицы. Сады, которые покрывают весь остров, следуя изгибам высоких гор и спускаясь в самые глубокие долины, превращают весь остров в истинный рай. Приблизительно в 10 верстах к северу от города, почти у берега моря есть один источник хрустально чистой воды, окруженный вековыми деревьями, еще ближе к берегу высится скала, которая, как считают, была сюда принесена; она окружена лужайкой и цветами; вершина представляет собой террасу, и там превосходно различается цепь, высеченная в скале. Это прекрасное и уединенное место называют Школой Гомера! Одного имени этого отца муз

довольно, чтобы привлечь к этой скале и деревьям интерес и воспоминания. К заходу солнца я вернулся на шлюпке на борт нашего брига; легкий ветерок с берега донес до нас воздух, наполненный ароматом апельсинов.

С высот Схио видна бухта Чесме, столь знаменитая славой нашего флота и полным уничтожением флота турецкого. Каким ужасным зрелищем должен был стать для жителей Схио взрыв нашего линейного корабля и более семидесяти турецких судов.

Мы направились к Тиносу; ураганный ветер домчал нас туда с пугающей быстротой. Остров этот казался местом пребывания Эола, ветры здесь постоянны, а очень опасной стоянку на якоре делает то, что стоять приходится в открытом рейде, у берегов же острова торчат скалы.

Генерал устроился у нашего консула и там слег, опасно заболев. Жена окружила его самыми нежными заботами, и я воспользовался этим случаем, чтобы объехать вокруг Кикладских островов.

Мы начали с Сироса — города, построенного в виде сахарной головы и своей бедностью доказывающего бесплодие скалы, которая и составляет этот маленький остров. Весьма примечательно то, что его жители являются католиками. Предание гласит, во время страшного мора, полностью опустошившего Сирое, к нему подошел один венецианский фрегат и нашел там всего 6 женщин, избежавших заразы. 6 матросов решились разделить участь этих несчастных, и остров, обязанный им восполнением своих жителей, принял также и их религию.

Мы продолжили наш путь и причалили к Паросу; этот остров, столь знаменитый в истории Греции своими несчастьями и своим мрамором, еще наполнен фрагментами развалин, но столь бесполезными, что они не представляют

сколь-либо интересного целого: стены домов и садов полны обломков колонн, архитектурного убранства, о происхождении которого не ведают бедные жители, столь далекие от того, чтобы оценить его красоту.

Мы посетили эту древнюю мраморную каменоломню, которая породила шедевры Фидия; Афины, вся Греция, древний Рим пытались отыскать там блоки, которые должны были создать изображения их богов, некоторые из которых доселе являются прекраснейшими украшениями музеев нынешнего мира.

На Антипаросе, находящемся совсем недалеко от Пароса, нам предоставили ослов, на которых мы были посажены, чтобы преодолеть почти отвесные скалы и проехать верхом вдоль пропастей, чтобы прибыть затем в грот Антипароса. После опасной дороги и невыносимой жары мы были сполна вознаграждены впечатлением, которое ощутили через пугающую красоту этого грота, в который спустились также с риском сломать себе шею.

Факелы, зажигаемые во многих местах грота, производят волшебный спектакль, отражаясь со всех сторон в кристаллических колоннах и пирамидах, формы, размеры и цвета которых изменяются до бесконечности. Природа, быть может, с помощью древних обитателей Антипароса, создала перегородки, которые разделяют этот подземный дворец на большие залы, маленькие комнатки, на ужасающей высоты и глубины этажи: здесь прогуливаешься, трепеща; один неверный шаг мог бы навсегда сбросить вас на самое дно этого мрачного жилища; хотелось бы продлить свое пребывание в этом таинственном и необычайном месте, и все же счастлив оказываешься вновь увидеть свет дня и выйти из этой двери Преисподней.

На другой день наш бриг бросил якорь в виду большого Рения и славного, набожного Делоса. Сначала шлюпка

доставила нас на остров Рений; он покрыт лишь обломками, идешь только по кускам мрамора, большая часть которых исчезает понемногу подо мхом и терниями; этот остров не родит ничего, даже деревца, ни один человек здесь не живет, остров служил кладбищем для благочестивых жителей Делоса, и здесь еще видны во множестве саркофаги и надгробные камни. Мы покинули этот мрачный остров, чтобы прогуляться среди руин и обломков, покрывающих всю поверхность Делоса, который может иметь 2 или 3 версты в длину на полторы версты в ширину.

Вся Греция приходила сюда поклоняться Аполлону, приносить свои дары, свое богатство, искать здесь благочестия и находить здесь удовольствия. Среди груды руин, обломки которых перемешались, можно с неуверенностью отметить только местоположение знаменитого храма, но без труда

Константинополь. Мечеть в Эйюбе. 1830-е

можно было бы восстановить театры и царский дворец; один из этих первых весь целиком из белого мрамора и громадного размера. Дворец сохранил весь свой облик, но вместо воды он наполнен барабанами колонн, кусками статуй, ни от одной из которых не осталось ничего кроме туловища, совершенной работы и гигантской величины. Нельзя сделать ни шагу, чтобы не наступить на несколько обломков искусств и древнего великолепия Делоса.

Был полдень, когда со всем пылом любознательности мы пересекли Рению и развалины Делоса; от усталости, жары и жажды мы не имели более сил. На старом плане острова, с которым я справлялся, мы с радостью обнаружили, что на оконечности острова, противоположной той, где мы находились, был колодец: мы устремились туда, но колодец был сух. Мы ничего не взяли с собой, опасение умереть от жажды заставило нас забыть тот интерес, который внушала нам древняя земля Делоса, и мы поторопились возвратиться на наш бриг.

Небо предвещало грозу, мы поскорее подняли якорь, чтобы она не застигла нас врасплох среди этих островов, которые есть ничто иное, как опасные рифы, где тишина смерти уже шла по стопам религиозных процессий, шума зрелищ и праздников, на протяжении стольких веков составлявших славу этих самых скал.

Очень свежий ветер привел нас на Миконос; это один из самых радующих глаз и самых плодородных островов этого маленького архипелага; он украшен садами, прелестными домами и, особенно, очень хорошенькими женщинами, одежда которых еще более подчеркивает их прелести. Они носят род туники, даже не закрывающей полностью колени, которая завязывается под горлом золотым шнуром; вуаль, не скрывающая лица, придает изящество их прическе,

а красные подолы и туфли оттеняют белизну туники и вуали. Это самый соблазнительный костюм, который я когда-либо видел.

Проведя несколько дней в этом путешествии, мы возвратились в Тинос, где были извещены о состоянии здоровья нашего старого генерала. Он был почти вне опасности, и я покинул его во второй раз, чтобы вернуться в Афины, откуда я должен был отослать ему бриг, и куда он должен был прибыть, чтобы забрать меня после своего полного выздоровления.

Одна только мысль о путешествии к Афинам наполнила мое воображение; сильный ветер заставлял нас со скоростью рассекать те волны, которые несли когда-то столько афинских флотов, стольких колонистов, которые, отплывая от матери-родины, приносили искусства, науки и свободу на все берега древнего мира. Мы быстро проследовали в виду мыса Коллони или мыса Суния, на котором мы заметили руины древнего храма, многие колонны которого еще невредимы; к заходу солнца мы уже были в заливе Афин, Парфенон открылся нашему взору, и, наконец, мы увидели Афины.

Мои взоры не могли оторваться от этого прославленного города или, скорее, от воспоминаний, связанных с этой античной твердыней, одно только имя которой оставляет в памяти неизгладимый след, с чередой великих событий, великих подвигов, процветания и превратностей судьбы.

Я с восторгом созерцал прекрасное зрелище последних дневных лучей, показывавшихся между колонн храма Минервы и золотивших этот отполированный веками мрамор.

Наш бриг бросил якорь в порту Пирея! Он был единственным в столь оживленном прежде порту. Поселения, храмы, крепостные стены, которые некогда украшали эти берега, представляли теперь всего лишь груду руин, жители,

торговля, богатство исчезли отсюда, как и флоты афинян. На выдвинувшейся в море скале еще видно могилу Фемистокла, а напротив этой могилы — остров Саламин и воды, которые принесли победу Фемистоклу, поражение персам и залог величия Афинам.

Я провел ночь на борту нашего брига, пытаясь пожить за две тысячи лет до моего рождения. Едва занялся день, я сошел на берег, и не могу выразить того живого ощущения, которое я испытал, ступая по этой земле; мое воображение поднимало из руин разрушенное, вновь отстраивало храмы, воскрешало рядом со мной Алкивиада и его великих воинов.

Я следовал по следам тех стен, что соединяли порт и город Пирей со стенами Афин, они различимо видны; несколько виноградников и оливковых рощ заполняют теперь пространство, покрытое некогда домами и трудолюбивым народом. Я ускорил шаги, чтобы скорее войти в этот город — школу правителей, героев, философии и искусств. Первое, что притянуло мои жадные взоры, был храм Тезея, возведенный спустя 10 лет после битвы при Саламине; его считают шедевром архитектуры, тем более ценным, что полностью сохранился, только барельефы изуродованы. Греки, утрачивая культ своих богов, утрачивая свое величие, устроили в нем церковь, и фанатизм уничтожил украшения, которыми был убран этот храм. Я обратился к французскому консулу Фуэлю, принявшему столько участия в прекрасном труде графа Шуазёля; он познакомил меня с одним превосходным итальянским рисовальщиком Лусьери, и я обосновался в маленьком домике, который мне уступил один грек.

Пребывание в Афинах вдохновляет интерес, тем более живой, что здесь он не рассеивается никакими современными предметами: в Константинополе азиатский блеск скрывает незначительные остатки произведений искусства и памятников древней Византии, возвеличение турок затмевает славу

Греции; в Риме Капитолий унижен собором Святого Петра, могущество и преступления пап смешиваются там с семью чудесами света и с римскими доблестями. В Афины не пришло ничего, что могло стать рядом с произведениями Фидия и Праксителя, и слава Периклов и Фемистоклов одна парит над обломками их отчизны. Лачуги нынешних жителей, прилепившиеся к руинам древних памятников, подчеркивают их красоту, скрывая их далеко от взора. Можно сказать, будто народ Афин только что покинул этот город, в котором землетрясение накануне разрушило прекраснейшие украшения. Это те же улицы, те же общественные места, почти та же крепостная стена... Я устремился в Парфенон, подъем туда довольно крутой; вдоль этого склона проходишь античную стену, столь же древнюю, как и рождение государства республики, входишь через ворота в это огражденное прибежище первых основателей Афин, ставшее с тех пор религиозной святыней и обращенное теперь турками в скверную крепость.

Ступени, по которым некогда с почтением и восхищением достигали входа в Пропилеи, покрыты обломками. Плохонькие пушки помещены в прекрасных остатках этого замечательного портика, но совершенно различима еще целостность его постройки, многочисленные колонны которой невредимы, и внутренний вход, ведущий в храм Минервы, существует и еще поддерживает огромный архитрав из единой мраморной глыбы, и самый дерзкий механик был бы изумлен, увидев ее перемещенной на столь значительную высоту.

Наконец оказываешься в храме Минервы и постигаешь чувство благоговения, созерцая этот памятник, столь же обширный, сколь и совершенный в своих пропорциях; колонны дорического ордера из самого прекрасного белого мрамора, который время суток окрасило красноватым

цветом, поражают своей массой и совершенно сохранились; главный фасад и поднятые наверх метопы суть творения Фидия. Здесь еще находят куски мрамора, которые сохраняют все совершенство и завершенность резца этого знаменитого мастера. Две боковые стороны храма по середине открыты; одна венецианская бомба, попавшая в это здание, которое варварство турок низвело до положения порохового склада, произвела взрыв, бесчисленные обломки от которого еще покрывают внутреннюю часть и подходы к храму.

Посреди этого храма, где статуя Минервы, блистающая золотом и слоновой костью, обоготворенная возвышенной рукой бессмертного Фидия, вызывала поклонение Афин и всей Греции, теперь поднимается построенная из обломков храма мусульманская мечеть, которая кажется поставленной здесь нарочно, чтобы оттенить его огромные и прекрасные пропорции. Я не мог перестать приходить восхищаться этим памятником, которого одного было бы достаточно, чтобы показать величие афинской республики; я любил ходить по этому священному полу, прогуливаться под портиками — свидетелями стольких событий, торжеств, процессий, которые видели рождающимися и умирающими столько поколений, которые видели растущее процветание и свободу Афин, которые видели их падение и которые видят их отвратительное рабство.

Божества Язычества отступили при виде креста, почитаемого христианами, крест сокрылся под вызывающим господством полумесяца, а храм Минервы, паря над Аттикой, бросая вызов векам и переворотам, кажется ожидающим возвращения свободы, искусств и почитания Богов.

Совсем рядом с этим храмом находится храм Эрехтейон, возведенный на том месте, где Нептун в знак славы, которую он сохранил за афинскими моряками, заставил бить источник, и где Минерва как залог богатства, которое суждено было

земледельческим работам, заставила появиться оливковое дерево. Храм этот ионического ордера был украшен 5 кариатидами, одна из которых вывезена лордом Элджином, большим варваром, нежели турки, которые уважали эти драгоценные памятники, или, по крайней мере, боялись их разрушать. Храм этот столь же древний, как и самые первые сооружения Афин, и восхищающий своими прекрасными пропорциями, завершенностью и богатством своих украшений.

Театры Вакха и Ирода Аттика почти придвинуты к стенам Парфенона, незначительные остатки первого едва различимы, но второй еще достаточно сохранился, чтобы можно было точно себе представить, каким он был. Почти напротив находится памятник Филопаппу, на верхнем рельефе которого можно видеть колесницу, запряженную четверкой лошадей, почти в натуральную величину и прекрасной работы. Недалеко находится Агора, где 30 тысяч человек могли собираться и отчетливо слышать речи ораторов. Именно с этого места Алкивиад, дабы склонить народ к экспедиции на Сицилию, показывал мачты кораблей, которые покрывали порт Пирея.

С противоположной стороны, и вне стен города, проходишь под триумфальной аркой Адриана, которую афиняне, побежденные, но еще великие своими искусствами, науками и прошлыми подвигами, воздвигли этому императору, добивавшемуся расположения замечательного народа, которому он же и нес оковы. На некотором расстоянии от этого места величественно возвышается группа колонн коринфского ордера, которые были частью огромного и величественного храма Юпитера. Эти колонны, огромной высоты и совершенной работы, кажутся еще более гигантскими, поскольку они отделены от всего здания.

Парфенон в Афинах. 1830-е

Внутри города обнаруживаешь полностью сохранившийся храм Эола[5], который служит теперь мечетью вертящихся дервишей, рода монахов-мусульман: этот маленький храм восьмиугольный и украшен по каждой из сторон фигурой, представляющей одного из эоловых посланцев.

На углу греческого монастыря восхищаешься прелестной ротондой, которую именуют фонарем Диогена; она превосходно сохранилась и украшена замечательного рисунка и легкости барельефом.

---

[5] *Башня ветров* (высота 12,8 м) — восьмигранное сооружение из мрамора с флюгером, солнечными и водяными часами построена в 1 в. до н. э. Названа так в связи с находившимися на ней рельефными изображениями восьми основных ветров. Архитектор — Андроник. Постройка сохранилась до наших дней. *Вертящимися дервишами* называли дервишей суфийского ордена Мевлана. Для достижения состояния необходимого для общения с богом, они исполняют определенный танец, называемый «музыкой сфер».

Позади лавчонок, пробитых в укреплениях древней стены, есть несколько огромного размера колонн ионического ордера, которых время и, возможно, пожары полностью окрасили в черный цвет. Совсем рядом с этими руинами теперь жилище турецкого воеводы: на улице, ведущей к рынку еще можно видеть вделанную в древнюю стену мраморную доску, на которой отчетливо читаются цены на зерно и другие съестные припасы, объявленные в чрезвычайном народном собрании; к несчастью, место, где был высечен год, сбито.

Почти все стены нынешних домов являются отчасти остатками древних строений, и те, которые заново возведены, построены из обломков колонн, орнаментов и барельефов: шагу не ступить, чтобы не встретить каких-нибудь фрагментов произведений искусства и былого великолепия.

На некотором удалении от Афин собираются отыскать храм Венеры в Садах, надеются обнаружить его следы в некой полностью бесформенной руине; только мирты, единственное, что есть во всех его окрестностях, еще окружают древнее жилище своего божества. Спускаешься в некое подобие довольно узкого подземелья, которое вело, быть может, в одно из святилищ мистерий Венеры. Обломки не позволяют проникнуть далее, и народное предание гласит, что те, кто захотел проложить себе дорогу в этом подземном месте, были истреблены огнем, который вырывался оттуда. В стену этого прохода вделан барельеф, представляющий вакханалию, позы на котором не свидетельствуют в пользу благопристойности почитателей Венеры.

На некотором расстоянии от города располагается цирк, очертание которого столь хорошо сохранилось, что без малейшего труда можно было бы заставить там бегать колесницы и сражаться гладиаторов. Узнается местоположение бывшего с одной стороны храма фортуны, а с другой — храма победы; перед боем взывали к милостям фортуны,

после же боя победители восходили к высшим почестям, воздавая благодарность победе. Маленький проход, который был устроен под амфитеатром, чтобы под свист публики позволить побежденным ускользнуть, еще существует, так же, как и вход в подземелья, в которых содержали диких зверей, предназначенных для боев. Мраморные скамьи, которые в амфитеатре окружали весь цирк и служили сиденьем для зрителей, более не существуют или покрыты землей и мхом.

Справа от порта Пирея есть большая гора, с которой надменный Ксеркс, уже хозяин Афин и огромной части Греции, хотел насладиться видом своего несметного флота, число которого казалось подавляющим слабые силы Греции: он стал лишь зрителем разгрома и уничтожения своих кораблей, и спустился с этой горы, трусливо убегая. Славной этой победой при Саламине Фемистокл на 18 веков отодвинул тот момент, когда Азия должна была наложить оковы на его родину. Вид, которым наслаждаешься с высоты этой горы, один из самых обширных и самых разнообразных, что приходилось видеть.

Выходя из Афин через самые близкие к храму Тезея ворота, следуешь священным путем, который ведет в Элевсин, и по которому процессии и элевсинцы отправлялись в этот храм, чтобы справить там мистерии и насладиться распутствами любви, которые были приняты в церемониях этого сладострастного культа.

На дороге еще видны вмятины от колесниц, которые направлялись в Элевсин. По обеим сторонам этого священного пути некогда возводились храмы, множество памятников и статуй, воздвигнутых в честь великих людей Греции, и гробницы самых знаменитых граждан республики; от них остались лишь мелкие обломки, рассеянные в этом уединенном месте, которое представляет лишь вид разорения и пустыни.

В самом Элевсине не найдешь ничего кроме бесформенной груды обломков; единственный невредимый пьедестал привлек наше внимание; надпись сообщала, что он был поставлен в честь одной женщины, во все время своего замужества остававшейся верной своему мужу.

Вернувшись с нашей прогулки в Элевсин, мы отправились в загородный дом воеводы, пригласившего нас присутствовать на скверном фейерверке, который он приказал запускать, сопровождая отвратительной музыкой.

Гора Гимет, особенно известная отменным медом, который там собирают, стала еще одним предметом длинной и утомительной прогулки: мы провели ночь у подножия этой горы в бедном греческом монастыре и поднялись на нее до рассвета, чтобы насладиться прекрасным зрелищем восхода солнца и увидеть его сияние, море, множество островов, город Афины и почти всю Аттику.

Мы посетили заброшенную каменоломню, из камней которой были построены все храмы и здания Афин. Огромные блоки этого прекрасного мрамора, отделенные последними рабочими, лежат еще на своем месте и ожидают воскрешения Афин.

Французский консул Фуэль и рисовальщик Лусьери, оба с давних пор обосновавшиеся в этом городе, занимаются на зависть один другому раскопками, произведения, найденные ими, послужили достойным наполнением самых лучших кабинетов античности. Они нашли многочисленную коллекцию этрусских ваз всевозможных форм и размеров, черные или красные рисунки на которых удивительно свежи. Некоторые из этих фигур раскрашены в разные цвета. Они нашли также множество урн, заключавших останки и благовония, посуды, ламп, бронзовых украшений и среди прочего — ветвь оливы из золота, исполненную с утонченностью, которая могла бы послужить моделью нашим самым искусным

ювелирам. Я уверен, что при формальном дозволении великого повелителя и с множеством работников в самом городе и в окрестностях найдено будет множество драгоценных предметов.

После прошедших 6 недель в Афинах прибытие генерала Спренгпортена заставило меня покинуть этот город; не без сожаления отдалялся я от него, дав обеты, как бы ни сложилась моя судьба, однажды вернуться, чтобы поднять его из руин.

Вскоре мы потеряли из виду берег Аттики; вдали мы увидели вершину острова Гидры, хотя и самого маленького из островов Архипелага, но самого значительного их них благодаря отваге и умению его матросов, активности его верфей и легкости постройки его судов. Турки уважают этот маленький остров, с которого они набирают своих лучших моряков; гидриоты — опасные пираты; они сделали много зла туркам, когда наш флот под командованием графа Орлова воодушевил всех островных греков поднять против Порты знамя восстания.

Я высадился на острове Цериго, древней Цитере, месте пребывания Венеры; первое, что поразило мой взор, был русский часовой, сделавший «на караул», он заставил меня позабыть мать всех любовных страстей. Ныне этот маленький остров, более чем малонаселенный и весьма бедный, составляет часть семи Ионических островов и, как и 6 прочих, охраняется русским гарнизоном.

Бриг не останавливался там, и я имел удовольствие лишь прикоснуться к земле, которая некогда была храмом Сладострастия.

Мы обогнули мыс Матапан и были захвачены штилем в виду мыса Модон, я воспользовался этим, чтобы сойти на берег и бегло осмотреть маленький город, крепость и сады

в окрестностях, в которых нам позволили взять столько фруктов, сколько мы могли оттуда унести, заплатив за это мелкой серебряной монетой. Турецкий комендант, узнав о нашем приезде, приказал нам тотчас же вернуться на борт нашего корабля, в противном случае он приказал бы взять бы нас под стражу: я не захватил с собой мой фирман от визиря, поэтому нам пришлось торопливо проследовать к нашей шлюпке, смиренно выслушивая оскорбления и угрозы от уличных шалопаев.

Непереносимая жара и штиль, прерывавшийся лишь слабым вечерним и утренним бризом, много дней досаждали нам; мы медленно прошли перед островом Занте, затем — между Кефаллонией и островом Итака. Это царство Улисса хотя и принадлежало Ионической республике, не сочло для себя достойным быть занятым хотя бы ротой русского 13-го егерского полка, расквартированного на прекрасном острове Кефаллония. Пенелопа должна была быть очень красивой, чтобы руки ее домогалось столько соперников, ее царство не стало приданым для притязателей на ее руку.

Мы проследовали перед Святой Маврой, и, наконец, заметили Корфу. Вечером звук барабанов, бьющих вечернюю зарю, долетел до нас; ночью мы слышали перекличку наших часовых. Русские гренадеры на древней Керкире, защищающие стены, что возвела там Венеция, грозящие берегам Албании, русский флаг, господствующий на Адриатическом море; Архипелаг и Корфу, послушные Императору Александру, во многом затмили воспоминания о величии греков. Утром наш бриг салютовал андреевскому флагу, который гордо развевался в порту. Мы бросили якорь среди наших линейных кораблей, и генерал Анреп, командующий сухопутными войсками, отправился представить свой рапорт генералу Спренгпортену.

Я нашел на Корфу полковника гвардии Арсеньева, с которым я близко был знаком в Петербурге, и который мне предложил разделить с ним его квартиру.

Я добился разрешения из Петербурга покинуть генерала Спренгпортена, оно ожидало меня на Корфу, и я ощутил себя полностью свободным в своих действиях.

Я сопровождал генерала Анрепа в поездке, которую он предпринял вокруг острова, чтобы осмотреть там все пункты высадки и обороны. Сначала мы пересекли его в ширину; с Корфу отчетливо видны берега Греции, а с противоположной стороны мы различили, но лишь как облако, берега Италии.

После мы отправились на север острова и пересекли его затем по всей его длине, до южной точки; эта часть острова заканчивается песчаным пляжем, который теряется в море, остальная местность — не более, чем продолжение очень высокой горы. Деревни держатся равнин; одни монастыри украшают несколько скалистых вершин и своим расположением и древностью стен своих прибавляют безжизненности краю, который рядом с садами олив, лимонов и апельсинов представляется ужасной бездной и самым диким утесом. Весь остров испытывает недостаток в воде, в цистернах хранят воду от дождей, которые зимой бывают столь обильными, что походят на наводнения. Есть несколько слабых источников, воду из которых жители деревень приходят продавать втридорога в город.

Корфу, древняя Керкира, поднявшись вместе с цивилизацией и политикой Греции, явив ужаснейшие сцены свирепости внутренних распрей, разделила участь государств Греции и, как и они, была подчинена римлянам, Восточной империи и испытала гнет мусульман. Венеция освободила ее от него и сделала из него один из самых великолепных бульваров, созданных за время ее могущества.

Войны французской Революции, разрушив последнюю тень этой древней и цветущей республики, принесли трехцветный штандарт на стены Корфу: с берегов Невы приказ Павла I вооружил в Крыму флот, заставил Порту согласиться на его проход через Дарданеллы и присоединить свой флаг к флагу России; два объединенных флота пришли осадить Корфу; эта крепость, почти неприступная, сдалась нашему оружию; в том же году Неаполь отвагой горстки наших солдат вновь обрел свою независимость; Суворов, стремясь от победы к победе, освободил Италию и изумил Европу. Семь Ионических островов, из которых Корфу должен был стать главным, объявлены были независимой республикой под тройным покровительством России, Англии и Турции.

Город маленький, множество церквей и несколько общественных зданий — прекрасной архитектуры, цитадель, арсенал, казармы, все фортификационные сооружения свидетельствуют о великолепии Венеции и о громадных суммах, которые она употребила, чтобы обезопасить этот ключ к Адриатическому морю от любой атаки.

Весь остров, за исключением нескольких венецианских семей, которые там обосновались, следует греческой вере; в кафедральной церкви находятся мощи Святого Спиридона; их проносят в определенный день с большим почетом по всему городу; войска тогда под ружьем, весь деревенский люд стекается, чтобы почтить своего покровителя; колокола по всей стране и пушки укреплений разносят вдаль весть об этом торжественном празднике.

Порт защищен и закрыт островом Видо, который находится в середине и создает на севере и на юге проход, по которому можно выйти и войти с любым ветром, и столь просторный, что 100 линейных кораблей могут там встать на якоре. Южный вход находится под защитой пушек цитадели.

За сооружениями, составляющими оборону внешней части Корфу, возвышаются еще три больших укрепления, из которых правое прилегает к форту Святого Сальвадора; среднее — к форту Святого Рока, а левое — третий форт — придвигается к морю так, чтобы вся крепость и цитадель, которая находится в месте, наиболее выдвинутом в море, образовывали полуостров, защитой коего и является эта фортификационная линия. За этими фортами, оставляющими широкое открытое пространство между основной частью площади и ее постройками, находится равнина, самая приятная для глаз, которую только можно увидеть. Вдоль берега моря вытянулся городок Корфу, многочисленные кофейни которого заполняются народом тотчас, как вечерняя прохлада дозволяет прогулки. Городок заканчивается фруктовыми садами и очаровательными лужайками: именно там помещают знаменитые и восхитительные сады Алкиноя. Природа

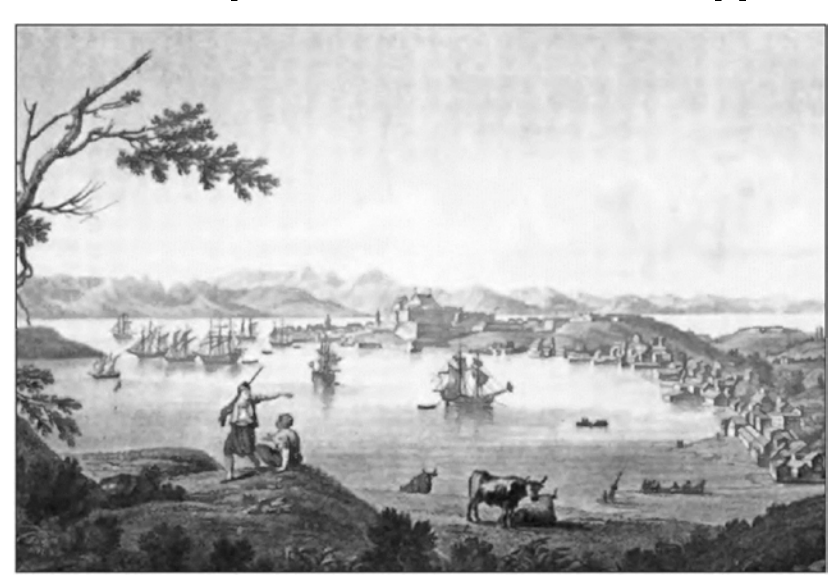

Памятник Лисикрата в Афинах. 1830-е

кажется здесь раскрывающей особенную красоту; древние и густые деревья защищают здесь траву от палящих солнечных лучей и сохраняют разнообразнейшие и прелестнейшие цветы.

Наиважнейшая часть торговли Корфу — масло, которое считается одним из лучших в мире; его апельсины и лимоны также имеют высокую репутацию; корфиоты — хорошие моряки, очень трудолюбивые, любящие свободу и способные легко находить выход из всех передряг. Как и все греки, они питают отвращение к туркам, но почти столько же ненавидят своих прежних хозяев — венецианцев. Единственное иностранное влияние, которое они могут быть способны сносить, это влияние России, одна Церковь объединяет две нации.

Гарнизон Корфу был многочисленен: вместе с батальоном Куринского полка, образованным из гренадерских рот, которые прежде составляли охрану неаполитанского короля, в него входили гарнизонный батальон и батальон корфиотов,

Остров Корфу. Рисунок Е. М. Корнеева. 1805

сформированный и возглавляемый русским полковником, а также Сибирский гренадерский, Витебский мушкетерский и 14-й егерский полки. Прочие острова Ионического архипелага охранял 13-й егерский полк. Крепостная артиллерия была весьма значительной, даже в том состоянии, в котором ее передали нам французы; кроме этого мы имели две роты батарейной и одну роту легкой артиллерии.

Флот, пришедший из Черного моря и вставший на Корфу, состоял из 3 линейных кораблей, одного 44-пушечного фрегата, трех меньших фрегатов и множества бригов и авизо, он был усилен эскадрой капитана-командора Грейга, которая прибыла из Балтийского моря с двумя линейными кораблями, одним фрегатом и одним корветом. Затем, после того как я покинул Корфу, сухопутные войска были дополнены еще тремя полками, а эскадра адмирала Сенявина силой в 6 линейных кораблей прибыла из Кронштадта и сделала нашу морскую силу в Средиземном море более чем достаточной, чтобы умерить преобладание здесь английского флага. Этой великолепной стоянкой Россия была обязана единственно энтузиазму, с которым Павел I принял титул Великого магистра Мальтийского ордена. Все его намерения и политические шаги обратились к обладанию скалой, которая стала престолом его нового сана. Горячее желание водрузить здесь свой штандарт заставило его выставить крупные вооруженные силы и вступить в те тесные связи с Англией и Австрией, которые породили блестящую кампанию Суворова в Италии, несчастья корпуса Корсакова в Швейцарии и гибельный десант Германа в Голландии. Император Павел, всегда нетерпеливый в проявлениях своей воли, назначил даже своего наместника, коменданта и адъютантов крепости, которую он страстно желал. Эта самая нетерпеливость, которая вовлекла его в бесполезную войну против Франции, заставила его также быстро переменить партию, и гнев,

внушенный ему против Бонапарта удачным налетом того на Мальту во время его похода в Египет, сменился на милость, лишь только Бонапарт предложил уступить ему свое завоевание.

Все наши агенты за границей были категорически против того, чтобы вступать в переговоры с французским правительством; однако это последнее, желая всеми силами оторвать Россию от альянса с Англией и Австрией, не жалело никаких средств, чтобы угодить Императору Павлу, и, наконец, через нашего посланника в Гамбурге довело до него предложение освободить для него Мальту. Павел тотчас направил в Париж генерала Спренгпортена, полностью и искренне сблизился с Францией, наши пленные там были снабжены обмундированием и вооружены, чтобы сформировать гарнизон Мальты; гнев Павла против Англии не имел более предела, как только эта держава захватом этого острова разрушила все его проекты. Он объявил войну английской нации и был готов объявить ее всем державам, которые успешно сражались против революционных армий, и помышлял уже разделить Европу между Россией и Францией, когда смерть пришла остановить его в его порывах и уберечь Россию от войны, последствия которой были бы непредсказуемы.

Во время всей этой бури, которую Император Александр успокоил своим восшествием на трон, Корфу оставался занятым нашими войсками; это позиция величайшей важности; она дает России преобладание на Средиземном море, тем более заметное, что оно поддерживается желанием греков, которые снаряжают здесь весьма значительное количество торговых судов. Россия за счет этой позиции поддерживает свои прямые связи с греками на материке и на островах и питает надежду на их освобождение. Оттоманская Порта оказывается, так сказать, блокированной нашими силами и может лишь следовать нашей политике или, порвав с нами,

спешить к своей гибели; наши войска с Корфу способны двинуться к Константинополю, в то время, как наши армии, перейдя Дунай и преодолев Балканы, угрожали бы Адрианополю.

Корфу к тому же стал целью для нашего флота; шведы на Балтике и турки на Черном море не могут более воевать против нашей державы, и наши военные моряки, запертые таким образом в двух озерах, где они не находят более противников для сражений, стали почти бесполезными, далекими от того, чтобы совершенствоваться, и подвергались риску позабыть свое занятие.

Почти напротив острова Корфу находится Албания, которая составляет часть огромных владений Али-паши из Янины; человек весьма предприимчивый, вассал Порты и в то же время независимый; он с завистью глядит на все европейские державы, которые утвердились на Ионических островах, тем более, что он опасается своих подданных, которыми он правит только террором и страхом казней.

Он хотел завоевать маленькое племя так называемых сулиотов, которое занимало 5 деревень на почти неприступных горах, и которое, благодаря своему положению и своей бедности избежало ига турок. На протяжении 17 лет эти храбрые горцы защищались против всех попыток Али-паши с почти невероятным упорством и ожесточением. История этой войны показывает, что греки могут еще быть тем, чем были их предки; женщины заряжали ружья своих мужей и предпочитали броситься с вершины утесов, нежели сдаться врагу. Утомленный этим упорным сопротивлением, Али, наконец, предложил мир оставшимся из этих несчастных; то, что не смогла сделать сила, было исполнено ловкостью и деньгами; сулиоты продали свою родину, политую их кровью, и обязались отправиться на Ионические острова, ничто не смогло их заставить признать господина. Они прибыли

на Корфу в числе 600 человек, бывших в состоянии носить оружие. Они были размещены в разных деревнях, и генерал Анреп предложил принять их на нашу службу.

Надежда, что война между Россией и Турцией сможет в один прекрасный день вернуть их победителями на их родину, и соответствие религии заставила их с жадностью принять это предложение.

Мне было поручено командовать этим сулиотским легионом; я не осмелился говорить о том, чтобы его организовывать, ибо мне казалось, что 17 лет смертельной войны были самой военной организацией. Я только разделил их на сотни и десятки для того, чтобы знать, к кому из сотников или десятников я должен был обращаться, чтобы сообщать им приказы, или кого я должен был делать ответственным за эксцессы, которые совершались довольно часто. Сотники и десятники, которых выбрали они сами, имели дозволение носить темляк и получали весьма значительное жалование. Поскольку я сам лично вручал им точно во все месяцы денежное содержание, которое им причиталось, и старался обеспечить им все преимущества, которые были в моих силах, они прониклись ко мне доверием и согласились даже разместиться в казармах. Им была доверена защита острова Видо, куда 30 человек поднимались ежедневно и исполняли со всей строгостью, какую только можно представить, данные им предписания.

Мало-помалу они сами начали подражать нашим солдатам, этому поддерживанию субординации, и постигать, что для того, чтобы служить сообща с нашими войсками, они должны приспособиться к роду упорядоченных движений, что начальник может управлять с быстротой при помощи команд или сигналов. Я выбрал свисток, каждый сотник имел один такой, чтобы повторять тотчас сигнал, который я подавал; всякий маневр был сокращен до того,

чтобы рассредоточиться, быстро выдвинуться вперед, перестроиться и переместиться направо или налево. Такие маленькие учения, подобия войны, которые всегда следовали после приема пищи, забавляли это воинственное племя, и я имел удовольствие дать для генерала Анрепа небольшие маневры, которые совершенно удались и которые состояли во взятии и обороне деревни и садов.

Эти храбрые сулиоты, античный костюм которых напоминал древних спартанцев, часто мне говорили, что однажды они изъявят мне свою преданность, вознеся меня на своих руках на стены Константинополя. Грек все еще остается тем, чем он был в лучшие времена Афин, одно лишь слово воодушевляет его; и энтузиазм, к которому он наиболее восприимчив, нежели все народы Европы, вознесет на высочайший уровень могущества того, кто сумеет его зажечь и вернуть этой нации ее прежнюю независимость.

Спустя несколько дней после моего приезда на Корфу мне сообщили, что на судне, пришедшем из Константинополя и которое было поставлено в карантин, находится некая дама, которая желает со мной говорить. Я тотчас же отправился в порт, откуда шлюпка доставила меня на означенное судно. Я назвал себя и был весьма удивлен, узнав по голосу мадам Лекюйер (l'Ecuyer), с которой я свел знакомство за несколько дней до моего отъезда из Константинополя. Она умоляла меня использовать все, чтобы вызволить ее из карантина, и рассказала мне, что ее муж послал своего секретаря, чтобы отвезти ее в Париж, и что она остановилась на Корфу только для того, чтобы провести несколько дней со мной, благодаря любезности своего провожатого. Мне не нужно было большего, чтобы весьма быстро поспешить упросить генерала Анрепа сделать исключение для этой красавицы, избавив ее от карантина. Он любезно приказал отписать по этому поводу главе сената, и назавтра я поспешил

принять мадам Лекюйер в шлюпку и препроводить ее на квартиру, которую я велел для нее приготовить. Секретарь ее мужа очень кстати удалился в комнату, которая была ему предназначена, и позволил мне спокойно насладиться благосклонностью мадам генеральши.

Была в городе госпожа Белли, жена одного нашего капитана 1-го ранга, большая кокетка, которой я оказывал знаки внимания; она была очень задета, увидев себя оставленной ради этой новой приезжей, и обещала французскому консулу, который весьма усердно за ней ухаживал, согласиться для него на все, если своим авторитетом он через три дня добьется того, чтобы заставить свою соотечественницу продолжить путь. Он ей это обещал и уверил меня, дыша радостью, что он сдержит слово; я со своей стороны уверил его, что он не имеет никакого права на женщину, и что мадам Лекюйер останется столько, сколько мне будет угодно. Шесть дней миновали, госпожа Белли выходила из себя, я насмехался над консулом, и он сказал мне, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я пригласил секретаря отобедать у меня со многими офицерами; когда мы вошли в мою комнату, я был весьма удивлен, увидев его внезапно пробормотавшим несколько слов извинений и покинувшим меня. Один морской офицер спросил меня, знаю ли я этого француза. Каково же было мое удивление, когда он меня уверил, что это был генерал Лекюйер собственной персоной, которого ему довелось видеть зимой, когда тот следовал в Константинополь в качестве прикомандированного к французскому посольству. Я осознал, до какой степени я был одурачен ею и опасными западнями консула, и поспешил к генералу Анрепу предупредить его и испросить его прощения. Он же послал за мной еще быстрее, чтобы предупредить меня о двойном шпионе и о его документах, но было слишком поздно, свежий ветер уже нес их на легком корабле вне нашей досягаемости.

Я был ошеломлен и поражен бесчестностью мужа, который проституирует собственной супругой, мошенничеством этой бесстыдной женщины и скандальным маккиавеллизмом правительства, которое пользуется подобными средствами.

Деньги, которые наши войска и наш флот расточали на Корфу, заставили прибыть туда итальянскую оперу и весьма недурной балет. Одна статисточка, которая представляла лишь свою прелестную фигурку, привлекла мои желания; она была содержанкой одного старого графа-корфиота; дукаты позволили мне войти к ней, и чтобы сломать всю ее разборчивость, я вызвался с лихвой заменить господина графа: все это происходило при помощи одного толмача, за неимением еще времени достичь достаточного успеха в итальянском языке: но капитуляция была подписана, и толмач получил отставку, разговор потек своим чередом, и я удовольствовался тем, что говорил «так» (cosi) вместо ответа на все то, что она мне говорила. На другой день я оплатил 35 дукатами это слово, которое я считал совершенно невинным; так как на плохом итальянском оно означает «очень хорошо», брат прелестной девицы принес мне счет за все покупки, которые она попросила у меня разрешения сделать, и на которые я, стало быть, согласился. Время от времени вместе с моим другом Арсеньевым я заходил поужинать к прелестной статисточке, которая для большего удобства проживала совсем рядом с нашим домом. Вскоре одна из первых танцовщиц избавила меня от моей второстепенной любви, и вознесла ее до роли столь важной, что я не знаю, каким чудом ее любезность не удержала меня на краю бездны: состояние ее здоровья поставило состояние моего в такую печальную ситуацию, что ее отказы и ее признание стоили моей самой сердечной признательности.

Дама прекрасной наружности заставила меня действительно испугаться; наше знакомство состоялось в театре,

в ее ложе; я старался обратить внимание всех моих знакомых на эту новую победу, и моя гордость и моя радость достигли вершины, когда я добился позволения проводить ее. Спустя несколько часов, опьяневшая от удовольствия, эта дама, произнеся мне длинную фразу о клевете, заклинала меня самым прочувствованным тоном не верить тому, что мне говорили, будто ее любовник умер на днях от дурной болезни, которой, как полагают, наградила его она. Мои прощания были весьма краткими, но страхи очень долгими, к счастью я отделался лишь испугом.

Придя в себя, я положил мои клятвенные обещания верности к ногам госпожи графини Дусмани; это была прелестнейшая вдова, собиравшая у себя часть общества. Както после обеда я застал ее спящей на кушетке в неглиже, которое мне показалось надуманным; горничная прикрыла за мной дверь с улыбкой заговорщицы, я разбудил спящую красавицу с помощью самых недвусмысленных ласк и был восхищен, увидев, что весьма далекая от того, чтобы обидеться, она не ответила лучше, нежели тем, чтобы засыпать так часто, как мне того было бы угодно. Я, было, укрепился в этой связи, но ухаживания английского посланника, который просил руки графини, заставили меня уступить ему место, и спустя некоторое время поздравлял новоиспеченную супругу и жалел новоиспеченного супруга.

Напротив моего дома проживала одна девица, которую длинный и худой граф-корфиот держал взаперти со всем усердием утонченной ревности. Я часто прогуливался перед ее окнами, когда месье был далеко от дома, и читал в глазах прекрасной пленницы желание найти хоть какоенибудь развлечение в своем одиночестве. Старуха, назначенная надзирать за поведением барышни, позволила смягчить себя многочисленными мольбами и, особенно, несколькими дукатами, но опасение, которое внушал граф, отдаляло пока

минуту нашего свидания. Наконец, чтобы преодолеть все сомнения, я через одного из моих товарищей велел устроить большой ужин, все издержки по которому, не участвуя в нем, я взял на себя, и на который был приглашен граф, все было устроено для того, чтобы его напоить и особенно — чтобы удержать его до 4 часов утра. В то время, как он предавался удовольствию за столом, я без опаски наслаждался подле своей любовницы всеми возможными удовольствиями. В 4 утра ему позволили покинуть пиршество, но я, несмотря на живые напоминания старухи, приходившей уведомить нас о каждом прошедшем часе, к 4 часам покинуть свое пиршество еще и не помышлял. Мы оказались захвачены врасплох, а единственная дверь, имевшаяся в квартире и в которую стучали с удвоенной силой, лишала меня всякого пути отступления. Нужно было открыть дверь, свет, как бы случайно, был потушен, а вино, заставив графа забыть обычную предосторожность запереться на ключ, позволило мне улизнуть. Я добрался до своего дома в более чем легком костюме, внушавшем мне беспокойство по поводу открытий, которые мог сделать граф, но старуха, воспользовавшись сном своего хозяина, полностью меня успокоила, принеся мне все мое платье еще до восхода солнца. Такие ужины повторялись не раз, но вместо 4 часов я предусмотрительно удалялся на час раньше.

Граф Моцениго, наш посланник при Республике Семи Островов, весьма усердно ухаживал за самой красивой женщиной Корфу — госпожой Армени, юной вдовой, очень богатой, очень хорошей и приятной музыкантшей, и использовал все средства, чтобы понравится; сложность иметь успех отдаляла меня от нее, но в конце концов я в нее влюбился и оставил все, чтобы полностью посвятить ей мое свободное время и мои чувства. Подле нее проводил я свои утра и вечера и посредством забот и ухаживаний достиг того,

что прочно обосновался в милостях прекрасной Армени. Я заставил ее предположить, что могу жениться на ней, и потому она решилась не делать более из нашей связи большого секрета, не скрывать ее перед своей матерью и полностью отправить в отставку всех своих воздыхателей, в том числе и самого господина Моцениго. Но тот, прикидываясь моим другом, с достоинством смирившимся со своей участью, не мог простить мне моего счастья и устроил так, что мне пришлось уехать с Корфу. Он приложил все силы, чтобы выставить меня вызывающим подозрения перед правительством и даже перед моим покровителем — славным

А. Я. Италийский

генералом Анрепом: он измыслил, что я добиваюсь обучения сулиотов лишь для того, чтобы сделать себе карьеру среди греков. Истолковав весьма ловким и гнусным образом предложения, сделанные мною нескольким албанским вождям, и запись, которую я носил с собой, чтобы лучше понимать греческий язык, он уверял, что я, которому не терпелось играть заметную роль, уже приказал называть себя ромейским эфенди, желая называться владыкой греков. В конце концов, он добился того, что генерал Анреп, который не имел права предупредить меня об этой интриге, проникся подозрениями и в один прекрасный день объявил мне, что должен послать меня в Петербург, чтобы донести до Императора самые подробные сведения о том положении, в котором находилась наше устройство на Корфу. Истинную причину моей отправки я узнал лишь спустя несколько лет и готовился покинуть своих возлюбленных лишь на несколько недель. Мои прощания с храбрыми сулиотами еще более добавили дегтю клеветническим измышлениям посланника, они категорически попросили, что коль скоро я их оставляю, им никогда не давали бы другого командира. Мое расставание с госпожой Армени было очень нежным, и весь дом, вплоть до ее кавалера Сервенто, рыдал. Мы обещались аккуратно писать друг другу, и я сел на корвет «Астраль», чтобы отправиться в Триест.

1805

Часть труппы театра Корфу, когда у них истекли контракты, испросили у меня разрешения перебраться в Триест на борту корвета; что я с великим удовольствием разрешил двум певицам, матери и дочери, и некоему певцу, любовнику этой матери, а также балетмейстеру и его супруге, прима-балерине, и одному комику. Это общество, отвлекая меня от моих сердечных недугов, заставило меня быстро забыть мадмуазель Армени, и наше плавание, длившееся 7 дней, стало весьма увеселительной прогулкой.

Это происходило в марте, и Адриатическое море, хотя оно в этот сезон обычно очень бурное, обошлось с нами довольно заботливо, до того момента, когда мы оказались в виду Триеста, где оно разыгралось до такого шторма, что вынудило нас вновь выйти в открытое море, и безжалостно качало нас всю ночь и часть следующего дня; только к вечеру мы вошли в рейд Триеста, где наш корвет бросил якорь рядом с американским фрегатом.

В течение этого путешествия я познакомился с одной девицей, мадмуазель Терезой Фракасси, очень красивой, совсем молодой, чьё поведение в Корфу было образцом скромности. На борту корвета я мог лишь говорить ей о своих чувствах, на которые она отвечала с добротой, но не внушая мне ни малейшей надежды; я уже готовился покинуть её, чтобы помчаться в Петербург, когда нам сообщили, что мы находимся в карантине, и что те, кто хочет сойти на берег, должны будут отправиться в больницу, которая находилась около берега, в отдалении от города; это заявление сильно возмутило меня, и я послал эстафету графу Разумовскому, нашему послу в Вене, чтобы попросить его добиться решения в мою пользу, но этот первый порыв прошёл, и я даже радовался этим препятствиям, которые позволили мне довести до конца мою

незавершённую интрижку с мадмуазель Терезой. Нам предоставили очень хорошие комнаты, одну рядом с другой; хороший повар, которого я имел с собой, и мои деньги обеспечивали нам хорошую еду, всё театральное общество с удовольствием собиралось у меня, и наша тюрьма стала истинным жилищем радости, песен и танцев.

Я позаботился о том, чтобы поселить певицу — мать и её любовника в наиболее отдалённых комнатах, и приблизился к той, которая являлось предметом моих желаний. Балетмейстер, и особенно его супруга, которая очень любила мои обеды, так увещевала мать и дочь, что, наконец, на третий день я перенёс свою спальню в спальню мадмуазель Терезы, которая приняла меня с такой нежностью, что заставила дорожить карантином, и сожалеть об эстафете, которую я послал, чтобы уменьшить срок пребывания в карантине.

День ото дня наша любовная связь становилась всё более серьёзной, и лишь с печалью взирали мы на то, как убегают ночи и приближается момент разлуки; на исходе 20 дней пришли мне сообщить, что я могу сойти на берег; я добился, чтобы мои попутчики могли воспользоваться тем же разрешением; все прыгали от радости, а я, грустно взяв под руку мою красавицу, медленно покинул вместе с ней обитель наших радостей. Мы поселились, пока ещё вместе, в одной городской гостинице, но наконец мы вынуждены были расстаться, и, весь опечаленный, я отправился в Вену.

Я каждый день купался в море, несмотря на то, что было ещё холодно, и в итоге получил жестокую лихорадку, от которой карантинный врач меня лечил, по моей просьбой, хинной; это лекарство, принятое слишком рано и в огромных дозах, помогло больше моей любви, чем моему здоровью, и в Вену я прибыл смертельно больным.

Будучи не в силах даже помышлять о том, чтобы продолжать путь, я нанял квартиру в доме Мюллера, и ждал там своего выздоровления. Все русские, которые всё ещё находились в этом городе, отнеслись ко мне с заботой, и, благодаря стараниям врачей — мужчин и женщин, они несомненно отправили бы меня в мир иной, если бы моя конституция и первые благотворные дни весны не пришли мне на помощь. Тем не менее, по прошествии 6 недель, я смог вновь отправиться в путь, и хотя я всё ещё был слаб, я ехал днём и ночью, и, к своему удовлетворению, даже обогнал австрийского курьера, выехавшего за 24 часа до меня.

Его Величество Император принял меня с добротой, и приказал мне побеседовать с морским министром и министром иностранных дел о различных вопросах, касающихся наших сил и нашей позиции в Корфу; после этого мне было объявлено, что я должен оставаться в Петербурге; я пытался просить разрешения вернуться, чтобы вновь принять командование легионом сулиотов, который я сформировал, но кончилось всё тем, что мне сказали, что найдут мне другое занятие, и что я должен отказаться от Корфу и от сулиотов. Меня утешило то, что я увидел, что всё находилось в движении, и война вот-вот разразится. В ожидании распоряжения, я возобновил связь с госпожой Джулиани, которая нанимала дом на Аптекарском Острове, недалеко от дачи моего свояка Ливена, у которого я провёл остаток лета.

Наконец, армейские корпуса были сформированы, всё пришло в движение, и эта великолепная гвардия, которая со времён Петра Первого покидала Петербург лишь эпизодически, чтобы несколько дней участвовать в Финской кампании, сейчас покидала столицу совсем; к несчастью, слишком полная уверенности в победе, храбрая, но без малейшего опыта, она должна была встретиться со старыми французскими отрядами, созданными двадцатью годами трудов

и побед; один корпус был сформирован с целью, чтобы он высадился в Кронштадте под командованием графа Толстого, и высадился десантом в Померании; граф Воронцов со славой вернулся из Грузии, где он пробыл на год дольше меня; он заслужил звание капитана и Георгиевский крест, и был назначен бригадным генералом; это заставило меня с воодушевлением принять дар, который граф Толстой соизволил мне преподнести — сопровождать его в этой экспедиции. Этот корпус был составлен из: Лейб-кирасирского полка Его Величества, Павловского гренадерского полка, Санкт-Петербургского гренадерского полка, Кексгольмского мушкетерского полка, Рязанского мушкетерского полка, Белозерского мушкетерского полка, 3-го морского полка, 1-го егерского полка, 20-го егерского полка, артиллерии в той же пропорции и Уральской гвардейской казачьей сотни. Два полка донских казаков погрузились на суда в Риге, с той же самой целью.

Самым старшим из генералов после графа Толстого был граф Остерман, кроме того, в корпусе состояли генералы Кожин, Вердеревский, князь Шаховской, граф Ливен и Неверовский.

Когда все приготовления закончились, граф Толстой получил командование корпусом графу Остерману и оставил ему графа Воронцова, а сам отбыл из Петербурга, чтобы отправиться в Швецию, договориться с королём, который был главой этой экспедиции, и должен был сам отправиться со шведскими войсками в Штральзунд, чтобы там принять верховное командование. Я сопровождал графа Толстого, так же как и молодой Лев Нарышкин, который был его адъютантом, и, попрощавшись с Петербургом, мы отправились в Выборг. Но через день нас нагнал фельдъегерь, и новый приказ обязывал нас вернуться. То, что мы уже всерьёз попрощались со всеми в Петербурге, теперь казалось нам очень комичным,

и мы стремились этого не выказать, когда, несколько дней спустя, нужно было отправляться в Ораниенбаум, где мы должны были сесть на корабли.

Это было в конце октября, становилось всё холоднее и штормило. Весь наш флот и около 150 торговых кораблей стояли на рейде в Кронштадте, с войсками, лошадьми и артиллерией на борту. Граф Толстой, граф Остерман, граф Воронцов, молодой принц Бирон, Нарышкин и я поднялись на борт фрегата «Иммануил», где было приготовлено всё, что может дать роскошь и изящество. Был дан сигнал к отплытию; наш фрегат на всех парусах плыл посреди целого леса мачт, сопровождаемый криками «ура» солдат и матросов и музыкой всех полков. Невозможно представить себе более величественное зрелище, и чувствовать себя более возбуждёнными, чем были мы.

В то же время русские корабли вышли в Чёрное и Средиземное моря, а почти вся армия под командованием своего молодого суверена пресекала границы Империи, что, казалось, символизировало конец французского владычества.

Пруссия, которая вела неуверенную и ненадёжную политику, колебалась, и столь же боялась усиления мощи России, сколь и побед Бонапарта; она надеялась, что сможет остаться недвижимой среди тех великих потрясений, которые готовились в Европе, и ждала случая, чтобы выступить в этой роли. Колеблясь и находясь под угрозой Франции и Императора Александра, она, тем не менее, считала себя достаточно сильной, или точнее достаточно ловкой, чтобы сыграть роль посредника, и держать в своих руках политический баланс.

Она сменила настрой, когда узнала о значительных приготовлениях в России, и о решении Императора принудить её определиться. Одна армия должна была по суше войти в княжества Пруссии, а корпус графа Толстого, который высадится в Штральзунде, должен был через Померанию идти

на Берлин; Император отправился в Польшу, к князю Чарторыйскому, который прежде был министром иностранных дел, и ждал там возвращения князя Петра Долгорукого, которого он послал в Берлин, чтобы попытаться там в последний раз добиться определённого ответа.

А. И. Остерман-Толстой

В ожидании, он принимал знаки почёта от поляков, которые, охваченные неизмеримым патриотическим духом, просили Императора провозгласить себя Королём Польши и позволить им вооружиться против Пруссии. Мудрость и скромность заставили Императора отвергнуть это предложение, которое было вызвано не столько собственно любовью, сколько оружием.

Князь Долгоруков прибыл из Берлина и привёз новость, что король согласен со всеми намерениями России, и просит Императора отправиться в Берлин, чтобы завершить переговоры.

Это происходило во время нашего плавания; когда наш фрегат был в виду Истада, граф Толстой направился в шлюпке с графом Воронцовым в Швецию, чтобы там переговорить с королём и обязать его ускорить высадку войск. На следующий день мы бросили якорь в бухте острова Рюген, на внешнем рейде Грайфсвальда, где граф Остерман ждал прибытия нашего флота. Он послал меня в Штральзунд, чтобы там обсудить с нашим посланником при шведском дворе, господином Алопеусом, способы высадки войск. Довольно сильный шторм, который начался ночью, заставил меня переночевать в одной хижине на берегу острова Рюген, и на следующий день я прибыл в порт Штральзунда. Получив все необходимые для меня сведения, я по суше вернулся в Грайфсвальд, откуда в шлюпке я отправился к борту «Иммануила», чтобы сделать доклад графу Остерману.

Шторм, который за эти два дня только усилился, угрожал линейным кораблям новым возвращением в открытое море, и граф Остерман решил спешно высадить войска, находившиеся на судах. Это были два егерских полка, часть лейб-кирасир Его Величества, часть артиллерии, сотня Уральских казаков. С большим трудом они высадились на маленькие суда, которые пришли по моему приказу из Грайфсвальда, и торговые суда с частью этих войск на борту попытались войти в порт. Поскольку лоцманов не хватало, я взял на себя управление шлюпкой, в которой был граф и высшее командование; ночь удивила нас, и в последних лучах заката мы увидели наши маленькие погрузочные суда разбросанными и борющимися со штормом, который с каждой минутой становился всё сильнее. Нашу шлюпку два раза накрывало

волной, и даже матросы считали, что погибли; темнота была такой, что мы сбились с курса, и блуждали по воле случая. Я пытался править шлюпкой и уверять, что мы идём хорошо, когда мы вдруг увидели свет; не сомневаясь, что это был свет из каюты одного из находящихся в порту судов, я направился в ту сторону; волнение стало менее сильным, показывая нам, что мы вошли в рейд, и наконец, в 2 часа пополуночи, нам оставалось лишь воздать хвалу Господу, приведшему нас в канал, где мы ступили на землю. Но наша шлюпка пришла одна, и на следующий день мы получили о наших войсках лишь неприятные новости: они были разбросаны по всему берегу Померании и острову Рюген, по счастью люди были спасены; наш флот был вынужден в ту же ночь вновь выйти в море; вторая эскадра, прибывшая ранее, была раскидана по всей Балтике; некоторые торговые корабли, перевозившие лошадей, совсем пропали, а другие разбились об острова в этом море; среди них было одно судно со взводом кирасир, которых мы считали утонувшими и которые провели зиму на одном из этих островов. Большой 130-пушечный корабль «Благодать» выбросило в порте Росток, куда, как считалось, никогда не может войти линейный корабль. Тот же шторм раскидал эскадру, на которую в Риге погрузились два полка казаков под командованием графа Ливена; он сам был выброшен на берег Рюгена, два полковника, более 400 казаков и большая часть лошадей погибли в волнах.

Между тем, понемногу, наши войска, разбросанные ветрами, начали сходиться со всех сторон, и те, кто спасся от смерти, отрядами прибывали в Грайфсвальд; но у одних не было военного снаряжения, у других лошадей; у артиллерийских орудий не было зарядных ящиков, и в то время, когда все начальники прилагали всё своё усердие, чтобы навести порядок и восполнить недостающее, мы получили новость, что принц Фердинанд Прусский, который командовал

армией из 6–7 тысяч человек, готовился препятствовать нашей высадке. Всё, что имелось в нашем распоряжении, мы выслали на эту дорогу, чтобы прикрыть Грайфсвальд; но, к счастью, в это время Император прибыл в Берлин и изменил ход дел и цель нашего предприятия.

Граф Толстой вернулся из Швеции, и со всем возможным воодушевлением готовил свой корпус, и отправился на кампанию. Он поручил мне командование казаками; донских казаков оставалось 2 полка: после всех потрясений, их численность доходила до 600 человек. Я возглавил марш, и мы вошли в Мекленбург-Шверин. В Шверине герцог и весь город пришли восхититься великолепной выправкой наших войск с невежественным любопытством, казаки в их смешном представлении выглядели дикарями, погрязшими в крови и разбое.

Во время этого марша граф Толстой был в Берлине, чтобы узнать новые приказы Императора; он воссоединился со своим корпусом в Шверине. Граф Остерман, который командовал авангардом, прибыл к Эльбе; кавалерия форсировала эту реку в Лауэнбурге, а я с казаками в Бойценбурге. Вся штаб-квартира переместилась в Люнебург, авангард отправился в Ганновер, и казаки пошли по дороге на Хамельн. Граф Толстой организовал центр этих сил в Нинбурге, и шведский король двигался очень медленно, более чем робко, но, наконец, прибыл несколько позже в Люнебург, который стал наиболее выступающей точкой этой кампании.

Пруссаки, несмотря на доброе согласие, царившее между королём и Императором, очень опасались проявлять себя, и их войска только что встали лагерем по соседству с нашими, выражая абсолютный нейтралитет. Герцог Брауншвейгский командовал теми войсками, которые всё ещё находились в Ганновере и Вестфалии. Один прусский батальон расположился между моими передовыми постами

и крепостью Хамельн. Я получил приказ графа Остермана срочно отправляться к этой крепости и уничтожить все аванпосты. Пруссаки видели мои передвижения, почти не зная роли, которую они должны были сыграть, и, не имея возможности предупредить французов; они удовольствовались тем, что пожелали мне успехов в моей атаке.

В деревне, лежащей на расстоянии двух пушечных выстрелов от Хамельна, я столкнулся с небольшим укреплённым постом из 60 человек; поскольку кавалерийский патруль как раз вернулся и сообщил, что русских по соседству нет, этот укреплённый пост был очень удивлён и смущён; большая часть во главе с офицером бросилась по лачугам, окружёнными рвом, откуда своим огнём мешали казакам подойти; остальные были убиты или взяты в плен. В этот момент из города появился отряд кавалеристов, который намеревался прорваться к маленькому посту, блокированному в деревне; но человек двадцать казаков, которые сопровождали меня тогда, стали угрожать им нападением, и принудили эту конницу отступить в близлежащий лес. В крепости забили в набат, артиллерия начала бить по нам, и колонна кавалерии, направившаяся на помощь своим товарищам, заставила нас отступить.

Французы больше не размещали свои посты вне крепости, и казаки заняли все улицы.

Мне послали бригаду егерей, взвод кирасир и две пушки; я считал, что стою во главе армии, и доверчиво разворачивал свои войска в виду Хамельна, в надежде положить конец делу, но гарнизон разрушил мои надежды, послав в нас несколько ядер.

По прошествии 4 дней я получил приказ снять блокаду крепости, и генерал Вердеревский, который прибыл с русской кавалерией и отрядом, сформированным тщанием ганноверцев, заставил меня поторопиться. Казаки отправились

на Нинбург, и граф Остерман позволил мне, пока я жду, провести с ним несколько дней в Ганновере. Прекрасное шампанское, которое там было превосходным, заставило меня сожалеть, что я не могу пробыть там больше, и я отправился присоединиться к своим казакам.

Английские войска под командованием лорда Каткарта начали высаживаться в Бремене и организовывать ганноверские полки. Этот корпус, так же как и наш, должен был находиться под командованием короля Швеции, но медлительность последнего не позволяла больше на него рассчитывать; лорд Каткарт ведь был подчинён графу Толстому, и по обоюдному согласию эти два генерала готовились открыть кампанию.

В то время, как Наполеон, собирая вокруг себя элиту своей армии, намеревался решить судьбу этой кампании на равнинах Моравии, мы должны были дойти до Рейна и войти в Голландию. Я был уже в Дипхольце, и мои разведчики нигде не встречали врага; мы провозгласили начало марша, когда новость о битве под Аустерлицем остановила все наши намерения, уничтожила нашу славную репутацию, и сменила великое доверие великим разочарованием.

Франция, удовольствовавшаяся тем, что сокрушила Австрию и унизила Россию, уступила Пруссии Ганновер как вознаграждение за её вероломную политику, и в собственных интересах, чтобы убрать с этой территории англичан и русских; лорд Каткарт уже отправил назад свои транспортные корабли, и его положение становилось тем более сложным, что он должен был покинуть, ради иностранной власти, патримонию своего короля, и принести в жертву рвение ганноверцев, или вступить в неравный бой. Граф Толстой, которого последствия битвы под Аустерлицем сделали подчинённым короля Пруссии, получил от него приказ покинуть позиции и возвращаться к границам России, тем маршрутом, который

ему был указан. Он не хотел покидать своего товарища по оружию, английского генерала, до того, как тот не изыщет способа погрузить свои войска на суда, и под различными предлогами затягивал наше пребывание в Ганновере.

В конце концов, нужно было выступать; мы двинулись через герцогство Мекленбургское; граф Воронцов добился разрешения навестить своего отца в Лондоне, я должен был возложить на себя его обязанности начальника бригады.

Граф Толстой тайно виделся с генералом Армфельдтом, который уже тогда предупреждал его о несчастье, угрожающем шведскому королю, его повелителю, и показал ему список всех шведов, настроенных против короля; они желали единственно одобрения Императора: но Александр, противник всего, что могло бы показаться неблагородным, поддержал еще эту злосчастную монархию. Нарышкин и я воспользовались отсутствием графа Толстого направились в Берлин, где и развлекались два дня.

Одна часть наших войск была направлена на Шведт, другая — на Штеттин; король прусский и красавица королева должны были там присутствовать, чтобы устроить им смотр. Все офицеры гарнизона Берлина имели разрешение присутствовать на нем.

Король и королева прибыли в Шведт; граф Толстой и его штаб ожидали их у подножия дворцовой лестницы, и были приглашены на обед; первая эта встреча прошла довольно холодно, и нетрудно было догадаться, что сражение при Аустерлице заставило прусское бахвальство подняться до того, чтобы относиться к нашим войскам с пренебрежением и считать только себя способными противопоставить несокрушимое достоинство успехам Наполеона.

На следующее утро Изюмский гусарский полк, присланный из армии Императора, чтобы укрепить наш корпус,

1-й егерский и 3-й морской полки прошли парадом перед королем и королевой, удивив их своей превосходной выправкой, красотою людей и лошадей и точностью движений. Король, а особенно королева, не преминули высказать похвалу этим войскам, а прусские офицеры вынуждены были восторгаться тем, что они считали столь уступающим им, так сказать, в военном совершенстве.

Все направились в Штеттин, где весна благоприятствовала парадам и учениям. Каждый день король являлся посмотреть на наши войска, и каждый день он получал все новое удовольствие. По вечерам проходили балы, на которых королева и придворные дамы танцевали охотно и с живостью, чем изумляли пруссаков, и непрестанно угождали всем русским: мы наперебой старались оживить эти балы, выразить свое восхищение красотой королевы, отдать должное ее доброте и прелестям и кружить головы дамам ее свиты нашими любовными клятвами. Вопреки этикету Берлинского двора, королева танцевала с нами. В день ее рождения мы изыскали предлог, чтобы в полном составе явиться ее поздравить: граф Толстой приблизился к ней и попросил дозволения поцеловать ее руку, как в подобном случае мы целуем руку императрице, все генералы и офицеры последовали его примеру; столь учтивый жест очень понравился королеве. Час спустя в открытой коляске она проехала перед рядами наших войск, солдаты встречали ее криками «ура!», сопровождавшими ее в течение всего времени; король, ехавший в тот момент верхом впереди, получил, как всегда, воинские почести, королева же могла принять это изъявление радости не иначе, как знак восхищения ее красотой, и была этим тронута до слез. На другой день она явилась в амазонке цветов нашей армии, что даже перед пруссаками стало формой восхваления наших войск, наших офицеров, и щедро одарила нас своей благосклонностью.

Король, в конце концов, столь влюбился в выправку и обмундирование наших солдат, что попросил 3 мундира, чтобы ввести их в Берлине в качестве модели.

Это пребывание в Штеттине, которое склонило к интересам России то влияние, которым пользовалась в делах королева, и которое придало королю уверенность в превосходстве наших войск, склонили Берлинский кабинет к поискам тесного союза с Россией и к тому, чтобы принять по отношению к Франции угрожающую позицию, которая несколько месяцев спустя привела Пруссию к катастрофе под Йеной.

Граф Толстой, очарованный такой подготовкой перемены прусской политики, послал курьера к Императору и после отъезда короля и королевы продолжил свой путь: он отправился в Кёнигсберг ожидать прихода наших войск; я сопровождал его вместе с юным принцем Бироном, который помогал мне развлекаться и стал моим товарищем во всех удовольствиях, за которые мы платили нашим кошельком и нашим здоровьем. Оттуда мы направились через Гумбиннен в Юрбург, где весь корпус пересек границу.

Граф употребил несколько дней на то, чтобы завершить все дела своего командования и дать каждому полку свои указания; после этого миссия его была завершена, и я вместе с ним отправился в Петербург.

В Риге я имел счастье вновь увидеть моего отца.

Едва мы прибыли в Петербург, как веселое времяпрепровождение уже побудило нас покинуть город; я поселился с моим старым товарищем Кретовым на Карповке, где мы будто находились в центре изысканного общества; пребывание Императора на Каменном Острове привлекало всех в эти окрестности. Аустерлиц вскоре был забыт, чтобы мечтать лишь о том, чтобы забавляться, удовлетворяясь только тем,

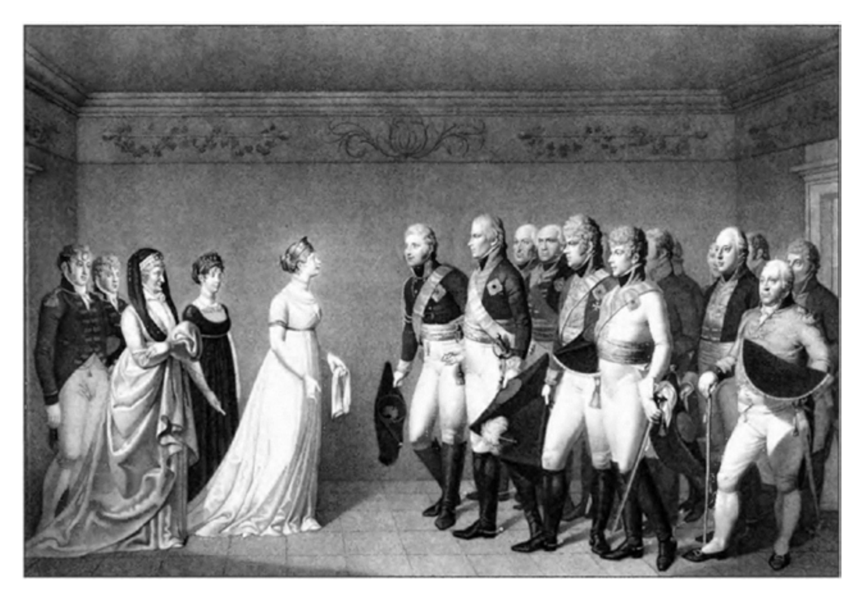
чтобы создавать или уничтожать военные репутации, все ругать и не срывать никакого плода несчастья и унижения.

Как и в прошлый раз, я отправился на дачу Нарышкина, где собиралась вся блестящая молодежь и куда некоторые дамы являлись поискать приключений. Вдова графа Зубова стала супругой господина Уварова и с первых дней своего замужества объявила прелестнейшие распоряжения, чтобы продолжать вести тот образ жизни, который она вела во время своего вдовства. Она собрала вокруг себя кружок обожателей и, поддерживаемая хлопотами и советами своей подруги, графини Мантейфель, полностью сбросила маску, которая вдохновляла доверие к ней ее мужа. О ее поведении было забыто, чтобы замечать только ее чары, это была одна из самых соблазнительных и самых ловких женщин, и как большинство других, я должен был без памяти в нее влюбиться.

Ее дача находилась совсем близко от той, где я проживал, и я имел все возможности пользоваться моментами, когда ее муж был при дворе, приходить говорить ей о моей любви, на протяжении некоторого времени она показала все свои познания в кокетстве, чтобы сделать меня совершенно страстным, внушив мне смутную надежду на высшую степень ее благосклонности; но, наконец, она уступила моим желаниям, и лавка модистки должна была стать первым святилищем моего счастья. Она более не скрывала предпочтения, которое она мне оказывала, и мои занавеси стали наперсниками наших занятий любовью.

Тем временем лето миновало, и уже новые бедствия угрожали Европе: Австрия, побежденная при Ульме и Аустерлице, мечтала лишь о том, чтобы возместить свои убытки; и имела теперь не более мужества, нежели как давать обещания тем, кто хотел попытаться положить предел могуществу

Наполеона, не осмеливаясь принять активное участие в той борьбе, которую они затевали. Пруссия, возгордившаяся из-за поражения своей соперницы, из-за унижения российского оружия, и особенно гордая Семилетней войной, не желала помнить, что французы уже не те, что были при Россбахе, и, забыв, что Фридрих II уже не возглавляет ее армию, вынудила Наполеона дать ей сражение, прежде чем наши войска соединяться чтобы начать атаку от границ империи.

Встреча Александра I с королевой Луизой. 1806

Полная бахвальства и переполненная уверенностью, основанной лишь на прежней ее славе, прусская армия выходила на ристалище, не страшась этих победоносных банд, которые сформировала опытность.

Первым, кто явился, был принц Фердинанд — украшение германских принцев и идол прусской армии; неудержимость его храбрости и уверенность, которую он внушал солдатам, лишь ускорили его гибель; отряд, которым он командовал,

был разбит, а сам он, слишком гордый, чтобы сдаться, был убит ударом шпаги. Это несчастье повергло в ужас все королевство, и новость эта, достигши Петербурга, там заставила уже предсказывать плохие последствия этой войны. Император, чтобы донести до королевской семьи выражения его соболезнования, приказал мне оставаться подле короля и сообщать новости о действиях армий.

Мои прощания с госпожой Уваровой были очень трогательными, и после долгого сеанса у модистки я должен был бы уехать очень расстроенным, если бы мысль об участии в кампании не заставляла торопить мое путешествие и не наполняла все мои помыслы.

Я увиделся с моим отцом в Риге, и по прибытии в Кёнигсберг получил там известие о поражении под Йеной; итак через день, почти через несколько часов после сражения, участь прусской монархии была решена; эта армия, столь уверовавшая в свое совершенство, столь хорошо вымуштрованная, столь богатая в теории, будучи теснима со всех сторон, сложила оружие почти без сопротивления. Берлин был сдан французам, все бежали, все сдались; короля и королеву я нашел в Грауденце, где, имея в качестве барьера Вислу, они считали себя по крайней мере вне пределов вражеского преследования.

Что меня поразило более всего, так это хладнокровие, которое покрывало все лица; все проходило в праздности, и прусские генералы говорили о полном разгроме армии с тем же самым безразличием и тем же самым спокойствием, с которым они на протяжении 40 лет составляли планы маневров в Потсдаме.

Старый генерал Калькройт, враг герцога Брауншвейгского и нескольких генералов, командовавших под Йеной, даже соединял иронию с безразличием и казался радующимся

бесчестью, покрывшему мундир, в котором он состарился. Я воспользовался этим настроением, чтобы втереться к нему в доверие и выведать все то, что зависть заставляла его скрывать. Это через него я узнал детали сражения, позорной капитуляции различных корпусов и о тех немногих средствах, которые еще оставались в Пруссии. Я поторопился доставить все эти сведения Императору.

Одна королева имела вид человека, осознающего размеры своего несчастья и такого глубокого для нее падения после блестящего пребывания в Штеттине; при виде меня она вновь заливалась потоками слез: мой вид напоминал ей ее прежнее величие и ставил ей в вину, быть может, ее слишком сильную склонность следовать политике России и свое влияние, которым она злоупотребила, чтобы принять решение о войне. Она единственная была глубоко огорчена, но и она же единственная не утратила мужества, и когда вероломные или слабые советники предложили королю положиться на великодушие победителя, она подняла голос чести и предпочла несчастья позору.

Тем временем со всех сторон приходили бедственные известия: слабые остатки армии, уцелевшие в битве под Йеной, сдались на милость победителя, принц Вюртембергский в Галле сложил оружие вместе с корпусом в 17 тысяч человек, старый фельдмаршал Мёллендорф во Франкфуртена-Одере предпочел замаранную славу своих 70 лет превратностям сражения и не постеснялся сдать свою шпагу и 12 тысяч человек, вверенных его командованию.

Один Блюхер продолжал защищать честь прусской армии и, ожесточенно сражаясь, уступал лишь числу и талантам маршала Бернадота, блокировавшего его в Любеке, и потерял свой корпус только после кровопролитных и многочисленных сражений.

Крепость Магдебург сдалась без сопротивления, Штеттин послал ключ от своих ворот навстречу неприятелю, и Кюстрин, крепость почти неприступная, пал при появлении первых же дозорных французской армии.

Столько катастроф, столько малодушия, следовавших с быстротой, которой военное счастье не дает примеров, казались чудом и парализовали самое желание защищаться. После месяца кампании армия, столица, самые значительные крепости — все было потеряно. Король решился просить мира; я узнал об этом от фельдмаршала Калькройта и по слезам королевы: я счел должным испросить аудиенции, и хотя у меня не имелось на этот счет никаких инструкций, я объявил королю, насколько Император будет удивлен, узнав о начале этих переговоров. Он старался отрицать, что они были начаты, и хотел уверить меня, что его адъютант находился во французской штаб-квартире лишь для того, чтобы поговорить об обмене пленными. Притворившись поверившим ему, я ему заметил, что для Пруссии будет более выгодно с полным доверием положиться на могущественный союз с Императором, нежели отдаться в руки победившего неприятеля, который не имеет более пределов для своих притязаний, и вероломство которого слишком известно: что, к тому же, наши войска выступили со всех сторон от границ России, и что слишком поздно изменять решение. Он спросил меня, могу ли я подтвердить все то, что я ему говорил; я ответил ему, что ручаюсь за каждое из моих слов: тогда он отворил дверь и, приказав мне войти к королеве, покинул меня. Я нашел ее сидящей на стуле возле двери. Она слышала наш разговор и сказала мне, что весьма удовлетворена всем тем, что я сказал, что ее мнение полностью подобно моему, и что в доказательство она даст мне сегодня же вечером письмо к Императору, которое уведомит его обо всем; она

уверяла меня, что ничего не скрывает, и что все ее хлопоты направлены на то, чтобы прервать переговоры, начатые с Наполеоном. Тем же вечером она велела доставить мне это письмо через свою камеристку, и я поторопился отправить его в Петербург вместе с последними известиями об успехах французской армии.

Итак, король, приняв решение наперекор своим министрам, пожелал двинуть в игру свои последние ресурсы; генералу Лестоку вменялось в обязанность собрать под своим командованием войска, разбросанные в старой Пруссии; они составили лишь 17 тысяч человек, это было все, что осталось от более чем 200 тысяч бойцов, составлявших армию короля в начале кампании.

Генерал Беннигсен во главе 60 тысяч человек вошел в области Пруссии и направил свой марш к Варшаве, но король, по совету своих генералов, решил изменить это направление и двинуть нашу армию на Остероде, надеясь этим движением прикрыть старую Пруссию и с этой позиции заставить французов встать на зимние квартиры. От меня постарались скрыть, что армия Наполеона в Калише, и король, не уведомив меня об этом, разослал отдельные приказы всем нашим дивизионным командирам, чтобы заставить их повернуть на дорогу к Остероде. Я счел своим долгом самому пуститься навстречу генералу Беннигсену, чтобы предупредить его обо всем, что я знал, будучи убежден, что пруссаки постараются от него скрыть его истинное положение, и что, не имея возможности получить достаточно скорых инструкций из Петербурга, он может оказаться в затруднительном положении. Я испросил у короля отпуск и отправился к его адъютанту спросить, где я могу найти генерала Беннигсена: когда он понял мои намерения, то, чтобы выиграть время, не показал мне путь движения и лишь заверил меня, что я найду

головные части наших войск уже в Варшаве. Этим ложным указанием он заставил меня сделать большой крюк, надеясь, что это опоздание даст нашим колоннам время изменить направление в соответствии с приказами короля, но он обманулся, ибо ни один дивизионный командир не последовал эти приказам, и все, посылаемое главнокомандующему, могло быть получено только им.

Приехав в Варшаву, я нашел прусского коменданта в странной ситуации; он опасался всего — вплоть до несчастья покинуть свою мебель и свой погреб, он не имел смелости приказать эвакуировать пороховые арсеналы, которые поляки уже страстно желали заполучить, как и оружие, которое они хотели взять себе чтобы направить против нас.

Я тут же уехал, чтобы направится на встречу с генералом Беннигсеном, и нашел его только в Ломже. Он был в восторге, узнав от меня положение дел: по его убеждению, он должен был продолжать свой марш на Варшаву и не рассчитывать на слабые прусские подкрепления; но его положение было весьма критическим: он вышел от наших границ, чтобы усилить многочисленную прусскую армию, полагая встретить неприятеля в центре Германии, а вместо этого он не находит более прусской армии, а неприятель угрожает уже нашим собственным границам. Части его собственной армии еще не были устроены, и все то, что он рассчитывал осуществить на досуге с помощью губернатора, предстояло сделать наспех и своими средствами.

Генерал Беннигсен поступил весьма достойно, не спасовав перед достаточно сложными обстоятельствами, и решившись направить свою слабую армию навстречу Наполеону, удивительные успехи которого только что разгромили армию из 200 тысяч человек и ниспровергли прусскую монархию.

Наполеон в тот момент казался действительно неукротимым гигантом.

Армия генерала Беннигсена имела в своем составе дивизии: генерала графа Остермана, князя Голицына, генерала Сакена, и генерала Седморацкого, всего 24 полка пехоты и 12 — кавалерии.

Он встал на свои зимние квартиры в Пултуске и послал генерала Седморацкого в Прагу — предместье Варшавы, лежащее на восточной стороне Вислы.

Генерал Барклай оправился с сильным отрядом в Плоцк, а граф Ламберт с Александрийским гусарским полком и казаками миновал Варшаву, чтобы заниматься разведкой местности и искать курьеров французской армии, в то время как всего один полк егерей охранял мост через Вислу и наблюдал за улицами Варшавы.

Л. Л. Беннигсен

В таком положении генерал Беннигсен дожидался приказов из Петербурга и наблюдал за движениями неприятеля.

В Пултуск прибыл король Пруссии; ему показали полки, располагавшиеся поближе к городу, чем он остался очень доволен, и оттуда он отбыл в Кёнигсберг, куда уже проследовала королева.

Тем временем все новости о поражениях Пруссии и об опасности, которая угрожает нашим границам, дошли до Петербурга, Его Величество Император приказал собрать под командованием генерала Буксгевдена корпус, состоящий из дивизий генерала Эссена и генерала Дохтурова, и дал ему приказ незамедлительно выступить, чтобы присоединиться к армии генерала Беннигсена. Другой корпус в ожидании формировался в Гродно под начальством генерала Анрепа.

Граф Толстой прибыл в армию в качестве генерала по особым поручениям и доверенного лица Императора, а генерал Кнорринг — в качестве генерал-квартирмейстера. Но нужен был высший начальник, поскольку генерал Беннигсен, хотя и уступал по старшинству генералу Буксгевдену, имел обещание не находиться под командованием последнего; генерал Кнорринг был старше, чем эти два генерала, но обладал лишь правом давать советы, а генерал граф Толстой должен был давать Императору точный отчет обо всем происходящем.

Найти главнокомандующего было трудно, генерал Кутузов погиб в глазах общества, и особенно во мнении Императора, с того несчастного дня Аустерлица; наконец, общественный глас призвал к командованию старого фельдмаршала графа Каменского, который уже на протяжении 15 лет находился не у дел. Император уступил общему желанию, и граф Каменский выехал из Петербурга, увозя с собой лучших молодых людей. Армия была в восторге от этого выбора,

не слишком зная, почему фельдмаршал известен только жестокостями, которые он чинил в Молдавии, в Польше и в Финляндии, но это был вождь, и его жестокая репутация, казавшаяся свидетельством строгости и характера, заставляла смотреть на него как на единственного человека, способного противостоять Наполеону, и придать необходимое единство армии, состоявшей из генералов, завидующих один другому, из юных офицеров и почти необстрелянных солдат. Вся армия с нетерпением ожидала его приезда, в то время как неприятель, который находился в Калише только для того, чтобы собраться и подготовить в Польше восстание, выдвинулся к Варшаве, а генерал Ламберт имел уже с ним кавалерийское дело в окрестностях этой столицы.

Будучи прикомандированным к особе графа Толстого, я с общего согласия был послан в Гродно, где находился фельдмаршал, чтобы доставить ему все известия и побудить его отправиться в Пултуск; по моем приезде к нему я был удивлен, увидев тот ужас, который он нагнал на всех членов его свиты; я выполнил свое поручение и в то же время уверил его в той радости, которую испытывают солдаты, видя его во главе них. Он поспешно завершил свои приготовления и выехал тем же вечером; желая сопровождать его, я отправил нарочного в Пултуск, чтобы предупредить графа Толстого, который приехал в Белосток ему навстречу.

Его активность, даже его злоба очень нравились нам, и все, что он говорил, наполняло нас доверием. Он очень хорошо принял графа Толстого и остановился в Остроленке, чтобы урегулировать кое-какие дела. По своем приезде в Пултуск он получил известие, что Наполеон находится в Варшаве, где его встречают с воодушевлением, и что там французы заняты восстановлением моста.

Фельдмаршал был слишком сведущим в своем ремесле, чтобы надеяться суметь защищать на протяжении долгого

времени переправу через Вислу, когда враги угрожают во множестве пунктов; он удовольствовался концентрацией своих войск, которые, согласно первой диспозиции генерала Беннигсена, были слишком распылены; Наполеон же, желая предупредить это движение, поспешил выдвинуться вперед и атаковать наш корпус по частям.

Фельдмаршал отправился в Новоместо, где генерал Беннигсен собрал большую часть своей армии, передовые посты которой уже находились в соприкосновении с противником. Из донесения от поста, размещенного в Черново, он узнал, что граф Остерман оборонялся с отвагой и уступил превосходящим французским силам только после сражения, продолжавшегося до поздней ночи.

Назавтра рано утром фельдмаршал прибыл в Черново, где был встречен радостными криками «ура» этой частью дивизии графа Остермана, которая, проявив только что примерную храбрость, еще и продемонстрировала строгую выправку в строю. Возвратившись в полдень в Новоместо, фельдмаршал вскоре должен был оставить этот населенный пункт, который неприятель занял вечером после упорного боя.

Был отдан приказ, чтобы весь корпус генерала Беннигсена отошел к Пултуску, чтобы там сконцентрироваться и занять позицию, и чтобы корпус генерала Буксгевдена собрался в Макове. Корпус под командованием генерала Анрепа, пришедшего на соединение с армией, находился на левом берегу Нарева и навел мосты, чтобы быть в непосредственном сообщении с левым флангом позиции при Пултуске.

Фельдмаршал провел эту ночь на аванпостах, несмотря на опасность быть захваченным передовой частью неприятеля. Он спал с таким спокойствием, которое вселило в нас доверие. Назавтра он направился в Голымин; по дороге он был

устрашен ужасной грязью, которая замедляла продвижение колонн, особенно артиллерии; он воочию увидел, что лошади не могли более тащить пушки, помощь 300 человек была недостаточной для того, чтобы вытянуть то, что увязло в грязи; на этом марше мы потеряли более 70 орудий, брошенных в грязи.

Граф Пален с арьергардом, состоявшим из его Сумского гусарского полка и двух полков пехоты, сражался перед Голымином и был вынужден повернуть на Маков. Приближение неприятеля заставило фельдмаршала направиться в Пултуск. Вечером он проследовал между огнями наших биваков; радость, которую его присутствие вызвало у солдат, казалось, воодушевила его на сражение и породила в нас самые прекрасные надежды.

Наша позиция располагалась перед Пултуском, на правом берегу Нарева; левый фланг армии опирался на окаймлявший эту реку крутой спуск, а правый фланг — на почти непроходимый лес таким манером, чтобы наше отступление могло быть осуществлено или через Пултуск, где на реке были наведены мосты, или по дороге на Остроленку, вдоль правого берега Нарева. Грязь, еще более усугублявшаяся передвижениями войск, не считалась ни с каким предписанием и могла парализовать атаку любого другого генерала, кроме Наполеона. Лошади тонули на больших дорогах, и малую часть артиллерии, которая могла сопровождать французскую армию, тянули на быках: эта грязь окружала и нашу позицию наподобие настоящего фортификационного сооружения.

Генерал Буксгевден, который находился в Макове, получил приказ направиться к Пултуску и так рассчитать свой марш, чтобы прибыть на правый фланг позиции к полудню и вступить в дело, после которого неприятель будет ослаблен

из-за своих атак и из-за превосходства нашей артиллерии; в Макове следовало оставить только крупный отряд, назначенный наблюдать за движениями французского корпуса, за которым следовал граф Пален.

Генерал Анреп также должен был осуществить свой переход через Нарев, когда битва уже начнется, чтобы ударить на правый фланг неприятельских колонн. Все распоряжения были сделаны, приказы разосланы, все мы оставили фельдмаршала, чтобы дать ему отдохнуть, и разом отправились спать, ожидая завтрашнего сражения, успех которого не вызывал у нас никакого сомнения. В 4 часа утра полковник Ставраков поднял среди нас тревогу, сообщив, что фельдмаршал сошел с ума и собирается покинуть армию: граф Толстой помчался к нему, и все мы последовали за ним; мы нашли фельдмаршала в беспокойстве ходящим по комнате; граф Толстой спросил его, не получал ли он каких-либо известий о противнике; тот отвечал отрицательно, но заявил, что он не может считать себя уверенным в неопытных генералах и необстрелянной армии, что он уезжает, умывает руки от всего того, что может произойти, и что он уже разослал необходимые приказы, чтобы все наши корпуса отступили к нашим границам, и, наконец, чтобы спасти людей, он разрешил оставить на месте пушки и обозы.

Эти слова были для нас словно удар молнии; слезы потекли из наших глаз, мы не могли понять того, что смогло породить столь неожиданную перемену. Граф Остерман и генерал Беннигсен, которые прибыли, как и мы, предупрежденные о том, что происходит, хотели представить свои возражения на этот безнадежный проект, но фельдмаршал, рассердясь, внезапно распростился со всеми, бросился в свою карету и оставил нас, словно оцепеневших от всего того, что мы только что увидели и услышали. Никто никогда не разгадал,

что же смогло привести его к такому постыдному помутнению разума и заставить человека, столь ревнивого к своей славе, изменить своему долгу и оставить свое командование после того, как были уже даны приказы о сражении, и победа казалась совершенно определенной.

Этот беспримерный порыв можно считать в числе наивысших военных удач Наполеона; казалось, само небо покровительствует его планам, в одно мгновение ниспровергая все достоинства, которые противопоставляла ему человеческая сила. Храбрость наших войск, доверие, которую они испытывали к своему предводителю, мудрые диспозиции, которые тот подготовил, и особенно исход этого дня были несомненными доказательствами ожидающего Наполеона поражения. Малое количество артиллерии, которое он мог пустить в дело, плохое состояние его кавалерии и превосходное — нашей должны были принести нам полную победу. Пултуск стал бы пределом военных удач Наполеона и триумфом фельдмаршала Каменского.

Едва он отъехал, как неприятель начал показываться на опушке леса, находившегося напротив нашего левого фланга: генерал Беннигсен решил принять бой со своим единственным армейским корпусом и предложил графу Толстому немедленно направиться на встречу с генералом Буксгевденом, чтобы успокоить его относительно тревоги, которую вселил в него приказ фельдмаршала, и чтобы предложить ему действовать в бою совместно, согласно первоначальной диспозиции. Я сопровождал графа; мы нашли корпус генерала Буксгевдена только возле Макова; собираясь начать марш, чтобы прибыть в Пултуск во время, определенное вторым приказом фельдмаршала, он повернул обратно, хотя расстояние от Макова до Пултуска составляло немногим более 2 миль. Был полдень, и генерал Буксгевден, ссылаясь на то, что его войска устали, не желал двигаться дальше. Генерал

Анреп, со своей стороны, получив тревожный приказ фельдмаршала, разрушил свои мосты и не мог участвовать в сражении. Вечером мы получили известие, что французы были отброшены на всех пунктах, и что генерал Беннигсен остался хозяином положения; наши потери были значительными лишь на левом фланге, но неприятель, выстраиваясь несколько раз в колонны для атаки, был отражен нашей артиллерией, и преследуем на многих пунктах нашей кавалерией настолько, насколько это могла позволить грязь. Чем бы стала французская армия, если бы фельдмаршал руководил в этот день и привел бы одновременно в движение корпуса генерала Буксгевдена и генерала Анрепа.

Вопреки ожиданиям, победа под Пултуском не дала удовлетворительных результатов; генерал Буксгевден на следующую ночь отступил к Новогрудку, а генерал Беннигсен — к Остроленке; генерал Анреп продолжил свое прежнее движение.

Наполеон тоже отступил, слишком счастливый тем, что не был преследуем, и отправился в Варшаву объявить о своей победе. Так две армии отдалились одна от другой, и разведчики с двух сторон потеряли даже их следы.

Наполеон встал на зимние квартиры и прикрыл их корпусом маршала Нея и Бернадота, правая часть которого вытянулась до Морунгена.

Известие о славном дне под Пултуском догнало фельдмаршала Каменского, который повернул назад и встретил армию в Остроленке; он хотел вновь принять командование над нею, но граф Остерман, первым поднявший голос, объявил ему, что он недостоин этой чести, и что ему остается лишь взывать к милосердию Императора и скрыть свой позор в провинциальной глуши. Отчаявшийся, он уехал и увез с собою презрение армии.

Император, узнав о мудром и решительном командовании генерала Беннигсена, который исправил, насколько

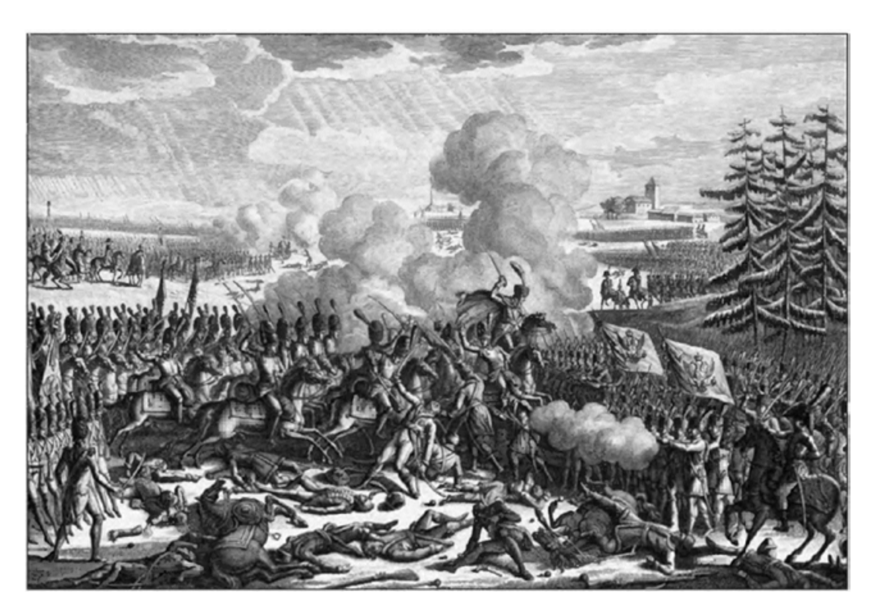
это было в его силах, безумство графа Каменского, отозвал генерала Буксгевдена и доверил генералу Беннигсену верховное командование над всей армией.

Первый импульс нашего попятного движения повел нас к Тыкоцину; предлог, который нам для этого дали, заключался в недостатке припасов и в необходимости приблизиться к нашим артиллерийским паркам, которые были еще не в состоянии следовать за нами. Однако нужно было решиться на некоторые операции, поскольку страна, в которой мы находились, не предоставляла нам достаточных средств к существованию, а бездействие неприятеля свидетельствовало о его слабости, мы решили воспользоваться нашим преимуществом. Было решено потревожить его место расположения; чтобы скрыть наш марш, армия, которая казалась идущей к нашим границам на поиски зимних квартир, проследовала позади озер, которые образовывали как бы завесу, и, пройдя по прямой, двинулась к повороту на Либштадт. Кавалерия была разделена между князем Голицыным и генералом Анрепом и образовала голову двух колонн армии, одна из которых двигалась на Хайльсберг, а другая — на Гутштадт. Маршал Ней отступил, а маршал Бернадот был бы захвачен врасплох в Морунгене, если бы в этой ситуации не проявил быстроту и смелость — таланты, присущие искусному полководцу; его авангард был атакован и разбит в Либштадте; генерал Марков после этого удачного сражения отважно выдвинулся к Морунгену, но Бернадот, спешно перестроившись, отразил атаку и силой вынудил его уступить; дело стало очень жарким, когда генерал Анреп во главе своей кавалерии прибыл принять в нем участие. День клонился к закату, и превосходство нашей кавалерии положило бы конец сражению, если бы генерал Анреп, бывший ее душой, к несчастью, не был убит; тогда в наших войсках наступило расстройство, никто не желал взваливать на себя командование, и поле битвы осталось за Бернадотом.

В то время как он бросал в дело все свои войска, чтобы сопротивляться этой неожиданной атаке, отряд кавалерии князя Голицына под командованием графа Петра Палена и князя Михаила Долгорукого вошел в Морунген, захватив все, что оставалось в городе, и завладев повозками маршала Бернадота и всего его корпуса.

Эта атака, столь же смелая, как и хорошо организованная, заставила французов отказаться от преимуществ, которые они имели против корпуса генерала Маркова, и задуматься о собственной безопасности: если бы князь Голицын последовал со всей кавалерией, состоявшей под его командованием, за движением графа Палена и князя Долгорукого, не было бы никаких сомнений, что корпус маршала Бернадота был бы вынужден спасаться бегством в полнейшем беспорядке. Но сей последний, видя, что это всего лишь налет, назавтра на рассвете перестроился и казался готовым начать сражение.

Князь Багратион, командовавший всем авангардом, вместо того, чтобы идти на неприятеля, которого он мог бы отразить с помощью численного перевеса, будучи напуган, занял оборону позади Либштадта и послал передать главнокомандующему, что в движение пришла вся французская армия. Эта искаженная новость заставила генерала Беннигсена вернуть ему кавалерию князя Голицына и направить все свои силы к Либштадту, где около 100 тысяч человек готовились к сражению. Бернадот, освободившийся благодаря этой непростительной ошибке князя Багратиона, осуществил свой отход, не будучи преследуемым. Генерал Беннигсен прибыл после полудня в Либштадт и, увидев себя столь грубо введенным в заблуждение, приказал князю Багратиону спешно идти вслед за французами и, нагнав их, исправить свою ошибку, но тот снова замедлил свое движение и таким образом позволил ускользнуть корпусу, который мог быть разбит.

Сражение при Прейсиш-Эйлау. 1807

1807

Наполеон, среди праздников и заискиваний поляков, получил известие о нашем марше и об отступлении его авангардов; он тут же выехал к войскам, приказал двинуть все, что было у него в распоряжении, и собрал свои силы с удивительной быстротой.

Генерал Беннигсен поспешил соединить свои различные корпуса, и две армии встретились около Гутштадта; генерал Беннигсен, не веря в то, что Наполеон имел время собрать всю свою армию, сформировал большой авангард и приказал ему тотчас двигаться, чтобы захватить этот город: но едва эти войска начали отделяться от основной части армии, как они были остановлены превосходящими массами и частой и очень сильной канонадой: наши кавалерийские колонны, оказавшись совершенно зажатыми на местности, не позволявшей им развернуться, потеряли людей и держались

лишь до конца дня. Наконец стало ясно, что Наполеон прибыл со всей своей армией, и что он торопит начало сражения и не намерен долее уклоняться от него.

Позиция перед Янково, на которой мы пребывали, сбившись в кучу, не позволяла нам построиться и дать там сражение; она могла быть пунктом отступления, но не могла быть использована в качестве позиции для обороны; к тому же князь Багратион со значительной частью войск, взяв направление на Дойч-Эйлау, не имел еще времени соединиться с армией; итак, решено было отступать и искать более выгодную позицию. Противник же возжелал немедля осведомиться о нашей численности и о планах, которые мы измыслили; и, несмотря на темноту, он живо атаковал важный пункт на нашем левом фланге; до глубокой ночи бились с неистовством, но в конце концов мы вынуждены были уступить.

Этот пост, будучи занятым неприятелем, сделал нашу позицию совершенно непригодной для обороны; и в полночь армия двинулась маршем двумя колоннами по дороге на Ландсберг. Князь Багратион, который прибыл на одну из этих дорог, составил арьергард правой колонны, а генерал Барклай де Толли командовал арьергардом левой колонны.

С первыми лучами солнца неприятель пустился за нами вслед и, достигши наших арьергардов, вступил с ними в бой, прекратившийся лишь днем. Прекрасные диспозиции князя Багратиона и генерала Барклая удерживали неприятеля от основной части армии на удалении достаточной значительном, чтобы ее марш ничем не был потревожен.

Но назавтра, прибыв под Ландсберг, неприятель еще более не отставал в своих движениях, и вся наша армия должна была прийти на помощь арьергардам, перестроиться против преследователей под городом, оставив позади себя плотину и узкие улицы. День уже клонился к вечеру, была надежда, что линии не будут введены в бой: арьергард князя Багратиона,

нанеся неприятелю значительный ущерб, остановил его на опушке леса, прикрывавшего наш правый фланг, и встал там. Арьергард генерала Барклая не был столь же счастлив; он расположился у деревни Хофф, с желанием продержаться там подольше, чтобы дать армии время перестроиться. Атаковавших неприятеля гусар Изюмского полка неудачно поддержал Ольвиопольский гусарский полк, который вместо того, чтобы оставаться в резерве и в том порядке, в каком его поставили, некстати бросился в атаку, был обращен вспять французской кавалерией и опрокинулся на пехоту, которой, естественно, передалось его замешательство. Командир 1-го егерского полка полковник Арсеньев, тщетно пытавшийся удержаться, попал в плен, и почти весь его полк был перебит; юный князь Михаил Голицын, подхватив знамя Днепровского полка, повел беглым шагом его 1-й батальон и поначалу заставил неприятеля попятиться; но тот, постоянно усиливая свои массы, окружил этот храбрый батальон, который, так же, как и юный князь Голицын, был изрублен в куски; Костромской полк, предводимый храбрым князем Щербатовым, погиб почти целиком. Французы захватили 5 знамен в качестве трофеев этого кровавого вечера.

Генерал Корф с несколькими драгунскими полками был послан поддержать генерала Барклая, но, начав свою атаку с очень отдаленной дистанции, он не оказал никакой помощи и только увеличил сумятицу. К счастью, темнота положила конец этому бою, наши потери были весьма значительны, а французы тут же разбили свои биваки на расстоянии ружейного выстрела от наших линий.

При отходе нам следовало сохранять величайшее спокойствие и величайшую бдительность; если бы французы послали нескольких сорвиголов, чтобы на марше внести смятение в наши ряды, мы никогда бы не смогли перейти плотину и провести колонны по узким и извилистым улицам

Ландсберга. Вся полевая артиллерия следовала по другой дороге, чтобы не затруднять движения и присоединиться к армии позади Прейсиш-Эйлау.

К несчастью, в наши войска проник доселе невиданный порок; солдаты, уставши или желая предаться грабежу, отставали от своих полков, сбивались в банды, шли окольным путем и несли разорение местности и разложение армии. Но это несчастье имело одну хорошую сторону; эти солдаты, желавшие уклониться от сражения, везде останавливали французских фуражиров и таким образом увеличивали наши арьергарды, создавая пространственный заслон, который неприятель приписывал расчетливости наших генералов и превосходству наших войск. В Эйлау все мародеры заняли свое место в строю.

Армия прибыла в Эйлау 26 января после полудня и расположилась позади города; правый фланг находился от города на расстоянии ружейного выстрела.

К 4 часам пополудни наши арьергарды, сильно теснимые, соединились и отступили к Эйлау. Сражение разгорелось перед городом; с одной и с другой стороны произошли кавалерийские атаки, в одной из которых Санкт-Петербургский драгунский полк опрокинул колонну неприятельской пехоты и захватил у нее два орла. Генерал Багратион отступил через город, а генерал Барклай, слишком слабый, чтобы защищать его с одним своим отрядом, вынужден был оставить город французам, которые вошли в него со всех сторон. Между тем, поскольку наши линии находились слишком близко к Эйлау, наша полевая артиллерия еще не прибыла, а генерал Беннигсен опасался дать генеральное сражение в условиях, когда неприятель полностью занимал город, позволявший ему скрывать все свои приготовления к атаке, генерал Барклай, усиленный некоторым количеством пехоты, получил приказ отбить Эйлау. Он вступил туда, ударив в штыки; стороны

долго сражались на всех улицах, в домах, и после резни, длившейся до самой ночи, наши войска остались хозяевами в городе. Неприятель, сознавая всю важность обладания Эйлау, несколько раз возобновлял свои атаки; темнота усугубила беспорядок и остервенение сражающихся; французам неоднократно удавалось проникать на улицы, а русские, собравшись, заставляли их вновь отступить: весь город был наполнен мертвецами, выстрелы с обеих сторон ранили и убивали без разбору; наконец, когда французы, утомленные потерями и своими бесплодными усилиями, казалось, готовы были отказаться от своего предприятия, генерал Барклай, получив тяжелое ранение, был вынужден оставить командование. Наши войска, неизвестно по чьему приказу, начали покидать город, и после полуночи французы вновь вошли в него, почти не встречая сопротивления. Генерал Беннигсен, получив это известие, сам отправился на позицию, чтобы подготовиться к сражению до рассвета грядущего дня.

Центр позиции был укреплен; вся кавалерия сгруппирована таким образом, чтобы её можно было бы использовать там, где в этом появится необходимость. Правым флангом командовал генерал Тучков, центром — генералы Сакен и Дохтуров, а левым флангом — граф Остерман. Армия была построена в две линии с небольшими резервами позади них; остальная часть кавалерии, состоявшая под командованием графа Ламберта, находилась за правым флангом, другая конница, возглавляемая графом Паленом, — за левым флангом, а основными силами кавалерии командовал князь Голицын. Вся полевая артиллерия была поставлена перед фронтом войск и формировала первую линию. Именно в таком боевом построении мы ожидали восход солнца.

Генерал Беннигсен приказал созвать всех дивизионных командиров; я подошел к ним так близко, как это было возможно, чтобы слышать последние приказы перед генеральным

сражением: я был очень удивлен, ничего не услышав; день разгорался, командиры дивизий вернулись на свои позиции, и ружейные залпы ведетов возвестили начало этого кровопролитного дня. Погода была достаточно хорошей, сухой и холодной, снега намело выше щиколотки. Наши и французские ведеты вернулись к своим войскам, и между двумя армиями расчистилось пространство, на котором нам предстояло сразиться. Почти час царило глубокое молчание. Колонна французской пехоты под прикрытием длинного сарая двинулась по направлению к городу и, казалось, намеревалась атаковать наших стрелков; будучи обстреляна двумя десятками пушек, она быстро вернулась назад; через минуту колонна была усилена и защищена артиллерийской батареей; канонада разгорелась по всей линии, сражение началось с обмена залпами ядер. Вражеские колонны, угрожавшие нашему правому флангу, постоянно усиливались и продолжали движение, легкость которого частично обеспечивалась домами Эйлау. Цепи стрелков усиливались с обеих сторон; наша артиллерия несла большие потери от ружейного обстрела, и наступил момент, когда весь огонь был перенесен только на стрелков противника, которые после больших потерь, укрылись за стенами домов. Был ещё один момент нерешительности с обеих сторон, затихла даже канонада; ветер и сильнейшая метель, дувшие нам в лицо, полностью закрыли от наших взоров линии противника; густой снег, падавший большими хлопьями, сменил метель и был столь силен, что не видно было собственных войск.

Наполеон воспользовался этим обстоятельством для перегруппировки своих войск, наступательное движение которых было скрыто от нас этим снегом. Маршал Ожеро во главе 17 тысяч человек пехоты, выстроенных густыми колоннами, вошел в Эйлау и едва не оседлал наши пушки; другая неприятельская колонна с выдвинутой вперед артиллерией

и при поддержке массы кавалерии двинулась на центр нашей позиции, в то время как основная часть кавалерии была повернута против нашего левого фланга. Против этих колонн, которых мы не могли видеть в этот момент полного ослепления, не было сделано ни единого пушечного выстрела, и мы были бы разбиты, но небеса, которые, казалось, столь таинственным образом помогали французам, вовремя открыли нам опасность, перед лицом которой мы находились; снег прекратился, и вражеские колонны были потрясены залпом 400 орудий позиции; огонь был столь силен и хорошо направлен, что весь корпус маршала Ожеро был опрокинут в одно мгновение; колонны пришли в расстройство и отступили в полном беспорядке. Наша пехота преследовала французов вплоть до городских улиц. В тот момент Эйлау можно было бы захватить, так же как и всю французскую позицию с фланга, если бы генерал Тучков получил приказ наступать; но он запросил приказаний генерала Беннигсена; его искали, но не нашли.

Отразить атаку в центре было сложнее; несмотря на причиняемые им огромные потери, французские колонны держались как стены; их мобильная артиллерия развернулась между колоннами и активно отвечала на огонь наших пушек; с обеих сторон ружейная перестрелка, ведущаяся на дистанции пистолетного выстрела, становилась всё более убийственной; наши солдаты держали строй с бесподобным хладнокровием, когда послышались крики «ура» с нашего правого фланга; пехота бросилась в штыковую атаку; после кровопролитной резни французские колонны были обращены вспять, неприятельская артиллерия брошена, и наша пехота, преодолев пространство между двумя противостоявшими позициями, стремительно атаковала последние резервы французской армии; оказавшийся неподалеку Наполеон приветствовал сам и от имени своей армии замечательную

стойкость одного из полков своей гвардии. Вместо того, чтобы стрелять, этот полк, сомкнув ряды, ждал наших первых наступающих, которые, будучи остановлены в своем порыве и не видя позади себя поддержки, вместо того, чтобы смять этот последний резерв Наполеона, предпочли отойти назад для перестроения на своих позициях.

Если бы генерал Беннигсен находился в этот решающий момент на своем посту, возможно, он приказал бы всей массе оставшейся кавалерии наступать, и этим она развила бы наш успех и завершила полное поражение неприятеля.

Войска левого фланга, ослепленные снегом, были опрокинуты и, несмотря на чудеса храбрости, продемонстрированные графом Остерманом, им не удалось выбить французскую пехоту, закрепившуюся в небольшой деревушке, где прошлой ночью находилась главная квартира, и где осталось некоторое количество раненых, которые почти все погибли в пламени пожара. Граф Остерман, поддержанный мужеством князя Михаила Долгорукого, командира Курляндского драгунского полка, предпринял несколько атак, но, понеся большие потери, был вынужден отвести назад свой левый фланг и образовать прямой угол по отношению к остальной нашей линии.

Напротив нашего правого фланга, неприятель, устрашенный полным уничтожением корпуса маршала Ожеро, столь удачно расположил артиллерийскую батарею, что она обстреливала наши позиции во фланг и нанесла нам большие потери. В центре неприятель, оправившись от первого потрясения, причиненного стремительностью, с которой его войска были нами опрокинуты и преследованы, построил свою кавалерию в густые колонны и под прикрытием артиллерии попытался прорвать линию наших войск, которые уже были ослаблены большими потерями и расстроены предыдущим боем. Эта масса кавалерии была встречена

столь хорошо управляемым артиллерийским огнем, что потеряла направление движения и после пустого блуждания по полю сражения, окруженная дымом и стрелками, которые она приняла за наши линии, понесла большой урон, но так и не достигла своей цели. Два кавалерийских полка, ведомых неустрашимым начальником, прошли сквозь брешь в нашем фронте и затерялись позади нашей пехоты, несколько полков нашей кавалерии, прибывших в тот же момент, накинулись на них и полностью уничтожили. Ни один человек не спасся; наша кавалерия также предприняла затем несколько подобных атак, которые усилили суматоху, но не принесли большой пользы, вследствие отсутствия координации и начальника, способного ими командовать. Тем не менее, кавалерия захватила пять орлов.

Наполеон, видя свой проигрыш в борьбе с нашим правым флангом и центром, сосредоточил все свои усилия на нашем левом фланге, он вынудил часть нашего центра примкнуть к войскам графа Остермана, которым уже пришлось образовать прямой угол. Пушечный огонь возобновился и ядра с батарей, которые неприятель выставил против нашего правого фланга, а позднее и против левого фланга, долетали почти до середины нашей позиции.

Генерал Беннигсен на протяжении нескольких часов не появлялся на поле битвы; зная его храбрость, мы посчитали, что он попал под одну из кавалерийских атак. Генерал Кнорринг и граф Толстой встретились и решили, что следует послать офицера с целью ускорить прибытие прусского корпуса генерала Лестока, который, продолжая действовать против авангарда маршала Нея, ускоренным маршем прибыл на правый фланг нашей позиции. Здесь было оставлено некоторое количество прусской артиллерии с целью уничтожения неприятельской батареи, бьющей нам во фланг, весь остальной корпус прошел позади наших позиций,

чтобы расположиться на левом фланге. Эти прусские войска, почти свежие и воодушевленные наилучшими чувствами, насчитывали 15 тысяч человек. Из всех наших сил, еще остававшихся незадействованными позади левого фланга, генерал Кнорринг сформировал колонну и, присоединив к ней корпус генерала Лестока, атаковал французов, которые уже начали ослабевать. Сражение должно было окончиться в нашу пользу, упорство Наполеона уступало качеству наших войск, превосходство нашей кавалерии уничтожало остатки его армии. В это время появился генерал Беннигсен. Он отправился навстречу прусскому корпусу и ошибся дорогой. День клонился к закату, истощение физических сил сильно влияло на моральные силы главнокомандующего, он приказал прекратить атаку. Французы отступили без потерь, и сражение закончилось.

П. И. Багратион

Только небольшая часть кавалерии преследовала неприятеля и заняла изначальную позицию нашего левого фланга. В это время прибыли войска маршала Нея и заняли деревню, находившуюся в тылу наших позиций, тем самым они даже угрожали дороге на Кёнигсберг, по которой мы могли отступать. Князь Щербатов получил приказ выбить неприятеля оттуда; около 10 часов вечера он атаковал и после получасового боя завладел деревней <Шлодиттен?>, а корпус маршала Нея усилил остатки армии Наполеона.

Таким образом, к концу дня мы остались хозяевами на поле боя, неприятель был отражен во всех пунктах с огромными потерями и находился в полном беспорядке; его обозы и раненые отходили в тыл и на следующий день прибыли в Хайльсберг; Наполеон отдал приказ отступать.

Численность наших войск сильно уменьшилась в связи со значительными потерями и с несчастным обычаем, введенным после поражения при Аустерлице, отбивать захваченные знамена силами лучших гренадерских частей; тем не менее, мы были хозяевами на поле битвы, войска были воодушевлены, а прусский корпус почти не пострадал.

Все с нетерпением ожидали приказов главнокомандующего; прибывший в тот же день генерал Платов одним своим появлением вдохнул новую жизнь в казачьи войска, которых одних было бы достаточно для того, чтобы преследовать неприятеля, нарушать его коммуникации и довести до конца дело нашей победы. Генерал Беннигсен дал приказ отступать, и этот момент слабости генерала Беннигсена во второй раз спас Бонапарта, так же как он был спасен в первый раз при Пултуске безумием графа Каменского. До рассвета армия тронулась с места, и удивленные войска направились по дороге на Кёнигсберг.

Французы направились по дороге на Хайльсберг; но, узнав о нашем отступлении, они повернули назад; ни единый неприятельский кавалерист не следовал за нашим арьергардом. Французский генерал прибыл в качестве парламентера, якобы, для того, чтобы договориться об обмене военнопленными, которых практически не было ни с той, ни с другой стороны, а на самом деле для того, чтобы предложить перемирие; уже одно это свидетельствует о состоянии, в котором находился Наполеон.

На следующий день граф Толстой получил донесение о беспорядках, произошедших в Кёнигсберге, отчасти по вине наших мародеров, отчасти из-за большего количества раненых, которые прибыли в город практически одновременно и для которых было невозможно приготовить необходимые жилье и помощь. Он послал меня в Кёнигсберг с полком драгун с тем, чтобы восстановить порядок в городе, как можно скорее устроить там госпитали и совместно с прусским губернатором принять все требуемые меры для заготовки запасов для войск, приближающихся к городу. Кроме 17 тысяч раненых, сам факт отступления армии привел в Кёнигсберг ещё более значительное число мародеров, заполнивших все улицы.

На следующий день в город со своей главной квартирой прибыл главнокомандующий, войска расположились лагерем у крепостных стен.

Неприятель нас не преследовал; все полученные нами новости доказывали, что он был разбит при Эйлау и оказался не в состоянии продолжать военные действия. Только генерал Беннигсен считал себя победителем и сожалел о том, что упустил свою победу. Ему было очень приятно найти предлог для своего неверного действия в той малой численности, до которой сократилась армия. В день своего прихода

в Кёнигсберг она насчитывала не более 20 тысяч бойцов, это число впоследствии увеличилось до 32 тысяч человек. Так как в нашей армии под Эйлау было 67 тысяч человек, то значит, этот день нам стоил 35 тысяч солдат убитыми и ранеными.

Полковник артиллерии Ставицкий отправился в Петербург с известием о нашей победе и с захваченными у неприятеля орлами.

* * *

В это время генерал Беннигсен почувствовал потребность быть искренним с Императором: признаться в отступлении, одновременно представить ему весьма грустную картину положения армии, нехватку госпиталей и снаряжения и, особенно, прогрессирующее падение дисциплины, все это было результатом слабости генерала Беннигсена, и он не чувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы восстановить все то, что он упустил. Большая роль, которую он играл, начала его тяготить, его здоровье, ослабленное усталостью и тревогами, породило в нем желание снять с себя эту большую ответственность.

Он меня вызвал и сказал, что решил отправить меня в Петербург для того, чтобы доложить Императору обо всей совокупности и деталях этих операций и о состоянии армии, представив ему настоятельную просьбу прислать на его место нового главнокомандующего, под началом которого он будет с удовольствием служить, он сам не чувствует больше сил нести бремя командования.

Снабдив меня своими инструкциями обо всем том, что мне следовало сказать, он отправил меня; генерал Кнорринг и граф Толстой дали мне каждый по письму к Его Величеству, в которых подтверждали, что все то, что я скажу, является точным свидетельством произошедших событий.

При проезде Мемеля я пришел к королю, который находился там вместе с королевой и всей семьей. Он оказал мне честь, наградив военным орденом, и дал поручения к Императору.

По прибытии в Петербург я сделал полный отчет и исполнил все имевшиеся поручения; Император выслушал меня со вниманием и поверил мне; он решил послать свою гвардию на усиление армии, но не пожелал удовлетворить просьбу главнокомандующего и назначить ему преемника. Однако, под воздействием новости, которую привез полковник Ставицкий, и при виде захваченных французских орлов, служивших доказательством безоговорочной победы, в Петербурге сложилось ложное суждение и недоверие к моим утверждениям о том, что главная квартира армии расположена в Кёнигсберге, во мне видели представителя врагов генерала Беннигсена и, следовательно, предателя интересов России, мои лучшие друзья желали мне погибели. Я умолил Императора как можно быстрее отправить меня в армию, он удовлетворил мою просьбу и с тем, чтобы доказать мне свое удовлетворение, произвел меня в капитаны и поручил отвезти генералу Беннигсену орден Св. Андрея Первозванного.

На почтовой станции в Дерпте я с удивлением встретил князя Багратиона, который, как я знал, командовал авангардом; я предположил, что Бонапарт взят в плен, но он мне сказал, что направлен к Императору сообщить о возможности поехать с императрицей в Берлин, он рассказал, также, что французы постоянно отступают и что генерал Беннигсен — самый великий полководец века.

Действительно, я не нашел больше нашей главной квартиры в Кёнигсберге. Во главе усиленного отряда кавалерии, который подошел после сражения под Эйлау, Мюрат атаковал наши аванпосты при <...>, но граф Пален и генерал Ламберт его так решительно отразили и побили, что Наполеон,

опасаясь быть атакованным, снял свой лагерь и быстро отступил. Он прошел Хайльсберг и закрепился на позиции при Остероде, оставив маршала Нея в качестве авангарда в Гутштадте.

Генерал Беннигсен последовал за ним, и я его догнал в Ландсберге. Вначале он принял меня очень холодно, но, убедившись, что я в точности исполнил все его поручения, показал мне небольшое письмо, написанное ему князем Багратионом из авангарда, с целью быть направленным к Императору, в котором он сообщил, что генерал Кнорринг и граф Толстой внушили генералу Беннигсену мысль отправить с этим поручением меня только для того, чтобы повредить ему в глазах Императора и принизить его великие заслуги. Дело было в том, что князь Багратион, чувствуя себя виновным в многочисленных аферах, опасался, что мне поручено говорить о нем плохо, и для того, чтобы парировать удар, он добился у главнокомандующего разрешения самому поехать в Петербург с тем, чтобы силой своего авторитета нейтрализовать то, что я мог бы о нем сказать.

Он был хорошо принят в обществе, приписал нашу победу талантам генерала Беннигсена и своим собственным заслугам; генералы Кнорринг и Толстой вызывали озлобление, а я был предметом ненависти, как исполнитель их интриг.

Несмотря на свою мудрость и высший дар познавать людей, Император сам, быть может, увлекся уверениями князя Багратиона, ведь верят в то, во что хотят верить. Я говорил, что нужно удвоить усилия, направить в армию все существующие резервы, реорганизовать различные управления, входящие в главную квартиру, суровыми мерами повысить дисциплину, а он говорил, что все идет превосходно и что неприятель, заставивший содрогнуться Европу, повержен.

Специально был отправлен генерал Новосильцев, чтобы уверить генерала Беннигсена в том, что моя, так сказать,

интрига не удалась; генералу Кноррингу и графу Толстому было запрещено в дальнейшем писать Императору.

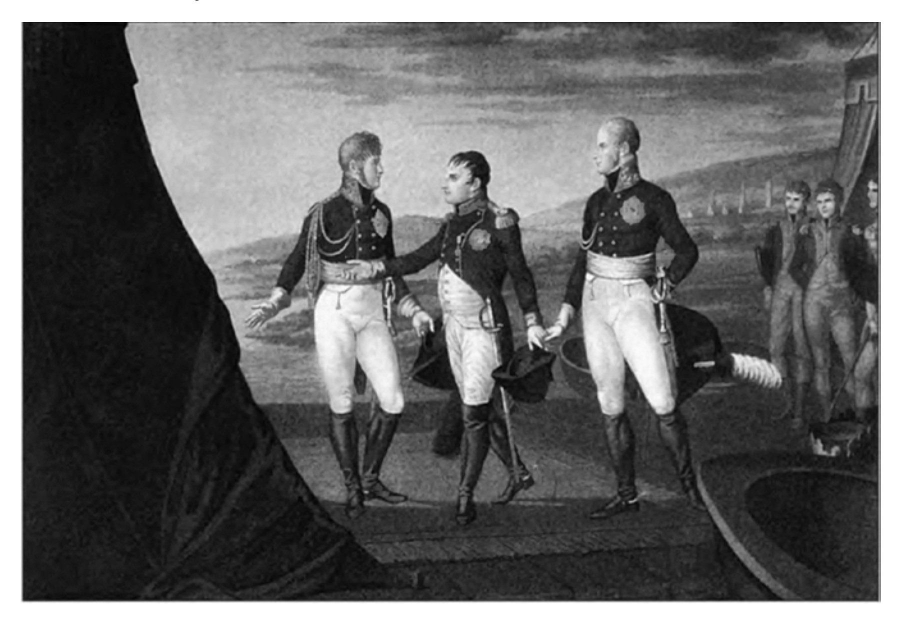
В это время неприятель, который покинул окрестности Эйлау только потому, что местность там была разорена, заражена из-за множества трупов, и к тому же открыта для набегов наших казаков, остановился неподалеку, прибыв на заранее выбранную позицию. Под Лаунау неприятель успешно отбил атаки нашего авангарда, несмотря на то, что он был значительно усилен и имел приказ захватить Гутштадт. Наша главная квартира, которая была перенесена в Хайльсберг, отодвинулась до Бартенштайна. Противник расположился в своих населенных пунктах, мы — в своих, к концу зимы все перешли на зимние квартиры.

Корпус под командованием графа Толстого занял Хайльсберг и его окрестности с тем, чтобы оказаться в состоянии поддержать наш авангард, находившийся в Лаунау. Наполеон, между тем, реформировал свои войска, ожидая подкреплений, и решительно вел осаду Данцига.

В это время прибыла наша гвардия, и Император лично в сопровождении короля Пруссии остановился в Бартенштайне. Он отправился на смотр авангарда в Лаунау и был очень польщен тем, что его присутствие воодушевило славные войска.

Один корпус был сформирован с тем, чтобы прикрыть наши границы со стороны Гродно и нейтрализовать действия польских повстанцев. Французские войска занимали Остроленку; генерал Эссен, который командовал нашими войсками, предпринял попытку выбить их из этого города; молодой князь Суворов продемонстрировал при этом храбрость, достойную фамилии, которую он носил, его полк действовал с бесстрашием, преодолевавшим любые препятствия, но, не получив поддержки, понес большие потери и был вынужден отказаться от своего предприятия. Через некоторое время,

опасаясь следующей атаки, французы сами оставили Остроленку. Наши войска заняли левый берег реки Нарев, до его впадения в Буг.

Свидание Александра I с Наполеоном в Тильзите 13/25 июня 1807 года

Генерал Тучков был послан принять командование над этим корпусом. Князь Щербатов с некоторым количеством русских войск был направлен в Данциг с тем, чтобы укрепить прусский гарнизон фельдмаршала Калькройта, но крепость была обложена очень плотно; граф Каменский был послан с несколькими полками для того, чтобы пробиться в Данциг с моря, помочь городу и установить с ним связь по морю; несмотря на хорошие позиции графа Каменского и продемонстрированную нашими войсками храбрость, он не смог выполнить задачу и эта попытка не принесла ничего, кроме усиления осады.

Во время этого длительного перерыва наша армия практически бездействовала и оправлялась от понесенных потерь;

общая веселость пришла на смену усталости от войны; все почти забыли, что находились ввиду неприятеля и накануне сражений. Праздники и удовольствия заполнили наш лагерь, Хайльсберг был центром притяжения почти для всех генералов и военных молодых людей; давали большие обеды с участием всего высшего общества столицы; каждый день предпринимались новые увеселения и прогулки; дамы из Петербурга прибыли украсить и оживить наши удовольствия. Госпожа Уварова приехала в Кёнигсберг, где я много раз навещал её без ведома мужа; она сократила мне дорогу, переехав в Хайльсберг; но окружавшая её толпа поклонников заставила меня быстро прекратить эти посещения; будучи ещё очень влюблен, я имел слабость весьма огорчиться из-за этого.

В то время как мы были заняты увеселениями и любовными интригами, Наполеон взял Данциг и получил подкрепления. Император, не намереваясь принимать командование армией, начал тяготиться бездействием, которому он был свидетелем; он стал понимать, что прекрасные известия князя Багратиона не были абсолютно точными, и что поход на Берлин не будет столь легким, как это предполагалось.

Наши войска были превосходны и вскоре должны были почувствовать нехватку припасов в этой стране, столь долго бывшей театром военных действий. Противник, которому дали отлично отдохнуть в Остероде, усиливался с каждым днем и получил преимущество взятием Данцига. Нам надо было решиться на какие-то действия. 1 мая вся армия собралась в Хайльсберге, эта позиция была усилена, благодаря заботам графа Толстого; Император и король следовали за армией с главной квартирой, все колонны пришли в движение. Рассчитывали встретить противника перед Гутштадтом; он не двигался со своих позиций, и после двух дней нерешительности вся наша армия вернулась в свое прежнее

расположение. Это хотели объяснить отсутствием припасов, но Император уже ясно видел, чего именно не хватало, и для того, чтобы не давать повода видеть в его присутствии влияние на ход военных операций, он удалился из армии.

Генерал Тучков, командующий корпусом на реке Нарев, опасно заболел, и на его место был послан граф Толстой.

Я его сопровождал; мы нашли войска расположенными таким образом, что наш крайний правый фланг находился в Остроленке, а крайний левый фланг — в Броке на Буге. Генерал Витгенштейн командовал отрядом, занимавшим Остроленку, генерал Васильчиков — линией наших аванпостов, наблюдавших за Пултуском и берегом реки Буг.

Маршал Массена командовал французскими, польскими и баварскими войсками, которые составляли противостоящий нам армейский корпус. Генерал Вреде, состоявший под его начальством, имел штаб-квартиру в Пултуске.

Бездействие, царившее между армиями Наполеона и генерала Беннигсена, распространилось также и на корпуса, разделенные Наревом.

Но с той и с другой стороны в этих двух местах готовились к возобновлению кампании; отдых должен был смениться последними и несчастливыми событиями этой борьбы, от которой зависели судьба Пруссии и полное преобладание Наполеона.

* * *

Генерал Беннигсен сообщил графу Толстому, что он собирает свою армию в Хайльсберге и окончательно решил атаковать маршала Нея при Гутштадте, призвав графа согласованно начать боевые действия в тот же день. Французский лагерь располагался точно напротив Остроленки, его защищали 2000 человек, и он был укреплен. Так как неприятель, казалось, ожидал нашей атаки со стороны Пултуска,

граф выбрал объектом наступления Остроленку. Под прикрытием острова, находящегося на Нареве, мы построили большие плоты; в камышах были спрятаны несколько артиллерийских орудий, и войска приблизились к берегу, оставшись незамеченными французскими часовыми.

По сигналу артиллерия сбила передовые посты неприятеля, 5 эскадронов Мариупольских гусар перешли реку вброд несколько выше по течению, пехота в количестве 800 человек переправилась на плотах; храбрый полковник Ланской, командовавший гусарами, обрушился на неприятельские укрепления; пехота следовала за ним с максимальной быстротой и ворвалась в лагерь французов, которые от неожиданности не оказали практически никакого сопротивления и отступили в соседний лес, бросив повозки и часть вооружения; их преследовали, и 600–700 человек были взяты в плен. Маршал Массена прибыл в Пултуск и собрал свои войска для того, чтобы форсировать Нарев в этом городе и заставить нас, тем самым, уйти с правого берега реки. Так как его корпус превосходил наш в численности, граф Толстой, оставив в Остроленке только посты наблюдения, расставленные вдоль левого берега Нарева, сконцентрировал свои силы и выбрал удобную позицию для сражения; там он остался ожидать прибытия новой дивизии, формировавшейся в Гродно. Маршал Массена не предпринимал пока активных действий; обе стороны с нетерпением ожидали новостей из основных армий, которые должны были значительно повлиять на наши события.

Мы получили реляцию об атаке генерала Беннигсена на Гутштадт, которую сам он признал неудачной, ссылаясь на медлительность продвижения генерала Сакена; так или иначе, маршал Ней, который должен был быть разбит, оставил город из-за больших потерь; Наполеон покинул свое лагерное расположение у Остероде, которое он называл

«отдыхом льва», и со своей обычной быстротой двинулся навстречу нашей армии. При Лаунау произошел бой, и генерал Беннигсен занял хорошую позицию около Хайльсберга.

Вторая полученная нами новость рассказывала о кровопролитном сражении при Хайльсберге: французы тщетно пытались захватить укрепления, защищавшие нашу линию, и после многочисленных демонстраций мужества были вынуждены прекратить атаку. Битва была нами выиграна, но опыт научил Наполеона, что генерал Беннигсен легко отходит. Чтобы заставить его это сделать, он направил колонну своих войск к Эйлау, словно желал нас опередить на дороге в Кёнигсберг. Это не дало ему преимущества, вся наша армия пришла в движение и покинула поле сражения; одна колонна под командованием графа Каменского фланкировала марш неприятеля, все остальные наши войска взяли направление на Фридланд. В связи с этим отступательным движением графу Толстому был послан приказ отойти за болота Тыкоцина, где ему следовало ожидать новых инструкций. Мы выполнили это отступление в полном порядке, преследуемые всеми силами маршала Массены, получившего со своей стороны приказ атаковать нас. Весь корпус прошел по длинной плотине и по мосту в Тыкоцине и встал лагерем на другой стороне. Французский авангард энергично атаковал наш арьергард, но тот, находясь под командованием генерала Витгенштейна, решительно отбил эти попытки и захватил много пленных. Ночью наш арьергард спокойно перешел мост и разрушил его; напротив нашего лагеря в городе расположился генерал Сюше.

К этому периоду времени относится неудачное сражение под Фридландом. Другой французский корпус одновременно занял Кёнигсберг. Наша армия под сильным влиянием неудач и пав жертвой нерешительности и неверных решений главнокомандующего, отошла к Тильзиту. Узнав об этом

раньше нас, маршал Массена сообщил нам эту новость в надежде, что заставит нас продолжить отступление; но, видя, что мы держимся, он начал готовить средства переправы и угрожать нашему правому флангу; когда ему стало известно о перемирии между двумя главными армиями, он отправил соответствующее предложение графу Толстому; последний послал меня в Тыкоцин, чтобы ответить отказом и одновременно посмотреть на неприятельские приготовления к наступлению. Генерал Сюше направил меня к маршалу Массене, который прекрасно меня принял; он получил к этому времени приказ Наполеона воздерживаться от враждебных действий и условия перемирия. Я заметил ему, что, не получив такого сообщения от генерала Беннигсена, граф Толстой не может признать это перемирие и будет продолжать драться. По моем возвращении в лагерь прибыл курьер с подтверждением того, что мне было сказано во французской штаб-квартире, и с приказом отдать всю территорию до границ Белостока. Так закончилась эта война, которая по результатам сражений под Пултуском, Эйлау и Хайльсбергом, а также в связи с близостью наших резервов должна была бы окончиться в нашу пользу. Наполеон, победивший только при Фридланде, имел растянутые коммуникации, однако, благодаря своему упрямству и таланту использовать малейшие преимущества, преодолел в одном сражении все свои неудачи, стал хозяином судеб Пруссии, получил большее, чем когда-либо влияние в Европе, и подписал мир ввиду границ России.

Он пригласил Императора на переговоры в Тильзит; первая встреча Наполеона и Александра состоялась на плоту посреди реки Неман; устрашенная Европа с дрожью ждала приговоров, которые произнесут эти два могущественных монарха. Французская армия увидела в этой встрече свой

триумф, наша армия — только новое требование возмездия; французские солдаты радовались миру, русские солдаты призывали новую войну.

* * *

На переговорах в Тильзите Император удержал Пруссию на краю бездны, он потребовал и добился того, что она не была раздроблена на мелкие государства; такая гордая, благородная в своих принципах и высказывавшаяся против Наполеона королева была вынуждена приехать в Тильзит, увидеть могущество своего врага и превозмочь наглость соперниц.

Поляки увидели проблеск надежды: они усердно служили под знаменами Наполеона, для себя они добились, что их столица и объединение земель, собранное из провинций, которые принадлежали Пруссии, были объявлены Великим герцогством Варшавским и переданы королю Саксонии. Поляки поверили, что наступает момент восстановления их независимости; Наполеон видел в этом изменении только авангард, который он приготовил против России, новую узду для сдерживания Австрии и Пруссии и способ обогатить своих генералов, которым он щедро раздал части нового герцогства. Германия, Италия и Голландия, благодаря капризу Наполеона, по Тильзитскому миру получили право распоряжаться собой.

Граф Толстой был вызван к Императору; не смотря на нашу поспешность, мы догнали его только в Таурогене на следующий день после того, как он покинул Тильзит. После того, как граф получил приказания, мы вернулись в Белосток; я был послан в Варшаву для переговоров с маршалом Массеной об условиях принятия во владение Белостокского округа, который был передан России. Генерал Сюше с той же целью был направлен к графу Толстому, и все было договорено к общему удовлетворению.

Граф устроил замечательный праздник, на котором присутствовали новые подданные России; они, вероятно, предпочли бы стать частью Герцогства Варшавского, но могли поздравить себя с тем, что больше не принадлежат Пруссии.

Жившая в Белостоке сестра покойного польского короля, госпожа Краковская, имела довольно большой придворный штат, там собралось несколько дам из лучших фамилий. Она оказала нам очень теплый прием; но молодые польские дамы, особенно две графини Потоцкие, жившие в замке, из патриотических соображений долго даже не разговаривали с нами. Графиня Иоанна пленила меня окончательно, не будучи красавицей, своим умом и кокетливостью она заставила меня приложить все силы для того, чтобы победить её предубеждение по отношению к русским.

Одна французская дама, жившая у госпожи Краковской, пожелала поддержать мои усилия: она специально встретила нас в саду и, в конце концов, убедила графиню принять приглашение на небольшой бал, который я давал в имении недалеко от города. Затем мне было позволено пригласить их после ужина на прогулку втроем; затем — на прогулку вдвоем, наконец, патриотизм сдался, и мне не оставалось другого желания, как только продлить свое пребывание в Белостоке.

Однако пришлось покинуть графиню и следовать за графом в Петербург. Сделал это я с очень большим огорчением. По прибытии в Петербург Император объявил графу о том, что направляет его послом в Париж. Я был включен в число сопровождавших его лиц; после нескольких недель подготовки к путешествию, в конце лета мы отправились в путь.

* * *

В Мемеле мы были приняты королем и королевой, которые в этом последнем уголке своего королевства грустно ожидали, когда дорога в их столицу, заполненную французскими

войсками, будет открыта; вынужденные оставаться в Мемеле, они видели, что остальная Пруссия была разграблена и унижена солдатами Наполеона. Прусская армия была сокращена до горсти людей, наиболее сильные крепости заняты французскими гарнизонами, полицейские контролировали все крупные дороги. Это состояние мира было более тягостно и более разрушительно, чем самая активная война; чувство ненависти, которое на полном основании испытывала вся Пруссия к своим завоевателям, только увеличивало претензии и несправедливости со стороны французов. Униженные пруссаки дрожали от ярости, вспоминая свои прежние победы, а французы терзали их самолюбие, напоминая о поражении под Йеной и постыдной сдаче крепостей.

На всем нашем пути мы видели только бедствия германского населения и бахвальство французов; но больше всего нас удивила флегма немцев, с которой те страдали, унижались, рассуждали о своей силе и национальном сознании. Они так спокойно и униженно спорили и прогуливались с теми же французами — предметом их ненависти, совратителями их жен и их дочерей, грабителями их имущества. Везде французские командиры встречали графа Толстого с военными почестями, демонстрировали огромное уважение и самую живую радость оттого, что мир снова объединил две самых великих нации и двух самых могущественных императоров. Мы постоянно были вынуждены делать вид, что принимаем все их любезности, и быть вежливыми, что вошло в обычай между Императорами после Тильзита; графа везде сопровождал эскорт французских кавалеристов, можно было утверждать, что вся Германия уже включена в состав империи Наполеона.

На несколько дней мы остановились во Франкфурте-на-Майне, и наш консул г-н Беттман предоставил в наше

распоряжение все, что мог предложить этот богатый и густонаселенный город. Оттуда мы прибыли в Страсбург; вход в эту крепость на границе Франции произвел на нас тем более печальное впечатление, что мы не могли уже преуменьшать реальное могущество этого неприятеля и стабильность этого могущества. Над воротами, через которые мы вошли, была надпись «ворота Аустерлица», мы желали бы стереть позор этого дня, но для этого надо было мечтать о новой войне и о способах провести её должным образом.

Прекрасная Франция, по которой так любили проезжать путешественники всех времен, вызывала только раздражение нашего самолюбия, столь сильно оскорбленного ввиду наших границ. Все вокруг подчеркивало нам славу французской армии, в Люневиле мы встретили несколько тысяч наших пленных; в Нанси — толпу прусских генералов и офицеров, с которыми обращались с самой отвратительной жестокостью и презрением. Казалось, в этом государстве их ссора становилась нашей, а наши мстительные чувства должны были соединиться. Прибыв в Париж, мы остановились в большом отеле «Бательер».

* * *

Император Наполеон находился в Фонтенбло; как только ему сообщили о прибытии посла, он позвал приехать к нему, нам сообщили, что мы все будем там представлены с подобающими случаю церемониями. Чтобы увеличить пышный и блестящий двор счастливого Наполеона, приехали король Вестфалии Жером, принцесса Вюртембергская, королева Голландии, принц Мюрат, принцесса Каролина и княгиня Боргезе, а также главные вельможи империи, многочисленные маршалы, все иностранные послы и некоторое число мелких германских князей.

П. А. Толстой

Посол и его свита были доставлены во дворец в парадных придворных каретах, предшествуемые церемониймейстерами; графа Толстого пригласили в кабинет императора, мы были ему представлены после его возвращения с мессы.

Все великолепие, окружавшее этого узурпатора трона Генриха IV и Людовика XIV, свидетельствовало о пышности и надменности, но в то же время и об ужасе, который он внушал; он один держался просто и имел тот вид спокойствия и уверенности, который, казалось, покинул всех остальных; он резко обратился к нам солдатским тоном, который контрастировал с подчеркнутой вежливостью его окружения, задал нам несколько вопросов о нашей службе, поинтересовался, в каких кампаниях я участвовал, и пожелал

нам много здоровья и сил для того, чтобы насладиться всеми удовольствиями Парижа.

Графа поселили во дворце и обращались с ним со всей возможной обходительностью; после того, как мы совершили все требуемые визиты, каждый из нас постарался обзавестись знакомствами, и мы могли только поздравить себя с тем предупредительным приемом, какой оказали нам все французы.

Гордясь заключенным в Тильзите миром, Наполеон хотел убедить всю Европу, что он этим завоевал союз и близкую дружбу с Императором Александром, к тому же, доказывая свою тесную связь с Россией, он демонстрировал власть над всеми другими правительствами и способность объединить нации для решения главной задачи, а именно, вовлечения нашего правительства в официальный и полный разрыв с Англией. Чтобы этого добиться, он обещал нам все, он уже согласился отвести свои войска из Пруссии, вернуть ей несколько крепостей, которые он удерживал как залог требуемой им контрибуции на военные расходы. Графу удалось бы добиться ещё и других преимуществ, если бы, к несчастью, усердием генерала Савари в Петербурге не было ускорено принятие декларации об объявлении войны Англии: провозглашением этой декларации Наполеон достиг всего, чего хотел, и с этого момента он не был более расположен выполнять наши просьбы.

Между тем он продолжал выказывать расположение и льстить России, его замыслы против Папы, против Испании и Португалии, сделали это для него необходимостью, при всяком случае и на общих собраниях он не упускал возможности напомнить иностранным послам о том, что он может располагать 150 тысячами русских, своих надежных союзников.

В Тильзите было договорено, что в Париже, при посредничестве Франции, посол Турции и граф Толстой проведут

переговоры о мире между Россией и Портой. Стороны заключили соглашение о взаимном воздержании от применения оружия, которое было продлено, но мир не был заключен. Я не знаю, желали ли мы мира искренне, но совершенно определенно, что Тюильрийский кабинет его не хотел, и он был весьма рад продолжению войны, которая стоила нам огромных денег, и которая, из-за болезней, серьезно ослабляла нашу армию.

Пребывание в Фонтенбло было весьма приятным; императрица Жозефина оплачивала расходы собиравшегося у неё общества, устраивала чаепития и концерты, своей любезностью и добротой она заставляла забывать об её высоком положении, и особенно о том, что она занимала его не по праву рождения. Она была любима всеми и частично использовала свое влияние на супруга с тем, чтобы усмирять его гнев и облегчать участь несчастных.

Совершенно непохожа на неё была принцесса Мюрат, обладавшая капризным и спесивым характером своего брата. Она использовала свое влияние, очарование и умение обольщать лишь для того, чтобы будоражить всех вокруг, озлоблять и без того тяжелый нрав Наполеона и добывать для своего мужа королевскую корону. Будучи весьма привлекательной и остроумной, она была очень развратна и не имела недостатка в обожателях и фаворитах, с которыми была достаточно щедра. Её муж, доблестный военный, добившийся всего на полях сражений и преуспевший благодаря самому себе, тоже очень хотел получить корону, но даже не представлял, что можно приобрести её интригами. Он гордился своей шпагой и с ней связывал свою судьбу. Любитель украшений, питающий слабость к собственной персоне, он тщательно следил за своими туалетами и наряжался в разнообразные костюмы, словно цирковой артист. Образ жизни супруги, которая со своей стороны по праву сестры

императора оказывала на него сильное давление, не вызывал в нем ревности, он позволял ей завязывать и обрывать любовные связи по её усмотрению, находя утешение в постоянной смене актрис и оперных танцовщиц. В остальном, его прямой характер и блестящая репутация храбреца завоевали ему любовь окружающих и уважение военных.

Королева Голландии, супруга Луи Бонапарта и бывшая признанная любовница Наполеона, обладала мягкостью, любезностью и веселостью, которые добавляют очарования любой женщине. Она собрала в своем окружении людей, обладающих выдающимся талантом и умом, и использовала свое высокое положение лишь для того, чтобы развивать обходительность и предупредительность. Она милостиво принимала у себя лучших артистов Парижа, которые превращали устраиваемые ею вечера в самое приятное времяпрепровождение.

Жером Бонапарт являлся всего лишь развязным повесой, опьяненным своим высоким положением, который в угоду собственным свободным нравам только и искал способы удовлетворить их, прилагая для этого все свои духовные и физические силы. Его супруга, маленькая и толстая немка, неуклюжая и неловкая, не смогла завести себе любовника и верила в верность своего мужа. Она была пустым местом в обществе.

Князь Боргезе, муж сестры Наполеона принцессы Полины, представлял собой совершенно незаметную личность, это был добрый малый, богатый и распутный. Придворные дамы, большинство из которых были непостоянными любовницами Наполеона или одного из его братьев, не были образцом мудрости; офицеры из свиты императора и принцев находились в Париже только для того, чтобы отдохнуть от войны и воспользоваться теми удовольствиями, которые предоставляли в их распоряжение столица и двор.

Никакие затраты не останавливали вольности; дамы императорской фамилии были далеки от того, чтобы блюсти репутацию добродетели, ещё менее этого желали женщины из их окружения. Император подавал пример распутства мужчинам; религиозность, воздержание были явлениями чуждыми и вызывали насмешки до такой степени, что можно с уверенностью утверждать, что никогда и ни при каком другом дворе распутство не было таким общепринятым. Это было очень приятно для молодых людей; суровость царила только в кабинете Наполеона, заботы и стеснение переполняли людей только там. Каждый вечер в Фонтенбло давали спектакль или бал; как правило, мы обедали у одного из послов или у обер-гофмаршала Дюрока.

Знакомства были завязаны и для того, чтобы не отличаться от других я обратил свои взоры на мадам Дюшатель, фрейлину Императрицы. Хотя она была несколько увядшая, но для начала достаточно любезна и красива. Наше более тесное знакомство состоялось в парке, и я мог только поздравить себя с этой встречей, которая открыла мне двери многих домов, и позволила мне часто узнавать интересные новости.

Актриса французского театра мадмуазель Жорж жила во дворце и была близко знакома с Наполеоном; она поразила меня своим большим талантом и ослепительной красотой. Однажды вечером, придя домой, я получил записку от мадмуазель Жорж, в которой она меня просила запретить моему лакею подниматься в её апартаменты, где он наделал шуму, и уверяла, что я держу самого скверного слугу в Париже. На следующий день я поспешил явиться к ней с извинениями за шум, который посмел учинить мой лакей, добавив, что не могу ни уволить, ни наказать его, так как именно из-за него я имею счастье видеть вблизи предмет всеобщего обожания. Она была очень вежлива, но не разрешила мне дальнейших визитов в Фонтенбло и не предоставила возможность

видеть её в Париже. К этому времени она произвела на меня очень живое впечатление, с того момента я мечтал только о ней и искал способы овладеть ею.

Император продолжил свое пребывание в Фонтенбло, а посол вместе с нами вернулся в Париж. Мадам Дюшатель была столь любезна, что направила меня к мадам Савари, своей доброй подруге и супруге генерала, все ещё находившегося с поручением в Петербурге; эта добрая рекомендация позволила мне избежать обычных формальностей и после нескольких визитов мое положение упрочилось. Мадам Савари была совсем немолодой креолкой, очень остроумной и более всего прочего любящей развлечения и перемены. Я нашел эти новые отношения тем лучшими, что её дом был полон придворных и светских людей, и что она имела прочные связи в полицейском ведомстве, так как её супруг был начальником полиции. Все это могло мне помочь в сборе полезных сведений или секретных данных.

Император предоставил посольству России прекрасно меблированный отель Теллюссон, в котором раньше жил принц Мюрат и принцесса Каролина. Дом находился совсем близко от дома Савари, и я с ещё большим удобством продолжал свою любовную интригу.

Я познакомился с графиней Висконти, любовницей маршала Бертье, крупной и красивой пятидесятилетней женщиной, которая ещё могла внушить желания и испытывала их сама до такой степени, что каждый вновь прибывший становился их объектом. Её репутация и привычка к решительным действиям при первом же моем визите привели к появлению любовной связи. Красивые очертания её тела, прекрасное сложение и удивительная свежесть заставили забыть её возраст и даже забыть мадам Савари. Последняя не простила мне этого и после возвращения своего супруга не упускала

случая мне отомстить и создать все те неудобства и пустить сплетни, которые только может изобрести женский ум.

Эти малоинтересные связи не отвратили меня от других женщин, тех, кого можно было купить в некоторых домах по более или менее высокой цене, и которые привлекали всех иностранцев легкостью, разнообразием и тем замечательным выбором, который там можно было сделать.

В Париже я с увлечением посетил все, что только возможно, за исключением игорных домов, так как дал себе обещание, что ноги моей там не будет; к счастью, мне удалось сдержать слово.

М-ль Жорж

Через некоторое время после нашего возвращения из Фонтенбло, император уехал в Италию, а двор возвратился в Париж.

Нас часто приглашали к императрице, принцу Мюрату и особенно к королеве Голландии, у которой было достаточно ума, чтобы жить отдельно в роскоши и любезности, не вмешиваться ни в какие дела и не иметь с государством своего супруга другой связи, кроме получения денег.

Через несколько дней после приезда двора, в Париж из Тильзита вернулась гвардия. Весь город поднялся на ноги, чтобы участвовать в этом представлении. Сенат и парижский магистрат выстроились для церемонии встречи войск. Императорские орлы были украшены коронами из лавровых листьев, император и весь двор встретили полки на Елисейских полях за столами, приготовленными для каждого солдата. Французы были невероятно рады и горды, увидев, что тысячи храбрецов вернулись домой после того, как они прошли Германию, разбили Пруссию, восстановили Польшу и присутствовали при подписании мира на границах Российской империи. Но для нас это действие было чрезвычайно печальным; впечатление, которое оно на меня произвело, никогда не сотрется из моей памяти. Командующий Императорской гвардией маршал Серюрье устроил для императора и для города великолепный праздник; все Марсово поле было замечательно иллюминировано, на нем при свете ружейных выстрелов пехота производила разные перестроения.

Маршал Массена дал в честь графа Толстого большой военный обед, на котором я имел честь присутствовать, и на который были приглашены маршалы, наиболее отличившиеся генералы и министр полиции Фуше. К нашему большому удивлению, мало того, что участники обеда были мало щепетильны в используемых выражениях, они с несравненной

свободой говорили об императоре, о наградах, которые он пожаловал наиболее ярым республиканцам. Каждый генерал, поддерживая действия Наполеона, пытался в них разобраться, казалось, что он имел право обсуждать их, готовился занять его место и считал большим несчастьем, если корона не упадет в его руки. Если хотя бы на минуту можно было забыть все победы, которые одержали эти генералы, если бы можно было забыть мужество, заслуги и двадцатилетние труды, бесспорно, им принадлежавшие, то показалось бы, что мы находились в кордегардии среди юнцов, недавно поступивших на военную службу.

Успехи, быстрые карьеры, пример Наполеона и его братьев, остатки революционного духа разрушали все препятствия на их пути; Бонапарт привил этим республиканцам вкус к званиям; увлечение равенством сменилось увлечением величием, они становились графами, герцогами, королями, он оставил каждому офицеру и каждому солдату возможность добиться этих отличий, являвшихся наградами за военные заслуги, все жаждали сражений; генералы, офицеры, солдаты, все они признавали за Наполеоном титул императора как залог их собственного возвышения к иностранным престолам.

Тем временем я мечтал только о мадмуазель Жорж, она одна заполнила всю мою душу, я стучался в ее дверь, но бесполезно. Чем больше я встречал трудностей, тем больше желание овладеть ею становилось непреодолимым. В конце концов, после многочисленных хлопот и трудностей, я был введен к ней, и моя любовь не встречала больше препятствий.

Я использовал все свои возможности, чтобы понравиться ей; я подкупил её горничную, я мечтал только о том, чтобы предупредить все её желания; я побывал у ее матери, у ее дяди, у всех членов семьи. Моя страсть, вернее, удивительная красота мадмуазель Жорж, её великая репутация полностью

ослепили меня, и я нежно любил актрису, любовницу Наполеона, который теперь для нее больше, чем любовник. Я стал глупым, как всякий влюбленный; наконец, мое усердие и представление о том, что в Париже адъютант Императора России должен быть богатым, завоевали мне расположение этой несравненной красавицы. Я был сам не свой от радости и счастья и забыл все, даже чувство долга ради того, чтобы заниматься только своей любовью. Чтобы заставить ее полюбить меня, я прибег к нежности, внимательности, щедрости. Я был по настоящему счастлив, считая себя на вершине блаженства. Мое тщеславие было удовлетворено обладанием самой знаменитой красавицей Франции, любовницей императора, предметом восхищения и аплодисментов публики. Сначала она делала тайну из нашей связи, показывала наше знакомство только в виде любезности; мало-помалу она перестала прятать наши отношения и, в конце концов, о них стало известно. Все ночи я проводил у нее и возвращался к себе лишь за тем, чтобы показаться на глаза послу и переменить одежду. Я сопровождал ее на репетиции, помогал сменить костюм, когда она играла, мы вместе ездили по театрам, загородным садам; мы стали завсегдатаями в Версале и в других удаленных местах; мы были неразлучны и наша связь стала легендой в Париже, что привело к печальному концу те дела и заботы, которые я должен был выполнять по долгу службы. Обладание только увеличило мою любовь, и я не смел даже думать о том ужасном дне, когда буду вынужден покинуть мадмуазель Жорж.

Узнав однажды о моих опасениях, она мне заявила, что готова покинуть Париж, оставить все, что она там имела, даже свой талант, и уехать со мной, куда я пожелаю. Воодушевленный этим предложением, я написал в Петербург, чтобы получить позволение Императора принять мадмуазель Жорж в труппу придворного театра. Зная, что сейчас

на сцене нет трагедии, я предложил подготовить один спектакль, представление которого начнется после побега мадмуазель Жорж, которая может покинуть Париж и французский театр только украдкой, бросив все свое имущество. Я просил соблюсти строжайший секрет от посла Франции и с беспокойным нетерпением ожидал ответа Императора. Он превзошел все мои ожидания — по приказу Императора господин Нарышкин прислал мне незаполненные бланки контрактов и полномочия нанять мадмуазель Жорж, а также других актеров и актрис.

Ничто более не препятствовало нашим желаниям, кроме трудностей покинуть Париж и обмануть бдительность полиции. Тем временем, из-за непростительной для влюбленного неосторожности, я едва не потерял плоды своих трудов.

На одной из улиц, по которой я проезжал каждый день, на верхнем этаже я заметил очень красивую молодую женщину, которая, казалось, впала в печаль. Долгое время меня разбирало любопытство; в конце концов, я отправил своего доверенного слугу и благодаря его стараниям узнал, что эта молодая девица была немкой, и она хотела со мной поговорить. Мне не оставалось ничего другого, как со всей поспешностью предоставить себя в её распоряжение, и я был крайне удивлен, застав её в слезах. Она рассказала, что приходится дочерью богатому торговцу из Кёнигсберга, что один французский генерал, живший в доме её отца, обещал жениться на ней, но потом выкрал её, и что теперь она не решается написать своим родителям, и потеряла надежду; что, узнав мое имя, она пожелала меня видеть, чтобы я нашел способ вернуть её в родной город, так как она стыдится обратиться за паспортом к послу Пруссии, который знаком с её семьей. Её красота и слезы тронули меня; я обещал ей исполнить все, что она пожелает, и получил разрешение чаще её навещать. После нескольких визитов, во время которых я старался

осушить её слезы и утешить её, я стал любовником этой интересной и несчастной девушки; ночами я не решался оставлять мадмуазель Жорж, но днем искал всевозможные предлоги для того, чтобы чаще бывать с моей прекрасной немкой. Мой доверенный слуга меня предал, и, чтобы избежать разрыва, меня не только заставили полностью прекратить эту новую связь, но и запретили преследовать негодяя, предавшего мое доверие. Несмотря на давление со стороны мадмуазель Жорж, эти ограничения меня весьма стесняли и, обманув её, я испытал удовольствие. На балу у принца Мюрата я приблизился к мадам Дюшатель, моей первой счастливой встрече в Фонтенбло, но не из-за её прекрасных глаз, а из-за прекрасных глаз мадам Гаццани — чтицы императрицы и любовницы Наполеона, одной из самых красивых женщин, которых можно было видеть. При любой возможности я оказывал ей знаки внимания, и на этом балу она возбудила во мне желания, заверив, что она слушала бы меня более благосклонно, если бы не столь пристальная слежка, и если бы она имела возможность принять меня у себя; пока же она просила меня поговорить с её подругой мадам Дюшатель.

После многочисленных проблем, совещаний, перешептываний и сомнений, она, наконец, мне сказала, что мне нужно только абонировать незаметную ложу в Опере, во время первого бал-маскарада, что она приедет туда с мадам Гаццани, что мне следует их ожидать у входа в вестибюль, и что я смогу на часок похитить её подругу.

Переполняемый радостью, я с нетерпением ожидал дня бал-маскарада; ложа была снята и украшена соответственно случаю.

Вечером я ушел от Жорж, сказав ей, что мне надо многое написать к отъезду курьера, и что я смогу вернуться ночевать только поздно ночью.

Мой проклятый слуга, которому я не по свой воле платил, как мог, стал уверять, что к этому времени ни один курьер не был готов к отъезду, и мадмуазель Жорж, предположив, что я отправлюсь на бал, незаметно направилась туда же.

В нетерпении я прогуливался, ожидая благословенный фиакр, который должен был привезти ко мне прекрасную мадам Гаццани; я представлял себе это свидание в самых соблазнительных видениях; я напыжился от гордости и казался сам себе самым важным гостем на балу, когда ко мне подошли две маски; я узнал красавицу, которую ждал с таким нетерпением, по её красоте и высокому росту; и голос мадам Дюшатель, которая передала мне её в руки, попросил меня вернуть её на том же месте, не позднее, чем через час. Я обещал, заранее решив не сдержать слова, и быстрым шагом повел свою добычу в приготовленную ложу. Едва мы добрались до середины лестницы и несколько отдалились от шумной толпы, как женщина в маске властно схватила меня за руку и, резко бросив мне в лицо слово «распутник», влепила мне со всего размаха пощечину. Узнав Жорж, я потерял от страха голову, отпустил мадам Гаццани, не пробормотав ей ни одного слова извинений, бросился, как ребенок бежать вон из Оперы, подозвал фиакр и вернулся домой.

Ужасная сцена меня застала врасплох, у меня не было никаких извинений. Нужно было получить прощение, плакать, клясться, валяться в ногах. Мне было так стыдно после этого смешного приключения, что до конца моего пребывания в Париже я не посмел сказать ни одного слова, ни мадам Дюшатель, ни мадам Гаццани. Более того, я должен был чувствовать себя очень счастливым оттого, что после нескольких дней гнева, мадмуазель Жорж соблаговолила забыть проступок, в котором я был повинен.

Тем временем граф Толстой, несмотря на всю свою снисходительность ко мне, с тревогой наблюдал, как полностью

поглощенный своими любовными делами я утратил цель своего пребывания в Париже. Желая вырвать меня из пут страстей, он отправил меня путешествовать.

Он дал мне поручения в Вене, Триесте и Венеции. Надо было уезжать. Я был очень огорчен, но решил действовать с наибольшей быстротой с тем, чтобы как можно скорее вернуться.

В Вене я должен был задержаться на два дня с тем, чтобы сообщить некоторые новости нашему послу князю Куракину, и получить от посла Франции указания нашим флотам, стоявшим в Триесте и Венеции, и которые в настоящий момент находились под непосредственным командованием Императора Наполеона. По дороге в Триест я встретил наши войска, которые возвращались с острова Корфу и направлялись в Россию. По Тильзитскому миру Ионические острова и устье реки Каттаро были переданы Франции.

В Триесте я встретил часть нашего флота; сухопутные войска имели преимущество при всех своих стычках с французами, и наш флот увозил с собой в качестве военных трофеев несколько турецких линейных кораблей. Но судьба островов и побережья Адриатического моря была решена в битве при Фридланде; наши храбрые солдаты и гордость нашего флага были унижены и смирились с поражением только после неоднократных и недвусмысленных приказов.

Адмирал Сенявин командовал всеми силами, находившимися с большей частью наших кораблей в Лиссабоне; там он был заблокирован превосходящим флотом англичан, которые старались заставить его сдаться. Его уважали англичане и французы, против которых он сражался, его имя было дорого грекам, которые со всех концов собирались под его знамена.

Командиры греков-сулиотов, бывшие под моим командованием на острове Корфу и сопровождавшие наши корабли,

нашли меня в Триесте и со слезами на глазах жаловались, что Россия их бросила, они клялись мне в том, что в любое время будут снова готовы взяться за оружие за Императора Александра.

По условиям конвенции, которая сделала Наполеона хозяином Семи Островов, греческий легион должен был встать под знамена Франции на тех же условиях, что предоставляла ему Россия. Доблестные греки, которые должны были этому подчиниться, не имея другого выхода, даже в этот момент, когда мы их оставили, потребовали в качестве первого условия, чтобы их никогда не заставляли воевать против русских.

Император Наполеон нуждался в кораблях, составлявших русский флот, который был слишком слаб для того, чтобы проложить себе дорогу сквозь английские эскадры; но пожелал, чтобы линейные корабли, находящиеся в Триесте, направились в Венецию, куда, впрочем, они могли зайти, только разоружившись, так он был более уверен, что корабли не ускользнут от него и что, в конце концов, мы будем счастливы отдать их ему на любых условиях.

Исполнение его воли натолкнулось на малую глубину венецианского порта, но он, тем не менее, купил наши корабли, которые гнев наших офицеров привел в столь скверное состояние, что они представляли собой весьма плачевное зрелище. Несмотря на все усилия и расходы, Наполеон так и не смог их восстановить. Наши матросы отправились в Россию пешком.

Из Триеста я направился в Венецию, где стояли наши малые суда.

Несмотря на все прочитанные мною описания этого знаменитого города, несмотря на все виденные мною картины, я был в полном удивлении и восхищении, приближаясь в гондоле к этому огромному городу. Его приморское население на протяжении веков поражало весь мир своим

богатством, оно покрыло своими кораблями моря и управляло торговлей всех наций. В полном изумлении человек входил на улицы, мостовыми которых была морская вода, на которых высились замечательные дворцы, церкви и памятники, словно чудом появившиеся из глубины вод.

Но эти сооружения были единственным свидетелем прежнего процветания Венеции. Этот город, ранее наполненный промышленным населением, этот порт, заполненный кораблями со всех стран света, эти богатые лавки, пышность благородных венецианцев, все это исчезло под управлением Австрии и Франции. В Венеции все было создано торговлей и свободой, потеряв то и другое, она превратилась в огромное и материальное воспоминание о своем прошедшем величии и вскоре все превратится в руины, полностью предоставленные ярости волн.

Французское правительство оказалось столь притеснительным, что самым богатым собственникам города, чьими дворцами и палатами все любуются, пришлось покинуть роскошные дома своих предков и перебраться в более скромные места своих обширных владений.

Наполеон забрал из Венеции всё, что смог вывезти. Знаменитая квадрига, украшавшая собор Святого Марка, была в Париже очень неудачно поставлена перед дворцом Тюильри на смешной Триумфальной Арке.

С любопытством я обошел весь город, церкви, остров Святого Георгия, этот арсенал, откуда столько вооружения было увезено в различные точки Азии и Африки для борьбы с оттоманскими силами. Теперь он был пуст и с этих пор только вызывал чувство стыда у французов и германцев, которые стали следующими недостойными его хозяевами.

Дворец дожей внушал наибольший интерес и глубокую грусть, так как именно там воспоминания недавнего прошлого переплелись с воспоминаниями более старыми. В зале

аудиенций или Высших советов решались судьбы войны и мира, там держали в суровых руках жизни горожан, которые, казалось, ожидали возвращения дожей и знатных венецианцев; жилища были на своих местах, портреты дожей украшали стены, портрет последнего умершего дожа был ещё задернут мрачным покрывалом, внушавшим страх этому царственному собранию.

А. Савари и Ж. Фуше

Государственные тюрьмы были соединены с Дворцом галереей, называемой мостом вздохов. Приговоренный получал разрешение здесь остановиться, бросить отсюда последний взгляд на Большой канал, сказать здесь последние слова Венеции и всему миру. На выходе с этой галереи он попадал в зал пыток.

Все то немногое, что осталось от прежнего населения, от веселости и богатства Венеции собиралось у портала в лавках и кафе на площади Святого Марка.

Я с удовольствием остался бы на некоторое время в Венеции, тем более что город и манера жизни в нем были весьма оригинальны: из дня делали ночь, а из ночи — день. Все мне здесь пришлось по душе, но, к несчастью, я был влюблен, я получал письма от мадмуазель Жорж, которые подогревали мои стремления вернуться в Париж как можно быстрее.

Продолжив свою поездку по Италии, в Местре я нашел свою карету и проехал вдоль украшенного берега Бренты. Все знатные люди Венеции имели здесь загородные дворцы и великолепные сады. Эти дворцы и сады, служившие образцом для всей Европы, были покинуты так же, как и дворцы в Венеции.

Эта столь гордая и могущественная республика, выросшая на золоте и победах, исчезла как сверкающая комета. Открытие Мыса Доброй Надежды, давшее новые пути для торговли, разрушило венецианскую торговлю, а республиканские армии Франции окончательно уничтожили этот призрак, поддерживаемый только своим прежним величием.

Я быстро проехал земли бывшей Венецианской республики, красивые и интересные места в Ломбардии, эти города, прославленные римлянами, науками, искусством, кровопролитными войнами Франции и Австрии, а сейчас ставшими полем действий для наследников Суворова и колыбелью карьеры Наполеона.

Милан и Турин задержали меня совсем ненадолго; переход через Мон-Сенис восхитил меня. Сколько римских легионов пересекало этот опасный рубеж, чтобы завоевать и поработить галлов, сколько тягот перенесли французские армии, которые во все времена с высоты этих гор обрушивались на прекрасную Италию и покрывали её подобно снегу.

Вдохновленный величием античных памятников и вечностью египетских пирамид, Наполеон пожелал превзойти их и покорить Мон-Сенис. Он спрямил склоны этой горы,

построив дорогу в скале и открыв легкое сообщение, за что будущие нации станут им восхищаться в веках.

Покинув горные снега, я увидел весну, которая в окрестностях Шамбери была в полном разгаре, природа в этих местах одна из самых красивых и разнообразных, чем где бы то ни было.

В Лионе я прошел по городу для того, чтобы обнаружить ещё дымящиеся следы ярости и разрушений революции. Именем свободы и родины наиболее красивые кварталы этого несчастного города были целиком разрушены, их население ограблено, расстреляно или утоплено.

В то время, когда старый лионец показывал мне разрушения своего родного города, приехала свояченица Наполеона, королева Неаполитанская. Все колокола города сообщили жителям об этом великом событии. Магистрат, все городские власти бегом бросились выразить этой принцессе-выскочке чувства своего глубокого уважения.

Таким образом, двадцать лет разрушений, преследований и убийств произвели во Франции только смену династии, оставив в унижении и под самым ужасным деспотизмом даже самых отчаянных людей, которые не иначе, как со страхом произносили имя государя и его слуг.

1808

После моего возвращения в Париж я был так рад снова оказаться в объятиях мадмуазель Жорж, что оказался не в состоянии заметить, насколько граф Толстой был недоволен быстрым и небрежным отношением, с которым я исполнил его поручение. Тем временем, правдивые или ложные слухи о неверности моей красавицы в мое отсутствие подтолкнули меня к решению порвать с ней.

Я написал ей о разрыве и дал себе слово не возвращаться более к ней. Как только она получила мою записку, она приехала к моему дому и послала сказать мне, чтобы я спустился в ее карету, я счел за лучшее с извинением отказаться. Она пригрозила подняться ко мне. Тогда я спустился, полный решимости не уступать. Она усадила меня в карету и привезла к себе. Решение о разрыве было принято окончательно, ни слезы, ни мольбы не могли меня смягчить. Против моей воли целый день прошел в обмороках и нервных припадках, в которые я слабо верил. Когда настала ночь, она проявила такую нервозность, что, не желая быть бесчувственным, я не смог ее покинуть. Утром ей стало лучше, а я был влюблен более, чем когда бы то ни было. Мне было стыдно, и все.

Наконец, мы решили, что пора начать приготовления к ее отъезду. Я был недавно произведен в полковники, и начавшаяся в Финляндии война против Швеции предоставила мне предлог просить посла направить меня в Россию.

Я не мог уехать одновременно с мадмуазель Жорж. Отъезд не должен был быть неожиданным, но непременно согласованным с посольством, я не мог компрометировать себя похищением. Я заплатил одной женщине, которая обратилась в австрийское посольство за паспортом. Внешне она походила на мадмуазель Жорж и та должна была получить ее паспорт после заявления о потере своего.

Для того, чтобы обмануть прислугу, мы приучили ее к нашим отлучкам на несколько дней в Версаль. Дорожная карета была приготовлена у меня, вещи собраны по мере возможности.

Однако, одно непредвиденное осложнение остановило наши приготовления. В театре поставили новую трагедию, «Артаксеркс», где у мадмуазель Жорж была главная роль. Не успев уехать раньше, надо было играть спектакль, и в случае успеха продолжать играть дальше. Она мне пообещала провалить спектакль, плохо играя роль. Зрительный зал был полон, публика шумела в ожидании, интриги заставили автора пьесы с дрожью целовать руки мадмуазель Жорж, возлагая все надежды на ее талант и умоляя меня аплодировать громче. Все его неловкости доставляли нам неприятности и наши замыслы, направленные против его драматических способностей, делали из нас почти убийц. С самого начала представления публика принимала мадмуазель Жорж с таким восторгом, что она, забыв про поездку и обещания, превзошла саму себя. Первый акт прошел под гром оваций, было поздно отступать. Партер воодушевился, актеры старались разрушить козни недоброжелателей, и, в конце концов, пьеса была сыграна с триумфом. Вернувшись к себе, Жорж была одновременно огорчена и польщена завоеванным успехом, она сожалела о предстоящем расставании с этой воспитавшей ее публикой, которая щедро одаривала ее овациями. Спектакль потребовали повторить, надо было играть на следующий день, через день и в последующие дни. Наконец, Жорж решилась попросить у автора и у своих товарищей 4 или 5 дней отдыха, под предлогом, что у нее сильно болит горло. Тревожась за ее здоровье, ей охотно предоставили отпуск.

Мы объявили о желании провести все пять дней в Версале, откуда Жорж должна была вернуться только в день

возобновления спектакля и в момент подготовки к выходу на сцену. Мы провели ночь у друзей с тем, чтобы все было готово на завтра. Рано утром в первый день отпуска фиакр привез нас к дорожной карете, которая ждала на дороге в Бонди. Я посмотрел, как карета увозила в Россию предмет моего восхищения, и пошел спрятаться к молодому князю Гагарину, у которого провел предыдущую ночь. Я не осмелился показаться на людях, так как все считали, что я нахожусь с Жорж в Версале.

Наконец, в день спектакля я появился в свете, я не решился пойти в театр. Все актеры были готовы, ждали только Жорж, к ней посылали узнать какие-нибудь сведения. Публика была в нетерпении, шум возрастал, наконец, были вынуждены объявить, что принцесса Мандана отсутствует, и «Артаксеркс» был заменен комедией.

Тревога увеличивалась, вначале осведомились о моем местонахождении, ко мне пришли актеры, чтобы узнать, что случилось с Жорж. Я их заверил, что ничего о ней не знаю, и что уже несколько дней мы в ссоре. Послали в Версаль, искали в Париже, на следующий день за мной стали следить полицейские агенты, чтобы понять, куда она делась. Администрация театра уверила меня, что ее долги будут оплачены. На все границы по телеграфу был послан приказ задержать прекрасную беглянку.

Через несколько дней сообщили о возобновлении спектакля «Артаксеркс», в роли Манданы была заявлена мадмуазель Жорж. В это же время Фуше сообщил графу Толстому о том, что мадмуазель Жорж поймали и поместили в тюрьму, куда она вернется после того, как сыграет роль. Я не получал писем, и Фуше не преминул послать своего доверенного человека для того, чтобы узнать какое впечатление произведет на меня это сообщение. Я был огорчен, ее арест должен был меня скомпрометировать самым плачевным

для посольства образом. Актеры во главе с Тальма стали искать место, где ее держали, но не могли напасть на след. Публике было любопытно вновь увидеть арестованную, бегство которой стало главной новостью дня, толпы людей устремились к Французскому театру: зал был переполнен, у всех были приготовлены свистки. Я хотел пройти в гримерную мадмуазель Жорж, будучи убежден в том, что, если она собиралась играть, то обязательно туда придет. После того, как меня не пропустили даже в коридор, я окончательно поверил в правдивость сообщения Фуше и грустно спрятался в глубине нашей ложи. Наконец, занавес открылся, в зале поднялся шум, никто не слушал актеров. Каждый приготовил к выходу мадмуазель Жорж либо свистки, либо аплодисменты. Я дрожал от нетерпения и беспокойства; появилась принцесса Мандана и, несмотря на прикрывающую ее вуаль, я узнал мадмуазель Бургуан, которой была поручена эта роль. Она получила первую порцию свистков и шума, предназначенных для мадмуазель Жорж. Не будучи окончательно убежденным, я почувствовал все же, что у меня с плеч свалился тяжелый груз. Я покинул театр, который больше меня не интересовал, и, вернувшись к себе, с огромным удовольствием нашел письмо от мадмуазель Жорж из Мюнхена, где она находилась уже вне досягаемости парижской полиции. Я поспешил сообщить лукавому Шуше только что полученные известия, и был очень горд этой победой, одержанной над его бдительными сотрудниками.

Успокоенный дальнейшей судьбой моей прекрасной путешественницы, я сделал необходимые приготовления к своему отъезду и использовал оставшееся у меня время для посещения достопримечательностей Парижа, которые полностью завоевали мою любовь. Наибольшее внимание привлек Музей Наполеона, эта огромная и ценная коллекция, где собраны замечательные произведения искусства всех времен

и народов, где привезенные из Египта, Греции и Рима языческие боги могут поспорить красотой с изображениями Христа и Мадоннами Рафаэля и Корреджо.

Собранный на протяжении 20 лет побед, этот музей представляет собой самый красивый и богатый памятник Французской славе. Все то, что любознательный путешественник и жадный любитель искусств раньше искал во дворцах и в галереях Италии, Голландии и Германии по приказу Наполеона было собрано теперь в нескольких залах Лувра.

Здесь разум был настолько поглощен воспоминаниями, а глаза столь натружены, что люди выходили из музея, не будучи уверены, что же именно привлекло их наибольшее восхищение.

Желание все увидеть и везде успеть заставляло слишком быстро переходить от одного ценнейшего шедевра к другому. Единственным недостатком этого музея было то, что на очень малом пространстве было собрано слишком много красот, это был настоящий праздник чудес.

Великие и древние события, связанные с этим огромным количеством картин, статуй и бюстов, каждый раз производили на меня еще более живое впечатление, чем восторг от совершенства линий и исполнения. Пусть бесчисленное количество глаз рассматривают этих прекрасных Венер и замечательных Аполлонов, ведь эти мраморные произведения и были предназначены для притягивания взоров.

* * *

Я покинул Париж с той же поспешностью, с которой туда приехал, на 14-й день пути я вернулся в Петербург. Прибыв ночью, я сразу отправился в отель «Северный», где я предложил остановиться мадмуазель Жорж. Мы были в восторге от нашей новой встречи, и утром я отправился представиться

Императору на Каменный остров. Он принял меня достаточно плохо, казался рассерженным оттого, что разрешил мадмуазель Жорж приехать. Тем не менее, после кратких объяснений, его обычная доброта принудила его извинить меня, и я поспешил в Таврический дворец, чтобы представиться Ее Величеству Императрице матери. Там я был принят очень плохо, она едва удостоила меня словом, а затем заставила меня ждать в помещениях графини Ливен, куда она сошла для того, чтобы выбранить меня и приказать оставить мою ложную любовь и постыдную связь. Я чувствовал, что она была права, и был преисполнен благодарности за то участие, которое она изволили ко мне проявить. Но, выйдя из дворца, я побежал к Жорж, забыв опалу и опьяненный любовью.

Не желая видеть в мадмуазель Жорж никого, кроме соблазнительной шпионки Наполеона, весь двор осыпал меня упреками и критиковал всё, вплоть до таланта и красоты актрисы, которые ещё не были продемонстрированы. Спустя несколько дней после моего приезда ей сообщили, что она будет дебютировать в Павловске в присутствии Императора и всей Императорской фамилии. Понимая, что существует предубеждение против нее, она дрожала, когда готовилась выступать. В тот день я был на службе, и Император хладнокровно отправил меня на Каменный остров.

С нетерпением я ждал исхода этого первого и опасного дебюта, который должен был либо усугубить мою вину, либо полностью ее извинить. На следующий день с самого раннего утра я стал получать известия о том, что Императорская фамилия и весь двор встретили с полным восхищением красоту и талант мадмуазель Жорж. Это восхищение было столь сильно, что придворные, которые из утонченного коварства не присутствовали на представлении, как все прочие кричали о чуде.

Следующим воскресеньем я приехал в Павловск представиться Императрице, которая продолжала показывать мне свое нерасположение, но все вокруг высказали мне свои поздравления. Мне завидовали, и моя связь стала выглядеть менее преступной даже самым суровым людям. Петербургская публика приняла мадмуазель Жорж с нетерпением и осыпала овациями. После каждого сыгранного ею спектакля ее успех возрастал, и все старались оказывать ей самый благожелательный прием. Я более совершенно не скрывал нашей связи, мы вместе жили и вместе принимали, как если бы мы были мужем и женой. Вначале в свете отвергали это, как нечто неприличное, но, в конце концов, это стало обычным делом. Все дни были полны очарования, я забыл и войну в Финляндии, и дома, которые раньше часто посещал. Я проводил все время в кругу актеров, актрис и моих молодых друзей, которые были рады поддержать это веселое общество.

1809

К стыду своему, я почти год прожил этой беспечной жизнью, полной любви и безделья. В конце концов, хотя ни моя привязанность, ни прелесть нашей связи не уменьшились, я, тем не менее, почувствовал стыд за свое бездействие; война в Финляндии закончилась, кто-то завоевал на ней громкое имя, а я это упустил. Возобновилась война с турками, и я решил, что моя честь будет запятнана, если я не попрошу у Императора разрешения отправиться в Молдавию.

Он с готовностью разрешил мне это; я простился с мадмуазель Жорж, которая проводила меня до Гатчины. Как и следовало ожидать, мы поклялись друг другу в вечной любви и нерушимой верности во всех испытаниях, и, преисполненный грусти, я ступил на путь славы.

* * *

К концу июня я прибыл в главную квартиру, размещавшуюся в Галаце. Командовал армией фельдмаршал князь Прозоровский, а генерал Кутузов был под его началом. Ослабевший в силу своего преклонного возраста Прозоровский, и желавший быть главнокомандующим Кутузов ревновали друг к другу. Они были заняты больше интригами, чем военными действиями. Предпринятый штурм крепости Браилов стоил больших потерь, но был отбит. Фельдмаршал обвинил в этом генерала Кутузова, а тот надеялся, что из-за этой неудачи князя Прозоровского отзовут, а он встанет во главе армии. Император решил по-другому и, чтобы прекратить всю эту унизительную возню, назначил князя Багратиона на место Кутузова.

Тем временем фельдмаршал провел все необходимые приготовления для переправы через Дунай. Один корпус

остался у Визирского брода с целью наблюдения за Браиловым. Командующий в Валахии генерал Милорадович также потерпел неудачу, неосторожно предприняв штурм Журжи.

В то время, когда велись работы по наведению моста ниже Галаца, генералу Платову было поручено вести боевые действия в окрестностях Браилова с тем, чтобы уничтожить там все ресурсы, которыми гарнизон этой крепости мог воспользоваться для пополнения припасов.

Я попросил включить меня в состав этой экспедиции. Десяток казачьих полков, драгунский полк и батальон егерей с несколькими пушками ночью переправились по мосту, наведенному через реку Бузео, и отправились ожидать рассвета за ложбиной в восьми — десяти верстах от крепости, которая пересекала обширную равнину, простиравшуюся между этой рекой и Браиловым.

С первыми лучами солнца, не чувствуя ни малейшей опасности и сопровождаемые повозками, турки вышли из города, чтобы отправиться в близлежащие деревни за провизией, которую они обычно там получали. Когда они отошли достаточно далеко и приблизились к засаде казаков, то были окружены со всех сторон, и после слабого сопротивления более пятисот человек вынуждены были сдаться в плен.

Однако по тревоге, поднятой в крепости, турецкая кавалерия начала покидать ее и двигаться в сторону казаков, которых было совсем немного. Казакам было приказано заманить врага к оврагам, где мы замаскировали основные силы нашего отряда. Этот маневр длился в течение всего дня, но заставить турок удалиться от своих укреплений не удалось; тогда, мы покинули наше убежище и попытались навязать им бой. Он начался очень вяло, неприятель не шел на риск, а мы не решались приблизиться из-за огня его укреплений. С наступлением ночи турецкая кавалерия

вернулась в крепость, и мы вновь заняли нашу позицию. На следующий день мы перешли мост, и отряд вернулся в лагерь вблизи Галаца.

Эта небольшая экспедиция, какой бы короткой она не была, показала мне, насколько наши войска страдали в этом климате. Мы не захватили с собой ни палаток, ни провизию; жара стояла невыносимая, и не было ни одного дерева, в тени которого мы могли бы укрыться. Источник воды находился в двенадцати верстах от мест нашей стоянки, а из еды у нас был только сухари, а из питья — скверная водка, которой нас ежеминутно угощал генерал Платов.

Начавшиеся болезни уже к концу июня опустошили наш лагерь: часовые умирали на посту, а лошади, измученные жарой и насекомыми, погибали прямо на глазах. Очень суровая дисциплина, которой требовал фельдмаршал, в значительной степени способствовала увеличению числа больных. Сам он угасал от старости, только его душа еще поддерживала в нем жизнь. До переправы через Дунай он хотел объехать с инспекцией некоторые части, которые должны были остаться на левом берегу. Я сопровождал его в этой поездке; много раз мы думали, что он скончается у нас на руках. В Рени он настолько ослабел, что приказал отнести себя в сад и оставить на траве. Мы были рядом с ним и пребывали в глубоком молчании, наблюдая последние минуты его жизни.

Голосом умирающего он сказал нам: «Император приказал мне форсировать Дунай, я должен умереть на другом берегу; я приказываю вам доставить меня туда, если я потеряю силы и не смогу сам туда добраться». Затем он продиктовал прощальное письмо Императору и завещание своей семье.

Несколькими днями позже мы привезли его обратно в Галац. Когда мост был достроен и авангард его пересек, этот почтенный старик, изнуренный годами и тяготами службы,

приказал посадить себя в лодку и высадился в начале моста, переброшенного на другой берег Дуная. В эту же ночь он тихо умер, довольный тем, что в свой последний час он выполнил приказ своего повелителя.

Генерал Платов командовал авангардом, и я получил разрешение следовать с ним. На скаку моя лошадь провалилась в яму, вместо того, чтобы перескочить через нее, и я сломал ключицу левой руки. Я вновь сел на лошадь, чтобы присоединиться к генералу и вместе с ним пешком прошел по мосту, ни сказав ему о случившемся. Но по прибытии в лагерь, боль стала такой сильной, что я был вынужден позвать врача. Он вправил ключицу и перевязал меня так туго, что мне пришлось провести ужасную ночь, мучаясь более из-за насекомых, от которых я не мог защититься, чем от поразившей меня боли. Утром я со всей очевидностью понял, что не в состоянии дальше двигаться с авангардом, и меня возвратили в Галац.

Моя рука снова заболела, и сделанная мне вторая операция по ее восстановлению была бесконечно более болезненной, чем первая. Я остался один в Галаце, в этом маленьком городке, охваченном лихорадкой и нищетой. Почти все его жители были больны и слонялись по улицам как мертвенно-бледные тени. У двух моих слуг был жар, и вместо того, чтобы получать от них помощь, мне приходилось лечить их, лихорадка поразила и меня. Я не чувствовал опоры, не было никого для службы мне, ни одной книги для моего развлечения, ни одной души, с кем можно было бы поговорить. Никогда я не забуду эти дни скуки и страданий.

К счастью, молодой князь Долгорукий, адъютант покойного фельдмаршала, также больным вернулся в Галац. Мы поселились рядом, и он кормил и лечил меня. Немного оправившись от болезни, мы оба переправились через Дунай,

чтобы присоединиться к нашей армии, которая тем временем заняла Матчин и рассеяла жителей Исакчи, Тульчи и Бабадага. Князь Багратион принял командование армией и направился к Кюстенджи.

Наша флотилия поднялась вверх по Дунаю вдоль берега Матчин и завершила блокирование Браилова, лишенного с этого момента всякого сообщения с Турцией. Князь Багратион, хотя и был главнокомандующим, вспомнил об интригах времен сражения при Эйлау, и принял меня очень плохо, что не предвещало мне счастливой кампании.

Мы предприняли ночной бросок, чтобы достичь Кюстенджи, маленького городка на берегу моря, окруженного слабыми укреплениями. На рассвете, заметив нас, неприятель вышел нам навстречу. Генерал Платов приказал мне наступать с двумя батальонами пехоты и четырьмя пушками. Турки поддались нашим первым атакам и укрылись за своими укреплениями. Я преследовал их до расстояния пистолетного выстрела от города и расположился на кладбище, которое благодаря своим деревьям и надгробиям было очень удобно для пехоты. Князь Трубецкой прибыл с несколькими батальонами и пушками. Он поставил артиллерию во главе колонн и начал наступать, чтобы силой захватить укрепление, которое защищали 5 или 6 тысяч турок.

Колонны были встречены таким смертоносным огнем, что они возвратились в беспорядке, довольные тем, что смогли сохранить свои орудия, когда тем угрожала вылазка гарнизона. Эта плохо организованная и неосторожная атака стоила нам нескольких сотен человек: прибывший в этот момент князь Багратион проявил мало великодушия и возложил вину на меня.

Мы довольствовались тем, что полностью блокировали город и продолжили артиллерийскую перестрелку с неприятелем. На следующий день турки, оставшиеся совсем

без продовольствия, и по воле случая оказавшиеся в этом городе, жители которого бежали, узнав о нашем приближении, запросили условий капитуляции. Было договорено, что они выйдут с оружием и снаряжением, и что до другой стороны Балканских гор их будет сопровождать русский офицер. В тот же день мы покинули лагерь и двинулись к Рассевату, где занял позицию большой неприятельский корпус.

На полпути туда мы переночевали в Карасу, на развалинах древнеримских укреплений, протянувшихся от Констанцы до Черноводы, и таким образом соединявших на расстоянии от 60 до 70 верст Черное море и Дунай. Эту линию называют валом Траяна; можно явственно видеть ее следы и найти места, где на некотором расстоянии располагались маленькие крепости, которые должны были соединять воедино этот барьер, возведенный против варваров Севера. Сейчас цивилизованные северные народы ступают по этим руинам и пересекают эту древнюю преграду, чтобы сражаться с варварами Юга. Ту самую границу, которую римляне возвели на севере Восточной Империи, Россия должна создать на юге.

Возвращаясь из Валахии, генерал Милорадович пересек Дунай по нашему мосту в Галаце и отправился к Рассевату по берегу Дуная. Ночью его корпус и армия князя Багратиона соединились, чтобы атаковать турецкие позиции.

До восхода солнца войска были построены в каре и начали движение, примериваясь к неровностям гористой местности, которая окружает Рассеват. 14 казачьих полков образовали наш левый фланг, а дивизия графа Милорадовича шла по берегу реки.

Турки, расположившиеся лагерем в низине, где они возвели бесполезные укрепления, вышли, чтобы построиться на противоположной возвышенности, во время этого движения

наши пушки выпустили по ним несколько ядер. Генерал Платов умело воспользовался этим моментом и, развернув в качестве сигнала свое атаманское знамя, бросил всех казаков на неприятеля, который еще не успел построиться. Стремительность атаки занесла казаков на позиции турок, которые оставили их и бежали в страхе. Менее чем через четверть часа дело было кончено, Рассеват занят, а турки исчезли.

За Рассеватом князь Багратион остановил большую часть армии, расположив впереди авангард, и поручил преследование беглецов одним только казакам. Несколько знамен стали трофеем этого легкого для нас дня. Турки направились к Силистрии; некоторые остались в этой крепости, другие бежали еще дальше.

Ослабленная болезнями, наша армия перешла Дунай, имея от 12 до 14 тысяч человек; вся дивизия генерала Милорадовича состояла всего из 3 тысяч человек, остальные были оставлены в различных госпиталях в Молдавии и Валахии. Заболевшие солдаты, особенно рекруты, умирали в огромном количестве.

Но как только армия перешла через Дунай, болезни прекратились. На правом берегу этой реки климат совершенно изменился; там он обладал целебными свойствами и был свеж из-за гор и лесов. Вода там была прекрасная; на каждом шагу встречались источники, обустроенные с заботой и пышностью, располагавшие к тому, чтобы сделать приятную остановку. Возвышенное побережье Дуная совсем не походило на его болотистый и зараженный паразитами левый берег. Места обитания турок были ухожены и заботливо окружены садами и виноградниками; это благодатная и живописная страна. Лишь, скрепя сердце, можно было преследовать этих счастливых людей и разрушать их радующие взор жилища.

В лагере при Рассевате я получил последнее письмо от мадмуазель Жорж, в котором она объявила мне о своем

намерении выйти замуж за танцовщика Дюпора и просила моего согласия. Меня как громом поразило. Моя любовь пробудилась, и испытанное от этой новости огорчение вновь вызвало лихорадку, которая только что отпустила меня. С этого момента я больше не мечтал о войне, и моим единственным желанием было вернуться в Петербург, чтобы поломать этот брак и вновь обрести счастье, которое я потерял, исполняя долг чести. Принятое мной прекрасное решение изменить своим рвением к службе плохое отношение ко мне князя Багратиона, исчезло в один миг. Я пытался оправдывать свою слабость тем, что эта кампания подавала мне мало надежд, и ждал только благоприятного момента, чтобы просить отправить меня в Петербург.

Через два дня отдыха армия двинулась к Силистрии. Турки могли бы сразиться с нами за подступы к крепости в узком и труднопроходимом ущелье; и мы были сильно удивлены, не встретив там неприятеля. После того как мы спокойно заняли наши позиции в трех верстах от крепости, небольшое количество турок двинулось навстречу нашим стрелкам, которые садами, оврагами и виноградниками намеревались приблизиться к укреплениям. Завязался долгий и кровопролитный бой, не принесший результатов. Наши пушки, поставленные на возвышенности, начали обстреливать город ядрами и гранатами, ядра тяжелой артиллерии, размещенной там, проносились высоко над нашими головами. Вечером наши передовые посты остались в садах, было установлено несколько укрепленных батарей.

Тяжелая артиллерия в количестве пяти мортир и шести 36-фунтовых пушек, прибыла на левый берег и разместилась вблизи реки так, чтобы обстреливать город. Но эти артиллерийские орудия еще времен императрицы Елизаветы, привезенные с огромным трудом, были почти непригодны для стрельбы; одна пушка и две мортиры разорвались

в первый день, а слишком малое количество боеприпасов, доставленных к орудиям, делало их почти бесполезными.

Турки отделались несколькими сожженными домами. Осада затягивалась, приближалось неблагоприятное время года.

В это время осажденный с начала войны Измаил сдался генералу Зассу, и это положило конец неудачам князя Багратиона.

Небольшой корпус неприятеля, собравшийся для оказания помощи Силистрии, в нескольких верстах вверх по течению от крепости вступил в бой с отрядом генерала Платова, но был обращен в бегство, а мы захватили 10 знамен. Зная о моем желании уехать, и обрадованный возможностью избавиться от свидетеля, которого он ошибочно принимал за шпиона Императора, главнокомандующий воспользовался случаем, чтобы отправить меня в Петербург. Он неосторожно объявил о скорой сдаче Силистрии, но из-за грязи на дорогах и плохой погоды был вынужден через несколько дней после моего отъезда снять осаду.

* * *

К моему приезду в Петербург мадмуазель Жорж с танцовщиком Дюпором и всей труппой уехала в Москву, чтобы дать там несколько представлений. Я был сильно огорчен, не найдя ее, и полностью поддался приступу постыдной печали. Ослабленный лихорадкой, я опасно заболел; и ни проводимое лечение, ни увещания моих друзей, — ничто не могло отвлечь меня от моей безумной любви и грусти.

1810

Я провел 3 месяца в таком состоянии, не выходя из своей комнаты. Наконец, мадмуазель Жорж навестила меня, ее новый любовник был настолько ревнив, что я не мог ни повидать ее, ни поговорить с нею. Только так я начал чувствовать, насколько постыдным было мое поведение, мое лицо заливалось краской от осознания того, какое мнение в этой связи должно было обо мне сложиться. Я видел, насколько мне будет трудно преодолеть мою страсть, но, тем не менее, принял решение спрятать ее, начав ухаживать за другой женщиной.

Недавно приехавшая в Петербург актриса французского театра мадмуазель Бургуан была замечена благодаря своему прекрасному таланту и, особенно, своей прелестной фигуре. Я обратился к ней, уверяя, что она единственная, кто может заставить меня забыть мою любовь к мадмуазель Жорж. Она нашла весьма лестной для своего тщеславия идею, состоящую в том, чтобы стереть из моего сердца воспоминания об её блестящей сопернице. Веселость мадмуазель Бургуан вскоре вернула мне хорошее настроение и, также смеясь, я стал ее любовником. Эта новая связь была столь очаровательной, что вскоре я полностью забыл свою смешную любовь.

Столь же комфортно я провел остаток зимы. Место актеров театра трагедий, которые составляли мое общество в прошлом году, заняли актеры театра комедий. В конце концов, я настолько привязался к мадмуазель Бургуан, что был почти огорчен ее отъездом. Весной она вернулась в Париж, а я вновь стал подыскивать другую связь. Летом мы с молодым графом Браницким снимали усадьбу в Карповке. Не будучи ни чем заняты, мы посвящали все свое время удовольствиям и завязыванию интриг.

Посол Франции герцог А. Коленкур

Крайне неудачно я начал ухаживать за госпожой Жеребцовой. Красивая и гордая, она привлекала к себе знаки внимания и, благодаря своему кокетству, обладала даром воспламенять сердца и зарождать в них надежду. Ничего из себя не представляя, она стремилась быть единственно и пылко обожаемой. Но, будучи по природе нечувствительной натурой, она считала, что добилась своей цели, когда видела, что любима. Ее холодность служила ей добродетелью, а ее разум подыскивал случаи для проведения интриги и для дальнейших обманов. Меня дурачили в течение всего лета: сначала меня ловко выделяли из массы поклонников с тем, чтобы заставить меня влюбиться, но с тех пор, как у нее не стало больше оснований сомневаться в моей привязанности, она заставила меня почувствовать всю силу своего безразличия.

Мы вернулись в город, где балы и праздники потихоньку стали развеивать мою несчастную любовь. Недавно ушедшая из театра мадмуазель Коломб, посредственная актриса, которая помогла разориться одному из наших богатых господ, была сейчас свободна и могла теперь выбирать любовников по своему вкусу. Она была настолько добра, что обратила на меня свои взоры. Я поспешил предупредить ее доброе ко мне расположение наиболее усердной услужливостью, и через три дня наш договор был заключен. Я полностью возместил убытки, нанесенные холодностью прекрасной госпожи Жеребцовой, и переехал к ней, как это было с Жорж и Бургуан.

Посол Франции господин Коленкур открыл сезон праздников чудесными балами в честь госпожи Влодек, расположения которой он добился. Это была высокая и красивая женщина, уже давно привлекшая мои симпатии. Каждую неделю я видел ее на посольских балах и выражал ей свое глубокое почтение. Уехавшая из Петербурга во Францию мадмуазель Коломб оставила меня свободным, и я направил все свое время и заботы на то, чтобы понравиться госпоже Влодек. Казалось, она была готова заставить своего любовника-посла немного ревновать и встречала мои ухаживания со снисходительной кокетливостью.

Тем временем, видя, что интрига затягивается и не желая быть одураченным, как это было в случае с госпожой Жеребцовой, я горячо настаивал на окончательном ответе. Объяснение произошло накануне Нового года на балу у господина Нарышкина. Госпожа Влодек появилась там, сделав вид, что вывихнула ногу, и из-за боли в ноге она не соглашалась танцевать весь вечер. Видя, что это сделано для того, чтобы уклониться от объяснений, я ей заявил, что не добиваюсь больше ее расположения, и что с этого вечера буду ухаживать за другой женщиной, если она не согласится танцевать

со мной. Женщины не любят терять поклонников, даже если они не собираются ему уступать. Она согласилась на танец, во время которого я умолял ее о свидании, столь мною желаемом, которое навсегда приведет меня к ней.

После многих трудностей она, наконец, мне пообещала, что на следующий день, собираясь на большой бал-маскарад, она обманет этими приготовлениями своего посла и своего мужа и останется дома. В то время, когда все отправятся во дворец, она будет меня ждать. Я был в восторге от этого любезного обещания и не упустил случая в 10 часов вечера, когда, как я знал, бал был в полном разгаре, пройти по задней лестнице и упасть к ногам моей красавицы. Мы не пробыли вместе и часа, когда доверенная горничная сообщила о неожиданном приходе посла. Я едва успел ускользнуть, опасаясь последствий, которые могло иметь это приключение и, зная, насколько были бы непредсказуемы последствия отъезда посла. Я наскоро привел себя в порядок и поспешил в залы дворца. Там я быстро обнаружил обер-гофмаршала, который в волнении сообщил мне о внезапном отъезде господина Коленкура и о том плохом впечатлении, которое это произвело на всех. Это рассматривалось как признак разрыва между двумя странами. Ужин в Эрмитаже был весьма печальным, все перешептывались, и никто не поверил в неловкие извинения посла, заявившего, что он чувствует себя неудобно. Не видя на балу ни госпожи Влодек, ни меня, он ни на минуту не усомнился в нашем умении его обмануть и не смог воздержаться от смешных поступков, внушенных ему чувством ревности.

Тем временем, все вокруг и в особенности Император очень хотели знать правду с тем, чтобы скрыть ее. Все ненавидели посланника Наполеона, чье высокомерие могло сравниться лишь с амбициями его господина, и случившееся с ним злоключение привело всех в восторг. Против моей воли

я стал получать поздравления от всех членов общества. Император, однако, нашел, что я плохо использую свое время, и выразил мне свое неудовольствие.

Плоды моих усердных забот были для меня потеряны, свидание, которое означало начало моей удачи, ознаменовало и конец ее. Госпожа Влодек обещала своему любовнику не встречаться больше со мной, и она держала слово.

Молодой граф Воронцов, участвовавший в кампании 1810 года против турок, только что вернулся, чтобы провести несколько дней в Петербурге. Я остановился в его доме, и ему было легко уговорить меня вернуться вместе с ним в армию.

Я попросил дозволения Императора, и он охотно мне его предоставил, как всегда это бывало, когда кто-то из его флигель-адъютантов хотел заслужить отличие.

1811

Мы направились в Москву, где к нам присоединился еще один участник этой кампании молодой граф Бальмен. Своими талантами он и граф Воронцов заслужили генеральские звания, и этим продвижением по службе совсем растравили мое самолюбие. Наше путешествие было весьма веселым. В Васлуе, когда мы уже проехали Яссы, нас покинул граф Воронцов, обнаруживший там свой полк на лагерной стоянке, после чего мы вдвоем продолжили свой путь до Бухареста.

В этом городе расположился на зимние квартиры граф Каменский, который после кампании 1809 года заменил князя Багратиона. Вступив в 1810 год с силами, намного превосходящими силы князя Багратиона, он полностью очистил от неприятеля оба берега Дуная вплоть до Видина. В нашей власти оказались Браилов, Силистрия, Рущук, Журжа, Систово и Никополь. Благодаря удачному штурму был взят Базарджик, некоторые части продвинулись вплоть до Варны и заняли Ловчу, при входе на Балканы со стороны Софии. Визирь был заперт в Шумле, которая при более активных действиях и более счастливых обстоятельствах была бы взята, и война бы победоносно закончилась.

Поспешно предпринятый графом Каменским неудачный штурм Рущука был отбит и стоил нам от 5 до 6 тысяч человек. Однако эту неудачу компенсировала решительная победа при Батине над значительным неприятельским корпусом, который был разбит, а 6 тысяч человек были вынуждены сложить оружие.

Укрепления Силистрии были сровнены с землей, в Рущуке мы держали мощный гарнизон, город Систово был сожжен и разрушен до основания, один корпус зимовал в Никополе, занимая отрядом Плевну и Ловчу.

Отдельный корпус был расположен в Малой Валахии, часть войск поддерживала героическую борьбу сербов. Таково

было положение дел накануне нашего приезда в Бухарест, где мы нашли графа Каменского при смерти. Состояние здоровья заставило его покинуть эти края, но переезд только приблизил его смерть. Армия восприняла это с истинным огорчением: его образ мыслей, честолюбивая натура и справедливая требовательность сделали из него совершенно особого военачальника. Он умер в расцвете лет, оставив командование армией на беспокойного и неспособного графа Ланжерона.

Огорченные мы поехали в Никополь представиться графу Сен-При, который там командовал войсками. Он принял нас в чудесном доме на берегу Дуная, который раньше принадлежал турецкому командующему и откуда открывался замечательный вид. Мы с удовольствием проехали по городу и его окрестностям. Никополь построен в долине, окруженной высокими горами, и обнесен слабыми укреплениями. Возведенная на высокой горе с крутым спуском в реке древняя крепость очень украшает пейзаж и весьма контрастирует с красотою городских домов и элегантностью мечетей.

После того, как мы провели несколько приятных дней у графа Сен-При, мы сели на корабль и спустились вниз по течению прекрасного Дуная до Журжи. Мои товарищи по поездке очень сожалели об уничтожении Систова, который они сами поджигали в прошлом году, и который был одним из красивейших городов в округе с широко развитой торговлей.

Из Журжи мы вернулись в Бухарест. Здесь я познакомился с некоторыми господами этих краев, которые по существу очень мало меня заинтересовали. Это нация бастардов, сформировавшаяся в давние времена из дезертиров римских армий и преступников Восточной империи, которая ссылала их в эти места подобно тому, как у нас ссылают в Сибирь. Изнеженные, трусливые, жадные до денег они использовали

свои способности только для того, чтобы разбогатеть на разбоях и несправедливостях. Государственные должности продавались, они влезали в долги, покупали своих женщин, если так ими можно было завладеть, и начинали жадно возмещать убытки, стремительно грабя несчастных крестьян.

Господарь открыто делал то, что другие скрывали. Получив в Константинополе с помощью денег и блестящих обещаний эти несчастные провинции в управление, он приехал туда только для того, чтобы быстро сколотить огромное состояние. Не перестаешь удивляться тому, как долго в этих краях выдерживают такое управление.

Турки со своей стороны грабят их всякий раз, как найдут повод к этому, на протяжении почти столетия наши армии время от времени привносят туда ужасы войны и алчность наших чиновников и, несмотря на все это, эта страна богата деньгами и всякого рода продукцией.

Граф Ланжерон, который пока командовал армией, направил меня в Никополь, чтобы оттуда я добрался до Ловчи и принял командование над Староингер-манландским пехотным и 37-м егерским полками, которые я должен был привести в Рущук. Местность между Никополем и Ловчей была одной из самых красивых и разнообразных из всех, которые можно было видеть. Всюду были разбросаны красивые турецкие и болгарские деревни с садами и виноградниками.

В Ловче я встретил графа Орурка, который командовал там отрядом. Город был взят штурмом войсками графа Сен-При и очень пострадал от этого несчастья. Большинство жителей были убиты, и только малая часть домов избежала разрушения.

Я провел в городе несколько дней, занимаясь приготовлениями к походу, граф Орурк должен покинуть город одновременно со мной и увести остатки своего отряда в Никополь. Я же с двумя полками направился в Рущук.

Граф Сен-При получил приказ сжечь и разрушить до основания этот красивый город Никополь. Он так хорошо исполнил этот приказ, что даже по прошествии нескольких месяцев, находясь напротив этого несчастного города по другую сторону реки, я не мог различить его следов. Исчезло все, что находилось за пределами старой крепости, античные стены которой были прочно заложены греками и римлянами. Поход через эти места, заполненные турецкими поселениями, прорезанные горами и многочисленными спускающимися с Балканских гор реками, несущими свои воды в Дунай, мог быть трудным и опасным, так как мы не располагали картами и подробными инструкциями. У меня не было ни артиллерии, ни единого всадника, чтобы разведать дорогу. Я выбрал направление движения вдоль левого берега маленькой речки Осма, после того, как собрал сведения у болгарских и турецких крестьян. Приближаясь к какому-нибудь поселению, я посылал туда переводчика с тем, чтобы он уверил жителей, что я не собираюсь воевать с ними, но моим единственным желанием является пройти мимо. Я просил накормить моих солдат и предоставить часть домов для ночлега после того, как женщины и дети перейдут в другую часть деревни. Суровая дисциплина, которую граф Сент-При поддерживал всю зиму в своих частях, его справедливость и защита, которую он оказывал мирным жителям, облегчили мои переговоры. С большим удивлением я двигался по Турции так же, как я продвигался по России, ночуя в деревнях вместе с жителями, получая от них продукты и даже повозки для транспортировки нашего снаряжения от деревни до деревни.

Так же спокойно между селениями Болгарени и Дервижка по старинному и красивому каменному мосту мы пересекли речку Осма. Оттуда мы дошли до большой и красивой деревни Караармон, расположенной в 7 верстах от Янтры.

Прогуливаясь по здешнему кладбищу, я нашел много мраморных плит с латинскими надписями. После того, как они послужили надгробиями для латинян, теперь их использовали при похоронах земледельцев-мусульман.

Янтра — это весьма крупная и быстрая река с крутыми берегами, что затрудняло переход через нее. Правда, в Кривице, в 7 верстах от Караармона, имелся мост, по которому в прошлом году прошли наши войска, направляясь в Никополь. Но теперь он был разрушен турками.

Я объявил жителям о том, что буду вынужден остановиться у них до тех пор, пока мост не будет восстановлен, и дал им в помощь 300 человек. Жители должны были сами найти все необходимые материалы. Горя нетерпением избавиться от нас, турки энергично взялись за восстановление моста, и через три дня он стал достаточно прочен, чтобы выдержать нашу переправу.

От Янтры вплоть до Рущука мы не встретили ни одного жителя, все они во время последней кампании покинули эти края. Только пепел и развалины указывали на места, где раньше находились их жилища, уничтоженные огнем. От больших деревень, окруженных фруктовыми садами и украшенных красивыми мечетями и чудесными фонтанами, остались только редкие печные трубы и уцелевшие от огня деревья.

Таким образом, ни сделав ни единого выстрела, и как если бы мы двигались в мирной обстановке, мы прибыли в Рущук.

В это время в Бухарест прибыл главнокомандующий Кутузов, чтобы принять командование армией.

Он вызвал меня, чтобы получить отчет о мирном продвижении, которое я предпринял по населенным турками районам, что казалось ему невероятным.

Вся заслуга этого принадлежала графу Сен-При, который сумел на протяжении всей зимы своим мудрым и требовательным управлением завоевать доверие неприятеля. Я вернулся в Рущук командиром Староингерманландского пехотного полка.

Проводились работы с целью восстановления этой большой крепости, в которой нужно было держать не менее 12 тысяч человек гарнизона. Мы смогли только восстановить укрепления, поставить на них те же пушки, которые были использованы против нас, и пополнить запасы, которые были полностью уничтожены.

По условиям капитуляции турецкие жители покинули город, в котором остались лишь несколько армян и болгар. Артиллерийская бомбардировка уничтожила большую часть домов, а наши войска полностью разорили сады в городе и на прилегающих возвышенностях, которые украшали окрестности.

До июня месяца неприятель дал нам спокойно вести требуемые приготовления. Через Дунай был построен крепкий мост, который выходил на Рущук, наши войска покинули зимние квартиры, выдвинулись к Журже и были готовы перейти на правый берег Дуная. Это спокойствие было нарушено наступательным движением огромной армии во главе с визирем.

По получении первых известий об этом, генерал Эссен поручил мне командовать аванпостами, усилил их 5 эскадронами Чугуевских улан и приказал мне обнаружить неприятеля.

В этих разоренных краях, полностью принадлежавших туркам, где на каждом шагу следовало ожидать появления энергичной и предприимчивой кавалерии, исполнение задания представляло трудности. Я оставил эскадрон улан

и 200 казаков на открытом месте, откуда хорошо просматривались окрестности, а сам вместе с несколькими офицерами и хорошо экипированными казаками продолжил путь. В 30 верстах от Рущука мы вошли в лес, на выходе из которого оказались на высоком берегу маленькой речки, на виду у всего турецкого лагеря.

Наше появление вызвало тревогу, в результате которой крупное подразделение кавалерии переправилось через речку по небольшому мосту. Я успел только оценить величину неприятельского лагеря, и мы галопом направились к лесу. Нас очень энергично преследовали, но у нас были хорошие лошади, и мы легко достигли равнины, на которой турки издали смогли увидеть ожидающие нас основные силы отряда. Турки замедлили свое преследование, и мы спокойно вернулись в наш лагерь.

Получив мой рапорт, генерал Эссен поручил мне передать эти сведения главнокомандующему, который стремительно продвигался к Журже и всячески укреплял армию войсками.

Той же ночью я получил приказ сжечь все села, которые могли бы дать пристанище неприятелю. Они были давно покинуты жителями, что уменьшило сожаление от исполнения приказа.

На следующий день мне снова было поручено обследовать лагерь неприятеля, но в лесу, через который надо было пройти, уже был полон вражеских постов. Я не был взят в плен только благодаря быстроте ног моей лошади.

Тем же вечером вся армия визиря пришла в движение, и заняла большое село Кадыкиой в 16 или 17 верстах от Рущука. Это село в числе других было сожжено нами накануне.

Наши аванпосты занимали ранее село Кадыкиой, они были вынуждены отступить и позволить цепи турецких аванпостов продвинуться на расстояние 8 верст от Рущука.

Мы могли противопоставить неприятелю только два полка казаков и 5 эскадронов улан. Я получил в качестве подкрепления второй батальон этого полка Чугуевского уланского и 5 эскадронов Ольвиопольских гусар.

Командование этим авангардом принял генерал Воинов, который приказал мне взять регулярную кавалерию и отойти на высоты, окружавшие Рущук. Надо было расположиться лагерем таким образом, чтобы перекрыть большую дорогу, опираясь с обеих сторон на сады и виноградники. Надо было взять языка, две следующие ночи мы напрасно старались изо всех сил поймать хотя бы одного турка. На третий день казаки сообщили о 20 турках, спрятавшихся в соседнем лесу в ожидании наших дневных пикетов, имевших задание обследовать опушки леса, с тем, чтобы захватить их. Взяв с собой несколько пехотинцев, я бросился в лес. Казаки окружили лес, а пехотинцы скрытно начали его обследовать. Привязав лошадей к деревьям, турки скрылись в самой густой части леса. Полностью окруженные она не стали сопротивляться и сдались все 20 человек, как и сообщили казаки. Мне оставалось только поздравить себя с этим счастливым случаем, который вместо одного языка доставил нам много пленных, и лишний раз удивиться военной проницательности казаков, которая придавала им чутье охотничьих собак.

20 июня до восхода солнца и при густом тумане мы были разбужены криками наших убегавших казаков и турок, преследовавших их до нашего лагеря. Я едва успел вскочить на коня и броситься в недавно сформированный запасной эскадрон. Ничего не видя, мы, оставаясь на месте, закричали ура, и турки исчезли во мраке. Наши войска выстроились в линию, казаки вернулись, позади фронта на возвышенности расположилась прибывшая этой ночью конная артиллерийская батарея. Туман рассеялся, и при свете зари мы увидели неприятеля, который разворачивал перед нами огромную массу конницы.

Сражение началось стычками между фланкерами с обеих сторон. Видя превосходство неприятеля, я стремился по возможности уменьшить их количество с тем, чтобы не наращивать столкновение, и строго запретил артиллерии стрелять. Картечные выстрелы укрепили горячность турок, а наши опирающиеся на сады фланги внушили им страх перед возможной засадой пехоты. Прибывший генерал Воинов одобрил наши действия. Тем временем, дозорные противника, оказавшиеся более умелыми и многочисленными, чем наши, стали причинять нам большой вред. Настало время эскадронами кавалерии предпринять несколько мелких атак, чтобы отодвинуть их от наших позиций, которые они легко могли прорвать.

Предупрежденный об этом наступлении, главнокомандующий ускорил движение армии, которая прошла мост и город Рущук и стала готовиться к сражению, разворачиваясь позади нашей позиции.

После этого турки начали отступать и вернулись в свой лагерь в Кадыкиой. От пленных мы знали, что это наступление было не более, как усиленной разведкой, которую предпринял визирь со своей отборной кавалерией. На следующий день вся наша армия численностью в 17–18 тысяч человек заняла позицию позади нашего предыдущего лагеря и построилась в две линии каре, 5 каре в первой линии, 4 каре во второй. Вся кавалерия выстроилась по всему фронту в третью линию позади каре, казаки заняли позицию на флангах кавалерии.

22 июня к 9 часам утра нами был замечен неприятель, все полки построились в боевые порядки. Сражение началось столкновением фланкеров, которые стремительно наступали почти до самых штыков наших каре, в это время заговорила многочисленная турецкая артиллерия. Артиллерийская перестрелка с обеих сторон была смертоносной, особенно

в центре позиции; небольшая кавалерийская атака угрожала нашему правому флангу, как вдруг огромная масса конницы под сотней знамен с быстротою молнии и невероятной яростью бросилась сквозь две наши линии каре. Не обращая внимания на перекрестный огонь, направленный на нее со всех сторон, она обрушилась на левый фланг нашей кавалерийской линии и развеяла его в пыль. Два казачьих, один драгунский и один гусарский полки исчезли. Сумятица и беспорядок были таковы, что невозможно было больше ничего различить. Большие клубы дыма и пыли увеличивали опасность, и в какой-то момент главнокомандующий решил, что турки проникли к нам в тыл. Чугуевский полк, которым я командовал, не пострадал в этой атаке, прорвавшийся неприятель прошел стороной, преследуя бегущих кавалеристов. Мы развернулись и бросились в атаку. Это наступательное движение в тыл туркам остановило их порыв, наши беглецы остановились, и бой принял равный характер. Лошади турок устали от предпринятой ими внезапной атаки и не могли больше поддерживать пыл своих всадников. Турки в свою очередь поддались и начали искать возможность вернуться садами к своей армии. Горячо преследуемые, они потеряли недавно захваченные у нас орудия полевой артиллерии и большую часть своих знамен.

Мало-помалу наша линия кавалерии собралась вновь, и эта яростная атака турок не имела другого результата кроме многочисленных потерь с обеих сторон. Если бы это наступление удалось полностью, то сражение было бы нами проиграно, и мы рисковали быть отрезанными от Рущука.

Жаркая канонада продолжалась, вырывая из рядов нашей пехоты значительное число солдат. Как только наши каре двинулись вперед, неприятельский обстрел уменьшился. Турки поддались, и мы заняли их позицию. Во время боя они

энергично рыли ров, и мы потеряли большую часть инструментов, которые они там использовали.

Турки отступали до Кадыкиоя, мы преследовали их несколько верст и с наступлением темноты вернулись, чтобы занять исходную позицию. В этот день силы неприятеля превышали 70 тысяч человек, его кавалерия показала пример доблести. Наши потери были значительны, и мы должны были быть удовлетворены одержанной победой. Главнокомандующий милостиво выразил удовлетворение моими действиями, все офицеры Чугуевского полка получили знаки отличия за этот бой, я был награжден орденом Святого Георгия.

Весь следующий день мы занимались погребением убитых и устройством на нашем левом фланге редута с целью избежать опасных последствий для нашей позиции, которые могла бы иметь следующая кавалерийская атака противника, подобная той, которая произошла 22-го числа. 24 июня прошло спокойно, и мы рассчитывали, что вместо отдыха пойдем вперед, как вдруг в полночь был получен приказ отступать и перейти по мосту на другой берег Дуная. Мы не могли понять причин этого попятного движения. Происшедшее сражение показало то превосходство, которое давала нам дисциплина перед многочисленностью врагов. Все понимали, что наше отступление придаст неприятелю храбрости и произведет самое плохое впечатление на наших солдат и вообще в Европе.

Первой по мосту прошла кавалерия, затем артиллерия и пехота. Одна дивизия осталась на крепостных валах, а отряд под командованием графа Воронцова расположился вне крепости, со стороны магазина, с тем, чтобы помешать неприятелю использовать это место для разрушения моста.

С другого берега реки были вывезены турецкие пушки большого калибра, которые располагались в крепости,

из города были эвакуированы все жители, которые в суматохе и по мере сил стремились вывезти свои вещи и предметы мебели. Мост был заполнен повозками, скотом, страдающими больными, женщинами и детьми, которые беспорядочно бросали дома своих предков и не знали, где им искать укрытие.

Между тем, было приказано собирать солому и деготь, ими заполняли жилища и лавки для того, чтобы этой ночью сжечь Рущук.

Тем временем, с восходом солнца турки двинулись вперед и, не найдя наших аванпостов, обнаружили отступление нашей армии. Преисполненные алчности, они прибыли к городу и начали забрасывать его ядрами и гранатами, что только увеличило царивший там беспорядок.

Вечером, когда в лагере заиграли сигнал к отступлению, полевые пушки, оставленные ранее на валах крепости, стали переправляться по мосту, и под вражеским обстрелом оказался каждый уголок города. Это зрелище было самым впечатляющим и устрашающим из всех, которые только можно было видеть. Я наблюдал его с высот укреплений Журжи.

Огонь неприятельской артиллерии, занимавшей все возвышенности, был виден сквозь сильное пламя, охватившее город на всем его немалом протяжении. Наша пехота находилась на валах, и ее ружейная пальба обозначала их очертания, турки заняли сады и виноградники, отблески выстрелов оттуда освещали окрестности.

Весь лагерь нашей армии, расположенный на левом берегу реки, был освещен этим пламенем. Неяркие огни лагеря и костры, зажженные убежавшими жителями города, были поглощены этим сильным свечением. Луна бросала свой бледный свет на эту яркую сцену, а удивленный Дунай отражал все огни и усиливал впечатление от зрелища.

После переправы нашей оставшейся пехоты на другой берег мост был разрушен, и боевые действия прекратились.

* * *

Вся главная квартира расположилась в Журже. Армия встала лагерем на некотором расстоянии от этого небольшого города, поднявшись вверх по берегу Дуная на огромную равнину, где было всего несколько жилых домов. Турецкий лагерь расположился по обеим сторонам Рущука на высотах, господствующих над Дунаем. На протяжении нескольких недель стороны довольствовались только сигнальными выстрелами из пушек, производимыми по утрам и вечерам. Журжа ожила с появлением там нескольких дам и с открытием лавок, но невыносимая жара утомляла наших солдат, количество больных в лагере росло.

Граф Воронцов был направлен в Малую Валахию на соединение с корпусом под командованием генерала Засса, который располагался на левом берегу Дуная перед городом Видин. Ему противостоял неприятельский корпус численностью в 30 тысяч человек.

Через некоторое время генерал Засс запросил новых подкреплений и, я, получив под командование 5 эскадронов улан и одну батарею конной артиллерии, направился к нему.

Двигаясь так быстро, как только было можно, на шестой день мы прибыли в его лагерь. Нам было приказано занять место на левом фланге, состоявшем под командованием графа Воронцова. Несмотря на то, что мы располагали всего 4–5 тысячами человек, наша позиция была очень протяженной. Оба фланга опирались на берег Дуная, который перед городом Видин изгибался дугой радиусом в 10 или 12 верст.

Мы занимали линию в виде хорды перед турецким лагерем, который был зажат в самом узком месте этой дуги и находился почти напротив города Видин. Другая часть турок

осталась на другой стороне реки позади крепости. Несмотря на приказания высокого начальства, паша Видина соблюдал строгий нейтралитет, который мы старались поддержать всеми способами. Он продавал туркам продукты питания по очень высокой цене и не позволял своим соотечественникам входить в город иначе, чем маленькими группами и без оружия. Мы, со своей стороны, обещали ему не заготавливать фураж на принадлежащих ему территориях и оказывали ему различные услуги. Справа от наших аванпостов находилась гора Калафет, которая возвышалась над крепостью и лагерем, занятым турками на этой стороне реки. Редуты, которые мы строили один за другим ночью, приближали нас к позициям противника.

Часть нашей флотилии наблюдала за рекой позади крепости, другая ее часть сторожила переправу у Лома, в 30 верстах ниже по течению. Эта переправа была в распоряжении неприятеля, так как он занимал небольшой островок с тем же названием, находящимся на расстоянии пистолетного выстрела от нашего берега.

С целью поддержать благородные и тяжелые усилия сербов, сражавшихся, несмотря на резни и жестокости, за свою независимость как разъяренные тигры, в Сербии находился наш пехотный полк и небольшое количество конницы под командованием генерала Орурка.

Кара-Георгий, предводитель этого столь же храброго, сколь и жестокого народа, показывал примеры нетерпения и ненависти к мусульманам. Эта борьба походила больше на последствия мучений, чем на войну, сражения только усиливали ожесточение с обеих сторон. Тем временем, опасаясь оказаться не в состоянии сопротивляться численно превосходящему противнику, когда лихорадка сильно сократила число наших солдат, генерал Засс был вынужден дать генералу Орурку приказ вернуться со всеми его войсками и на время оставить сербов сражаться самим.

Ежедневно укрепляющиеся на островке Лом турки угрожали нашим коммуникациям и спокойствию всей Малой Валахии. Надо было избавиться от этой опасности. Подполковнику Энгельгардту было приказано занять островок и укрепиться там. Силами двух пехотных батальонов и при помощи орудийного огня с судов нашей флотилии, ему удалось захватить островок и его укрепления, а также взять в плен сильный гарнизон в 500–600 человек. В этом столкновении мы потеряли молодого Обрезкова, офицера, подававшего самые лучшие надежды. Мне было поручено командовать аванпостами, что было непросто из-за близости к неприятелю, его ядра проносились над нашими головами, а наши пикеты стояли на расстоянии ружейного выстрела от него. Особые предосторожности надо было предпринимать по ночам, и часто мы были вынуждены бросаться на помощь нашим аванпостам. Наш лагерь покрывали укрепления, которые были сооружены ночью и служившие в случае необходимости укрытием нашим пикетам. Они позволяли простреливать позиции противника.

Однажды, когда в обоих лагерях царило полное молчание, мы были подняты по тревоге пушечными и ружейными выстрелами, которые одновременно звучали на позициях противника и в крепости. Вскоре стало ясно, что это победный салют, и от этой мысли нас бросило в дрожь. Видинский паша прислал свои извинения за то, что открыл огонь по нам, объяснив это тем, что был вынужден сделать это для того, чтобы отпраздновать победу визиря, одержанную у Журжи, и полное уничтожение нашей армии. На следующий день генерал Засс получил приказание главнокомандующего оставить позицию, уйти из Малой Валахии и постараться соединиться с ним в окрестностях Бухареста. К счастью, это безнадежное намерение не было выполнено. Храбрый генерал Засс верно рассчитал, что, если в Большой Валахии

все было потеряно, то он не успеет прибыть туда вовремя и со своей горсткой людей не сможет оказать там сильной поддержки. С другой стороны, уйдя с позиции, он предоставит воодушевленному неприятелю возможность преследовать себя, вследствие чего нам придется оставить свои запасы, больных, обозы, и отдать всю Малую Валахию на жестокое разграбление. Вместе с тем, нам следовало опасаться быть полностью отрезанными от основных сил.

М. И. Кутузов. 1811

Только через несколько дней мы получили подробные известия о переправе визиря через Дунай, и нам стало ясно, насколько прав был генерал Засс, который не стал торопиться

с выполнением первого полученного приказа, замененного приказом действовать по обстоятельствам.

В Рущуке из остатков домов турки построили плоты и шлюпки, на которых при поддержке артиллерии, наполовину вплавь, на досках они форсировали Дунай и высадились на нашем берегу. Полученные первые известия об этом командование не расценило как угрозу и удовлетворилось посылкой одного батальона для того, чтобы сбросить десант в реку. Батальон был обращен в бегство. Наспех переправившиеся турки сражались и одновременно активно старались восстановить укрепления перед старым мостом, расположенным неподалеку от пункта их высадки. На место действия направлялись все новые полки и батальоны, ночной мрак не давал провести разведку и верно оценить силу неприятеля. Наши атаки отражались с невиданной храбростью. С рассветом стала видна огромная масса турок, постоянно усиливающаяся новыми войсками, которые были готовы наброситься на нашу армию. Мы были слишком слабы и отступили. Не вызывает сомнения, что, если бы противник был верно осведомлен о наших возможностях, то он решился бы атаковать, и тогда, возможно, даже остатки нашей армии никогда не увидели бы Россию. Судьба кампании, да и всей войны с турками, могла зависеть от этого момента.

Но к счастью, турки не осмелились продолжить свое наступление, их пыл угас, и они удовольствовались тем, что восстановили предмостные укрепления. В последующие дни происходили кавалерийские стычки, которые ничего не дали, наша армия укрепилась, войска вернули себе мужество. Дисциплина и талант взяли верх над безрассудством и многочисленностью. Главнокомандующий приказал соорудить укрепления, которые вначале мы защищали, а потом он полностью окружил и заблокировал всю переправившуюся

армию неприятеля. Такое положение продолжалось несколько месяцев, и вскоре эти же самые турки, которые могли нас сокрушить, стали бояться за свою безопасность.

В это время, под впечатлением успехов визиря, неприятельский корпус, противостоявший войскам генерала Засса, покинул свои укрепления и предпринял неловкую попытку атаковать нашу позицию. Вначале турки попытались захватить наши редуты, но, будучи отбиты, устремились между нами и оказались на равнине. Там они сожгли часть нашего лагеря и почти разделались с одним из наших каре. Отброшенные непоколебимой стойкостью наших войск, они кончили тем, что укрепились на горе Калафат, ранее занятой нашими аванпостами и находящейся правее нашей позиции. Тем самым турки оказались в значительно более выгодном положении, так как прежняя их позиция простреливалась нашими редутами, а огонь оттуда доставлял им сильное беспокойство.

Наши потери не были столь значительны, как надо было ожидать от этого боя. Войска принялись за восстановление лагеря и за возведение новых редутов. Мы старались путем устройства волчьих ям обезопасить себя от новых атак неприятеля. К несчастью, я заболел лихорадкой и был вынужден вернуться в Крайову.

Часть турецкой армии была еще на другой стороне Дуная, и, поднявшись вверх по реке, перенесла свой лагерь под Видин. Турки пасли своих лошадей напротив нашего правого фланга, и забавлялись тем, что переходили на островок, находившийся позади нашей позиции. Граф Воронцов был послан переправиться через реку выше по течению и атаковать неприятеля там, где он чувствовал себя в полнейшей безопасности. Эта диверсия была проведена со всем присущим этому генералу талантом и храбростью, и полностью удалась. Захваченный врасплох неприятель был разбит, его

преследовали на виду у нашего лагеря и турецкого лагеря на горе Калафат вплоть до стен Видина. Граф Воронцов расположился на возвышенности нашего правого фланга, занял и укрепил островок. За несколько дней удержания этой позиции турки не осмелились выбить его оттуда, граф Воронцов, оставив на островке гарнизон с пушками, переправился обратно и присоединился к генералу Зассу.

Вскоре мы получили радостную новость о том, что генерал Марков форсировал Дунай возле Рущука и полностью разбил армию визиря. Это сообщение преисполнило нас радостью, тем более что ухудшение погоды заставляло нас желать окончания кампании. Чтобы отплатить туркам за то ужасное впечатление, которое произвел на нас их радостный салют в честь успешных действий армии визиря, все наши войска выстроились в боевом порядке и по сигналу, данному пушками редутов, победа была отпразднована троекратным залпом.

Паша Видина прислал спросить, что мы празднуем, причина была ему сообщена. С этого момента он удвоил свою предупредительность по отношению к нам, турецкая армия больше не доставляла нам беспокойства.

После того, как главнокомандующий плотным кольцом обложил предмостные укрепления, сооружение которых было оплачено гибелью лучших войск турецкой армии, он принял решение отправить генерала Маркова переправиться через Дунай выше по течению так, чтобы неприятель этого не заметил. Переправа произошла ночью, и с рассветом наши войска стремительно бросились на турецкий лагерь, расположившийся на высотах, окружавших Рущук. Захваченные врасплох турки почти не оказали сопротивления, одни укрылись за стенами крепости, другие в беспорядке бежали до Кадыкиоя. В наши руки попал весь лагерь вместе с лавками, лошадьми, пушками и ценными вещами,

которыми воспользовались наши солдаты и казаки. Пушки были немедленно повернуты против предмостных укреплений, которые были обстреляны с тыла. Суда нашей флотилии, которые из-за этих пушек были вынуждены держаться в отдалении, спокойно приблизились к предмостным укреплениям и стали посылать гранаты в спину туркам, в то время как редуты обстреливали их с фронта. Следующей ночью, находившийся внутри предмостных укреплений визирь на маленькой лодочке сбежал оттуда и укрылся в Рущуке. В лагере, обстреливаемом артиллерией со всех сторон, осталось 25 тысяч несчастных, которые не могли надежно укрыться от огня. Не имея ни припасов, ни надежды соединиться со своими основными силами, они через несколько дней перестали отвечать на наш огонь. Лагерь был полон трупов и павших лошадей; несмотря на то, что он находился на берегу реки, осажденные, не могли утолить жажду, не подставив себя под смертоносный огонь нашей флотилии. Они умирали от голода и холода, делом чести было предложить им сдаться. Отправленный с этим сообщением офицер был поражен ужасными условиями и зараженностью лагеря. В качестве ответа нам сообщили, что никогда лагерь не примет никакую капитуляцию. Тем не менее, было слишком жестоко продолжать обстрел, тогда как турки больше не отвечали на наш огонь.

Ненастное время года продолжалось, дожди и грязь ослабляли и утомляли нашу армию. Всем хотелось мира. Было известно, что в турецком лагере находились молодые люди из самых известных семей Константинополя, и что они готовы скорее умереть, чем сдаться в плен. Тогда хитрый и ловкий генерал Кутузов предложил, как знак уважения доблести, каждый день посылать в лагерь пищу. Для паши и, в особенности, для командующего посылалось все, что можно было найти из еды и для поддержания достатка. Эти дары

принимались с благодарностью, но не в качестве условия капитуляции. Тем временем, отношения становились все более оживленными и дружескими, туркам было разрешено писать домой. Они не преминули расхвалить великодушие русских и нарисовали ужасающую картину положения, в котором они оказались. Отцы этих храбрецов, в том числе некоторые представители высшей знати Империи, стали желать мира, чтобы спасти своих детей. Они рассматривали сдержанное поведение русского главнокомандующего, как доказательство легкости, с которой наше правительство будет вести переговоры. В конце концов, генерал Кутузов, уставший от непогоды и от страданий наших солдат, предложил турецкой армии выйти из лагеря с оружием, пушками, обозами и со всеми воинскими почестями, а затем отправиться на зимовку в несколько указанных ей деревень. Условием было то, что ни один турок не будет пытаться перейти через Дунай, и что будет объявлено полное перемирие до тех пор, пока не продолжится кампания. Если же мир не будет заключен, то турки вернутся в свое предмостное укрепление, и будут продолжать его защищать. Турки приняли это выгодное и вызывающее удивление предложение, и кампания закончилась.

Неприятельский корпус, который с горы Калафат угрожал Малой Валахии, пересек Дунай и исчез, что позволило корпусу генерала Засса уйти на зимние квартиры.

Генерал Кутузов с триумфом вернулся в Бухарест, где праздники и увеселения сменили тяготы и опасности войны.

* * *

После нескольких недель пребывания в главной квартире я направился в Петербург. Судьба привела меня за кулисы. Я не мог покинуть этот французский театр, который

уже доставил мне столько удовольствий и огорчений, и чтобы перепробовать все жанры, я обратился к королеве оперы. Мадам Филисса прекрасно играла и пела самым соблазнительным голосом, она обладала живостью и прекрасной фигурой. Мои связи с трагедией, а затем с комедией, не позволили мне раньше обратить к ней свои стремления. Её суровая преданность своему мужу и его ревность не позволили мне следовать своим влечениям, но любовь побеждает любые рациональные доводы, и я мечтал только о том, чтобы утвердиться в доме Филиссы. Я стал другом мужа, сестры, братьев и кончил тем, что более не покидал это общество, которое с каждым днем притягивало меня все больше и больше.

Филисса была слишком умна, чтобы не заметить цели моего усердия. Но, находясь под суровым контролем и любя своего мужа, она очень нескоро и с большими оговорками позволила мне сказать ей о своей страсти. Она удвоила количество знаков дружеского расположения, не позволяя мне надеяться на большее.

1812

Целыми днями мы были рядом, и моя любовь росла. Казалось, она опасалась довериться человеку, который бросался от одного приключения к другому, и, возможно, присоединил к своей любовной переписке и те письма, которые она могла бы ему написать. Я поспешил принести ее сестре подборку таких писем и сжег их все; я отдал ей также все портреты и подарки, которые получал. Такое доверие тронуло Филиссу, и в тот же вечер в театре, во время ее одевания перед выходом на сцену, когда я с горячностью рассказывал ей о своих чувствах и огорчениях, я услышал в ответ, что она тоже меня любит, и что я со своего места в зрительном зале должен следить за ее взглядами, так как она посмотрит только на того, кого любит.

Полный беспокойства, я занял свое место и более, чем когда-либо внимательно следил за ее прекрасным лицом все то время, пока она была на сцене. Я изучал, опасался и надеялся; я не увидел, чтобы она посмотрела на кого-нибудь, только, уходя со сцены, она бросила на меня свой взгляд, полный доброты.

После окончания спектакля, полный беспокойства и ревности, я бросился в ее ложу и спросил, на кого же она смотрела. С той прекрасной наивностью, которая была для нее характерна, она ответила, что это был я, и наполнила меня радостью. Нам осталось только найти способ видеться, это было самое трудное. Мы искали этот способ, когда Корсиканец объявил войну. Я был оторван от мира прекрасных грез и покинул Петербург, чтобы оказаться в Вильне до приезда Императора.

Надо было расставаться. Мы обещали писать друг другу и поддерживали переписку почти год. Мой товарищ граф Браницкий был возлюбленным сестры Филиссы мадам

Бертен, они жили вместе, и их расставание только усилило печаль нашего прощания.

Император не замедлил последовать за нами, и вся императорская семья собралась в Вильно. Гвардия покинула Петербург, и вся собиравшаяся со всех сторон армия приблизилась к границам.

Наполеон собрал под свои деспотичные знамена войска различных наций: подданных своей Империи и покоренных ею стран. Когда он был в Дрездене, ему подчинилась Австрия, побежденная Пруссия вооружалась в его поддержку, все князья Рейнской конфедерации, Италия, Голландия и Испания посылали своих солдат к нашим границам. А в Вильно еще сомневались, будет ли война.

Поляки даже на глазах Императора не скрывали своих надежд и желали нам поражения. На хвастовство этой нации, всегда исполненной заблуждения и злоупотребляющей милосердием, Император отвечал только своей ангельской добротой и тем спокойствием, которое не могло быть ничем нарушено.

Под предлогом переговоров Наполеон направил генерала Нарбонна осмотреть нашу главную квартиру. Он всем понравился своими обходительными манерами и любезной рассудительностью. Однажды, находясь в зале, где собиралась свита Императора, он поинтересовался фамилиями некоторых находившихся там людей. Ему их назвали и заметили, что многие из перечисленных обладают доходом не в одну сотню тысяч рублей. Вот, сказали ему, люди, которые, по мнению Вашего императора, были куплены за английское золото.

После его возвращения в главную квартиру Наполеона, господину Нарбонну часто задавали вопрос о том, какое настроение царило при дворе Императора Александра.

Он отвечал французским генералам, что увидел только настоящий патриотизм без хвастовства и спокойствие, написанное на лице Императора и всей армии.

Во время ожидания в Вильно происходили балы и праздники, и наше длительное пребывание в этом городе более походило на приятное путешествие, чем на приготовления в войне.

Тем временем, Наполеон приблизился со стороны Немана, наши части тоже сосредоточились. Наша главная армия под командованием генерал-аншефа Барклая де Толли могла собраться в окрестностях Вильны, вторая армия под командованием князя Багратиона находилась в Волыни и могла двинуться в самый центр Герцогства Варшавского.

Еще один корпус под командованием графа Витгенштейна стоял в Шавлях и прикрывал Ливонию.

Первоначальный план кампании был разработан генералом Фулем, он состоял в том, чтобы не объединять армии генерала Барклая и князя Багратиона. Предлагалось передвигать армии, как фигуры на шахматной доске, одна выдвигалась вперед, вторая отступала назад с тем, чтобы нейтрализовать продвижение Наполеона. Но при этом забывалось, что мы могли выставить только 150 тысяч человек против самого предприимчивого полководца, который обрушился на нас во главе 450 тысяч человек. Это означало, что он располагал нужными силами, даже с излишком, для того, чтобы разбить обе наши армии одновременно. Мы еще гадали, обсуждали способ действий, ставили под сомнение неизбежность войны, когда Наполеон появился на берегах Немана и когда Император Александр своим решительным и исполненным веры манифестом возвестил о своем решении сражаться и защитить нацию.

Подобно Ксерксу, Наполеон поднялся на гору близ Ковно и различил у своих ног всю эту огромную армию. Увиденная

им территория России усилила его нетерпение и он, поприветствовав с энтузиазмом эту огромную массу солдат, бросился в сражения 1812 года, в конце которых от гигантской армии не осталось ничего, кроме кровавого следа.

Известие об этом переходе через Неман заставило отступить все наши войска, наблюдавшие за рекой, в Вильне были сделаны все необходимые приготовления.

Отъезд из Вильны императорской ставки, всех военных и гражданских чиновников со своими семьями, толпы горожан, которые по разным причинам следовали за нами, вызвал настоящую суматоху.

Огонь с четырех углов или пятеро братьев
(Наполеон делит Европу между родственниками)

Остановились все только в Свенцянах, где стояла гвардия, и где соединились части армии. Сразу после приезда Император меня вызвал и направил к князю Багратиону передать свои приказания.

Император желал, чтобы он приблизился к армии генерала Барклая с таким расчетом, чтобы при необходимости соединиться с ней. Перед отъездом он сказал мне: «Передайте князю, что, возможно, Бонапарт, верный своей методе, пойдет по дороге к столице, и захочет устрашить Россию, двигаясь на Москву. Но ничто не заставит меня сложить оружие, пока враг находится внутри наших границ». Я поехал через Сморгонь и Новогрудок и нашел армию князя Багратиона за Слонимом. Передав привезенные приказы и объяснив движения, которые предполагала совершить наша главная армия, чтобы прибыть на Дрисскую позицию и дать там сражение, я направился в главную квартиру Императора. Так как сопровождаемые поляками неприятельские партии выдвинулись от Вильно к Сморгони и пытались стать на коммуникациях между двумя нашими армиями, я был вынужден сделать большой крюк. Я проехал через Минск и нашел Императора в Видзах.

Наполеон вошел в Вильну без боя и был там принят с меньшей радостью, чем он мог рассчитывать. В неясных выражениях он говорил с поляками об их независимости, призывая их в то же время вооружаться против России, приносить в жертву своей родине людей, средства и, в особенности, слепо повиноваться его приказаниям.

Пересекая границы нашей империи, он обвинил Россию в развязывании войны, а нашего посла князя Куракина в том, что он объявил ее.

Император направил к нему в Вильну своего генерал-адъютанта Балашова, который должен был ему объявить, что нота князя Куракина составлена не по его (императора) приказаниям, и что если французская армия отойдет обратно за Неман, то агрессия будет считаться несостоявшейся.

Наполеон ответил, что раз ему дали войти в Вильну и ему там понравилось, то он там останется, что армия

князя Багратиона будет неизбежно отрезана и разбита, и что даже без боя он уже взял несколько тысяч пленных. Император не мог игнорировать результаты миссии генерала Балашова, но, не желая выходить за пределы сдержанности и скромности, которыми были отмечены все его действия, он решил еще раз подтвердить их и не дать своим подданным ни одного повода упрекнуть его.

Наполеон, потративший некоторое время на устройство польских провинций, назначил Вильну основным местом расположения своих магазинов и администрации своей армии, сделав ее отправной точкой своих операций. Он приказал преследовать нашу главную армию практически всеми своими силами, назначил один корпус для наступления против графа Витгенштейна, и направил короля Вестфалии со всем корпусом маршала Даву, чтобы отрезать и раздавить армию князя Багратиона.

Едва возвратился я в Видзы, как Император во второй раз послал меня к князю Багратиону. Ввиду того, что моя поездка представлялась очень опасной, он не дал мне письменных приказов, я должен был все объяснить князю устно. Я поехал через Дриссу, Борисов и Минск. Приближаясь к последнему городу, я встретил губернатора и всех чиновников, которые поспешно спасались бегством. Они советовали мне не появляться в Минске, заверяя, что неприятель обязательно войдет в него. В это время я уже не мог поехать другой дорогой и, по счастью, мне удалось проехать через город всего за час до прихода туда французов. Я нашел армию князя Багратиона в Несвиже и сообщил ему новость о захвате Минска королем Вестфалии. Князь занимал в Несвиже временную позицию, в то время как его арьергард под командованием генерала Платова разбил и полностью рассеял значительные силы кавалерии, которые неприятель выслал для его преследования. Это блистательнейшее дело несколько охладило

пыл польской кавалерии и предоставило больше свободы движениям князя Багратиона, и тот решился упредить противника в Могилеве.

Я передал эти сведения Императору, для чего оказался вынужден проехать через Бобруйск, Могилев и Полоцк, и присоединился к нашей главной армии в Дрисском лагере.

Этот лагерь, расположенный на левом берегу Двины в том месте, где река делает большой изгиб, был выбран генералом Фулем. Единственными путями сообщения и отхода являлись три моста, перекинутые через реку позади позиции. Над этим лагерем почти господствовала близлежащая местность, которую мог захватить неприятель. Сам лагерь был укреплен с огромными усилиями, и в нем были собраны огромные магазины. Эта позиция не давала ни одного преимущества из числа тех, которые обычно предполагаются в подобных случаях. Она не прикрывала подход к большой дороге, не заставляла противника ни атаковать, ни прекратить движение вперед. Она могла быть обойдена с любой стороны, неприятель мог форсировать Двину или даже избрать другое направление движения с тем, чтобы вторгнуться во внутренние территории Империи, оставив Двину слева, и направить основные силы к Могилеву. Превосходство его сил позволяло не опасаться за коммуникации в этой местности, где основная часть населения была настроена в его пользу. С наибольшей силой недостатки этого лагеря были выражены во фразе, сказанной генералом Паулуччи генералу Фулю, который все еще защищал выбор этой позиции, несмотря на недовольство всей армии. Он сказал: «Этот лагерь был выбран либо предателем, либо глупцом, выбирайте, мой генерал».

Император, слишком скромно еще оценивавший собственные военные таланты, поверил в этом отношении голосу своей армии и, к счастью, покинул Дрисский лагерь, предоставив

его всеобщей критике. Армия переправилась через Двину и по правому берегу небольшими переходами направилась к Полоцку, куда неприятель уже выслал своих конных разведчиков, обнаружив свое намерение упредить нас и в Витебске.

Граф Витгенштейн перешел Двину в Динабурге с корпусом, уступавшим в численности корпусу противника, и уже начал ту смелую борьбу, в которой он сумел сохранить берега Двины в качестве театра своих подвигов, послужить щитом для всех соседних с Петербургом губерний, и положить на весы успехов войны столь же значительный, сколь и славный груз.

Между тем король Вестфалии, стремясь отрезать армию князя Багратиона, спешил занять Могилев. Он прибыл туда лишь ненамного раньше прихода русского авангарда. Перед городом разгорелся ожесточенный бой. Генерал Раевский проявил в нем все свое бесстрашие, и храбрые войска под его командованием выдерживали все новые и новые атаки неприятельских колонн, пока основные силы князя Багратиона не переправились на другой берег Днепра, в результате чего планы противника были сорваны. Наполеон был настолько раздражен этим, что отстранил короля Вестфалии от командования и отправил его Германию.

Император покинул армию в Полоцке и вернулся в Москву для того, чтобы своим присутствием там подержать энтузиазм и упорство всех слоев нации.

Армия генерала Барклая де Толли прибыла в Витебск, где она снова переправилась через Двину и заняла позицию слева от города, имея сильный авангард по другую сторону небольшого ручья, впадающего в Двину и образующего довольно глубокий овраг.

Граф Петр Пален командовал этим авангардом. Многочисленный неприятель приблизился к нему и сразу развернул свои силы. Бой был продолжительный и кровопролитный,

наши войска, сохраняя хороший порядок, отступили до оврага. Там, будучи преследуем только кавалерией, граф Пален сосредоточил свою конницу в одном месте и атаковал с такой стремительностью, что отброшенный неприятель, опрокинутый на свою пехоту, не осмелился продолжать движение. Обе армии стали лагерем на виду друг у друга на расстоянии 3–4 верст.

В Витебске было получено известие о заключении окончательного мира с Турцией. Этим мы полностью были обязаны ловкости генерала Кутузова. Мир являлся чудом тем более счастливым и удивительным, что вторжение Наполеона должно было оказать помощь туркам, и его посол в Константинополе именем будущих побед своего императора обещал им возвращение Крыма и всех завоеванных Россией территорий.

Благодарственный молебен по случаю заключения мира, отслуженный с большим чувством, стал для нас предзнаменованием Божественного покровительства и расстроил политические стремления и надежды наших врагов.

По приказу Императора главнокомандующий направил меня в Смоленск в распоряжение генерала Винценгероде, который собирал там запасные батальоны и эскадроны. С огорчением я покинул армию и направился к месту нового назначения.

На следующий день генерал Барклай де Толли покинул позицию под Витебском и, избрав направление на Поречье, двинулся к Смоленску. На выходе из города арьергард под командованием графа Палена провел очень удачное кавалерийское дело.

Со своей стороны князь Багратион, ловко нарушив неприятельские планы, также выдвинулся к Смоленску. Отряд его армии, состоявший под начальством храброго генерала Неверовского, целый день отражал постоянно возобновлявшиеся

атаки французов под Красным. Потеряв почти всех людей и, будучи ранен сам, своим упорным сопротивлением Неверовский сумел прикрыть отступательное движение князя Багратиона. Обе армии, не будучи расстроены, к большому удивлению Наполеона, наконец, соединились 22 июля в Смоленске.

Часть армии стала лагерем на высотах правого берега реки Днепр, другая часть расположилась на левом берегу под древними стенами города, которые на протяжении веков защищали Смоленск. В разрушенные временем бойницы поставили пушки, и Смоленск, старинный свидетель несчастий России, приготовился к новым бедствиям.

Я последовал за генералом Винценгероде, который получил приказ отправиться на Духовщину и принять командование над Казанским драгунским полком и тремя казачьими полками, собранными там с этой целью.

Назначением этого отряда было поддерживать сообщения главной армии с войсками графа Витгенштейна, защищать внутренние районы страны от неприятельских отрядов и фуражиров, а также, сообразуясь с обстоятельствами, действовать в тылу французской армии, не теряя, однако, из вида движений графа Барклая де Толли.

Наполеон приближался к Смоленску, и вражеские отряды из состава 4-го корпуса проникли до Поречья, Велижа и Усвят. Генерал Винценгероде избрал направление между Поречьем и Велищами с тем, чтобы затруднить неприятелю производство реквизиций, в которых тот уже испытывал величайшую нужду. Получив известие о том, что Велиж занят двумя батальонами, генерал решил попробовать выбить их оттуда. Он поручил мне командовать авангардом, оставив себе драгунский полк для того, чтобы овладеть входом в город.

Еще до рассвета я атаковал французские пикеты и согласно диспозиции двинулся влево, чтобы войти в город по другой

дороге и освободить путь колонне, предводимой генералом. Если бы мне удалось быстро ворваться в город, то дело, может быть, имело бы успех, но неприятель, вероятно, предупрежденный о наших действиях, встретил казаков столь плотным ружейным огнем, что никто не решился продолжить атаку. Опасаясь бесполезно потерять много людей, генерал Винценгероде приказал прекратить бой.

Желая воспользоваться нашим отступлением, неприятель вывел из города до сотни кавалеристов, но они были так энергично встречены и преследуемы до города, что мы могли спокойно кормить своих лошадей на очень небольшом расстоянии от Велижа.

На следующий день генерал Винценгероде направился к Усвятам. Неприятель уступил эту позицию без боя, и мы его преследовали по дороге на Витебск. Усвяты были очень удобно расположены, мы остались там несколько дней, употребив их на прочесывание местности небольшими партиями, всюду нападавшими врасплох на вражеских мародеров и захватывавшими почти без боев значительное число пленных.

4-й корпус покинул окрестности Суража, чтобы присоединиться к Наполеону, который после кровопролитных боев под Смоленском последовал за нашей армией по дороге на Москву. Генерал Винценгероде направился к Витебску, желая, насколько позволяли его силы, тревожить коммуникации противника.

Он выслал меня во главе 80 казаков к своему правому флангу в Городок, чтобы очистить этот край от французских мародеров, но главным образом для того, чтобы получить известия от корпуса графа Витгенштейна.

Генерал Винценгероде прибыл к воротам Витебска и навел страх на его гарнизон, поспешивший как можно быстрее притянуть со всех окрестностей свои караулы и фуражиров,

значительная часть которых попала в руки наших казаков; между тем в Городке я захватил врасплох вражескую партию и оттуда направился на Полоцк. В ходе этого марша, столь же смелого, сколь и хорошо спланированного, генерал Винценгероде взял более 800 пленных, из которых мне посчастливилось захватить 300.

Уже в это время дезорганизация и упадок дисциплины заметно проявились в разнородных войсках, составлявших гигантскую армию Наполеона, что могло бы стать предзнаменованием ожидавшей ее катастрофы.

Получив известия о новом направлении, принятом графом Барклаем де Толли, генерал Винценгероде, с целью приблизиться к нему, двинулся, по очищении всей этой местности, на Велиж, который неприятель был вынужден оставить вследствие нашего движения к Витебску. Через одного еврея генерал прислал мне приказ идти без остановок на присоединение к нему.

Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и приверженностью местных евреев, тем более похвальной, что они должны были опасаться мести со стороны французов и населения. Но, опасаясь еще больше возвращения польского правительства, при котором их подвергали всяческим несправедливостям и насилиям, они горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам, рискуя своей жизнью и даже своим имуществом.

Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были отбросами польской знати, дорого заплатили за свое желание выйти из-под влияния России. Их крестьяне сочли себя избавленными от ужасающего и унизительного рабства, под гнетом которого они пребывали благодаря скупости и распутству этих дворян. Почти во всех деревнях жители взбунтовались, разломали мебель в господских домах, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении

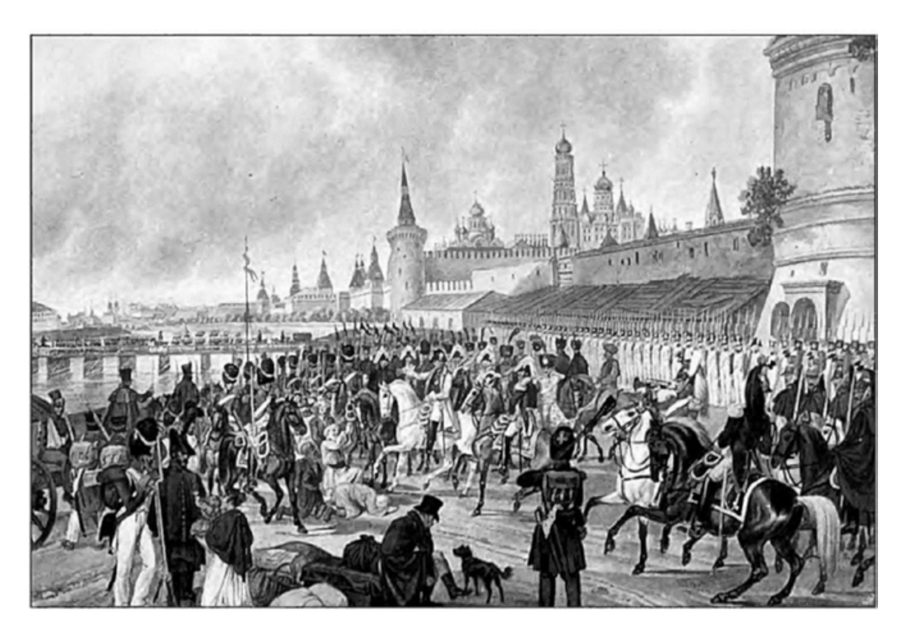
жилищ своих мелких тиранов столько же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты.

Французская стража, исходатайствованная этими дворянами для защиты от своих крестьян, еще более усилила бешенство народа, а жандармы оставались сторонними наблюдателями беспорядков, или не имели средств, чтобы им помешать.

За 36 часов я проделал путь в 124 версты и прибыл в Велиж в тот момент, когда генерал Винценгероде готовился оттуда выступить. Мы направились к большой дороге, идущей от Витебска через Поречье и Духовщину к Дорогобужу. Одна из наших партий, высланных в Поречье — маленький городок с чисто русским населением, была там столь храбро поддержана усердными и отважными жителями, что захватила более 150 пленных.

Так как мы находились в самом тылу французской армии, наши марши становились более трудными и часто останавливались неприятельскими партиями, которые со всех сторон наводняли здешний край, жгли и грабили деревни. Повсюду находили мы следы произведенных ими опустошений и святотатств, и везде мы спешили на помощь несчастным жителям. Их рвение, до прихода нашего отряда никем не руководимое, придавало им мужество, но в то же время, наводило ужас на места, удаленные от опасности.

Для устранения указанного неудобства и успокоения внутренних районов страны, наш отряд двинулся на Белый, уже покинутый своими жителями. Вид наших войск и пленных, количество которых увеличивалось на каждом переходе, произвел самое лучшее впечатление и придал смелости нескольким помещикам и нескольким исправникам, которые вооружили крестьян и начали организованно и умело действовать против общего врага.

Пожар Москвы в 1812

Сцен, происходивших в Белоруссии, более не случалось. Мы вступили в недра коренной России. Дворяне, священники, купцы, крестьяне — все были одушевлены одним духом, все объединились на борьбу и уничтожение дерзких чужеземцев, перешедших наши священные границы. Повсюду мы встречали только самое геройское самопожертвование, слепое повиновение и, что удивило нас самих, трогательную привязанность крестьян к своим господам.

В одной деревне, принадлежавшей княгине Голицыной, где при входе нам оказали отважное сопротивление несколько неприятельских мародеров, мы были вынуждены спешить драгун и выломать двери домов, откуда они в нас стреляли. Все они были убиты. Овладев деревней, мы напрасно искали ее жителей. Все избы были пусты, красивый и большой дом княгини был открыт со всех сторон и оставлен на разграбление и опустошение. Осмотрев этот дом, где остались нетронутыми только напольные часы, продолжавшие бить среди

разрушения, я отправился посмотреть сад и вошел в прекрасную оранжерею. В конце этой оранжереи я увидел нескольких крестьян; когда я подходил, один из них прицелился в меня; одно выразительное слово, которое я поспешил ему крикнуть, остановило его и заставило узнать во мне русского, который пришел украдкой посмотреть на то, что сделал враг в этой деревне. Восхищенные известием, что французы убиты, они вскоре собрали всех жителей деревни и доставили все необходимое для нас продовольствие и фураж для наших лошадей. Один из крестьян, обратившись от имени всех, попросил позволения утопить одну из женщин деревни. Удивленные этим предложением, мы пожелали узнать его причину. Они нам рассказали, что по отъезде княгини, не сделавшей никаких распоряжений, они сами вырыли ямы в погребе и, спрятав туда серебро и наиболее ценную утварь, заложили их камнями, и что женщина, смерти которой они добивались, имела низость показать эти ямы французам. Мы решили, что они не имеют права топить эту несчастную, но что когда она выздоровеет, они могут ее высечь.

Я заметил этим добрым крестьянам, что, возможно, женщину принудили к тому побоями, и был поражен изумлением, когда они мне отвечали, что ее действительно долго секли, и что она очень больна вследствие этого, но «разве это повод, чтобы предать интересы нашей хозяйки?»

На основании такого убедительного доказательства привязанности крепостных к своей госпоже, мы думали, что она должна была быть для них ангелом доброты, и наше уважение к этим храбрым крестьянам еще более возросло, когда мы узнали, что она была ими ненавидима.

Из Белого мы двинулись в Покров на Дорогобужской дороге, высылая партии в ближайшие окрестности и к разным пунктам большой дороги, ведущей из Смоленска в Москву.

Каждый верстовой столб, приближавший нас к этой столице, был огорчением для нас и для каждого солдата; удрученные скорбью мы отдавали наши губернии и их великодушных жителей на разорение неприятелю. Сколько проклятий снискал честный и храбрый генерал Барклай, который, отступая согласно мудрым указаниям Императора, принимал на себя ненависть народа и солдатский ропот. Эта прекрасная самоотверженность была во сто раз достойнее похвалы, чем все победы, которые впоследствии увенчают его лаврами и доставят ему титул князя и звание фельдмаршала. Пройдя от Покрова до Воскресенска и следуя постоянно в нескольких переходах позади фланга нашей армии, мы направились в Тесово, что между Гжатском и Сычевкой, причем по мере приближения к столице война принимала все более жестокий и разрушительный характер. Женщины, дети и домашний скот укрывались в лесах, между тем как крестьяне, вооруженные трофеями, добытыми у французов, спешили защищать свои храмы, поджигали свои дома и готовили пытки для тех несчастных, кто попадал к ним в руки.

Следуя постоянно в том же направлении, генерал Винценгероде прибыл в деревню Куршеву, расположенную на дороге, которая от Гжатска вела прямо в Зубцов. Наши партии продолжали тревожить неприятельских фуражиров, но действия их затруднялись по мере того, как мы вплотную приближались к дороге, по которой следовала основная масса французской армии.

Так прибыли мы в Сорочнево, что на дороге из Можайска в Волоколамск. Там генерал Винценгероде получил положительное известие о Бородинском сражении, о котором мы слышали уже от многих французов, блуждавших по деревням в поисках какой-нибудь пищи или убежища и приводимых к нам казаками. Это достопамятное сражение, стоившее России стольких храбрецов, навсегда поколебало

силу Наполеона. Его армия получила тогда первый деморализующий удар и впоследствии представляла лишь тень тех дисциплины и мужества, которые в течение стольких лет обеспечивали ему такое блистательное превосходство. При Бородине погибла часть старых банд, сформированных в период революционных войн, а грозная масса кавалерии была там почти уничтожена.

Россия потеряла в этот день князя Багратиона — рожденного для войны, генерала Тучкова, молодого генерала Кутайсова и множество отличных офицеров.

Генерал Винценгероде лично отправился за получением новых приказаний в главную квартиру фельдмаршала Кутузова. Этот полководец гласом народа был призван к командованию армиями и своими талантами и удачей оправдал выбор нации.

Генералу Барклаю, которого армия громко обвиняла в предательстве, был необходим преемник. Солдаты, больше не имея к нему доверенности, отдали ее слепо и с обычным в подобных чрезвычайных обстоятельствах энтузиазмом новому главнокомандующему, присланному им Императором. Генерал Барклай показал себя выше клеветы, он с ревностью исполнял роль подчиненного, после того как был начальником, и в Бородинском сражении сумел заслужить общее одобрение, подавая пример деятельности и самого неустрашимого мужества.

По возвращении из главной квартиры генерал Винценгероде велел своему отряду идти на Рузу. Мы прибыли под вечер к городу, который считали занятым лишь слабой неприятельской партией, и которым генерал хотел овладеть силою. Но в тот момент, когда полки уже двинулись в атаку, мы обнаружили правее города значительный лагерь и линию ведетов с сильными поддержками. Это заставило нас скрыть хвост нашей колонны и попытаться сначала добыть языка.

Несколько неприятельских кавалеристов, сбитых с коней нашими казаками, сообщили нам, что это был 4-й корпус французской армии под командованием вице-короля Италии, который после Бородинского сражения был отделен от армии Наполеона и должен был обеспечивать ее марш с левого фланга. Поскольку нас, таким образом, опередили на дороге из Рузы в Москву, генерал Винценгероде, заставив весь корпус вице-короля стать в ружье, всю ночь двигался кружными путями и прибыл с другой стороны от Рузы на Звенигородскую дорогу, чтобы противостоять неприятелю. Он тотчас послал свой рапорт фельдмаршалу, который, узнав о направлении, принятом 4-м корпусом, приказал одному егерскому полку, двум орудиям конной артиллерии и трем казачьим полкам усилить наш отряд.

Между тем неприятель, дезориентированный атакой, которую мы накануне произвели с тыла на его лагерь, в то время как ночь скрыла от него наше движение и численность наших сил, провел целый день в Рузе и лишь на следующий день решился выступить из нее.

Наши пикеты стояли в Воронцове, остальная часть отряда — в Велькине. Полк егерей и два орудия прибыли в Звенигород только поздно ночью, и генерал послал им приказ ожидать его там. Он поручил полковнику Иловайскому 12-му командование арьергардом на большой дороге и приказал мне с тремя вновь прибывшими казачьими полками облегчить его отступление, следуя вдоль возвышенностей, которые простирались влево от дороги при движении из Рузы на Звенигород. Сам он с драгунским полком отправился искать выгодную позицию для защиты подступов к Звенигороду.

Неприятель, имевший более 20 тысяч человек, начал разворачивать свои силы; мы — полковник Иловайский и я — отступили медленно и в порядке: мы соединились в виду Звенигорода с целью атаковать несколько кавалерийских

полков, которые немного отделились от главных сил своего корпуса. Эти полки были отброшены, но на помощь им подошла артиллерия и пехота, и наши казачьи полки, в свою очередь, были отведены назад. Полковник Иловайский вынужден был поспешно пройти дефиле, находившееся при входе в город, а я был сильно атакован в момент моего перехода по узкому мосту через маленькую речку, которая впадала в Москву-реку около монастыря. Я должен был спешить казаков, вооруженных ружьями, и таким образом с большим трудом отделался от преследования кавалерии. Генерал Винценгероде защищал вход в Звенигород и заставил французов понести большие потери; но так как его отряд вместе с обоими арьергардами не превышал 3 тысяч человек, он был вынужден уступить, и отошел на несколько верст от города. В конце дня он отступил до села Спасского на Московской дороге. Чтобы присоединиться к нему, мне пришлось сделать весьма большой обход, двигаясь всю ночь при печальном отблеске пожаров. Деревни, хлеба и стога сена — все становилось добычей пламени и уже предвещало французам ужасы голода, который вскоре должен был увеличить страдания, постигшие их во время гибели.

Не без труда весь наш отряд переправился через Москву-реку, где имелся только один паром, который был сожжен нами при приближении неприятеля, после чего мы продолжили наше отступление по направлению к Черепкову. Там генерал Винценгероде получил приказ фельдмаршала лично явиться в его главную квартиру под Москвой. Он вверил мне временное командование отрядом, и в ту же ночь я получил через начальника штаба приказ руководить операциями, не обращая внимания на двух генералов, находившихся при отряде, и направлять мои донесения непосредственно фельдмаршалу.

В это время в главной квартире фельдмаршала обсуждался большой и страшный вопрос о том, следует ли оставлять

Москву, эту древнюю, столько столетий чтимую столицу, чьи сияющие золотом соборы издревле служили усыпальницей нашим прежним царям и местом, где покоились святые мощи, которым поклонялся народ. Жители Москвы не могли представить себе, что враг может ворваться в нее, и вся армия требовала защищать этот оплот величия Империи.

Но как же рискованно было давать сражение на невыгодной позиции, имевшей в тылу огромный город, куда неприятель мог проникнуть с другой стороны, город, чья близость могла вызвать беспорядки, и который безусловно не оставлял возможности совершить отступление в надлежащем порядке.

С другой стороны, предстояло сражаться с еще сохранявшим численное превосходство противником, который стремился лишь к победе и видел перед своими глазами конец лишений — обеспеченный продовольствием город, чьи богатства и наслаждения предусмотрительный Наполеон обещал предоставить неистовству солдат.

Москву решили сдать — это решение оказалось настолько же трудным, насколько велика была потеря. Огромное народонаселение ее хлынуло из всех ворот, распространилось по всем губерниям, всюду принесло ужас и видом своих бедствий еще более увеличило исступление народа.

Неприятель, определивший накануне, в бою под Звенигородом, точную численность наших сил, более не обращал внимания на слабое сопротивление, которое я мог ему противопоставить, и продолжал свой марш, расчищая себе дорогу при помощи нескольких орудий, выдвинутых им в голову колонны.

Я получил из главной квартиры приказ продолжать свое движение по дороге от из Звенигорода в Москву и оборонять до последней крайности переправу через Москву-реку у Хорошева.

На рассвете неприятель начал движение и отбросил наши аванпосты. После того, как драгунский полк, егеря и два

орудия переправились по мосту, он был уничтожен, а казаки, которые могли перейти реку вброд, остались на той стороне, чтобы, насколько возможно, задержать продвижение противника. Им удалось опрокинуть на пехоту несколько полков французской кавалерии, которые слишком выдвинулись вперед, и захватить у них 20 пленных.

Тем временем прибыл весь 4-й корпус и, построившись в боевой порядок, казалось, ожидал сигнала для совместной атаки с главной армией Наполеона, к которой он почти примыкал.

В этот момент возвратился генерал Винценгероде; наша главная армия проходила через Москву, а он получил приказ двинуться со своим отрядом на дорогу, ведущую из Москвы во Владимир. Так как Наполеон уже вступал в Москву, пришлось тотчас начать наше отступление. Генерал отправил обратно к армии егерский полк. Изюмский гусарский и лейб-гвардии Казачий полки, отряженные накануне из авангарда генерала Милорадовича для проведения усиленной рекогносцировки на правом фланге расположения нашей армии, не могли уже пройти через Москву и присоединились к нашему отряду, а впоследствии получили приказ остаться в нем.

Мы прошли вдоль окраины Москвы до Ярославской заставы, не будучи преследуемы. Там мы остановились, чтобы прикрыть жителей столицы, бежавших от французов. Сердца даже самых нечувствительных солдат разрывались при виде ужасного зрелища тысяч этих несчастных, которые толкали друг друга, чтобы как можно быстрее выйти из города, где они оставили свои жилища, имущество и все свои надежды. Можно было сказать, что они прощались с Россией. В первый момент, когда мы услышали нестройный шум народа, который бежал, и неприятеля, вступавшего в Москву, нас охватил ужас, и мы отчаялись в спасении Империи.

К концу дня густой дым поднялся из середины города: он скоро распространился с другими облаками дыма, от которых потемнело небо, и которые скрыли от наших взоров Москву с ее тысячами церквей. Пламя с трудом прорывалось сквозь это темное облако: наконец, показался огонь и явил нам Москву, пылавшую на всем ее пространстве. Это пламенное море производило ужасный треск и далеко освещало отчаяние опечаленных жителей и отступление нашей армии.

В то же время этот огонь успокоил наши опасения: французская армия вступала в ад и не могла насладиться Москвой. Мысль эта утешала нас, и ночь, освещенная ценой разрушения нашей столицы, стала в большей мере роковой для Наполеона, чем для России.

Генерал Винценгероде, сознавая всю важность путей на Ярославль и Петербург, которые оказывались беззащитными в случае, если бы он исполнил полученный им приказ о переходе на Владимирскую дорогу, отправил к главнокомандующему курьера с тем, чтобы пояснить ему свои соображения и получить подтверждение приказа, прежде чем покинуть эти две дороги. В Ярославле только что разрешилась от бремени великая княгиня Екатерина Павловна, а Император и вся Императорская фамилия находились в Петербурге. Рано утром на следующий день французы, ставшие хозяевами пожарища Москвы, заняли Ярославскую заставу и двинулись вперед, что вынудило нас отступить до Тарасовки.

Там мы получили ответ фельдмаршала, в котором он вверял бдительности генерала Винценгероде охрану обеих дорог — на Ярославль и на Петербург. Тогда генерал, оставив казачьего полковника с двумя полками для прикрытия Ярославской дороги, приказал ему о всех движениях неприятеля извещать великую княгиню и стараться все время сохранять сообщение, с одной стороны — с Владимирской дорогой,

для обеспечения сношений с нашей главной армией, взявшей путь на Коломну, и с другой — с Петербургской дорогой, куда направился генерал Винценгероде с остальной частью своего отряда.

Мы прошли через Виноградово и прибыли в Чашниково, лежащее на большой дороге из Москвы в Петербург. Полковник Иловайский 12-й остался там с авангардом, а остальная часть отряда стала биваком у Печковской. 4-й корпус выдвинулся на большую дорогу, и его аванпосты находились в окрестностях Черной Грязи; другие французские войска бивакировали на равнине у Петровского дворца. Пожар Москвы уничтожил большую часть продовольственных запасов, которые Наполеон надеялся в ней найти; беспорядки и грабежи, начавшиеся в его армии вследствие этого ужасного пожара, лишили ее последних ресурсов, которые

Ф. Ф. Винцингероде

она еще могла извлечь. Неприятель был вынужден искать продовольствие в окрестностях столицы; он всюду вносил беспорядок и грабеж и сам уничтожал то, что могло облегчить его существование. Скоро окрестности города превратились в пустыню; надо было уходить на поиски все дальше, распыляя свои силы, и тогда-то началась для французов та губительная война, которую казаки вели с такою деятельностью и искусством.

Полковник Иловайский получил приказ высылать по всем направлениям партии для захвата неприятельских фуражиров. С каждым днем отвага и бдительность казаков возрастали, а моральный дух и сопротивление французов ослабевали. Майор Прендель был отряжен с партией к Звенигороду, где ему усердно помогали вооружившиеся уже крестьяне, и где он увеличил количество пленных, которых со всех сторон доставляли к генералу.

Между тем неприятель, встревоженный постоянными потерями, которые он нес, и лишенный возможности добывать себе необходимое продовольствие и фураж, двинулся вперед значительными силами. Наш авангард должен был уступить ему, и генерал Винценгероде, из-за слабости своего отряда оказавшийся не в состоянии препятствовать движению противника, был вынужден отступить до Клина. Получив известие, что в это же время неприятельская колонна двигается на Волоколамск, он направил меня туда с гвардейскими казаками и одним казачьим полком. Два эскадрона Тверского ополчения присоединились к этому небольшому отряду и своим усердием и храбростью соперничали с испытанными войсками.

Одновременно неприятель стал продвигаться по Ярославской дороге и вынудил к отступлению два казачьих полка, оставленных для ее охраны. Он выслал также колонну

на Дмитров и, на несколько дней парализовав этим наступательным движением набеги наших партий, прикрыл своих фуражиров.

Я быстро двинулся на Волоколамск, откуда неприятель поспешно выступил. Я преследовал его по дороге, ведущей в Можайск, и продвинулся вперед до Сорочнева. Там я разделил свой отряд на 4 части и указал каждой из них направление движения, назначив им встречу следующей ночью в Грибове.

Множество крестьян последовали за этими маленькими отрядами, которые на следующий вечер благополучно соединились и привели с собой более 800 пленных, много повозок, лошадей и скота и даже несчастных женщин, которые со своими детьми последовали за французской армией из всех частей Европы.

Генерал Винценгероде, вынужденный оставаться в Клину, имея перед собой значительные силы, и наблюдать Дмитров, находившийся у него на фланге, приказал мне не слишком удаляться от Волоколамска и избрать местом постоянного пребывания Порохово, откуда я должен был лишь высылать партии, чтобы беспокоить неприятеля.

Полковник Иловайский, продолжавший командовать авангардом на большой Московской дороге, имел несколько удачных дел, его партии снова начали захватывать неприятельские разъезды и фуражиров. Редкий день проходил без того, чтобы ими не были взяты две-три сотни пленных, а иногда и больше. Мои партии были не менее удачливы и нападали врасплох на французов в окрестностях Рузы, Звенигорода и на большой дороге из Смоленска в Москву, где они захватывали почту и курьеров.

Мой брат, бывший поверенным в делах в Неаполе, возвратился в Россию в тот момент, когда Наполеон, как при новом крестовом походе, ополчил всю Европу против нашей

Империи. Он счел своим долгом дворянина просить о поступлении на военную службу. Император соблаговолил принять его майором и назначить к генералу Винценгероде, который прислал его ко мне вместе с подкреплением из казаков. Я был приятно удивлен при виде его и поспешил предоставить ему возможность получить боевое крещение. Он начал с того, что атаковал внезапно на большой дороге из Москвы в Смоленск неприятельскую кавалерийскую партию, которую он обратил в бегство, и привел из нее более 100 пленных и курьера, везшего очень интересные депеши, из коих мы узнали, в каком плачевном состоянии находится французская армия.

Мой лагерь имел вид воровского притона; он был переполнен крестьянами, вооруженными самым разнообразным оружием, отбитым у неприятеля. Каски, кирасы, кивера и даже мундиры различных родов оружия и наций причудливым образом смешивались с бородами и крестьянской одеждой. Множество людей, занимавшихся темными делами, являлись беспрерывно торговать добычу, ежедневно доставлявшуюся в лагерь. Там постоянно встречались солдаты, офицеры, женщины и дети всех объединившихся против нас наций. Новые экипажи всевозможных видов, награбленные в Москве; всякие товары, начиная от драгоценных камней, шалей и кружев, и кончая бакалейными товарами и старыми сворками для собак. Французы, закутанные в атласные мантильи, и крестьяне, наряженные в бархатные фраки или в старинные вышитые камзолы. Золото и серебро в этом лагере обращалось в таком изобилии, что казаки, которые могли только в подушки своих седел прятать свое богатство, платили тройную и более цену при размене их на ассигнации. Крестьяне, следовавшие всюду за казачьими партиями и бдительно несшие аванпостную службу, забирали себе основную долю всей добычи, скот, плохих лошадей, повозки,

оружие и одежду пленных. Лишь с величайшим трудом удавалось спасать жизнь последних — страшась жестокости крестьян, они отдавались под покровительство казаков. Часто бывало невозможно уберечь их от ярости крестьян, побуждаемых к мщению обращением в пепел их жилищ и осквернением их церквей. Самым жестоким в этих жутких сценах являлась необходимость делать вид, что их одобряешь, и хвалить то, от чего волосы на голове вставали дыбом. Тем не менее, при этой неурядице и среди отчаяния, когда, казалось, Бог покинул нас, и наступила власть демона, нельзя было не заметить характерных и добродетельных черт, которые, к чести человечества и к славе нашей нации, придавали этой уродливой картине возвышенные оттенки. Никогда еще русский крестьянин не проявлял большей привязанности к своей религии и к своему отечеству, большей преданности Императору и повиновения законам.

На основании ложных доносов и низкой клеветы, я получил приказ разоружать крестьян и расстреливать тех, кто будет уличен в бунте. Удивленный этим приказом, столь противоречащим великодушному и покорному поведению крестьян, я отвечал, что не могу обезоружить те руки, которые сам вооружил, и которые служат делу уничтожения врагов отечества, и не могу назвать бунтовщиками тех, кто жертвует жизнью для защиты своих храмов, своей независимости, своих жен и домашних очагов, но звание изменника принадлежит тем, кто в такой священный для России момент осмеливается клеветать на самых ревностных и чистых ее защитников. Этот ответ произвел большое впечатление, успокоил опасения, которые старались внушить Императору, и, возможно, навлек на меня вражду некоторых интриганов в Петербурге.

Тем временем Наполеон начал замечать опасность своего положения; он рассчитывал на мир, а ему отказывали во всех

переговорах. Приближалась зима: голод и недостаток всех предметов, необходимых для обмундирования и пополнения боеприпасов, увеличивались. Коммуникации были перерезаны многочисленными партиями, которые всюду подстерегали транспорты и разбивали конвои. Раненые покидались, начали обнаруживаться разные болезни; пренебрежение дисциплиной возрастало вследствие необходимости каждому заботиться о собственном пропитании. Упадок духа, опасения и ропот овладели, наконец, этой армией, привыкшей к быстрым успехам и зажиточности Германии и Италии. Наша армия пополнялась из всех губерний Империи, продовольствие притекало к ней в изобилии, доверие и энтузиазм поддерживались твердостью Императора и вдохновлялись множеством мелких боев, результаты которых были всегда в нашу пользу. Армия, которую мир с Турцией отдал в распоряжение Императора, превосходила австрийскую армию, состоявшую под командованием князя Шварценберга, и угрожала отрезать Наполеону путь отступления. Император, полностью уверенный в добрых намерениях шведского наследного принца Бернадота и полагавшийся на союз с ним, оголил Финляндию и отправил генерала Штейнгеля с его войсками на подкрепление слабой армии графа Витгенштейна. Ополчения были сформированы и выдвигались со всех сторон. Наконец, фельдмаршал Кутузов поручил генералу Беннигсену атаковать французский авангард под командованием принца Мюрата. Последний был застигнут врасплох при Тарутине и почти уничтожен. Тогда Наполеон увидел, что нельзя больше терять времени и что малейшее промедление может похоронить его со всей армией в развалинах Москвы. Он приготовился к отступлению. Приходилось покинуть столицу России, совершив славный подвиг — решиться бежать от самого удивительного предела своих побед, разрушить мощное влияние, произведенное этим завоеванием

на общественное мнение, уничтожить в своей армии веру в его неизменное счастье, и показать удивленной и готовой стряхнуть иго Европе свою слабость и силу России.

Чтобы скрыть эту настоятельную и ужасную необходимость, 4-й корпус, находившийся все время на Петербургской дороге, двинулся вперед. Генерал Винценгероде приказал мне возвратиться в Клин, оставив один только пост в Волоколамске. Сам он выступил с драгунами, несколькими эскадронами гусар и казачьим полком, чтобы напасть врасплох на неприятельский отряд, занимавший Дмитров. В то же время полковник Иловайский получил приказ атаковать французские аванпосты на Московской дороге. Неприятель неожиданно покинул Дмитров и отступил на всех пунктах. На него наседали самым настойчивым образом, и, постепенно уступая территорию, он был преследуем до самых стен Москвы. Генерал Винценгероде лично двинулся в атаку с казачьими полками, которые, будучи ободрены ежедневными успехами и сидя на конях настолько же хорошо кормленных, насколько были плохо кормлены неприятельские лошади, опрокинули в улицы Москвы 3 кавалерийских полка, принявших удар. Казаки многих перебили и взяли более 400 пленных.

Великая армия Наполеона покинула Москву, и генерал получил несомненное известие, что оставленный в Кремле гарнизон тоже готовился очистить его и закладывал мины под его древние стены, чтобы оставить после себя самый разрушительный и кощунственный след.

Желая спасти Кремль, генерал лично направился к нашим аванпостам, которые уже проникли в город и находились в виду французского караула, поставленного возле дома губернатора. Генерал приблизился к нему, подавая знак своим платком, и не захотел, чтобы кто-нибудь за ним следовал. Офицер принял его, как парламентера, и собирался уведомить о нем маршала Бертье, бывшего в Кремле, когда пьяный

французский гусар бросился на генерала и увел его в плен. Наши казаки находились слишком далеко, чтобы подать ему помощь, а молодой Нарышкин, кинувшийся один, чтобы разделить участь своего начальника, объявил его имя и звание и был также уведен в плен.

Я получил ночью это неожиданное известие и поспешил на аванпосты. Тотчас же я выслал трубача с письмом, чтобы предупредить, что французские генералы, находившиеся в нашей власти, отвечают своей жизнью за малейшую неприятность, которая может случиться с генералом Винценгероде. В два часа утра ужасный взрыв, сопровождаемый вспышками света, возвестил нам о разрушении Кремля и об освобождении Москвы.

* * *

10 октября 1812 г. мы вступили в эту древнюю столицу, которая еще вся окутана дымом. Едва могли мы проложить себе дорогу через трупы людей и животных. Развалины и пепел загромождали все улицы; одни только разграбленные и совершенно почерневшие от дыма церкви служили печальными ориентирами среди этого необъятного опустошения. Заблудившиеся французы бродили по Москве и становились жертвами толпы крестьян, которые со всех сторон стекались в этот несчастный город.

Моей первой заботой было поспешить в Кремль, в эту метрополию Империи. Огромная толпа народа стремилась туда проникнуть: потребовались неоднократные усилия казаков лейб-гвардии Казачьего полка, чтобы оттеснить ее и защитить доступы, образовавшиеся вокруг Кремля в результате обрушения стен. Вместе с одним офицером я вступил в собор, который видел только во время коронации Императора блистающим роскошью и наполненным первыми сановниками Империи. Я был охвачен ужасом, найдя

теперь этот почитаемый храм, который пощадило даже пламя, перевернутым вверх дном безбожием разнузданной солдатни, и убедился, что состояние, в котором он находился, необходимо было скрыть от взоров народа.

Мощи святых были изуродованы, их гробницы наполнены нечистотами; украшения с гробниц сорваны. Образа, украшавшие церковь, были перепачканы и разорваны. Все, что могло возбудить или ввести в заблуждение алчность солдата, было украдено, алтарь опрокинут, вино из бочек вылито на священный пол, а людские и конские трупы наполняли своим зловонием церковные своды, которым полагалось благоухать ладаном. Я поспешил наложить свою печать на дверь и защитить вход в собор сильным караулом. Весь остальной Кремль сделался добычей пламени или был потрясен взрывом мин; арсенал, колокольня Ивана Великого, башни и стены превратились в груды камней. Большое здание Воспитательного Дома привлекло мое внимание; несколько сотен детей, застигнутых вступлением неприятеля, умирали от голода; множество женщин и раненных русских, которые не могли спастись бегством, нашли в нем убежище, и там же были оставлены несколько тысяч больных французов. Все просили хлеба, а опустошение окрестностей Москвы не позволяло удовлетворить немедленно такую насущную потребность. Коридоры и дворы этого огромного здания были наполнены мертвыми — жертвами нищеты, болезней и страха.

Другие большие здания были завалены русскими ранеными, спасшимися от пожара и едва поддерживавшими существование; без помощи, без пищи, окруженные трупами, они ожидали конца своих страданий.

Неприятель, очищая Москву, предал огню все, что еще оставалось от этого несчастного города; у нас не было никаких средств потушить пожары, которые всюду увеличивали

беспорядок и бедствия; крестьяне толпою бросались грабить и захватывать соляные склады, казну с медными деньгами и винные погреба. Весь наш отряд, как бы затерявшийся в огромном пространстве Москвы, едва был достаточен для того, чтобы сдерживать эту чернь, вооруженную добытым у неприятеля оружием. Только на третий день мы смогли немного отдохнуть и почувствовать себя в безопасности посреди этого беспорядка. Прибыли обозы с продовольствием, и целые толпы населения вернулись в город, чтобы отыскать среди пепла следы принадлежавших им домов и, не сожалея о своих потерях, возблагодарить Бога за освобождение Москвы.

После генерала Винценгероде самым старшим по производству оставался генерал Иловайский 4-й, но, будучи неспособен к командованию, он все доверил мне, и я поспешил сообщить Императору о необходимости прислать нам нового начальника.

Начальником этим был назначен генерал Кутузов. Вместе с ним прибыла также московская полиция, и мы смогли покинуть этот печальный и несчастный город, чтобы принять участие в преследовании французской армии. Из 13 800 дворцов и домов, имевшихся ранее в Москве, только 1500 уцелели от пожара.

* * *

Армия Наполеона, вынужденная маневрами фельдмаршала Кутузова и кровавыми боями под Малоярославцем отступать по той же дороге, которая была совершенно опустошена во время ее наступательного марша, испытывала полный недостаток продовольствия. Упадок дисциплины и духа ускорил это отступление и скоро превратил его в постыдное бегство. Тревожимая со всех сторон, французская

армия ежедневно теряла обозные повозки, пушки и значительное число солдат. Наши казаки и крестьяне днем и ночью окружали ее во время марша и остановок на биваках, истребляли фуражиров и захватывали все продовольственные средства.

Казалось, наконец, что само небо решило отомстить за Россию; поднялся ужасный ветер и принес 25-градусный мороз. Неприятельские лошади, не подкованные на зимние шипы и изнемогающие от усталости, падали одна за другой и оставляли в наших руках обозы, парки и артиллерию; вся добыча, взятая в Москве, досталась казакам. Несчастные французы, оборванные, голодные, застигнутые врасплох стужей, уже почти не сражались и погибали от лишений, дорожная грязь была усеяна трупами и умирающими, и не было им числа. Мучительный голод превратил их прежде смерти в скелеты, и эти обезображенные тени тащились друг за другом, высматривая, где бы поесть падали или отогреть свои полузамерзшие тела. Длинный след в виде трупов, окоченевших от холода, обозначал путь и страдания этой армии Европы.

В Духовщине мы встретили корпус вице-короля Италии, который, потеряв всю свою артиллерию и обозы, тянулся к Смоленску, где он соединился с Великой армией. Между тем граф Витгенштейн взял штурмом Полоцк, а адмирал Чичагов наступал к Минску. Не было сомнений, что если бы фельдмаршал Кутузов ускорил преследование и ежедневно вел серьезные бои силами регулярных войск, вместо того, чтобы возложить эту задачу на алчных казаков, армия Наполеона растаяла бы еще до вступления ее в Смоленск.

В Смоленске она нашла некоторое количество продовольствия и продолжала свой марш на Красный. Часть нашей армии опередила движение неприятеля; с нашей стороны

бой велся там вяло, и французы, вынужденные всем рисковать, чтобы проложить себе дорогу, потеряли только двадцать тысяч человек, как убитыми, так и пленными.

Адмирал Чичагов, предупрежденный о приближении Наполеона, овладел трудной переправой через Березину. Граф Витгенштейн направился туда, гоня перед собой противостоявший ему неприятельский корпус. Если бы наша главная армия преследовала бегущего неприятеля неотступно и безостановочно, как и должно это делать, то ни Наполеон, ни один человек из его армии не смогли бы ускользнуть. Но адмирал, очень плохой полководец, допустил разбить свой авангард и сам едва не оказался застигнутым врасплох в Борисове. Граф Витгенштейн прибыл только тогда, когда французы уже навели мост, а наша главная армия маневрировала, вместо того, чтобы быть там и нанести последний удар.

Однако большие трудности при наведении моста, несколько пушечных выстрелов и в особенности страх, овладевший французской армией, заставили ее дорого заплатить за эту переправу. Вся уцелевшая артиллерия, обозы, несчастные женщины и дети, следовавшие за армией, исчезли подо льдом Березины или были брошены на ее берегах. Несколько тысяч раненых, больных и выбившихся из сил солдат погибли в окрестностях этого моста и увековечили эту переправу всеми бедствиями и ужасами, которые только могут постигнуть человечество.

После переправы Наполеон в санях уехал вперед, сопровождаемый только несколькими доверенными лицами. Он не остановился в Вильне и бежал за тот самый Неман, который он с таким высокомерием перешел несколько месяцев назад, затем пересек Германию и сам привез в Париж известие о своих поражениях. Слабые остатки его огромной

армии продолжали отступление до Вильны. Наша армия попрежнему плохо их преследовала. Вынужденные очистить Вильну, немногие, сохранявшие еще сомкнутость части, исчезли. Не получая приказов и не помышляя о каком бы то ни было сопротивлении, каждый человек в этой пестрой армии бежал, куда хотел, стремясь скорее достигнуть границы России. Несколько казачьих партий преследовали их и захватили огромное количество пленных. Если бы нашему отряду позволили сразу же перейти через Неман и преследовать бегущих в Пруссии, то почти все маршалы, генералы и офицеры были бы взяты в плен. Вместо того, они имели время прибыть в Кёнигсберг, где при помощи денег получили от немцев все, что им было необходимо.

Несмотря на это, число неприятеля, переправившегося через Неман, не превышало 30 тысяч человек. Таким образом, эта 6-месячная война стоила Европе более 400 тысяч человек, элиты ее населения, принесенных в жертву слепому честолюбию Бонапарта. Император разместил свою главную квартиру в Вильне и явился туда, чтобы собрать свою армию и расточать милости.

* * *

Наш отряд ожидал в Юрбурге приказа перейти границу. Он был первым, кто преодолел эту преграду, которую могущество Наполеона хотело навсегда поставить России. Наполеон утверждал, что спокойствие Европы требовало, чтобы этот народ Севера был вытеснен в наиболее суровые его области.

Мы направились к Тильзиту. Полковник Теттенборн и мой брат, командовавший нашим авангардом, опрокинули несколько эскадронов прусских гусар, пожелавших защищать вход в город. Жители приняли нас там с радостью

и энтузиазмом, которые показали нам добрые чувства, одушевлявшие пруссаков, и предвещали наши легкие победы. Тильзит был местом унижения России и уничтожения Пруссии; он первым увидел посрамление Наполеона, славу России и надежды Пруссии.

Макдональд все еще находился в Курляндии, и его корпус, состоявший из 10 тысяч французов и 12 тысяч пруссаков, один избежал общего уничтожения.

Генерал Дибич был отряжен от корпуса графа Витгенштейна, чтобы затруднить его (Макдональда) отступление и в особенности с целью побудить прусского генерала Йорка отделиться от французов. Два батальона егерей и два орудия усилили наш отряд, который получил приказ приостановить, насколько возможно, движение неприятеля. Но последний так хорошо скрыл свой марш и так быстро двинулся на Тильзит, что егеря и два орудия были атакованы ранее, чем их прикрыли аванпостами, и остались во власти неприятеля. Мы были вынуждены уступить город. Между тем генерал Дибич преуспел в своих переговорах; пруссаки оставили французов и, согласно предварительному договору, расположились по квартирам в окрестностях Тильзита, где они соблюдали полный нейтралитет.

При этих обстоятельствах мы совершили ряд ошибок. Русский корпус, противостоявший в Курляндии генералу Макдональду, вместо того, чтобы следовать за ним по пятам, тратил время на занятие никем не обороняемого Мемеля. Граф Витгенштейн, вместо того, чтобы ускорить марш со всем своим корпусом, удовлетворился высылкой нам вышеуказанных двух жалких батальонов, которые мы тотчас умудрились потерять, а генерал Шепелев, неудачно выбранный для того, чтобы с другим отрядом упредить неприятеля на дороге в Кёнигсберг, дал ему свободно пройти, выпивая за славу нашего оружия.

Макдональд, по нашей милости, благополучно прибыл в Кёнигсберг, и его слабый, но сохранивший порядок корпус, послужил там сборным пунктом для всех беглецов, вышедших из России, и сделался ядром новой армии.

Всем хотелось перейти границу, и множество отрядов под командой разных начальников и без общего руководства, хлынув со всех сторон, наводнили этот район Пруссии и ровно ничего не сделали.

Французы, под командованием принца Мюрата, успели вывезти из Кёнигсберга все необходимое, отправить своих больных в Данциг и, наконец, выйти из этого города и почти без помех переправиться через Вислу.

Полдюжины генералов овладели очищенным Кёнигсбергом и приписали себе честь этой победы. Наконец, прибыл граф Витгенштейн и положил конец беспорядочным действиям.

Сам Император перешел границы своей Империи. Значительный корпус двинулся на Варшаву, и вторая кампания должна была начаться в Германии при самых счастливых предзнаменованиях.

Польша, лишившаяся своей опоры, могла рассчитывать только на великодушное милосердие Императора. Слабые остатки ее армии, находившиеся под командованием князя Понятовского, получили позволение покинуть их отечество.

Вся Германия желала успеха нашему оружию и простирала к нам навстречу руки, готовые сбросить оковы. Пруссия решительно и смело готовилась присоединить свои войска к нашим, Австрия радовалась неудачам Наполеона, и выжидала еще несколько более благоприятного случая, чтобы выступить против него. Швеция вооружалась, чтобы принять участие в этой последней схватке, и весь мир обратил свои восхищенные взоры на энергию России и на величественную сдержанность ее могущественного государя.

1813

Наша армия не имела возможности отдохнуть и безостановочно шла вперед, из-за чего потеряла много людей, которые не могли двигаться столь же стремительно. Она сократилась вследствие значительного некомплекта в численном составе, лошади были измучены. Необходимо было некоторое время для того, чтобы реорганизовать войска и приготовиться к новой компании, которая должна была основываться на порядке и более суровой дисциплине, — единственной возможности завоевать доверие жителей Германии. Наша армия двигалась теперь очень медленно, и политика должна была прийти на помощь военным действиям.

Король Пруссии был раздражен капитуляцией войск генерала Йорка, он отменил его приказ, и только решительная поддержка этого шага общественным мнением страны спасла генерала. Мало-помалу, король стал сближаться с Императором, стремясь искупить позор поражения под Йеной, Пруссия начала готовить свои силы, собирать армию и тем самым подавать достойный пример всей Германии.

Вице-король Италии, сменивший короля Неаполитанского в командовании французской армией, продолжал отступление к Одеру. Для преследования неприятеля адмирал Чичагов отрядил графа Воронцова от своего армейского корпуса; генерал Винценгероде, счастливо освобожденный из плена казаками, образовал из легких войск авангард нашей главной армии; граф Витгенштейн собрал три небольших отряда с целью постоянно тревожить ими отступающую армию вице-короля. Командование этими отрядами было поручено генералу Чернышеву, полковнику Теттенборну и мне.

Граф Воронцов со своей обычной энергией безостановочно преследовал неприятеля, а генерал Винценгероде одержал легкую победу под Калишем над неприятельским отрядом генерала Рейнье.

Наша главная армия заняла Калиш и Позен, начала осаду Торна и других польских крепостей; граф Сивере взял Пиллау; мы были на подступах к Данцигу. Генерал Чернышев переправился через Одер, за ним последовал полковник Теттенборн; мой брат, состоявший под его командой, атаковал под Врииценом баварский батальон, который был вынужден сдаться. Я сам, принудив к сложению оружия гарнизон Кюстрина, частично по льду, частично на плотах, также пересек эту реку. Позиция французской армии простиралась от Франкфурта-на-Одере, через Фюрстенвальде и Кёпеник, до Берлина.

Чернышев и Теттенборн направились к этой столице, чтобы тревожить ее гарнизон, а я пошел к Мюнхебергу. Там я оставил половину своих людей полковнику Сухтелену, назначенному обследовать большую Берлинскую дорогу, сам же я стремился разведать дорогу на Франкфурт, и на следующий день мы вновь соединились в Мюнхеберге. У меня было всего 180 гусар, 150 драгун и 700–800 казаков.

В некотором расстоянии от Мюнхеберга мы обнаружили неприятеля, стоящего в боевом порядке на огромной равнине, в количестве более тысячи всадников. Я немедленно направил гусар занять позицию в засаде за небольшим лесочком и, сформировав из драгун резерв, приказал казакам атаковать с фронта. Казаки были быстро отброшены элитным эскадроном, который, преследуя их, оторвался от полка, был окружен, а его кавалеристы изрублены или взяты в плен. Ослабленный этим уроном, неприятель продолжал защищаться только ружейным огнем, что предвещало потерю всей кавалерии, прибегающей к помощи этого оружия.

Казаки становились все более дерзкими, и, в конце концов, после получасового боя неприятель начал отступление полуэскадронами. Каждый такой маневр увеличивал беспорядок в его рядах и позволял казакам приблизиться.

Наконец, гусары стремительно обрушились на задний эшелон неприятеля, и бой был выигран. Нам оставалось только преследовать врага; 38 офицеров и 750 солдат были взяты в плен, остальные убиты; все лошади и экипажи стали богатой добычей казаков, наши потери составили 16–17 человек убитыми и ранеными.

Оказалось, что этим войском был недавно сформированный 4-й итальянский конно-егерский полк, который только что прибыл из Италии и являлся единственной кавалерией, на которую в тот момент могла рассчитывать французская армия. Те немногие люди, кому удалось спастись, были преследованы нами до пункта в нескольких верстах от Франкфурта. Сильная схватка произошла в Темпельберге, селении, принадлежавшем князю Харденбергу. Я знал, что эта деревня должна была сильно пострадать от беспорядков, сопровождающих кавалерийское столкновение. С целью избежать неблагоприятного для нас впечатления, которое эта новость должна была бы вызвать у этого министра, способного повлиять в данный момент на решения короля, к союзу с которым мы стремились, я распорядился срочно раздать крестьянам 60 захваченных лошадей. Это с избытком покрыло понесенные ими убытки, и они осыпали нас благодарностями.

Ночью ко мне присоединился полковник Сухтелен, и я отправил своих пленных с большим конвоем на другую сторону Одера, посчитав, что окружен неприятелем. На следующий день я получил хорошую новость о том, что французы ушли из Франкфурта. Я поспешил направить офицера с 15 казаками, чтобы сообщить это известие графу Воронцову, приближавшемуся к этому городу по другую сторону реки.

Я сам двигался всю ночь с тем, чтобы на заре оказаться перед Фюрстенвальде в тот самый момент, когда с другой стороны появится казачий полк, которому я приказал выполнить этот маневр. Барабанщик с несколькими людьми

вошли в соседний с городом лесок и создали представление о нахождении там пехоты, а несколько обозных повозок, поставленных на возвышенности, заставили противника думать, что это артиллерия. Я направил полковника Сухтелена к французскому коменданту, и тот любезно сдал нам город, который должен был защищать, и который у меня не было ни малейших шансов взять силой. Он выступил из города с 2 тысячами человек итальянской гвардии, чтобы присоединиться к армии вице-короля в Кёпусе, и открыл тем самым позицию французской армии, в которой центром был Фюрстенвальде.

Вернувшись вечером с бала, который город дал в нашу честь, я нашел у себя французского офицера, который был задержан у наших аванпостов. Он направлялся к вице-королю с донесением о кавалерийском бое, данном мне третьего дня; из этой реляции узнал я, что полк конных егерей насчитывал 1200 человек, и что удалось спастись только полковнику, его адъютанту и 33 солдатам. Однако этот офицер сообщил мне, что Франкфурт снова был занят тем же корпусом, который его недавно оставил, и что мой офицер и 15 казаков, направленные туда, оказались там застигнуты врасплох в своих постелях.

Я был очень рассержен этим событием, вернул свободу французскому офицеру, попросив его потребовать у его генерала освободить моего офицера, и предложить ему обмен казаков. Я лично последовал за этим офицером, и на следующий день рано утром находился перед Франкфуртом. Мой плененный офицер прибыл мне навстречу и привез очень любезное письмо французского генерала. Я потребовал от него сдать мне город, но он, в качестве ответа, показал моему посланцу 4 тысячи человек прекрасной пехоты.

Дав отдохнуть лошадям, я покинул это место и направился по большой дороге на Берлин. Я провел свое небольшое

войско мимо стен города таким образом, что во время марша нас никто не потревожил, и остановился в Марцане, на дороге к Врицену, откуда наладил связь с отрядами генерала Чернышева и полковника Теттенборна, который уже доставил беспокойство противнику и чьи партизаны даже начали атаковать Берлин.

Берлинцы ожидали нас с нетерпением и энтузиазмом. Французы же, которым угрожали жители и которых беспокоили наши партии, обещали магистрату уйти из города при первых известиях о приближении какого-либо пехотного корпуса. Извещенный об этом решении, граф Витгенштейн срочно послал приказ князю Репнину, командующему его авангардом, ускоренно двигаться вперед, чтобы форсировать Одер.

Как только наша пехота начала переправу, французы приготовились выполнить свое обещание. От нашего бывшего посла господина Алопеуса я узнал радостную новость и получил просьбу, во избежание беспорядков, не входить в город до тех пор, пока прусский комендант сам не выйдет нам навстречу.

Наконец, в назначенный день нашим трем небольшим отрядам была оказана честь, каждому со своей стороны войти в столицу Пруссии. Нас встречали как освободителей королевства, с радостью и самыми единодушными и бурными приветственными возгласами. Трудно составить себе представление об этом вступлении в город, ставшем настоящим триумфом нашего оружия и торжественной гарантией славы, которая вскоре покроет прусские знамена.

Этот день был самой блестящей компенсацией за тяготы и бои, которые столь быстро привели нас от Москвы в центр Германии. В течение 36 часов мы пользовались радушием и удовольствиями города, а затем вернулись к своему ремеслу

преследователей: Теттенборн направился к Гамбургу, Чернышев — к Магдебургу, а я — к Дрездену.

* * *

Через несколько дней в Берлин вошел граф Витгенштейн, и началась осада Шпандау. Король Пруссии, наконец, определенно высказался против Наполеона, его войска с обозами присоединились к нашим, вся Пруссия с энтузиазмом выполняла волю своего государя.

Основные силы противника начали отходить к Виттенбергу, я следовал за ними по пятам. Генерал Дибич, для которого также сформировали небольшой отряд, делал одно дело со мной; в Ютербоке мы вступили на саксонскую территорию. Оказанный нам там прием совершенно отличался от того, который мы видели повсюду в Пруссии. Двери и ставни домов закрывались при нашем приближении, и потребовались необычайные усилия для того, чтобы успокоить жителей и убедить их, что мы не желаем им зла.

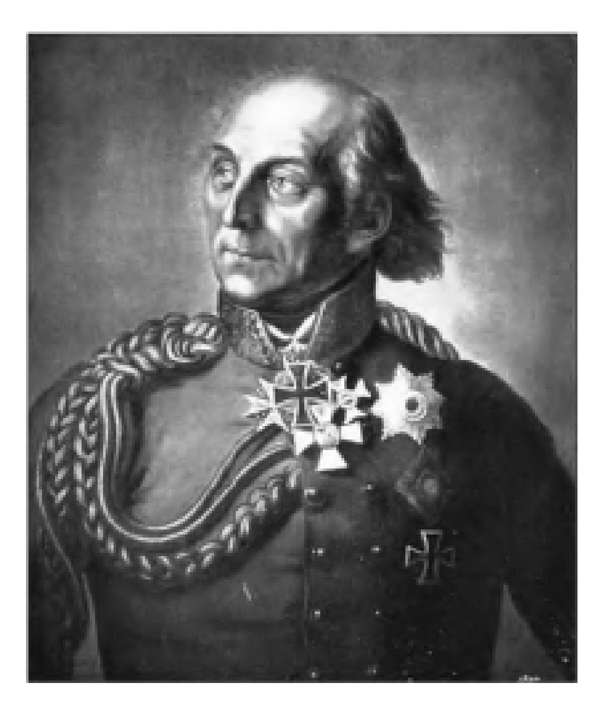
В доказательство я освободил саксонского полковника и нескольких драгун, которых казаки захватили у наших аванпостов. Следует признать, что в Саксонии общественное мнение было настроено против французов куда меньше, чем в остальной Германии. Мудрое и заботливое правление короля привлекло всех на его сторону, а он еще не отступил от союза с Наполеоном. Его подданные не считали возможным, в отличие от пруссаков, влиять на решения правительства.

Генерал Дибич, возглавлявший наш авангард, уверил меня, что противник твердо держится в Зехаузене, небольшом селении неподалеку от Ютербока. Я поспешил присоединиться к нему со всеми своими людьми и окружить деревню. Оживленный артиллерийский огонь, направленный против нас, вынудил нас выставить вперед наши два орудия конной

артиллерии с целью поджечь деревню, что нам вскоре удалось. Меньше, чем через четверть часа, противник, окруженный пламенем пожаров, был вынужден отвести свои орудия и защищать стены селения одной лишь ружейной пальбой. К концу дня мы сформировали три колонны: одну пешую, составленную из казачьего полка Мельникова 4-го, вторую — из полка ямщиков Московской дороги под командованием полковника Сухтелена, и третью — из 200 гусар и двух казачьих полков под руководством генерала Дибича. Атака была яростной, но неприятель, забаррикадировав все улицы, защищался настолько отчаянно, что я был вынужден скомандовать отступление. Генерал Дибич потерял много людей, полковник Сухтелен был ранен, полковник Мельников тоже, много офицеров было убито или выведено из строя. В этот момент мне сообщили, что на выручку окруженным в деревне войскам спешит сильная колонна противника. Я собрал все, что у меня осталось, и вышел ей навстречу. Однако сила и хорошее состояние войск неприятеля заставили меня отступить и не позволили нам помешать их соединению с колонной, вышедшей из горящей деревни.

На следующий день генерал Дибич последовал за противником к Виттенбергу, а я направился, как мне было указано, к Дрездену.

В нескольких милях от этой столицы я встретил графа Дауна, который был послан саксонским правительством. Укрыв от него хвост своей колонны, я вручил ему письмо, которым извещал генерала Ренье, находящегося в городе с 3 или 4 тысячами солдат, чтобы он не обрекал город на разрушение бесполезным сопротивлением, поскольку я имею 6 тысяч человек пехоты, готовых исполнить полученный мною ясный приказ овладеть Дрезденом. Граф Даун умолял меня подождать до следующего дня, обещая, что город будет

Генерал Йорк

эвакуирован. Свою малочисленность я замаскировал большим количеством бивачных огней. Жители, опасаясь атаки, выступили в нашу пользу и, оскорбляя французов, единодушно потребовали, чтобы генерал Ренье срочно покинул город. Мне сообщили об этом горожане, которые пришли на наши аванпосты с досрочными поздравлениями. Когда в 6 часов утра я должен был получить окончательный ответ, в Дрезден пришло известие о подходе маршала Даву с 15-тысячным корпусом. В 10 часов он вступил в город, перешел мост, дебушировал через Райштадт и атаковал меня. Думаю, что он был сильно удивлен, не найдя ни пехоты, ни пушек, чтобы его встретить, и без осложнений заставил меня очистить поле битвы; я отступил к Кёнигсбрюку.

Ночью я получил приказ покинуть эти места и направиться к Хавельбергу, что на Эльбе. Я шел через Ютербок,

где покинул свой отряд и выехал в Берлин, чтобы получить там новые приказы графа Витгенштейна и отдохнуть несколько дней.

Там я более тесно познакомился с нареченной моего брата мадмуазель Алопеус, а также принял участие в празднествах, которые берлинцы давали в честь наших войск и своего генерала Йорка.

* * *

Полковник Теттенборн вошел в оставленный французами Гамбург, а мой брат — в Любек. Жители этих двух городов с радостным упоением встретили освободителей Германии и с республиканским жаром принялись вооружаться для защиты своей независимости. Из них под руководством полковника Теттенборна были сформированы войска, названные Ганзеатическим легионом. Чернышев находился около Магдебурга и искал возможность перейти Эльбу. Наша главная армия выдвинулась к Дрездену, в который вскоре с триумфом вступили Император и король Пруссии. Сразу после этого король Саксонии разорвал союз с Наполеоном и стал под славные знамена, которые успехи нашего оружия расправляли над поверженной Германией.

Генерал Дёрнберг, известный своими действиями против угнетателей своей родины и своей отвагой, при поддержке общественного мнения добился в Берлине счастливой возможности вернуться в Гессен с оружием в руках; ему дали 2-й егерский полк, один батальон прусских фузилеров, 4 орудия конной артиллерии и мой отряд. С большим удовольствием я встал под его командование, и мы выступили из Берлина, чтобы перейти в Хафельберг, где собирались войска, и где нам было приказано переправиться через Эльбу. Теттенборн получил приказ двигаться на Бремен, отряды Чернышева и самого Дёрнберга должны были совместно

пытаться проникнуть в Ганновер. Можно было надеяться, что три небольших летучих отряда заставили бы всю эту часть Германии в массовом порядке поднять знамя восстания.

Это предположение, основанное на наших легких успехах вплоть до настоящего времени, было слишком преждевременным. Действительно, от русской границы французская армия только и делала, что отступала, ее преследовали и беспокоили такие отряды, как наш. Но французская армия усилилась всеми резервами, которые Наполеон затребовал из Франции и из подчиненных ему стран, она больше не боялась нас и была далека от того, чтобы покорно отдавать территорию. Она готовилась вновь завоевать то, что только что потеряла.

Теттенборн не нашел в себе сил что-либо предпринять против Бремена, он счел более удобным никуда не двигаться из Гамбурга и продолжал наслаждаться достатком и всеми почестями, которые предлагал ему этот город. Он удовлетворился тем, что выслал моего брата с небольшим отрядом на Бременскую дорогу, и поручил нескольким казакам найти способ войти в Люнебург с тем, чтобы побудить тамошних жителей к восстанию.

Напротив Хафельберга противник занимал маленький городок Верден. Мы скрыли свои приготовления к переправе на небольшой речке Хафель, впадающей в Эльбу рядом с Верденом. Как только все было готово, один казачий полк ночью переправился на другой берег и без боя взял в плен 150 французов, которые были оставлены в этом городе для наблюдения. Утром переправился весь наш отряд, а на следующий день за нами должен был последовать отряд Чернышева.

Ближе к вечеру наши аванпосты увидели неприятеля. Я вышел вперед, чтобы определить его численность, и, увидев

многочисленные колонны пехоты, двигавшиеся непосредственно на Вербен, поспешил уведомить об этом генерала Дёрнберга, предложив ему оставить город, двинуться вдоль реки и вместе с транспортными лодками проследовать до места, где ночью было бы удобно перейти реку. У нас не было времени сесть на лодки в Вербене, и не было достаточных сил, чтобы отбросить врага. Неприятель мало обеспокоился сопротивлением, которое я пытался ему оказать с несколькими казаками, и направился прямо на Вербен, где захватил некоторое количество наших людей и обозных повозок, не успевших уйти из города. Я последовал за Дёрнбергом, и в двух милях ниже по течению мы все переправились на правый берег Эльбы. Наш отряд разместился на квартирах в Перлеберге, а отряд Чернышева — в Дёмице.

Через два дня мы вновь перешли Эльбу в Фербице, а Чернышев в Дёмице. Он двинулся к Ильцену, а мы к Зальцведелю. Протоптавшись там несколько дней, мы направились к Люнебургу, который нашли занятым сильным неприятелем. На некотором расстоянии от города мы спрятали всех наших людей, оставив на виду лишь несколько казаков. Дёрнберг хотел атаковать город, но Чернышев и особенно я, мы придерживались мнения, что атака невозможна ввиду сильной позиции Люнебурга, окруженного доброй стеной и располагавшего гарнизоном в 4 тысячи человек. Он мог быть атакован только через ворота, к которым можно было приблизиться, только пройдя по двум мостам. Наш спор был прекращен сообщением о том, что неприятель предпринял вылазку. Я приказал имевшимся у меня 200 гусарам двинуться по дороге, лежащей в овраге; за этими гусарами, состоявшими под командой храброго полковника Бедряги, последовал один казачий полк; они ехали в полной тишине, не замеченные противником, который видел только нескольких казаков и забавлялся их преследованием. Дождавшись

момента, когда, по моему мнению, моя маленькая колонна, двигавшаяся по ложбине, должна была обогнать хвост неприятельской колонны, вышедшей из города, я подал сигнал, и в ту же минуту всё было опрокинуто. Две пушки, которые едва успели прицелиться, были захвачены, более 500 человек пехоты побросали оружие, а около сотни кавалеристов, находившихся в голове колонны, были нами преследованы и частично взяты в плен до того, как добрались до городского моста.

Дождавшись этого момента, генерал Дёрнберг двинул в наступление весь свой отряд; поручив генералу Чернышеву атаковать левые ворота, он сам с пехотой и двумя пушками бросился к другим воротам, которые только что открылись, чтобы пропустить бегущих французов.

Небольшая партия пехоты пыталась проникнуть в город через ворота, атакованные генералом Чернышевым; два орудия конной артиллерии также действовали против этих ворот, и огнем в упор отвечали на неприятельский обстрел. Не ожидавший столь стремительной атаки противник вскоре уступил, и наша пехота, кавалерия, артиллерия и казаки, перемешавшись, ворвались в Люнебург. Бой велся за каждую улицу, отдельные взводы французов, укрывшись в домах и церквях, вели оттуда смертоносный огонь. Царил полный беспорядок, вся наша пехота была распылена, генерал Дёрнберг, под которым была убита лошадь, получил контузию и не мог больше сесть в седло. Командир 2-го егерского полка подполковник Эссен был ранен, молодой и храбрый граф Пушкин, возглавлявший остальных егерей, умер от своей раны. Прусский майор не мог совладать с пылкостью своих соотечественников, которые, соревнуясь в храбрости с нашей пехотой, со всех сторон отважно преследовали неприятеля, еще продолжавшего защищаться. На главной площади войска остановились, чтобы разграбить готовившиеся к бегству

обозы. Только с большим трудом нам с Чернышевым удалось собрать наших гусар, драгун Финляндского полка и некоторое число казаков для того, чтобы преследовать французскую колонну, вышедшую из города с другой стороны.

Тем временем отважный генерал Моран, который командовал отступающей колонной французов, увидел наши слабые силы, остановился, повернул назад с оружием в руках и под бой барабанов ускоренным шагом направился к воротам, через которые он только что вышел из города. Наша слабая кавалерия была не в состоянии помешать этому продвижению. Чернышев стал искать пути отступления так, чтобы не проходить через город, а я бросился в Люнебург для того, чтобы попытаться собрать наших людей, половина из которых была ранена, а также спасти наши пушки, оставшиеся на городских улицах вследствие гибели своих упряжных лошадей. Прусский майор помогал мне с необыкновенным усердием, однако, все его усилия оказались напрасны. Наша распыленная по городу кавалерия искала путей спасения, и неприятельская колонна уже победоносно вернулась в Люнебург. Молодой артиллерийский офицер Врангель, который не мог спасти одно из своих орудий, чья колесная ось сломалась, зарядил его картечью и произвел выстрел, оказавшийся столь удачным, что свалил генерала Морана. Неприятельская колонна остановилась, некоторые наши егеря с храбрым прусским майором закричали «ура!», и в ответ на это противник стал махать белыми платками в знак сдачи.

Вот таким образом, благодаря генералу Случаю, от которого на войне очень многое зависит, мы остались хозяевами Люнебурга, захватили 12 пушек, два знамени и 3500 пленных.

Необходимость всегда быть настороже против неприятеля, который мог прийти из Магдебурга, занятого, как мы знали, сильным корпусом маршала Даву, заставила нас выставить один казачий полк для наблюдения за дорогами

в Даннерберг и Ильцен. Ночью нам сообщили, что весь неприятельский корпус прибыл в Даннерберг. Двигаясь вдоль Эльбы, он мог, таким образом, отрезать нам пути к отступлению. Не теряя ни минуты, мы направили пленных и пушки с эскортом прямо к переправе в Бойценбурге, куда мы вызвали наши транспортные суда, а на следующее утро сами последовали за ними со всем своим отрядом. Чернышев принял на себя обеспечение перехода войск и посадки их на суда, я же с двумя казачьими полками вышел навстречу неприятелю, чтобы прикрыть переправу.

Получив известие о деле под Люнебургом, и ничего не поняв из него, маршал Даву приостановил свой марш, и мы спокойно осуществили переправу. Войска стали лагерем в окрестностях Бойценбурга, и я воспользовался случаем, чтобы посетить Гамбург, где мы с Теттенборном приятно провели 36 часов. Маршал Даву прошел через Люнебург только для того, чтобы двинуться на Бремен. Мы снова сели на плоты и в третий раз пересекли Эльбу.

С правой стороны мы установили связь с моим братом, которого Теттенборн во главе нескольких сот казаков выслал на дорогу между Гамбургом и Бременом, а с левой стороны — с отрядом Чернышева, который двигался в сторону Хальберштадта.

Мы продвинулись вплоть до города Целле, который, как мы узнали благодаря усиленной рекогносцировке, был слишком мощно укреплен для того, чтобы предпринять его штурм. Мы довольствовались наблюдением за гарнизоном и высылкой партий для разведывания прилегающей местности. Отважный прусский волонтер Гребен дошел до стен Ганновера и захватил там сотню французских кавалеристов.

Тем временем, наши войска уже не продвигались с той скоростью и успехом, как это было во время отступления французской армии. Император готовился двинуться

навстречу Наполеону, который собрал для продолжения борьбы новую огромную армию. Для руководства действиями трех наших отрядов был прислан генерал Вальмоден. Я заболел и отправился в Гамбург, чтобы поправить свое здоровье.

Через несколько дней генерал Дёрнберг вступил в Целле, на время оставленный неприятелем, но в тот же день был вынужден покинуть город, вновь занятый французами, прогнавшими наши аванпосты, которые отступили, перемешавшись с неприятелем, и потеряли много людей. Чернышев имел блестящее дело у Хальберштадта, но оба отряда под нажимом превосходящих сил противника были вынуждены вскоре переправиться на правый берег Эльбы и прекратить свои операции.

Генерал Вальмоден не сделал ничего, даже не заставил себе подчиняться. Теттенборн не пожелал находиться под его началом, Чернышев ушел со всем своим отрядом и присоединился к графу Воронцову. Я был болен, Дёрнберг попросил дать ему другое задание. Было невозможно собрать под одним командованием летучие отряды, подобные нашим. Они были полезны и могли воспользоваться обстоятельствами только благодаря своей мобильности, которая, естественно, терялась при исполнении разработанного вдалеке плана. Эта малая война потеряла весь свой смысл, как только противник перешел в наступление и двинулся вперед крупными массами, и когда главные силы, определяющие судьбу Европы, возобновили борьбу в том месте, где Наполеон встретился с Александром.

* * *

Фельдмаршал Кутузов умер, приведя наши победоносные батальоны с берегов Москвы-реки на берега Эльбы. Но эти батальоны были слабыми, и наступали, по-прежнему

не получая пополнений. Все, что составляло силы России, собранные под начальством Императора, не превышало 40 тысяч человек, можно сказать, что это были только кадры армии. Пруссия, несмотря на свои усилия, не могла еще собрать значительных сил, Саксония только заявила о своем нейтралитете, Австрия вооружилась, но не объявила, на чьей она стороне, и готовилась играть посредническую роль. Вся остальная Германия высказывалась в нашу пользу, но, испуганная огромными приготовлениями Наполеона, либо дала ему своих солдат, либо осталась робким зрителем того действия, от которого зависело освобождение от сковывающих ее цепей. Швеция только начала перебрасывать свои войска на театр ее былых побед. Во главе этой армии на берег высадился великий генерал, человек, преисполненный той прекрасной ролью, которую ему предстояло сыграть. Наполеон уже продвинулся к центру Германии, он вел за собой Италию, Голландию и огромное количество французов, чья национальная гордость требовала отомстить за обиду, нанесенную им в России. Два императора встретились под Лютценом, на равнине, известной благодаря смерти одного героя. Битва не имела решительного результата, с нашей стороны были сделаны ошибки, остались неиспользованными резервы, способные принести нам победу. Самая большая ошибка заключалась в том, что на следующий день не сочли возможным возобновить бой, и был отдан приказ об отступлении. В последний раз Наполеон снова казался более великим, чем когда-либо. Он вернулся в Дрезден победителем, а затем двинулся к Баутцену, заставив наши армии отступить.

Стало очевидно, что было ошибкой так скоро принять сражение. Каждый шаг, завоеванный Наполеоном, увеличивал его могущество, приучал к бою его новые пополнения и уменьшал мужество испуганной Германии.

Австрия предложила свое посредничество, и стороны сочли за счастье заключить перемирие. Были размечены демаркационные линии, и в этой позиции наша армия получила свои подкрепления, прусская армия увеличилась за счет новобранцев и волонтеров со всего королевства. Австрия, приготовившись к войне, решилась присоединиться к силам, воюющим против общего врага. Бавария примкнула к коалиции, сформировав свою армию в тылу Наполеона, шведы прибыли в Померанию, а победы Веллингтона в Испании приблизили опасности войны к границам Франции. В то время, когда происходили эти великие события, граф Воронцов с графом Чернышевым дошли до Лейпцига.

Успех сражения при Лютцене сделал возможным выдвижение французских войск из Бремена, они пошли оттуда на Гамбург. Мой брат, поставленный на дороге в этот город, был слишком слаб для того, чтобы сопротивляться, храбро сражаясь в течение целого дня, он покинул левый берег Эльбы и вернулся в Гамбург. Неприятель овладел Харбургом и несколькими днями позже захватил военные суда, которые должны были защищать реку.

Теттенборн по небрежности не позаботиться о средствах защиты; если бы он имел (что было очень легко сделать) хотя бы два десятка речных канонерских лодок, то он остался бы хозяином течения реки. А если бы на острове Вильгельмсбург был бы оставлен не пост в виде авангарда, как было в действительности, а сооружено хорошее предмостное укрепление напротив Гроссер-Грасброка, то французы, может быть, и не решились бы его атаковать. Имея господствующее положение на реке, они смогли легко высадиться ночью на остров Вильгельмсбург, выгнать оттуда слабый Ганзеатический отряд, который его защищал, и обосноваться там, на расстоянии малого пушечного выстрела от укреплений Гамбурга.

Эта операция произошла ночью, весь город был разбужен по тревоге, горожане схватили оружие, а женщины, захватив детей и имущество, стали убегать в направлении Альтоны. Население намеревалось защищать свой город. Гамбургцы слишком открыто выступали против французов, им не приходилось надеяться на их благородное прощение; они получили английские ружья, были готовы их раздать и сражаться каждый на своем месте. Немногочисленные русские войска под командой Теттенборна, состоявшие из одной лишь конницы, не могли ничего сделать для защиты города, Гамбург был почти предоставлен тогда собственным силам. Из всей регулярной пехоты там имелся только слабый мекленбургский батальон, присланный герцогом Шверинским в качестве свидетельства своего присоединения к общему делу. В Альтоне и ее окрестностях располагались значительные силы датских войск, которые надо было постараться привлечь к обороне Гамбурга. Дело это представлялось весьма затруднительным. В Копенгаген был послан князь Долгорукий, вызванный для того, чтобы сделать выгодные предложения датскому королю; последний направил в Лондон своего представителя с целью отменить совместное решение Англии и России, согласно которому Норвегия отдавалась во владение Швеции. Таким образом, Дания лишалась одной из лучших своих провинций, поэтому она предпочла союз с Францией союзу с Россией. С другой стороны, коалиция против Наполеона показалась датчанам настолько сильной, что они испугались потерять все, выступив против нее. В случае победоносного окончания войны Франция могла обещать заплатить Дании за услуги либо тем же Гамбургом, либо Мекленбургом, так как они оба выступали против нее. Мы же могли дать только смутные обещания, не имея средств их выполнить. Если война заканчивалась в нашу пользу, Ганновер пришлось бы возвратить королю Англии,

и не представлялось бы возможным ни пренебречь обещанием, данным Швеции, ни лишить храбрых гамбургцев их независимости, ни раздробить Мекленбург, который присоединился к нашему оружию. Таким образом, было очень трудно заставить датского генерала поверить в то, что интересы его двора требуют защищать Гамбург на поле боя. Тем не менее, нам с Теттенборном это удалось, и впервые датские батальоны, застоявшиеся за время 40-летнего мира, пришли в движение, чтобы сразиться с французами.

Не имея более дел в Гамбурге и будучи старше Теттенборна, я направился в качестве волонтера к моему брату, которому была доверена оборона водной переправы. Мы прибыли слишком поздно, этот важный пост был уже захвачен. Французы наступали повсюду, и в тот же день они стали бы хозяевами города, если бы неожиданное вмешательство датских войск не остановило их движений. Рассчитывая ранее на сотрудничество датчан, и нежданно увидев их перед собой, французский генерал прервал свою атаку и даже освободил захваченные им позиции.

В то же время мы больше не могли рассчитывать на помощь датского корпуса, во всяком случае, до возвращения курьера, посланного в Копенгаген. Мы очень хорошо знали, что король не даст себя одурачить красивыми словами, как это случилось с его генералом. Без промедления нами было отправлено послание наиболее близко находящемуся от Гамбурга шведскому генералу, с просьбой прибыть в город, не дожидаясь соответствующего приказа от кронпринца, который еще не высадился в Штральзунде. Этот генерал прибыл ускоренным маршем. Теперь Гамбург мог быть спасен. Оказалось бы слишком невероятным чудом, если бы этот город спасло сотрудничество датчан и шведов, которые втихомолку уже вели между собой войну, а через несколько недель должны были открыто сразиться на поле боя.

Как только датского короля проинформировали о происходящих событиях, он немедленно приказал своим войскам отойти от Гамбурга и сохранять строгий нейтралитет. Кронпринц Шведский, разгневанный тем, что без его приказа часть его войск была подставлена под удар, вернул их на исходные позиции и отдал под суд генерала, предпринявшего эти действия.

Не имея никакой возможности быть полезным в Гамбурге, и пребывая в очень плохом состоянии здоровья, я вернулся в Шверин вместе со своим братом, который тоже серьезно заболел.

Вскоре после этих событий датчане, проявив добрую волю, заблаговременно попросили генерала Теттенборна отвести его войска. Датчане вошли в Гамбург и заняли его. Надо отдать им справедливость в том, что они пытались, насколько возможно, защитить город от мести французов, которые засели в нем настолько прочно, что бывший там командующим маршал Даву оставался там до конца войны, покинув Гамбург только в 1814 году после получения от короля Людовика XVIII приказа отступить.

После подписания перемирия военные действия под Гамбургом были приостановлены и у меня появились возможность отправиться для поправки своего здоровья в Доберан, в Мекленбурге, на побережье Балтийского моря.

* * *

Некоторые из моих товарищей-офицеров последовали за мной, нас насчитывалось более 12, и все мы были решительно настроены поразвлечься. Врачи выписали нам рецепты, и мы начали свой скрипичный концерт. Добропорядочные немцы посчитали наши манеры несколько шумными, но не осмелились ничего возразить.

Две красивые девицы по фамилии Блюхер прибыли на ярмарку в Росток, вскоре состоялось наше знакомство, я сдал им несколько комнат в занимаемом мною доме в Доберане, где их постоянно сопровождал их дядя. Это, впрочем, не помешало одной из них влюбиться в моего офицера, вторая же решилась принять мои ухаживания. В сопровождении своего доброго дяди они провели в нашем обществе 36 часов. Мы отправились с ними в Росток, где могли наедине видеться с нашими прекрасными дамами, и с большей легкостью обманывать дядю и публику. Но эта нежная связь не могла продолжаться долго. Девицы Блюхер вернулись в свой замок. Впоследствии офицер по фамилии Жори женился на своей красавице, я же был покинут моей дамой, чтобы затем получать от нее сентиментальные письма.

Ф. К. Тетенборн

Мы свели знакомство с пансионом молодых девиц, которым надо было давать балы, ужины и завтраки; хозяйка пансиона так любила развлекаться, что потом не могла ни в чем отказать этим храбрым русским, прибывшим из таких дальних мест, чтобы освободить Германию. Каждый из нас выбрал себе объект для ухаживания; эти девицы были чувствительны и добры, как все немецкие девушки, и пансионная дама говорила, что не надо их слишком стеснять, так как из этого может получиться хорошая женитьба.

Случались и более серьезные вещи, прибыли госпожа графиня Бассевиц и госпожа Мёллер, обе милые и красивые, в сопровождении и под наблюдением неприятных мужей. Госпожа Бассевиц привлекла все мое внимание, но вскоре я увидел, что, будучи слишком сентиментальна для перемирия, она бросила к своим ногам полковника Рапателя, которого я любил всей душой. Я направил свои взоры к госпоже Мёллер. Предпринятое мною ухаживание, которое, в конце концов, было благосклонно принято, настолько заняло мое внимание, что я полностью забыл свои ревматические боли. Это была пора, когда каждый день игрались новые партии, совершались прогулки, назначались свидания в садах, в лесу, давались балы и у мужей появлялись поводы для ревнивых придирок. Но время шло, период отдыха приближался к концу, как и срок перемирия. Приехал граф Воронцов и предложил мне место в своем корпусе. Надо было задуматься об отъезде из Доберана и о том, как заплатить свои долги; это последнее оказалось самым трудным. Тем, что отравило нам приятность тамошнего времяпрепровождения, явилась злосчастная дуэль между одним из моих офицеров и молодым господином Сталем, сыном знаменитой мадам де Сталь, адъютантом кронпринца Шведского, тоже состоявшим при мне. Он был убит ударом сабли, что доставило нам настоящее огорчение и представлялось еще большим

несчастьем потому, что именно в этот момент шведские войска присоединились к нашим. Кронпринц Шведский благородно простил того, кто бился с бедным Сталем, и его секундантов. Наши сожаления об этом молодом человеке развеяли то скверное впечатление, которое эта дуэль произвела на шведских офицеров.

Я занял свое место при графе Воронцове, чей корпус входил в состав корпуса генерала Винценгероде — главнокомандующего русскими войсками, подчиненными кронпринцу Шведскому. Наша главная квартира находилась в Бранденбурге, недалеко от Берлина; прусский корпус генерала Бюлова насчитывал 30 тысяч человек, составляя вместе с нами и почти 20 тысячами шведов армию кронпринца Шведского Бернадота, общая численность которой достигала 80 тысяч человек.

Главная армия, находившаяся под личным командованием Императора и усиленная австрийской армией, состояла из русской и прусской гвардии и корпуса генерала Витгенштейна. Благодаря искусной политике Императора, главнокомандующим этой армией был назначен князь Шварценберг, австрийский фельдмаршал, что удовлетворило притязания Венского кабинета.

В состав третьей армии, собранной под командованием фельдмаршала Блюхера, входили русские корпуса Сакена и Ланжерона и прусские корпуса Йорка и Клейста. Таким образом, новый этап борьбы происходил под покровительством наших знамен, руководимых талантом и могуществом императора Александра. Как всегда его политика отличалась умеренностью, он собрал армии Европы под командованием прусских и австрийских военачальников и шведского принца. Все мелкие честолюбия были удовлетворены. Мы же в деле восстановления европейской независимости положили на чашу весов только наше мужество и старание.

Все то, что уничтожило самую громадную армию, которую объединенная Европа смогла предоставить Наполеону, все то, что возродило германскую честь и открыло дорогу к счастью, все то, что было сильным от ощущения своего могущества и великим от совершенных подвигов, все это щадило слабость и уважало несчастья порабощенных наций. Умеренность императора Александра принесла ему славу, она позволила ему объединить собранных под его командованием солдат Европы и сердца народов.

* * *

Срок перемирия истек, все армии пришли в движение. Начало кампании не принесло успеха нашей главной армии, при которой находились объединенные императоры России и Австрии, король Пруссии и знаменитый генерал Моро, который по приглашению императора Александра вернулся из Америки, чтобы своим талантом и прекрасной репутацией помочь союзным государям. Было решено покончить дело разом и разбить Наполеона, засевшего в Дрездене. Армия генерала Блюхера на правом берегу Эльбы и армия государей на левом атаковали французскую армию. Нападения были отражены с большими потерями для нас, 14 тысяч австрийцев побросали оружие, генералу Блюхеру пришлось отступить, а главной армии — искать оборонительную позицию в горах Богемии. Самой значительной потерей этой операции стала смерть замечательного генерала Моро, когда неприятельское ядро ударило радом с императором Александром. Он испустил дух как герой, о нем сожалели не только во всей Европе, но даже во французской армии.

Пока под Дрезденом происходили все эти события, наш корпус маневрировал с целью спутать планы маршала Макдональда, который с армией из 70 тысяч человек противостоял

кронпринцу Шведскому. После нашей неудачи под Лютценом саксонская армия перешла на сторону противника и составила часть армии Макдональда. Все были совершенно уверены в том, что французский военачальник имел определенный приказ Наполеона — во что бы то ни стало захватить город Берлин. Вследствие этого мы двинулись, чтобы занять позицию перед этой столицей. Корпус генерала Бюлова прибыл со своей стороны, и корпус генерала Тауэнцина, который, образуя авангард, отступил с боем, также присоединился к нам.

Армия заняла позицию в полутора милях перед Берлином; русские находились на правом крыле, на некотором расстоянии от городка Тельтов; почти вся кавалерия этого корпуса, построенная в две линии, образовывала крайний правый фланг; на нашу пехоту опирались шведы, составлявшие центр, прусский корпус располагался на левом крыле. С этой позиции открывался вид на колокольни Берлина, что должно было вдохновить противника, а пруссакам вернуть их исконную храбрость.

Около двух часов пополудни французы стремительно атаковали наш правый фланг. Войска под командованием генерала Тауэнцина уступили численному превосходству неприятеля; войска генерала Бюлова ускоренным шагом пришли на помощь своим товарищам, но повторяющиеся атаки французов также вынудили их отойти назад после ожесточенного боя.

Кронпринц Шведский направил на подкрепление пруссаков часть шведской пехоты и несколько батарей конной артиллерии. Наше крыло не было задействовано, я находился в свите кронпринца, который с возвышения мог наблюдать за всеми действиями противника. Я стал свидетелем очень красивого ответа, который он дал адъютанту генерала Бюлова, сообщившего ему о том, что пруссаки отходят с боем.

Передайте Вашему генералу, — сказал Бернадот, — что, если он отступит хоть на один шаг, я его разжалую в солдаты. Пусть он помнит, что сегодня пруссаки должны защитить свою столицу, своих жен и свою честь.

Этот энергичный ответ произвел свое действие, генерал Бюлов перешел в атаку, мужество пруссаков удвоилось; они обрушились на колонны противника с такой яростью, которой ничто не могло противостоять. Схватка достигла наивысшего напряжения, и к концу дня французы в свою очередь были вынуждены уступить, оставив поле сражения, покрытое телами погибших.

Берлин был спасен, слава этого дня принадлежала пруссакам. В бою приняло участие небольшое количество шведов и, за исключением некоторого количества артиллерии, никто из русских не сражался. Это важное по своим результатам сражение получило название битвы при Гросс-Бееренге, по названию деревни, расположенной в границах нашей позиции.

При открытии этой кампании мне дали под командование Павлоградский гусарский полк, Волынский уланский полк и батарею конной артиллерии. На следующий день после сражения при Гросс-Бееренге мой отряд усилили еще три казачьих полка, и я получил приказ преследовать неприятеля.

Маршал Макдональд отступал по нескольким дорогам к Ютербоку. На каждом шагу мы встречали повозки с военным снаряжением, брошенных раненных, мы захватили большое количество мародеров, которые после вчерашнего поражения разбрелись по соседним деревням. Около Треббина я повстречал часть неприятельской армии, которая, стремясь обойти болота, простиравшиеся до этого города, медленно шла по поперечным дорогам и отдыхала у небольшой деревни Людерсдорф. Местность была настолько

заболоченной, что было невозможно предпринять что-то серьезное, мы обменялись пушечными выстрелами, и французы несколькими колоннами продолжили свое движение к Луккенвальде. Я преследовал их арьергард, который умелыми действиями не позволял мне себя отрезать.

Подойдя к Ютербоку и не обнаружив там основных сил французской армии, а также приняв в расчет открытую местность, на которой я мог не опасаться каких-либо неожиданностей, я принял решение атаковать арьергард, который был отброшен в этот город. В этот момент с двумя полками егерей прибыл граф Орурк. Он одобрил мой план и присоединил к моему войску 14-й егерский полк. Я послал часть конницы обойти город на нашем правом фланге, и, поставив егерей в голове колонны, двинул за ними остальную кавалерию, чтобы штурмовать ворота Ютербока. Наша пехота сильным натиском опрокинула неприятельских стрелков, рассыпанных в предместьях, пробилась через ворота и после получасового боя захватила город.

Я преследовал неприятеля во главе кавалерии. Несколько французских эскадронов прикрывали отступление своей пехоты, они были атакованы двумя эскадронами Волынского уланского полка и обращены в бегство. Наша кавалерия, обойдя город, оказалась в тылу противника. Увидев, что дорога перекрыта, неприятель больше не заботился ни о чем, как только найти путь к бегству, и бросился в находившийся в стороне соседний лес. Приближалась ночь; огни, появившиеся слева от нас, и донесения наших патрулей известили нас о прибытии армии Макдональда, которая следовала не по большой дороге.

Граф Орурк приказал мне отступить, оставив в городе Ютербок только один батальон егерей в качестве авангарда. Остальная часть нашего отряда расположилась биваком на выходе из этого города.

Это незначительное дело стоило нам не более 20 человек, тогда как в наши руки попало около 300 пленных. На следующий день все силы неприятеля пришли в движение и выступили на Ютербок. Батальон егерей получил приказ оставить город, и мы приготовились к бою.

Вскоре вражеские стрелки выдвинулись из города, их количество заставило наших стрелков отойти. Разгорелась артиллерийская канонада, но в течение более чем целого часа неприятельские колонны не решались идти на нас.

Ввиду подавляющего превосходства французов, граф Орурк приказал отступать; сам он с пехотой отошел к Цинне, приказав мне прикрыть его движение и встать с кавалерией на его правом фланге возле деревни Класдорф. Неприятель преследовал нас очень слабо, и к концу дня мы отбросили его аванпосты, расположив наши на виду Ютербока. Этот город находился на правом крыле армии Макдональда, стоявшей на красивой равнине, отделенной от границы наших аванпостов только небольшим оврагом, прорезанным ручьем. На следующий день обе стороны остались на прежних позициях, к вечеру прибыл граф Воронцов для того, чтобы принять командование нашим отрядом. Он тотчас приказал идти на врага; его аванпосты были опрокинуты, и наши солдаты продвинулись до ворот Ютербока. Ночь положила конец бою.

На рассвете французы оставили этот город и потянулись к Виттенбергу. Мы последовали за их движением, фланкируя с правой стороны их марш. Около деревни Марцана неприятель занял позицию. Кронпринц Шведский выдвинул к тому же месту весь корпус генерала Винценгероде.

Этот последний с частью кавалерии провел рекогносцировку, во время которой было сделано несколько пушечных выстрелов. После полудня неприятель захватил высоту, с которой мог угрожать нашему биваку, так как мы и не помышляли о том, чтобы занять позицию.

Меня послали выбить неприятеля. Эта задача могла оказаться трудной, если бы он решил стоять твердо. Но противник, может быть, опасаясь всеобщего столкновения, уступил мне местность, и я поставил свои орудия и кавалерию на расстоянии ружейного выстрела от его линий. Нам это дело обошлось в несколько убитых лошадей.

На следующий день задумали провести совместную атаку с генералом Бюловым, который должен был дебушировать на нашем левом фланге, оконечность коего составлял я с моим отрядом. Весь наш корпус построился в атакующий боевой порядок, Винценгероде ждал начала движения пруссаков, а те, вероятно, ожидали, когда приступим к делу мы. Так как я был лицом к лицу с неприятелем, то мне было приказано стрелять из пушек в надежде, что этот шум послужит Бюлову сигналом к наступлению. Но он не понял этого, а я остался в дураках, ибо получил столь горячий отпор от столь превосходящей и столь хорошо направленной артиллерии, что был рад прекратить пальбу, вызвав тем самым прекращение огня со стороны неприятеля, после того, как у нас совершенно без толку погибло много людей. Противник не имел намерения сражаться на этой позиции, а мы ещё менее стремились его атаковать.

На следующий день французы спокойно проследовали к Виттенбергу, где, почти под самыми пушками крепости заняли заранее подготовленный укрепленный лагерь.

Граф Воронцов снова получил задание следовать за неприятелем. После боя, проведенного обеими сторонами для успокоения совести, французская армия безмятежно осталась стоять на своей прекрасной позиции, а мы безмятежно остались за ней наблюдать.

На третий день мы увидели, что все неприятельские войска встали в ружье, и проходят парадным маршем. Вскоре мы узнали, что это было по случаю смены командующего.

Наполеон, недовольный малыми успехами Макдональда, послал ему на смену маршала Нея, приказав ему идти на Берлин.

К вечеру следующего дня неприятель начал движение, избрав для него дороги, ведущие на Зайду и Торгау, распространяя слухи, что в последнем пункте они переправятся через Эльбу. Граф Воронцов неотступно следовал за вражеским арьергардом, однако, ночью мы потеряли направление его марша.

Кронпринц Шведский, сумевший, как опытный военачальник, разгадать намерения маршала Нея, двинулся к Ютербоку и сконцентрировал там все свои силы.

Я единственный остался с тремя казачьими полками на дороге в Зайду; у меня не было сомнений в том, куда направляется французская армия, и я хотел ускорить свой марш, чтобы находиться у нее в тылу в тот момент, когда она будет сражаться со всеми нашими силами. Это движение обещало принести очень большую пользу.

Я сделал такое предложение генералу Винценгероде, но, к несчастью, он недвусмысленно приказал мне изменить направление и присоединиться к нему. Мы находились более чем в трех милях от Ютербока, было уже далеко за полдень, и мы прибыли на место только к концу сражения.

Генерал Тауэнцин, возглавлявший авангард прусского корпуса, был живо оттеснен к Ютербоку, понеся значительные потери. Там его поддержали все войска генерала Бюлова; бой продолжался с активностью, делавшей столько же чести неудержимому натиску французов, сколько и храбрости пруссаков. Последние между тем были задавлены численным превосходством и начали отходить, оставляя поле битвы, покрытое телами своих убитых солдат. Французы, уже считавшие себя победителями, продвигались вперед в беспорядке,

их пехотные колонны смешались с кавалерией и артиллерией; даже обозы приблизились к войскам и увеличили неразбериху в рядах победителей.

В это время появились колонны шведов и корпуса Винценгероде. Кронпринц лично возглавил конную артиллерию, а также шведскую и русскую кавалерию. Он начал атаку несколькими залпами из пушек, которые галопом приблизились к неприятелю на расстояние половины картечного выстрела.

Вся кавалерия с редким бесстрашием последовала за этим движением; французы на всех пунктах начали подаваться назад и, тесня друг друга, обращаться в бегство. Вырученные пруссаки рвались вперед с тем большим остервенением, сколь велико было их стремление отомстить за огромные потери. Неприятель пришел в такое расстройство, что нашей кавалерии оставалось только преследовать и рубить его.

Барон Пален во главе нескольких полков, гнался за беглецами почти до самых стен Торгау. Слабые остатки армии маршала Нея сумели ускользнуть, только бросившись в беспорядке в эту крепость. Остальные неприятельские войска рассеялись по разным дорогам, где были истреблены или взяты в плен.

На следующий день после битвы мы были обладателями 120 орудий, всех обозов, огромного количества лошадей и всевозможных припасов, которые противник возил с собой, а также более 20 тысяч пленных. Из 70 тысяч человек, составлявших накануне армию маршала Нея, никто, кроме разрозненных беглецов, не ушел от преследования наших войск. Вся эта армия была уничтожена, Берлин спасен, а слава кронпринца Шведского украсилась новыми лаврами. В этот же день удача ушла из-под знамен Наполеона.

Несчастья Наполеона не закончились этим поражением. С одной стороны, на равнинах Саксонии неутомимый

генерал Блюхер принудил к отступлению наибольшую часть его армии, в тот момент, когда бесстрашный граф Остерман во главе русских гвардейцев разбил в горах Богемии корпус маршала Виктора. После победы под Дрезденом Наполеон с одной стороны беспокоил армию фельдмаршала Блюхера, а с другой — преследовал армию государей, отступавшую на Теплиц.

Разбитый в одно и то же время кронпринцем Шведским, Блюхером и графом Остерманом, потеряв много людей и пушек, а также страх, внушаемый его репутацией, Наполеон решился на отступление.

Он сделал большую ошибку, не желая отдавать ни одного из своих завоеваний. Он оставил сильные гарнизоны в Дрездене, Торгау и Виттенберге, ослабив, тем самым, свою армию. Ранее она уже уменьшилась за счет гарнизонов Данцига, Кюстрина и в Глогау, которые не имели никакой связи с французской армией и были, как бы брошены заранее. Следуя той же системе, он оставил многочисленный гарнизон в Магдебурге и весь корпус маршала Даву в Гамбурге.

Главным для Наполеона было разбить коалиционных государей, заставить их армии отступить; после этого все крепости снова стали бы его легкой добычей.

Но он боялся, что, отдав что-то, он проиграет в общественном мнении, это убеждение лишило его плодов всех побед. Он казался нерешительным в выборе направления, в котором ему следовало идти. Он совершил несколько маршей и контрмаршей, может быть, для того, чтобы скрыть свои настоящие намерения. Поражение Нея и полный разгром корпуса Виктора сильно осложнили его положение.

Наши армии увеличили свою численность, и удвоили свои силы за счет высокого боевого духа, появившегося у солдат в результате этих трех счастливых сражений.

Генерал Беннигсен прибыл со значительным армейским корпусом; за ним следовал граф Толстой с частью ополчения. Он должен был наблюдать за неприятелем, оставшимся в Дрездене и Торгау, а генерал Тауэнцин — осаждать Виттенберг. Вальмоден с незначительной частью русских войск, ганзеатическими, мекленбургскими войсками и русско-немецким легионом имел задачу сковывать неприятельские силы, которые под командованием маршала Даву занимали Гамбург. Для обложения Магдебурга не хватало людей, и оно крайне слабо велось некоторым количеством прусских войск. Император и Блюхер старались понять смысл передвижений Наполеона, они постоянно беспокоили его армию. Намерением Императора было собрать все союзные армии и заставить Наполеона принять генеральное сражение.

Кронпринц Шведский после своей прекрасной победы при Ютербоке, названной сражением под Денневицем по имени деревни, у которой решился исход битвы, направил свою армию к Цербсту и Дессау. Все наши войска занимали весьма удобное лагерное расположение. Граф Воронцов, командующий авангардом войск генерала Винценгероде, приказал мне построить мост через Эльбу в Акене и укрепить этот город с окрестностями таким образом, чтобы он представлял собой обширное предмостное укрепление, способное, в случае необходимости, вместить наибольшую часть нашей армии. Мой малый авангард располагался в Кётене, а малый авангард шведов занимал Дессау, чтобы прикрыть строительство моста, сооружаемого в том месте по приказу кронпринца Шведского.

Наше строительство продвигалось быстро, уже через несколько дней Акен был в состоянии оказать серьезное сопротивление. Сооружение моста шло труднее, не хватало строительных материалов, а левый берег Эльбы в этом месте был таким заболоченным, что пришлось возводить дамбу.

Пока мы занимались этими работами, генерал Чернышев, при котором состоял мой брат, получил приказ быстро направиться к Касселю во главе отряда легкой кавалерии, чтобы посеять страх на коммуникациях неприятеля. Он исполнил это поручение с такой скоростью, что король Вестфалии Жером-Наполеон еле успел убежать. Слабый французский гарнизон, находившийся в Касселе, опасаясь как городских жителей, так и немецких войск, капитулировал и сдал город Чернышеву. В наши руки попали все экипажи короля, его любовница и все драгоценности двора.

Но наши войска, недостаточно сильные, чтобы сохранить это завоевание, удовлетворились лишь радостью от достигнутой победы и на третий день покинули Кассель, куда с помощью войск, предоставленных французским генералом, вернулся король. Наши мосты, над которыми мы так активно работали, были, наконец, построены.

С нашей стороны неприятель выдвинулся на Кётен и выбил оттуда наш малый авангард. Увлекшись преследованием, он был в свою очередь атакован казаками, посланными мною вперед, и отрядом майора Обрезкова, который патрулировал на другой стороне реки и прибыл на место как раз вовремя, чтобы взять во фланг неприятельскую кавалерию. Она была отброшена и прогнана за Кётен, который вновь заняли наши казаки.

Строительство наших мостов было, наконец, завершено, граф Воронцов с авангардом перешел Эльбу, и мы обосновались в Кётене. Вся армия переправилась через реку. Армия Императора двинулась к Лейпцигу. Армия Блюхера, выдержав несколько боев, также последовала за Наполеоном на левый берег Эльбы. Тиски вокруг французской армии сжимались, когда неожиданно она изменила направление движения.

Она обратно перешла Эльбу и этим неожиданным маневром посеяла страх. Берлин уже заранее считали разоренным, наши мосты, взятые с тыла, были разрушены, наши обозы и больные захвачены. Получив эту новость, войска были поражены, и генералы не знали, что им следовало предпринять. Все словно окаменели. Император находился слишком далеко, чтобы срочно отдать новые приказы. У нас больше не было мостов, чтобы незамедлительно следовать за движением неприятеля. Он имел преимущество и, вне всякого сомнения, мог сжечь Берлин. Войска, оставленные в Дрездене, могли выйти оттуда и присоединиться к Наполеону на правом берегу Эльбы. Гарнизон Магдебурга и Даву из Гамбурга могли последовательно усилить французскую армию.

Театр военных действий мог переместиться в Ганновер или в Голландию и в целом изменить шансы, которые коалиционные силы уже считали реализованными. К счастью, неприятельское движение было прекращено, лишь посеяв страх и произведя небольшое расстройство в нашем тылу. Наполеон вернулся на дорогу в Лейпциг и пошел навстречу своей гибели. Он прибыл туда, практически в то же время, что и генерал Блюхер, король Швеции и корпус генерала Беннигсена. Вся Европа была там. Все армии приблизились друг к другу. Вскоре Европа будет наблюдать за тем, что произойдет.

* * *

Император с главной армией дебушировал по дороге из Альтенбурга, корпус генерала Беннигсена появился на дороге из Дрездена, кронпринц Шведский прибыл по дороге из Торгау, генерал Блюхер, подойдя из Галле, довершил на правом берегу Эльстера обложение окрестностей Лейпцига. Французская армия должна была бы отступить,

чтобы не сохранять у себя в тылу многочисленные и сложные переправы через реку. Но характер Наполеона был слишком хорошо известен, чтобы не сомневаться в том, что он примет бой.

Он не колебался; уступая в численности четырем армиям, подходившим, чтобы объединиться против него, он сам атаковал самую важную из них — ту, в которой находились три государя. Эта великая борьба началась 2 октября, когда граф Пален, командовавший авангардом нашей главной армии, подвергся сильному нападению. 4 октября граф Витгенштейн был отбит, часть нашей кавалерии отброшена, сам Император оказался в гуще схватки и был спасен только храброй атакой гвардейских казаков, остановивших продвижение противника и давших нашей кавалерии время перестроиться.

К вечеру того же дня генерал Блюхер приблизился к Лейпцигу и с таким пылом ударил на противостоящий ему французский корпус, что отбросил его до предместий Лейпцига и захватил у него 24 орудия.

Жребий был брошен; Наполеону не осталось ничего другого, как готовиться к генеральному сражению. Его армия развернулась на равнинах перед Лейпцигом. 5 октября обе стороны использовали для подготовки к бою, все союзные корпуса объединились и образовали полукруг перед неприятелем.

6 октября все пришло в движение и к полудню на всех пунктах с обеих сторон сражалось до 500 тысяч человек. Гений Наполеона будто удваивал численность его войск, везде, где он появлялся, крики «Да здравствует император!» возвещали о смелых атаках; на нескольких пунктах они заставили нас отступить. Деревни, позиции захватывались и вновь отбивались с огромными потерями. Французы держались

с отвагой, достойной 20 лет своих побед. Тем не менее, массы наших войск постепенно завоевывали территорию, положение неприятеля с каждой минутой становилось более стесненным и более подверженным огню нашей неисчислимой артиллерии, занимавшей позиции в форме полукруга.

Сражение под Лейпцигом

В разгар сражения саксонские войска, находившиеся под знаменами французской армии, замахали своими головными уборами, и перешли в наши ряды. С этого предательства, которое нашло своих почитателей, началось распространение беспорядков в стане неприятеля. Теснимая со всех сторон, эта прекрасная армия еще не потеряла надежду на победу. Австрийцы, располагавшиеся на правом фланге главной армии и слева от нашей, начали слабеть, когда для их поддержки прибыл наш корпус. Кронпринц Шведский приказал мне идти вперед с двумя конными батареями, Павлоградским

гусарским и Волынским уланским полками. Батарея английских ракетчиков, стрелявшая ракетами Конгрева[6], заняла позицию рядом с нами и соперничала в храбрости и быстроте действий с нашими полковниками Арнольди и Апушкиным. Тогда это оружие впервые применялось в открытом поле; эффект был ужасный, изумленные и опрокинутые французы убегали со всех сторон, три батареи преследовали их с такой стремительностью, которая не давала им времени устроиться. Справа от меня граф Мантейфель во главе Санкт-Петербургских драгун бросился во весь опор на неприятеля, австрийцы воспрянули духом, и вся линия двинулась вперед. Но французы, увидев беспорядок в своих рядах, постарались быстро его исправить; на помощь им пришла многочисленная артиллерия, скорым шагом прибыли колонны пехоты, и мы были яростно атакованы ими. Граф Мантейфель был убит, его полк отведен назад; английского капитана, командовавшего ракетчиками, сразило ядро, полковнику Арнольди перебило ногу, часть наших орудий была выведена из строя, а моя поредевшая кавалерия прикрывала отступление этой самой артиллерии.

Справа от меня граф Воронцов с двумя пехотными дивизиями пошел в штыки и возобновил бой. На крайнем правом фланге армия фельдмаршала Блюхера показала чудеса храбрости и ценою огромных потерь осталась хозяйкой на поле сражения и продвинулась до садов Лейпцига. Армия, в которой находились оба императора и король Пруссии, сражалась с переменным успехом, так как именно против нее Наполеон направил свои самые большие усилия. Но к концу

---

[6] *Ракеты Конгрева* — боевые ракеты, разработанные Уильямом Конгревом (1772–1828) и состоявшие на вооружении армии Великобритании в первой половине XIX века, позже принятые на вооружение во многих других армиях мира.

дня и в этом пункте победа склонилась в сторону союзников. Все позиции неприятеля были захвачены, и он теперь опирался на предместья Лейпцига. Тем временем огонь прекратился, с того расстояния, на котором находились наши линии, мы не могли различить его результатов. Спустившаяся ночь застала нас в неуверенности о размерах нашей победы. День был утомительным, артиллерийская канонада прекратилась только с наступлением ночи. Каждый остановился там, где сражался, не выставив аванпостов, в ожидании следующего дня и результатов этого важного и кровопролитного сражения.

На следующее утро из-за густого тумана положение оставалось неясным. Выдвинутые вперед патрули вскоре уведомили нас о том, что поле сражения осталось за нами, а противник отступил. Погода прояснилась, и мы увидели Лейпциг, находящийся в нескольких верстах от нас. Вся равнина между этим городом и нами была покрыта остатками французской армии — перевернутыми пушками, огромным количеством зарядных ящиков, повозками, ранеными лошадьми, которые бродили между мертвыми и умирающими, все это доказало нам, что накануне мы добились полной победы. С разных сторон наших позиций раздались крики «Ура!», подхваченные всеми линиями. Пушки приблизились из окружающих Лейпциг садов, полки егерей бросились вперед, и ожесточенный бой возобновился у городских ворот.

Ночью Наполеон отступил со всей своей армией, оставив примерно 30 тысяч человек под командованием князя Понятовского для защиты Лейпцига и для прикрытия своего бегства. Через какой-нибудь час все городские ворота были захвачены, со всех сторон русские части во главе колонн первыми вошли в город, гоня перед собой охваченных страхом французов. Разгром стал полным; неприятель вперемешку

бросился из города, чтобы достичь мостов, одни из которых были сожжены самими французами, другие разрушились под тяжестью бегущих по ним людей; теперь это было не более чем истребление. Те, кто спаслись от штыков, бросились в реку; князь Понятовский, уже раненый и едва не попавший в плен, тоже решил переправиться вплавь и нашел в реке свою смерть.

Император Александр одним из первых вошел в Лейпциг и положил конец этой резне. Король Саксонии, который сопровождал своего союзника Наполеона, появился на улице, чтобы выплакать себе прощение, он один остался предателем интересов Германии. Император не подал вида, что узнал его. Напротив, самый радушный прием был оказан попавшим к нам в руки французским генералам. Были отданы самые суровые приказы для того, чтобы с жителями города и с военнопленными хорошо обращались.

До 200 брошенных неприятелем орудий, множество обозных фур, раненых и беглецов запрудили все улицы.

Со всех сторон расставили стражу, и вскоре, повинуясь одной воле Императора, спокойствие было восстановлено. Стяги всех союзных наций устремились к Лейпцигу, равнина была покрыта войсками. Гвардейцы разных армий направлялись, чтобы взять под охрану здания города, предназначавшиеся для их государей. Казалось, что австрийцы, пруссаки, шведы, русские составляли одну нацию; всё смешалось, все поздравляли друг друга и возносили благодарности Богу. Вступление в Лейпциг сорвало цепи с Германии и повергло наземь французского Колосса.

Император Александр, глава этой коалиции, выступал во всем блеске славы. Он объезжал линии всех войск, везде его приветствовали победными возгласами. Наш корпус, не видевший его на протяжении всей кампании, встретил его радостными криками «Ура!». Кронпринц Шведский,

приблизившись к нему, сказал: «Почтение современному Агамемнону», а жители Лейпцига приняли его как освободителя их отечества.

Часть войск пустили в погоню за неприятелем, но так как выбор пал на австрийцев, то его преследовали слабо.

Наш корпус остался на биваках на поле сражения, и я воспользовался этой передышкой для того, чтобы съездить в Лейпциг и насладиться зрелищем, которое представляло собой загромождение этого города.

Корпус баварских войск под командованием генерала Вреде, собранный якобы с целью прийти на помощь Наполеону, сбросил маску и расположился у Ганау с тем, чтобы помешать проходу французской армии и воспрепятствовать ее возвращению во Францию.

Если бы после Лейпцига преследование французов поручили нашим войскам и деятельному генералу или если, что было бы ещё лучше, Император двинулся дальше со всей армией, то план баварцев мог бы оказаться успешным. Но он был обречен на провал с того момента, когда Наполеон, преследуемый лишь издали и небольшим корпусом, получил возможность обрушиться всеми своими силами на 30 тысяч человек, ранее приученных бояться французов. Вреде даже не смог выбрать хорошую позицию, его войска были опрокинуты, а сам он получил ранение и сумел только украсить победой поспешное отступление Наполеона.

Слишком долго обсуждаемые и слишком медленно исполняемые движения войск не позволили государям снискать славу уничтожения неприятеля. Пройдя по баварскому корпусу, Наполеон вернулся в пределы своей империи, он все еще казался опасным монстром. Рейн представлялся грозной преградой, и объединенная Европа не решалась пересечь границы Франции.

Остановились во Франкфурте; начались переговоры. Все отдыхали, все забавлялись и тем самым дали Наполеону время приготовиться к новым сражениям.

* * *

Кронпринц Шведский, немало способствовавший поражению неприятеля, пожелал удостовериться в том, что он получит за это компенсацию. В качестве платы за союз ему обещали Норвегию. Дания держала сторону Франции и присоединила свои войска к корпусу маршала Даву в Гамбурге.

Генерал Вальмоден, противостоящий этому неприятелю, далеко не располагал требуемыми возможностями, не только для того, чтобы сократить силы противника, но даже чтобы заставить его считаться с собой. Обстоятельства и повод были слишком хороши, чтобы отказать шведам в удовольствии сразиться с датчанами, исконными и неизменными врагами их отечества.

Шведские войска и часть русских войск под командованием кронпринца Шведского перешли Эльбу и направились в Голштинию. Генерал Винценгероде с остальной частью своего корпуса двинулся через Мюльхаузен на Кассель, где предполагалось встретить сопротивление. Графу Воронцову было поручено предводительствовать авангардом, в который входил и я.

Наше продвижение было только прогулкой, победа под Лейпцигом открыла нам в Германии все дороги, даже наименее храбрые ее жители не опасались больше возврата французского ига, всех переполняла радость, и нас принимали как освободителей.

Мы прибыли под Кассель, из которого король Жером, его двор и небольшое количество оставшихся у него войск

эвакуировались после получения известия о поражении французской армии. Одновременно с нами прибыл наследный принц, теперь великий герцог Гессенский. Мы приостановили на несколько часов наш марш с тем, чтобы не испортить ему возвращение в столицу и оставить на его долю все проявления национального энтузиазма. Из любопытства мы вдвоем с Воронцовым издали последовали за ним и были глубоко тронуты искренней радостью добрых селян, увидевших сына своего бывшего законного государя. Со всех сторон к его проезду сбегались люди; они плакали от умиления или обнимались, столпившись вокруг его лошади. Но в городе все было по-другому, мы не заметили по пути принца ни рвения, ни даже любопытства его увидеть.

Жером царствовал ради наслаждения жизнью; он перенес в Кассель из Парижа роскошь удовольствий и развращенности. Все доходы его королевства были направлены на украшение столицы, на пышность его двора, на городские развлечения и на расточительство его товарищей по разгулам и любовниц. Женщины и молодые люди развлекались и находили такое течение жизни весьма удобным. Торговцы, рабочие и артисты много зарабатывали, изобилие города заставило забыть нищету деревни. Жерома не любили, но боялись возвращения прежних обычаев военной скудости, которые были присущи прежнему режиму, и столь грустно контрастировали с годами безумств, которыми только что наслаждались.

Кассель был единственным городом Германии, где нас не встретили с распростертыми объятиями. Разочарованный первым приемом, принц достаточно неловко скрылся в своем дворце, где ожидал приезда своего отца, что совершенно не противоречило грустным ожиданиям от его возвращения. Мы провели в городе несколько дней, стараясь воскресить добрый пример короля Жерома, о котором все сожалели.

А. И. Чернышев

Генерал Винценгероде получил приказ выступить на Бремен с тем, чтобы помешать Даву, покинув Гамбург, устремиться к Голландии.

Для меня сформировали отряд, с которым я должен был занять Оснабрюкк, чтобы наблюдать за неприятелем, владевшим всеми укрепленными пунктами на Исселе и собиравшим корпус в Голландии. Я двинулся через Падерборн, где нас встретили с неизъяснимой радостью. Вся эта область свободно вздохнула после возвращения своих прежних владетелей, и ненависть к французам была там доведена до крайности.

По прибытии в Оснабрюкк я расположил свой отряд на как можно более широком пространстве, под защитой трех казачьих полков, прикрывавших мои квартиры.

Несколько реквизиций сукна и других необходимых вещей позволили почти заново обмундировать мое войско.

Артиллерию также привели в порядок, и в течение восьми дней мы наслаждались полным спокойствием. Внезапно я получил приказ двинуться как можно быстрее к Бремену, которому угрожал Даву, и куда войска генерала Винценгероде еще не подошли.

Не теряя ни мгновения, отряд отправился в путь. Выступив в 6 часов утра, уже к 10 часам вечера того же дня мы были в одной миле от Бремена, пройдя 11 миль за 16 часов.

Там я получил известие о том, что маневр Даву был всего лишь демонстрацией, и что я могу вернуться в свое лагерное расположение. Возвращались мы несколько медленнее, чем шли туда, но эта операция доказала мне, каких результатов можно добиться при наличии доброй воли наших войск.

Мы вернулись к развлечениям и балам, которые нам давали один за другим, и провели еще несколько дней в приготовлениях к новым тяготам.

Мой отряд состоял из: Тульского пехотного полка — 700 человек; одного батальона 2-го егерского полка — 400; Павлоградского гусарского полка — 800; одной батареи конной артиллерии и 5 казачьих полков — 1600 человек. Всего — 3500 человек.

Я получил приказ идти к Исселю по направлению к Девентеру. Цель этого движения заключалась в том, чтобы держать под ударом войска, собиравшиеся в Голландии, и обеспечить неприкосновенность этой части Германии от нападений и реквизиций со стороны неприятеля.

В мое распоряжение были переданы отряд полковника Нарышкина, состоящий из трех казачьих полков, и отряд генерала Чернышева, возглавляемый в его отсутствие полковником Балабиным, силою в 5 казачьих полков. Первый из них располагался у меня на правом фланге, я направил его на Зволле, второй, находившийся слева, был мною послан на Дуйсбург. Таким образом, я был подкреплен восемью

казачьими полками. 2 ноября я начал движение по дороге на Бентхайм. Мой отряд казался мне слишком значительным для того, чтобы удовлетвориться только наблюдением. Я принял решение наложить руку на всю Голландию. Я послал в Амстердам голландского полковника на русской службе с тем, чтобы выяснить настроения и установить связь с некоторыми предприимчивыми людьми. О своих планах я уведомил генерала Бюлова, двигавшегося на Мюнстер, и написал генералу Винценгероде, чтобы получить его согласие. В ожидании ответа я приближался к Девентеру и старался скрыть цель своего марша с помощью нескольких казачьих партий, которые в разных направлениях разносили весть о моем прибытии.

Я знал, что Девентер защищен хорошо снабженным гарнизоном в 3000 человек и имеет на своих валах мощную артиллерию. Только внезапность могла помочь мне овладеть им.

Я приказал перейти реку Иссель башкирскому полку под командой подполковника князя Гагарина; он должен был попытаться с другого берега захватить мост, ведущий в крепость, в тот момент, когда я ночью приближусь к укрепленному городу, чтобы напасть на него врасплох. Приступ не удался, но попытка стоила нам только нескольких человек, а темнота скрыла наше отступление.

Поскольку у меня не имелось средств, чтобы сокрушить Девентер, и моя цель не заключалась в бесполезной потере времени и людей, я поручил наблюдение за этой крепостью части отряда полковника Балабина, а сам направился к Зволле.

Это место не было приготовлено к обороне, весь гарнизон его состоял из двухсот или трехсот кавалеристов, очень плохо экипированных. Выставив напоказ лишь нескольких казаков из отряда Нарышкина, я смог выманить эту кавалерию из города. Выйдя оттуда, она была опрокинута, и мои люди

ворвались в Зволле вперемешку с неприятелем, больше половины которого попала в наши руки.

Я расположил свою штаб-квартиру в этом городе, обладание которым обеспечивало мне переход через Иссель, и вошел в более тесные сношения с Голландией. Там я нашел голландского генерала ван дер Платтена, который некогда служил в России, и который энергично поддержал мои планы. Он дал мне точные сведения о силах неприятеля и о благоприятном для нас настроении своей нации. Мой посланец прибыл из Амстердама в сопровождении доверенного человека от генерала Крайенхофа, временного губернатора столицы, который обещал мне сотрудничество воодушевленного народа и умолял меня ускорить ход событий.

Я направил это известие генералу Бюлову, прося его приблизиться как можно быстрее к Голландии.

С тем, чтобы не терять времени и заставить голландцев, открыто выступить против Франции, я дал майору Марклаю 200 казаков и порадовал его приказом двигаться без отдыха и, избегая неприятеля, прямо на Амстердам, не заботясь ни о коммуникациях, ни о возможностях отступления.

Этот офицер, столь же храбрый, сколь и сообразительный, сумел, проскользнув в стороне от всех дорог, скрыть от неприятеля свой марш и вступить в Амстердам. Народ, воодушевленный видом казаков, арестовал находившихся в Амстердаме французов и поднял знамя независимости. В этот же момент полковник Нарышкин выступил из Зволле, захватил Хардервейк и двинулся на Амерсфорт. Генерал Сталь, пройдя с одним казачьим полком и двумя эскадронами гусар между Девентером и Зютфеном, имел приказ также идти в направлении Амерсфорта.

Генерал Бюлов выступил, получив известия, доставленные ему посланцем генерала Крайенхофа; он быстро овладел Дуйсбургом и выдвинулся к Арнему. С нетерпением ожидал

я от генерала Винценгероде ответа на мои планы. Я имел несчастье получить от него определенный приказ не переходить реку Иссель. Он считал мой отряд слишком слабым, чтобы предпринять какие-либо действия в стране, изрезанной препятствиями и усеянной крепостями. Я уже сделал первый шаг, Амстердам пришел в движение, все население молило о нашем приходе; опьяненный счастьем командовать самостоятельно, я решился ослушаться. Этой же ночью я собрал свои войска и перешел реку. Позиция противника была следующей: на Исселе у него имелась крепость Девентер, в Арнеме — 4 тысячи человек, в Амерсфорте — авангард корпуса из 7–8 тысяч человек, сосредоточенного в Утрехте. Крепость Нарден, полностью обеспеченная необходимыми припасами и обороняемая гарнизоном из 2 тысяч человек. Мёйден и Халвег, два форта, находившиеся почти у ворот Амстердама и снабженные всем в достатке.

Я не имел возможности сразиться в лоб с противником, намного превосходящим меня числом, на местности, где на каждом шагу встречались препятствия; к тому же проход майора Марклая заставил неприятеля удвоить предосторожности. Я мог бы добиться успеха, только если бы мне удалось обмануть его относительно моих слабых сил и сорвать тем самым все его замыслы.

После произошедшего бунта Амстердам с трепетом ожидал возвращения в его стены разъяренного противника. Надлежало оказать срочную помощь этому центру национального единения и содействовать подъему восстания.

Гусарский полк и артиллерия под командованием князя Жевахова получили приказ идти на усиление генерала Сталя и полковника Нарышкина с предписанием атаковать авангард неприятеля в Амерсфорте.

Я оставил в Зволле полковника Балабина с приказом продолжать наблюдение за Девентером и обеспечивать мои

коммуникации. Сам я с пехотой направился к Хардервейку, куда через секретного посланца я попросил генерала Крайенхофа прислать из Амстердама суда. Выступив из Зволле в ночь с 21 на 22 ноября, я прибыл в Хардервейк в тот же день, проделав 6 миль по ужасной дороге.

В то же время генерал Бюлов пошел на штурм Арнема и после упорного сопротивления овладел крепостью, что явилось одним из прекрасных подвигов этой войны.

По прибытии в Хардервейк я получил известие о том, что пост Амерсфорт был оставлен неприятелем, и наша кавалерия преследовала его по дороге на Утрехт. Но в этом порту не оказалось достаточного количества судов, и мне пришлось отделить половину своей пехоты, которую я направил на усиление князя Жевахова. В тот же вечер я сел на суда с остальной частью в количестве 600 человек. Зёйдерзе был покрыт льдинами, вражеская флотилия, отряженная из эскадры адмирала Феруэля, стоявшей в Текселе, крейсировала в окрестностях Хардервейка. Моряки предвещали беду нашему плаванию. Мы подняли паруса в 11 часов вечера; темнота скрыла наше продвижение, и мы призывали хороший ветер.

На восходе солнца мы увидели колокольни Амстердама и в 8 часов вошли в порт. Я поспешил к генералу Крайенхофу и только ему одному рассказал о малочисленности бывших со мной войск; он ужаснулся, но отступать нам было больше некуда. Мы составили объявление, в котором мне приписывалось 6 тысяч человек, и воззвание к народу, призывавшее его взяться за оружие. Загудел набат, и вскоре весь город пришел в движение; национальная гвардия получила приказ выстроиться на Дворцовой площади, огромная толпа заполнила все улицы; окна украсились оранжевыми стягами, а горсть русских, высадившаяся с судов, построилась в виде почетного караула под балконом дворца.

Л. А. Нарышкин

Столь же быстро было сформировано временное правительство, и в 10 часов народу зачитали акт о восстановлении Голландии. Воздух наполнился криками воодушевления и радости, и пушечные выстрелы далеко разнесли эту великую новость. Войска продефилировали передо мной при восклицаниях бесчисленной толпы. Тысячи людей всех сословий, наскоро вооруженные, присоединились к солдатам и, опьяненные энтузиазмом, выступили против двух фортов, блокировавших Амстердам. Едва только гарнизоны Мёйдена и Халвега, устрашенные уже шумом из города, заметили головы выдвигавшихся против них многочисленных колонн, они тотчас изъявили готовность капитулировать. 900 человек сдались в плен, а на стенах обоих фортов было найдено 26 орудий. Ничто не могло выразить бурную радость, охватившую жителей этого большого и богатого города. Звон

колокола, выстрелы из пушки, радостные крики были слышны весь день и, даже, ночью; все дома, общественные постройки, а также лодки баркасы были освещены на протяжении всей ночи. Это поистине было пробуждением нации, чья сила и свобода, усыпленные притеснением и несчастьем, внезапно обрели заново всю свою энергию.

Активность нового правительства ускорила вооружение и организацию города; все спешили оказать содействие обороне, с каждым мгновением общественное мнение обретало больше рвения и стойкости. Первые часы этого великого движения уже миновали, город освободился от беспокойства, причиняемого ему двумя фортами, которые только что сдались. Слабость моего отряда нельзя было дольше скрывать, и думы о будущем стали занимать головы и страшить руководителей восстания; они пришли, чтобы задать мне следующие вопросы: Какими средствами вы располагаете для того, чтобы обеспечить наше освобождение? Каковы ваши военные инструкции? И каковы планы союзных государей в отношении нашего политического существования?

Я запросил генерала Винценгероде о том, какую речь я должен держать перед голландцами. Он мне ответил, что совершенно не знает намерений Императора по этому поводу.

Однако отвечать надо было без промедления, малейшая фальшь в моем поведении, малейшая нерешительность могли бы разрушить всякое доверие к нам и придать моей экспедиции всю неопределенность и непоследовательность партизанского набега. Я ответил, что моими средствами для обеспечения вашего освобождения являются: мой отряд, численную слабость которого я от вас не скрывал; обстоятельства, обязывающие генерала Бюлова поддержать предприятие; высадка английских войск, которые только и ждут возможности сойти на землю, чтобы прибыть сюда; патриотизм голландцев и неожиданность для неприятеля.

Мои военные инструкции заключаются в том, чтобы рискнуть всем для того, чтобы вернуть вам свободу. Что касается планов союзных государей касательно политического существования Голландии, то я имею приказ узнать стремления нации, поддержать их и сообщить о них Императору. Теперь моя обязанность спросить у вас: каковы ваши намерения? Они мне ответили: возвращение принца Оранского, только этот дом может гарантировать нашу независимость. Тогда же было решено немедленно направить депутата, чтобы умолять принца вернуться и встать во главе нации. А ведь несколько лет назад именно эта нация предприняла все усилия, чтобы избавиться от его семейства.

Принц уже был проинформирован обо всем, что произошло в Амстердаме, и только ждал благоприятного момента, чтобы покинуть свое убежище в Англии.

Таким образом, зная, что наши армии находятся в бездействии во Франкфурте, что ведутся переговоры с Наполеоном, и, пребывая в совершенном неведении относительно политических замыслов кабинетов и намерений Императора, я был доволен всем, что сделал, и всем, что пообещал.

Я отправил курьера прямо во Франкфурт, чтобы сообщить Императору о моем вхождении в Амстердам, и написал генералу Бюлову, прося его рассматривать меня как своего подчиненного, если он намерен активно продолжать начатые операции. Пока я ждал ответов, случилось то, на что я надеялся. Неприятель, извещенный о нашем прибытии в Амстердам, был в состоянии противопоставить мне силу много большую, чем моя. С другой стороны, видя значительную колонну, выдвигавшуюся на Утрехт, и более не сомневаясь в том, что вся Голландия последует примеру столицы, он начал отступление, спешно переправился через Лек и Ваал, и тем самым уступил без сопротивления всю область между реками.

Генерал князь Жевахов остался в Утрехте; казаки под командованием генерала Сталя преследовали французов к Вейку и Вианену, а казаки полковника Нарышкина выступили, чтобы занять Роттердам и приготовить там средства для переправы через реки.

Генерал Бюлов продвигался к Утрехту, чтобы, заняв свое лагерное расположение и приняв под свое начальство голландских волонтеров, взять на себя блокаду Нардена и Девентера.

Я направил майора Марклая с его отрядом в Хелдер с тем, чтобы он предупреждал меня о передвижениях флота адмирала Феруэля. Этот достойный офицер смог заставить адмирала, который боялся части своих экипажей, состоявших из матросов-голландцев, покинуть укрепления Хелдера, где он бросил 10 орудий. Адмирал также заключил с майором Марклаем соглашение, по условиям которого он обязался не предпринимать никаких действий, если ему будет и впредь позволено закупать для себя провизию на суше. Несомненно, это был первый случай, когда отряд казаков вел переговоры с адмиралом.

* * *

Было объявлено о высадке принца Оранского. Старые друзья его семейства поспешили к нему навстречу, и Амстердам приготовился принять своего правителя, облеченного законной властью по праву рождения и по воле нации. Все население этого огромного города вышло встречать его, заполнив улицы и площади. Звон колокола, пушка и радостные крики сопровождали его прибытие. У входа во дворец находилась русская охрана, казаки ехали перед каретой принца, я со всеми своими офицерами и городскими властями ожидал его у подножия лестницы. Выходя из кареты, принц едва удержался на ногах, столпившиеся вокруг него

люди подняли его с земли. Я выступил ему навстречу и подал руку, чтобы помочь ему пробраться сквозь толпу и войти в свой дворец. Он появился на балконе, и шум восклицаний возобновился с новой силой. Принц был растроган этой сценой, но с первого взгляда легко было понять, что он находился далеко не на высоте своего положения и не мог в должной мере оценить подобный момент.

Принца сопровождал английский посол, господин Кланкарти, который тут же посвятил меня в планы своего правительства относительно Голландии. Эти конфиденциальные сведения были более чем достаточны, чтобы совершенно успокоить меня насчет моего политического поведения.

Вечером принц, посол и я вместе разместились в одной и той же карете, чтобы отправиться в театр. Нас приняли там с самым шумным восторгом; во всем было видно мощное выражение чувств нации, не утратившей ощущения свободы. Голландцы, прежде мало приученные рассматривать принца в качестве своего суверена, теперь, казалось, воздавали должные почести первому гражданину государства. Их восклицания не были приветственными криками подданных, они имели характер выбора того, кто считался наиболее достойным для спасения государства. Этот нюанс производил яркое впечатление и прибавлял величия картине.

В это время князь Жевахов получил приказ уступить место пруссакам, которые двигались к Утрехту, и пойти к Роттердаму, куда я направил остатки моей пехоты. Генерал Сталь переправился через Лек и выслал свои патрули на Боммел и Горкум.

Направляясь со своим отрядом на соединение с ним, я остановился в Гааге, чтобы принять участие в военном совете, состоящем из принца Оранского, генерала Бюлова, английского посла и меня. Было высказано мнение, что не следует ничем рисковать, а надо лишь пытаться заставить

пасть крепости. Когда пришел мой черед высказать свое мнение, я объявил, что имею намерение всем рискнуть, что я собираюсь перейти Ваал и попытаться воспользоваться замешательством противника, чтобы захватить прочный пост на левом берегу реки и тем самым придать устойчивость нашим операциям, отдалив войну от центральных областей Голландии. Это суждение бесконечно понравилось принцу и послу. Генерал Бюлов долго оспаривал его, но кончил тем, что пообещал обеспечивать мое отступление, послав несколько батальонов охранять мою переправу и наблюдать за гарнизоном Горкума. 28 ноября я прибыл в Роттердам.

В тот момент, когда они мне были наиболее необходимы, генерал Винценгероде забрал у меня 3 казачьих полка полковника Нарышкина и 5 полковника Балабина.

Недовольный тем, что я вступил в Голландию против его воли, и вынужденный одобрить это движение из-за его счастливого результата, он пытался противодействовать мне, как только мог. Пришлось расстаться почти с половиной моей кавалерии и искать возможность восполнить эту потерю.

Генерал Сталь перешел Ваал с приказом двигаться безостановочно, избегая неприятеля, и появиться перед Бредой со стороны Антверпенской дороги. В тот же момент отряд голландских волонтеров захватил Брилле и Хеллевутслёйс. Батальон 2-го егерского полка занял Дордрехт, а капитан Петерссон со 100 казаками и храбрыми голландскими патриотами прогнал неприятеля из Хоге-Свалюве.

Ожидая прихода пруссаков, которые мне были обещаны, и которые не появлялись, я отправил две пушки и один батальон Тульского полка захватить дамбу, ведущую от Горкума в Хартингсвелд, и той же ночью последовал за этим батальоном с остальным отрядом. Я вызвал из Дордрехта батальон егерей и притянул к себе прусского полковника Коломба,

у которого было 600 человек пехоты и кавалерии. Этот храбрый офицер не покидал меня с тех пор и оказал нам истинные услуги.

Голландские канонерские лодки, наскоро вооруженные стараниями жителей Роттердама, приблизились к укреплениям Горкума и обстреляли это место, защищаемое гарнизоном из 7–8 тысяч человек.

Генерал Сталь, благодаря хорошо согласованному и быстрому маршу, застал врасплох крепость Бреду, чьи жители, воодушевленные его появлением, начали угрожать французам. Уведомленный о том, что происходило в городе, генерал Сталь стремительно атаковал одни из ворот, захватил их и взял 600 пленных из состава гарнизона, который бежал в беспорядке, видя себя преданным жителями и отрезанным от Антверпена. Бреда, одна из сильнейших крепостей и ключ от Голландии, оказалась вовсе не готова к обороне, на стенах не было пушек, и даже сами укрепления не содержались в надлежащем состоянии.

*«Освобождение Амстердама».
Медальон Ф. П. Толстого*

Наполеон, являясь хозяином Германии и переходя Неман, чтобы в Москве продиктовать условия мира, не заботился об укреплении крепостей Брабанта.

На рассвете, находясь на расстоянии полета ядра от Горкума, я начал свою переправу на лодках разной величины. Река была весьма широкой, а ветер — очень сильным; мы испытывали большие трудности, особенно с лошадьми. К счастью, гарнизон крепости нас совершенно не беспокоил. После того как мы, наконец, собрались на другом берегу, нам предстояло еще пройти под пушками Воркума, находившегося на левом берегу Ваала, почти напротив Горкума. Ни один человек не вышел, чтобы преградить нам дорогу; такой счастливый случай невозможно было предвидеть.

Для большого отряда, и особенно для артиллерии, не имелось другой дороги, кроме как пройти через Гертрёйденберг — крепость очень сильную по своему положению и защищенную с этой стороны водами Бисбоса. Я знал, что гарнизон там очень слаб и совсем не готов к атаке. Генерал Сталь уже направил казачью партию, чтобы наблюдать за ним, и одного офицера, чтобы предложить коменданту сдать крепость.

Это был бригадный генерал Лорсе, прибывший в крепость накануне. Заметив наступление моего отряда, он подписал условия сдачи крепости. Он не просил никакой милости, кроме права вернуться во Францию со своим слабым гарнизоном. Мне осталось только пройти через Гертрёйденберг, где голландцы вооружились, чтобы образовать новый гарнизон, и в тот же вечер, 1 декабря, я прибыл в Бреду. Мы шли из Роттердама, не тратя ни одной минуты на отдых, и за 36 часов совершили марш в 11 миль и три большие переправы через реки.

Я сразу же принялся за работу, пытаясь хотя бы немного исправить разрушения стен, организовать подвоз в крепость

провизии и фуража и позаботиться о средствах доставки ко мне пушек, пороха и артиллеристов. Полковник Чеченский был тотчас отряжен с двумя казачьими полками, чтобы попытаться запугать гарнизон Виллемстада; он прибыл к этой крепости на рассвете. Французские войска, застигнутые врасплох этим появлением, столь поспешно погрузились на суда, что оставили в наших руках более 100 орудий, 52 канонерские лодки со всем вооружением и значительное количество всевозможных припасов.

Взятие этой крепости, давшее мне средства привести Бреду в оборонительное состояние, имело еще большую важность для высадки английских войск, которые нашли в Виллемстаде удобный порт и хорошо укрепленный пункт.

Я оставил там майора Алферьева с эскадроном гусар и 100 казаками, чтобы прикрыть аванпостами высадку английских войск. Затем ему следовало оставаться в распоряжении английского генерала Грэхема до тех пор, пока последний не сможет заменить его кавалерией своей нации. Одновременно майор Алферьев должен был наблюдать за гарнизоном Берген-оп-Зома. Генерал Сталь имел приказ выдвинуться в Вюствезел и направить свои партии под самый Антверпен, куда недавно прибыл генерал Карно, чтобы принять командование этой важной крепостью.

Полковник Чеченский со своим полком бугских казаков расположился в Тюрнхауте. Прусский полковник Коломб, оставивший свою пехоту в Бреде и усиленный капитаном Петерссоном со 100 гусарами и 200 казаками, получил задание разведывать местность до Малина и Лувена. Генерал Бюлов, извещенный о занятии Бреды, Гертрёйденберга и Виллемстада, покинул, наконец, места своего расположения в Утрехте, велел окружить крепость Горкум, а сам со всем своим корпусом направился в Боммел.

Тем временем, неприятель, опомнившийся от первого своего удивления, и подкрепленный войсками, которые спешно подходили со всех сторон, организовал армию. Матросы, находившиеся в порту Антверпена, были вооружены и включены в состав полков. Наибольшую активность проявил, готовясь к бою, генерал Карно. Четкий приказ Наполеона предписывал ему разыскать русских за реками и любой ценой отобрать назад Бреду. Курьер из Парижа попал в руки моих партий, что позволило мне узнать, чего я должен был опасаться.

Неприятель вышел из Антверпена со значительной артиллерией, его корпус насчитывал от 17 до 18 тысяч человек, но состоял из плохих войск. Он двинулся на Вюствезел и заставил генерала Сталя отступить. Полковник Чеченский имел приказ беспокоить неприятеля на марше, но не терять дороги из Тюрнхаута в Бреду. Генерал Сталь медленно отходил по дороге, по которой двигался неприятель. Я направил навстречу ему в качестве поддержки два орудия конной артиллерии и эскадрон гусар, а для того, чтобы ему не пришлось в беспорядке возвратиться в Бреду, один батальон егерей расположился укрытом месте вне крепости с целью дать кавалерии возможность собраться.

Удачные распоряжения генерала Сталя сделали эту предосторожность излишней; оспаривая у неприятеля каждый шаг его марша, он вступил в Бреду в полдень 7 декабря, соблюдая весь возможный порядок и не оставив неприятелю ни малейшего трофея.

* * *

Эспланада вокруг крепости не могла еще быть очищена, вследствие чего неприятельские стрелки расположились в садах и хижинах, подступавших к самому гласису. Батареи

были поставлены на очень маленьком расстоянии от крепости, и стремительная атака началась.

Капитан артиллерии Сухозанет разместил свои пушки на выдвинутом укреплении, он встретил неприятеля огнем таким плотным и так хорошо поддержанным пальбой нашей пехоты, что неприятель прекратил атаку и удовлетворился артиллерийским обстрелом крепости. Именно в этот день я ждал прибытия по воде из Виллемстада пушек большого калибра и боеприпасов — единственной надежды, на которую я мог рассчитывать при обороне Бреды.

Я узнал, что противник направил партию, чтобы захватить переправу на реке Марк при Тюрнхауте, через которую должен пройти этот транспорт, и откуда неприятель мог двинуться прямо в Гертрёйденберг, который мог быть легко взят, поскольку его защищали одни только горожане. В таком случае, я оказался бы лишенным помощи, столь нетерпеливо мною ожидаемой, и отрезанным от всех моих коммуникаций.

Пост, который я имел на этой переправе, был уже оставлен, когда туда прибыл князь Гагарин, посланный мною по правому берегу реки Марк, со своим башкирским полком, одним эскадроном гусар и двумя орудиями.

Ночью он без колебаний атаковал противника, намного превосходящего его числом; успех был полным; Тюрнхаутский пост взят с саблей в руке. Нам достались 200 пленных, а остальные были обязаны своим спасением только ночной темноте и труднопроходимой местности. Часом позже транспорт попал бы в руки французов.

Тяжелые пушки прибыли, стараниями наших артиллерийских офицеров и голландских офицеров под руководством полковника Штайнмеца, их удалось разместить на валах после утомительной работы. Одни занимались устройством платформ, другие устанавливали пушки на лафеты,

в большинстве своем требовавшие серьезного ремонта, в то время как прочие тянули пушки, наполняли заряды и сортировали ядра. Вся эта работа сопровождалась неприятельской бомбардировкой, на которую мы не имели ни времени, ни средств отвечать. Наше молчание заставило противника думать, что настал момент для капитуляции; он прислал парламентера с требованием сдать город. Его попросили удалиться, и наша новая артиллерия в количестве 40 орудий, вступив в игру, доказала неприятелю, что ему не на что надеяться.

Полковник Чеченский направился в Тилбург для того, чтобы оттуда тревожить неприятеля и сохранять мое сообщение с постами генерала Бюлова; князь Гагарин оставался в Тюрнхауте, держа связь с отрядом майора Алферьева и передавая мне новости о высадке англичан в Виллемстаде.

Вечером 8 декабря в Бреду возвратились полковник Коломб и капитан Петерсон; они побывали в Лувене и Малине, откуда привезли 8 захваченных у неприятеля орудий и три сотни плененных в Испании англичан, которых им удалось освободить. Эта удивительная встреча принадлежала к великим событиям 1813 года.

Всю эту ночь город продолжал подвергаться сильной бомбардировке; несколько пожаров напугали жителей, но усердие и активность наших войск позволили повсюду справиться с огнем и сохранить в городе порядок и спокойствие.

Утром 9 декабря, после усиления канонады, неприятель попытался провести атаку на Тюрнхаутские ворота; она продолжалась довольно долго и прекратилась только тогда, когда я сделал вылазку через Антверпенские ворота. Солдаты голландского батальона, наспех сформированного из жителей города, пошли в бой с радостными криками и проявили замечательное рвение, я поддержал их сотней отборных людей нашей пехоты. Противник понес значительные потери,

и даже канонада прекратилась. Вечером она возобновилась, однако ночь была спокойной. Англичане ничем не могли нам помочь; их высадку задержал сильный ветер, который уносил в море суда, перевозившие лошадей.

Боммелварт был настолько непроходим из-за ледохода, что генерал Бюлов, который теперь очень хотел прийти мне помощь, не мог переправить через него свои войска. Однако французы должны были опасаться прихода англичан и пруссаков, и либо поторопиться в своем начинании против Бреды, либо отказаться от него.

10 декабря они захватили все дороги кроме той, которая вела к посту, занимаемому князем Гагариным. Батареи, защищенные возведенными за ночь укреплениями, были придвинуты ближе к крепости, их оживленный огонь стоил нам больших потерь и разрушил несколько домов. Бастион, на котором разместил я свою штаб-квартиру, стало почти невозможно удерживать, и большинство орудий на нем было подбито. Под вечер противник с яростью атаковал трое ворот. Антверпенские ворота были обороняемы князем Жеваховым, чьи спешенные гусары соперничали в храбрости с нашей пехотой. Тюрнхаутские ворота охраняли генерал Сталь и пруссаки под командованием полковника Коломба. Все были воодушевлены самым прекрасным рвением, и на всех лицах была написана уверенность в успехе.

Со своим последним резервом я направился к Буа-ле-Дюкским воротам, где атака, казалось, была решающей. Местность там была достаточно открытая, и когда день склонялся к вечеру, я произвел вылазку с 3 эскадронами гусар, одним казачьим полком и 4 конными орудиями. Мы с неистовой силой бросились на врага, он уступил первому натиску и поспешно отступил на довольно большое расстояние.

Опасаясь, что этот слишком легкий успех таит в себе какую-нибудь ловушку, я остановил преследование. В этот самый

момент азарт увлек казачью партию, присланную от князя Гагарина, которая воспользовалась моментом и с громким криком бросилась в тыл французам. Последние опасались, что мое движение было согласовано с корпусом Бюлова, и это обстоятельство вынудило их к быстрому отступлению.

Наступил вечер, я приказал разжечь большие костры и расставил ведеты так, как будто здесь встал лагерем целый корпус. Атаки на другие ворота были отбиты, и неприятель понес значительные потери.

С наступлением ночи канонада утихла со всех сторон. Донесения со всех постов сообщали мне, что в лагере французов слышен большой шум. Утром очень густой туман не позволял рассмотреть позицию неприятеля, в 8 часов я велел опустить мост и, несмотря на этот туман, выслал патрули. Они донесли мне, что осаждающие полностью покинули свои позиции и удаляются от Бреды. Радость, которую мы ощутили при этом известии, была еще более сильной оттого, что мы уже начали испытывать недостаток фуража, а жители — нехватку продуктов питания. Генерал Сталь получил приказ преследовать неприятеля по Антверпенской дороге. Он смог сделать это только до Вюствезела, где французы остановились и закрепились. Полковник Коломб и один казачий полк направились в Тюрнхаут.

На следующий день, 12 декабря, в день рождения Его Императорского Величества мы благодарили Бога на стенах крепости. Голландцы и пруссаки, построенные вместе с нашими войсками, присутствовали на нашем богослужении и преклоняли колени.

Я умолял англичан, Бюлова и голландцев прийти сменить меня, я не мог ограничить себя, сделав из моего отряда всего лишь гарнизон одной крепости, тем более что генерал Винценгероде посылал мне приказ за приказом, требуя, чтобы я присоединился к нему. Он двинулся вперед со всем своим

корпусом и хотел, чтобы я переправился обратно через эту реку, чтобы перейти ее во второй раз вместе с ним.

Наконец, после многих хлопот, 22 декабря меня сменили 2 английских батальона, 2 прусских батальона и 2 голландских. Я сдал им Бреду, а сам отправился в путь.

Чтобы запутать неприятеля, я пошел в Тилбург и атаковал его ночью двумя казачьими полками. Через день я направился в Боммел, где находился корпус генерала Бюлова, а оттуда — в Арнем и в Эммерих, где мне предстояло совершить переправу через Рейн, в то время как генерал Винценгероде переходил его в Дюссельдорфе.

Льдины неслись по воде с такой силой, что, несмотря на все мои старания, было невозможно соорудить переправу. Я написал об этом генералу, тот счел или сделал вид, что считает меня своевольным подчиненным, и послал мне приказ передать командование лицу, превосходящему меня старшинством.

Я не считал такое унижение заслуженным, это была его месть за мою удачную экспедицию в Голландию, предпринятую против его воли.

В утешение я получил орден Святого Владимира 2-й степени, присланный мне Императором, орден Большого Красного Орла, пожалованный мне королем Пруссии по представлению генерала Бюлова, и орден Меча от короля Швеции. Самыми приятными подарками для меня были сабля от регента Англии, шпага от принца Оранского, короля Нидерландов, а также пожалованные Тульскому и 2-му егерскому полкам наградные трубы с выгравированными на них датой нашего прихода в Амстердам и моим именем.

Со слезами покинул я свой храбрый отряд, переправа которого через Рейн в Эммерихе не состоялась, и он был направлен в Дюссельдорф, куда я выехал в полном одиночестве. Генерал Винценгероде был огорчен тем затруднением, которое он мне доставил.

1814

Корпус генерала Винценгероде совершил свою переправу; мой брат открыл путь среди льдин: с тремя сотнями егерей и несколькими казаками он атаковал и опрокинул неприятельский пост, который должен был препятствовать высадке наших войск.

После весьма длительного пребывания во Франкфурте, главная армия союзников 1 января перешла Рейн. Она дебушировала через Базель и направилась к Лангру. Корпус графа Витгенштейна переправилась через реку около Мангейма. Войска маршала Блюхера перешли Рейн в окрестностях Кобленца и двинулись на Нанси.

Наполеон использовал предоставленное ему время для формирования новой армии и для воодушевления своей нации. Но это уже не были французы начала Революции. Утомленные нескончаемыми войнами, они только и мечтали о наступлении мира. Лозунги об императоре и его подданных, заменившие зажигательные слова о свободе и равенстве, больше не могли заставить население взять в руки оружие.

Вместо того чтобы воззвать к патриотизму и призвать к террору, что раньше всегда подвигало французов к действию, Наполеон стремился запугать их амбициозными намерениями союзников и жестокостью казаков. Он предвещал французам, что их дома будут сожжены, их жены и дочери обесчещены, что Франция окажется под игом иноземцев, торговля и промышленность будут разрушены, а собственность отнята. Чтобы избежать всех несчастий и унижений, он приказал бить в набат во всех деревнях, браться за оружие, создавать партизанские отряды и везде смотреть на союзников как на животных, предназначенных на убой. Но воззвания союзных государей, дисциплина наших армий и ослабление существовавшего раньше во Франции слепого доверия

к Наполеону, парализовали все его усилия: народ остался почти спокойным свидетелем развязки этой великой борьбы.

Даже представители властей стремились скорее парализовать возможности императора, чем вновь помогать ему. Все устали от его военного деспотизма, его обещания больше не могли обмануть никого, обаяние его непобедимости исчезло, вельможи империи уже высчитывали момент его падения. Только армия осталась верна выбранному ею государю, полководцу, столько раз приводившему ее к победе; она глубоко переживала его неудачи и клялась их возместить.

Насчитывая около 120 тысяч человек, французская армия в третий раз вступила в борьбу. Дважды она была истреблена; жалким образом пропавшая в России, разбитая под Лейпцигом, теперь она возродилась во Франции с той же отвагой и верой в своего вождя. Всякий настоящий солдат должен отдать дань уважения этой прекрасной и несчастной армии Наполеона.

После нескольких дней пребывания в Дюссельдорфе я через Кельн прибыл в Льеж, где нашел генерала Винценгероде. Он был огорчен неприятностью, которую мне причинил, и отдал под мое командование часть кавалерии. Корпус двигался на Намюр, где мы предполагали встретить неприятеля, но он отступил при приближении нашего авангарда, возглавляемого генералом Чернышовым.

Жители этих старинных провинций Германской империи приняли нас с полнейшим равнодушием, в них не было заметно ни ненависти к французам, которую мы предполагали найти, ни желания вернуться под власть своих прежних правителей. Можно сказать, что эта страна была совершенно чуждой готовящимся со всех сторон великим переменам. Из Намюра мы направились к Авену — крепости, которая, оказавшись совершенно не готовой к обороне,

открыла свои ворота первой появившейся там партии казаков. Генерал Чернышев, шедший в авангарде, предложил захватить Суассон; весь корпус последовал за ним и принял участие в штурме этого города.

Стены его находились в довольно приличном состоянии и защищались гарнизоном из почти трех тысяч человек. Дело было жаркое; ворота взяли после упорного боя; наши егеря показали чудеса храбрости. Крепость была захвачена, а гарнизон сложил оружие.

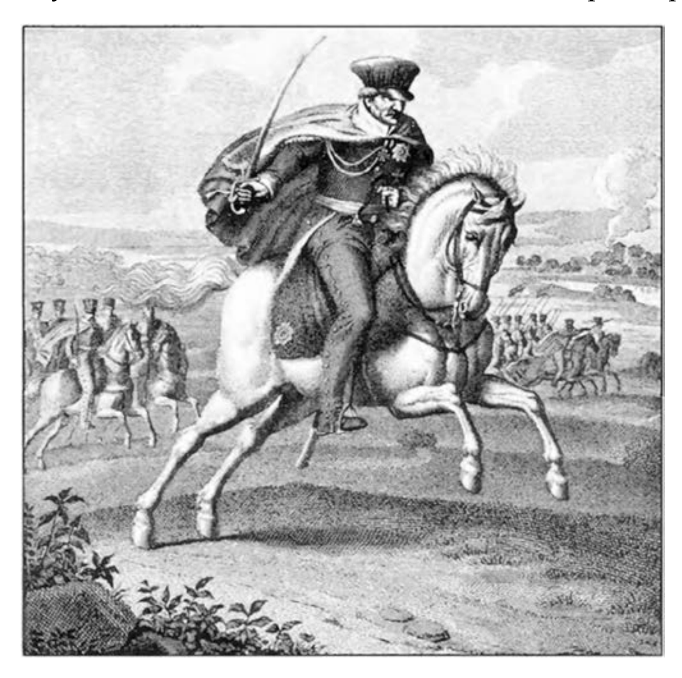
Этой же ночью генерал Винценгероде получил известия о различных неудачах, испытанных армией фельдмаршала Блюхера. Она необдуманно наступала на Париж; корпуса и даже дивизии, ее составлявшие, двигались разрозненно и без должной разведки. Наполеон воспользовался такой прекрасной возможностью; он обрушился на эту армию, застав ее врасплох, и разбил по отдельности различные корпуса. Всем им пришлось отступить в беспорядке, целая дивизия русской пехоты под командованием генерала Олсуфьева была окружена и принуждена к сдаче.

Эта катастрофа заставила нас покинуть Суассон и пойти к Реймсу, чтобы оказать помощь Блюхеру. Но Наполеон уже изменил направление и быстро двинулся против армии государей. Блюхер, оправившись от поражения, стал задумываться о возобновлении наступления. Я принял командование авангардом, получив приказ продвинуться до Эперне.

В это время главная армия участвовала в кровопролитных боях, проходивших с переменным успехом. Сражение при Бриенне было выиграно, благодаря присутствию и распоряжениям императора Александра, австрийцы же, как всегда неспособные к энергичным действиям и прямодушию, привнесли в движения нерешительность и неуверенность в успехе.

Крестьяне, доведенные до крайности тяготами войны, убежденные прокламациями правительства и воодушевленные офицерами, начали, наконец, браться за оружие для защиты своих очагов. Повсюду слышался набат, леса и большие дороги наполнились мелкими отрядами партизан, деревни опустели, со всех сторон раздавались ружейные выстрелы. Наши коммуникации стали опасными, наших раненых вырезали, наши обозы грабили, и война приняла характер ужасающей жестокости и остервенения.

Из Эперне я пытался установить сообщение с нашей главной армией, но все мои отряды сталкивались с непреодолимыми трудностями. В то время, когда я начал разоружать жителей и возвращать их в их деревни, я получил приказ покинуть мою позицию и как можно скорее прибыть

Генерал Блюхер

под Суассон. Я выступил той же ночью; пехота составляла авангард моего отряда, я шел по почти непроезжим дорогам и на следующее утро, очень устав, прибыл на высоты, господствующие над Суассоном. Перед крепостью я нашел весь корпус генерала Винценгероде, который занимался обстреливанием ее из пушек. Эту крепость защищал польский генерал, она была лучше обеспечена пушками и войсками, чем во время первого приступа.

На рассвете следующего дня я получил приказ двинуться со всей своей кавалерией навстречу армии фельдмаршала Блюхера, который не усвоил первого полученного им урока и, видя целью своих усилий только Париж, уже во второй раз дошел до Мо. Однако ему снова пришлось отступить перед Наполеоном, который, сразившись с армией государей, устремился на помощь своей столице. Я встретил армию Блюхера в полнейшем беспорядке, все роды войск перемешались, обозы и артиллерия двигались вместе. Все войска были изнурены усталостью и обтрепаны, а лошади — истощены. Арьергард, возглавляемый генералом Васильчиковым, сражался при отступлении, сохраняя порядок и мужество, выработанное привычкой к боям. Неприятель заметил мою свежую и многочисленную кавалерию, прибывшую, чтобы остановить его преследование.

Блюхер, отступая к Суассону, считал, что это место находится в нашей власти. Весь корпус генерала Винценгероде стоял на равнине перед городом с той стороны, откуда подходила отступающая армия. Через Эну был переброшен только один понтонный мост. Царивший в войсках Блюхера беспорядок не позволял им вступить в бой, мы стали опасаться, что этот беспорядок перекинется на наш корпус. Вступивший к тому времени в переговоры комендант Суассона, услышав канонаду позади нас, казалось, хотел разорвать всякое соглашение. Тогда две армии, скучившиеся

в небольшой долине, имея Наполеона на хвосте, и крепость — перед собой, могли избежать катастрофы только чудом. Это чудо произошло, когда польский генерал открыл ворота Суассона при условии, что ему дадут уйти со своим гарнизоном. Таким образом, корпус Блюхера вступил в город и был спасен. В тот же день генерал Бюлов прибыл со своим корпусом и расположился биваком на другой стороне Эны. Он вернулся из своей кампании в Голландии, которую он покинул только после того, как для его замены там была сформирована армия под командованием герцога Веймарского. Таким образом, в районе Суассона у нас собрались значительные силы; корпус генерала Бюлова и наш находились в наилучшем состоянии, однако, корпусу Блюхера для реорганизации требовалось несколько дней отдыха.

Было решено, что все войска переправятся обратно за реку и с целью передышки займут квартиры вдоль Эны вплоть до Бак-а-Берри. Принятию этого решения способствовало также болезнь фельдмаршала Блюхера, который почти ослеп и вообразил, что он на сносях и должен родить слона. Такое странное состояние продолжалось у него практически до вступления в Париж и парализовало ту активность, которой до тех пор отличались все его действия.

Генерал Рудзевич был оставлен в Суассоне с одной пехотной дивизией; барону Палену поручили охранять переправу через Эну в Берри, а остальная армия стала лагерем в треугольнике, опирающемся на Суассон, Лаон и Бак-а-Берри. Мой отряд, сократившийся до Павлоградского гусарского полка, одной роты конной артиллерии и трех казачьих полков, расположился в Борьё, около Бурка.

* * *

Наполеон, со своей стороны, казалось, тоже хотел взять несколько дней передышки, но как только ему стало известно

о занятии нами квартир, он приготовился напасть на них врасплох. Чтобы обмануть нас, он велел сильно обстреливать из пушек Суассон, а сам со всеми своими силами быстро двинулся через Фим прямо на Бак-а-Берри.

В Борьё большой отряд выказал намерение перейти Эну, чтобы атаковать меня, но я, различив тянущиеся вдоль холмов неприятельские колонны, тотчас послал предупредить генерала Винценгероде, находившегося в Вайи, и графа Воронцова, стоявшего в Краоне, о том, что, возможно, французы захватят наш пост в Бак-а-Берри. Вечером того же дня все силы Наполеона двинулись на этот пункт; генералы Иловайский и Пален были отброшены в беспорядке и преследуемы по дороге на Лаон; граф Воронцов был сильно атакован перед Краоном.

Весь корпус генерала Винценгероде получил приказ встать в этом пункте, что и было исполнено к полудню следующего дня. Прочие корпуса армии Блюхера расположились эшелонами позади нашего, на ровном плато, которое, образуя гребень горы, расширялось в некоторых местах почти на одну версту, а чаще суживалось до половины версты. Граф Воронцов еще сражался по ту сторону Краона, но к концу дня отступил под напором многочисленного неприятеля и занял место в линиях нашей пехоты. Граф Воронцов со своей дивизией присоединился к нашему корпусу, что увеличило численность нашей пехоты до 17 тысяч человек. Наша кавалерия, находившаяся в самом наилучшем состоянии, насчитывала около 10 тысяч лошадей. Вечером того же дня этот корпус приготовился встретить врага. Наша позиция была выгодной; позиция французов нависала над ней, но мы оставались вне досягаемости пушечного выстрела. Для того чтобы нас атаковать, им следовало спуститься с Краонского плато, откуда они не могли скрыть от нас никакого движения,

перейти ложбину под огнем наших батарей и подняться к нам по склону, что давало нам все преимущества.

Генерал Винценгероде получил приказ со всей своей кавалерией и частью прусской кавалерии ночью обходной дорогой зайти в тыл Наполеону, чтобы напасть на него спустя некоторое время после того, как тот начнет свои атаки. Чтобы усилить первоначальный эффект от этого удара, на позиции оставили пехоту под командованием графов Строганова и Воронцова, а из всей кавалерии — Павлоградский гусарский полк с четырьмя казачьими полками и одной конной батареей, под моим командованием. Генерал Винценгероде с остальной конницей пошел в обход, имея в авангарде отряд генерала Чернышова.

Наш корпус, оставшийся перед неприятелем, приготовился к бою; кавалерия расположилась справа, на единственном месте, пригодном для ее развертывания; пехота построилась в две линии с резервами; основная часть артиллерии была поставлена батареей впереди пехоты.

На рассвете мы увидели все сосредоточенные на Краонском плато массы французской армии, которые, нависая над занимаемой нами местностью, имели возможность установить нашу численность и судить о наших движениях.

Не без тревоги ожидали мы момента, когда Наполеон обрушится на нас. Противник втрое превосходил нас по численности, и мы не имели полной уверенности в успехе диверсии, которую должен был провести генерал Винценгероде.

К 9 часам мы увидели, как строятся колонны неприятеля; вольтижеры начали ружейную перестрелку, артиллерия обеих сторон обменялась несколькими ядрами, и, наконец, крики «Да здравствует император!» возвестили о прибытии Наполеона и послужили сигналом к атаке.

Неприятельские массы, предшествуемые несколькими орудиями, двинулись против нас быстрым шагом, стойкость

наших войск и преимущества позиции заставили их отступить. Свежие войска заменили тех, кто атаковал первыми, и разгорелся бой; стороны сходились между собой в штыки. Французы несколько раз были отбиты; наша удачно расположенная артиллерия поражала вражеские массы; наши стрелки, пользуясь кустарником, прикрывавшим часть нашего фронта, наносили противнику значительный урон. Тем временем французы развернули многочисленную артиллерию, их кавалерия спустилась на равнину и угрожала моему крайнему правому флангу, их стрелки понемногу приблизились к моей кавалерии и причиняли большой вред прислуге моих орудий.

В этот момент графы Строганов и Воронцов прислали сказать мне, что, несмотря на понесенные ими потери, они приняли решение не уступать неприятелю ни шагу, и просят меня держаться до последней возможности. Дело продолжилось с удвоенным рвением, и поле битвы покрылось убитыми и ранеными. Обе стороны дрались с ожесточением, атаки отражались, но отбитые войска заменялись новыми, атаковавшими столь же храбро.

Мы все время надеялись услышать канонаду Винценгероде позади французов и увидеть тогда предел их натиска. Но этого не происходило, а наши силы таяли. После 4 или 5 часов страшного огня, не имея известий от генерала Винценгероде, фельдмаршал Блюхер принял решение двинуть на Лаон различные корпуса своей армии и, оставив генерала Сакена в качестве поддерживающего нас эшелона, отдал нашему корпусу приказ начать отступление.

Французы, уже почти всеми своими массами, бросились тогда с новым пылом на нашу пехоту; их кавалерия хотела смять ее, но была остановлена порядком и мужеством наших людей, только один егерский полк был приведен в замешательство и частично изрублен.

Я не мог отступить назад, так как позади меня была глубокая пропасть. Мне пришлось пойти влево, и я попал на ту самую местность, которую покинула наша пехота, а теперь занимала вся вражеская кавалерия. Я велел отвезти еще левее орудия, которые были уже почти непригодны к бою, и скомандовал атаку четырем казачьим полкам, поддержав их Павлоградским гусарским полком, построенным эшелонами, дивизион за дивизионом. Казаки бросились вперед с таким самозабвением, что первым же ударом опрокинули французские полки; гусары довершили успех атаки, смятый неприятелем егерский полк, чьи солдаты защищались сами по себе, был спасен, и мы проскакали, рубя французов, через вражеские батареи, уже громившие огнем нашу отступающую пехоту.

П. А. Строганов

Смятение неприятеля было полным, но и гибель моей малочисленной кавалерии была бы неизбежной, если бы генерал Сакен не направил к нам на помощь генерала Васильчикова с одной гусарской и одной драгунской дивизиями. Они прибыли в тот момент, когда оправившаяся от своего первоначального расстройства французская кавалерия смяла мою конницу и начала ее преследовать. Это подкрепление остановило врага и позволило нам устроиться. Пехота продолжала свое отступление, а мы продолжали ее прикрывать. Оставшись хозяевами на поле сражения, французы решили не рисковать своей кавалерией и удовлетворились тем, что стали преследовать нас тем количеством пушек, которые местность позволяла им развернуть. Примерно 100 орудий двигались по нашим следам и поражали нас своим огнем.

Наша почти разбитая артиллерия могла отвечать им только слабым огнем, земля была мерзлая, ядра рикошетировали на огромное расстояние и падали в наши пехотные колонны, после того, как вырывали всадников или лошадей из наших рядов. Наши потери были огромны. Генерал Ланской, покрывший себя славой в нескольких кампаниях, и генерал Ушаков, подававший блестящие надежды, были смертельно ранены. Генералы Дмитрий Васильчиков и Юрковский выбыли из строя, множество отличных офицеров погибло. Граф Строганов имел несчастье увидеть, как почти перед его глазами ядро сразило его единственного сына и наследника его огромного состояния; он погиб в возрасте 17 лет. Почти все окружавшие меня офицеры были убиты или ранены; я очень сожалел о моем адъютанте Лантингсгаузене, который из-за своей блестящей смелости и деятельности являлся любимцем всего корпуса. В пехоте потери среди генералов, офицеров и солдат также были очень чувствительны. К концу дня генерал Сакен велел выставить 36 батарейных орудий для того, чтобы прикрыть наше отступление.

Командовавший ими офицер вначале принял нас за неприятеля, и произвел по нам свой первый залп, но мы потеряли уже столько людей, что этот новый урон не смутил никого из нас.

Я был назначен руководить арьергардом; мне придали 2 полка егерей и одну батарею, с приказом удерживать до последней возможности место пересечения дороги из Суассона в Лаон и дороги, по которой шли наши войска. Это было необходимо для того, чтобы генерал Рудзевич, оставленный в Суассоне, смог исполнить приказ об эвакуации этого города и присоединиться к армии, которая вся собиралась в Лаоне.

Генерал Винценгероде весь день слышал страшную канонаду, и мог себе представить, насколько наш слабый корпус должен был от нее страдать. Тем не менее, он не двигался; дороги, на которые он рассчитывал, находились в очень плохом состоянии; авангард, возглавляемый генералом Чернышевым, тоже не прибыл. Таким образом, 10 тысяч человек кавалерии к большому счастью Наполеона пребывали в бездействии и практически оказались зрителями боя при Краоне. Ночь положила конец этому кровавому дню; я прибыл к указанному мне пункту. Обозы, раненые, а потом и отряд Рудзевича тянулись позади моего арьергарда и заполнили всю дорогу. Между тем, я стоял в непосредственной близости от победоносной армии Наполеона и не мог сомневаться, что на рассвете буду атакован. Я велел подсчитать численность своего отряда, и был поражен, узнав, что из почти 900 человек, состоявших утром в рядах Павлоградского полка, осталось немногим более 400. Казаки и егеря понесли потери в такой же пропорции. Всего у меня под ружьем было около 3000 человек. С первыми лучами солнца неприятель подался вперед, и я был вынужден возобновить свое отступление. Местность была изрезанная, а большая дорога петляла,

что позволяло мне вначале легко скрывать слабость моего отряда, и от раза к разу останавливать наступательные движения неприятеля. Около полудня, когда я отступил еще не далее одного лье, прибыл генерал Чернышев со свежими войсками, чтобы сменить меня и мой изрядно утомленный отряд.

Я направился в Лаон, до которого было около двух лье, и занял свое место на биваке армии. Чернышев продолжал медленно отходить, неотступно преследуемый неприятелем, и около полуночи вступил на позицию. Враг неотступно его преследовал и на заре следующего дня две армии оказались друг против друга.

* * *

Город Лаон стоит на вершине высокой горы, имеющей довольно крутые склоны. Окрестная область представляет собой открытую равнину за исключением стороны, обращенной на Суассон, где местность лесистая и всхолмленная невысокими горами. Лаон образовывал центр нашей позиции; на склоне, ведущем в город, были поставлены пушки; корпуса Винценгероде и Бюлова выстроились справа от горы, корпуса Сакена, Клейста и Йорка разместились слева. Позиция имела форму обращенного вперед угла, вершиной которого являлся Лаон. Почти вся наша кавалерия была расположена за горой таким образом, чтобы иметь возможность быстро выдвинуться на крайнюю оконечность того или иного района. В тот день я находился там, командуя большей частью этой конницы.

С рассветом на землю опустился такой густой туман, что было невозможно точно расставить полки. Он держался больше часа, а когда рассеялся, мы очень удивились, обнаружив себя построенными в неправильном порядке, кто лицом к лицу, кто спина к спине. Расстановка была спешно

исправлена, и обе армии обнаружили свое присутствие. Левое крыло неприятеля воспользовалось лесистой и гористой местностью, чтобы скрыть свои передвижения, поставив на виду только несколько батарей.

В центре французы выказали желание сильно атаковать Лаонскую гору, но, увидев, что она ощетинилась пушками и удерживается пехотной дивизией, тотчас отказались от этих планов.

На нашем левом фланге, где боевые линии обеих сторон стояли открытыми одна напротив другой, завязалась оживленная канонада. На нашем правом фланге сражение свелось к ружейной перестрелке между стрелками, продолжавшейся почти весь день и не принесшей других результатов кроме значительных людских потерь.

Убедившись в прочности нашей позиции, Наполеон выжидал, когда какое-нибудь движение с нашей стороны даст ему случай что-либо предпринять. Мы же остались на своих местах, приготовившись только отразить возможные атаки противника. Целый день противоборствующие войска вели более или менее плотный огонь, не решаясь на наступательные действия. К вечеру часть французской кавалерии выказала намерение обойти наше правое крыло с тем, чтобы занять дорогу в Авен, являвшуюся одним из путей нашего отхода. Уведомленный об этом движении, я с тремя кавалерийскими полками рысью двинулся навстречу противнику. Никто не пожелал ускорить аллюр, и поскольку нас и неприятеля разделяло болото, дело не пошло дальше обмена несколькими пушечными выстрелами.

Тем временем пехотная бригада пруссаков под командованием принца Вильгельма Прусского приготовилась атаковать деревню, откуда французские стрелки докучали ей на протяжении части дня. Завязался ожесточенный бой; обе стороны пустили в ход резервы; пруссаки, вынужденные податься

назад, удвоили свой пыл. Спустилась ночь, огонь охватил деревню, и стороны продолжали при свете пожаров вести между собой борьбу за дома. Наконец, после храбрых усилий и схваток, ведущихся буквально на груде трупов, пруссаки ударом в штыки захватили пылающую деревню. Этот успех продвинул вперед всю первую линию корпусов Йорка и Клейста. Часть прусской кавалерии двинулась вперед и, несмотря на темноту, стремительно атаковала неприятеля. Французы были опрокинуты и преследуемы по дороге в Реймс. В руки пруссаков попало более 20 орудий и 6–7 тысяч пленных. Возможно, ночь способствовала поражению французов, но она же помешала нам воспользоваться его результатами. Войска заняли свои прежние позиции, и на восходе солнца обе армии стояли так, как будто не было вчерашнего сражения. На нашем левом фланге, где преимущество было решающим, за весь день стороны обменялись несколькими ядрами; на правом фланге генерал Винценгероде попытался продвинуться вперед, наши егеря вступили в лес, но не смогли там ничего добиться. На крайнем правом фланге несколько казачьих полков предприняли демонстрацию, чтобы обойти неприятеля, но тот на сильно изрезанной местности противопоставил им некоторое количество пехоты, и эти полки вернулись на свое место. Было бесполезно потеряно много людей от ядер и в ружейной перестрелке. Было видно, что Блюхер болен, что Винценгероде его не слушается, и что Наполеон убедился в невозможности разбить нас на позиции при Лаоне. На следующую ночь он отступил.

* * *

В этот промежуток времени граф Сен-При, ранее назначенный блокировать крепости на Рейне, и смененный там другими войсками, прибыл из Шалона с 5 или 6 тысячами русских, чтобы присоединиться к армии Блюхера.

Он двинулся на Реймс и взял штурмом этот город, который обороняли 2 тысячи человек регулярных войск, поддерживаемых горожанами. Узнав о преимуществе, полученном нами после первого дня противостояния при Лаоне, и, не сомневаясь, что французы находятся в полном отступлении, он пренебрег предосторожностями, необходимыми для самозащиты. Наполеон, который не упускал ни одной из предоставленных ему возможностей, приказал отбить Реймс, чтобы двинуться далее против армии государей. Едва успев выстроить свои части перед городом, граф Сен-При был атакован превосходящими силами противника. Он получил смертельное ранение в начале боя, и его войска, оставшись без предводителя, стремились только избежать ловушки, ожидавшей их на узких улицах. Генерал Эммануэль принял командование и лишь с большим трудом и огромными потерями сумел выбраться из этого затруднительного положения. Граф Сен-При был перевезен в Лаон, где и умер несколько дней спустя, вызвав чувство скорби у всей армии, и оплакиваемый всеми своими товарищами.

Потеряв много времени и освободившись от неприятеля, мы решились, наконец, двинуться вперед. Корпус генерал Винценгероде имел приказ вновь захватить Реймс. Мы опять направились по дороге в Бак-а-Берри и к концу следующего дня подошли к городу, которым собирались овладеть уже в четвертый раз. Ворота были закрыты, но по нам не стреляли. На старинных зубчатых стенах стояло много людей, но, приблизившись, мы различили, что это был не гарнизон, готовый защищаться, а мирные горожане, женщины и дети, которых привлекло на стены любопытство. На просьбу отворить ворота один жандарм грозно ответил, что Наполеон запретил их открывать. Пришлось выдвинуть пушку; третий выстрел разбил ворота, и мы вступили в Реймс, словно в дружественный город, где жители приняли нас как давних знакомых.

Между тем Наполеон уже вступил в борьбу с нашей главной армией. После нескольких кровопролитных боев, где выигрыш не имел для него решительных последствий, он предпринял большой стратегический маневр, позволявший ему надеяться на более выгодные результаты. Он перестал защищать подступы к Парижу и хотел направиться к своим приграничным крепостям на Рейне. Он рассчитывал, что государи будут вынуждены последовать за ним, что, удалив их этим маневром из центра Франции, он даст своей стране передышку и возможность вооружить вновь набранные войска. Ударив по нашим тылам и коммуникациям, он собирался захватить наши запасы снаряжения и продовольствия, а также принести страх в пределы неприятельских стран. Этот замысел был достоин Наполеона, но решение, которое он заставил принять императора Александра, было достойно последнего и позволило союзникам победоносно завершить эту памятную войну.

Э. Ф. Сен-При

Это решение Наполеона не было еще известно, когда армия Блюхера приготовилась возобновить свои операции против Парижа, единственной цели всех своих усилий. Корпус генерала Винценгероде двинулся на Эперне; оставив Блюхеру свою пехоту под командованием графа Воронцова, он отделился от него во главе кавалерии, чтобы пройти с боем по территории, лежащей между Марной и Сеной. Мы направились к Фер-Шампенуазу, где узнали, что после упорного сражения при Арси наша главная армия двинулась на Витри, а французская армия перешла на правый берег Марны. Нашими партиями был захвачен курьер, посланный Наполеоном в Париж с депешами, в которых содержался весь план его марша и надежды, которые он возлагал на него. Эти сведения спешно передали Императору, только что прибывшему в Витри, где находился тогда весь наш отряд.

В первый раз после Лейпцига мы встретились с армией государей, которая почти всей своей массой остановилась на большой дороге, рядом с городом, пока Император обдумывал приказы, касающиеся предстоящих действий, и добивался того, чтобы князь Шварценберг присоединился к его мнению. Он решил, что главная армия соединится с армией Блюхера и двинется прямо на Париж, не беспокоясь о движениях Наполеона и не пытаясь защитить свои коммуникации. Отряд генерала Винценгероде должен был перейти Марну в Витри и следовать за Наполеоном, действуя таким образом, чтобы тот как можно дольше считал, что его преследует вся армия союзников, а мы образуем ее авангард. Князь Шварценберг, король Пруссии и некоторые генералы противились этому плану, но император Александр, которому не удалось убедить их, в конце концов, просто приказал сделать именно так.

Все войска пришли в движение, главная армия двинулась к столице Французской империи, а наш корпус пересек

город и пошел дальше, чтобы атаковать небольшой арьергард, который отступил по дороге на Сен-Дизье.

Длительные и упорные сражения, усталость и болезни значительно уменьшили число бойцов. Французская армия после примеров доблести и быстрых маршей сократилась до менее 60 тысяч человек. Она могла усилиться за счет солдат, оставленных в различных крепостях, и это было одной из причин, заставившей Наполеона направиться к границам. Там он мог маневрировать и своим талантом компенсировать малочисленность войск. При отступлении он находил бы опорный пункт в каждом укрепленном городе, и мог бы превратить в партизанскую войну ту кампанию, которая на равнинах Шампани не оставляла ему других шансов, кроме большого сражения.

Несмотря на огромные потери, наша армия пока еще насчитывала более 120 тысяч человек, чье рвение, казалось, лишь увеличилось от близости Парижа и скорого окончания этой кровопролитной борьбы, которая от пепелищ Москвы привела русских в сердце Франции.

Однако было самое время заканчивать войну. Австрия сражалась вяло, Наполеон делал все возможное для того, чтобы отколоть ее от своих врагов. Она уже начала опасаться слишком большого влияния России, и остатки отеческой нежности к маленькому королю Рима стали проявляться в глубине сердца австрийского императора. Его генералы ревниво относились к нашим, и старинная национальная вражда между Австрией и Россией постоянно порождала споры и взаимные упреки. Только Император держал в своих умелых руках ключ от этого пути, столь искусно согласованного его политикой. Но он был вынужден без конца бороться против претензий союзников, дипломатических интриг Наполеона и дрязг между военачальниками. С другой стороны, становилось необходимым его присутствие в своей

Империи, поскольку затянувшаяся война могла стать гибельной, превратившись в войну гражданскую.

Наполеон не пренебрегал ничем для того, чтобы разжечь храбрость нации. Он приказывал повсюду проводить наборы в армию, и Франция вскоре должна была превратиться в огромный военный лагерь. С усердием проводились работы по укреплению Парижа, подступы к этому сердцу империи ощетинились пушками, горожане спешно вооружались и все, вплоть до учеников лицеев, были призваны содействовать обороне столицы.

Но приказы Наполеона выполнялись уже очень слабо. Его брат Жозеф, назначенный управлять Парижем, не обладал необходимой энергией, требовавшейся в такие великие моменты. Маршалы устали от войны, к тому же их рвение было уравновешено ловкой и скрытной оппозицией, образовавшейся даже в среде правительства. Ее внутренним двигателем был князь Талейран, он предвидел падение Наполеона и желал заранее выслужиться, содействуя этому. Другие вельможи империи рассматривали только тяготы, постигшие их отечество, они не видели другого способа прекратить их, кроме избавления от того единственного человека, против которого союзные государи объявляли себя вооружившимися. Вслед за нашими армиями в нескольких провинциях Франции появились французские принцы, которые, хотя и не были признаны союзными государями, но и не были ими отвергнуты. Принцы выпускали прокламации от имени короля Людовика XVIII, они бросали в народ первые зерна раздора, давали столичным интриганам новое поле для комбинаций, а врагам императорского правительства — точку объединения тем более прочную, что ей, казалось, была обеспечена поддержка победоносных армий, наступавших со всех сторон к столице. Наконец, после славной борьбы

в Испании, Веллингтон освободил это королевство от ига французов и преследовал остатки их армий вплоть до их домашних очагов.

Наполеон, обрадованный выходом наших войск из Витри и полностью уверенный в том, что это был авангард главной армии, оказал нам лишь слабое сопротивление и отступил на Сан-Дизье. На следующий день после часовой канонады его арьергард сдал нам этот город и отступил вслед за основными силами к Васси, по дороге на Жуанвиль.

Генерал Теттенборн, двигавшийся в голове нашей колонны, перешел через Марну и встал биваком на виду у неприятельской армии. Мы заняли Сен-Дизье, где распустили слух о том, что вскоре должен прибыть император Александр. Возле предназначенного ему дома выставили большой караул, с такой же заботой были сделаны и другие приготовления для его приема. Ранним утром я получил приказ перейти мост, усилить Теттенборна и следовать за движением неприятеля. Однако противник не показался мне расположенным отступать, видя, что он готовится нас атаковать, я отвел регулярную кавалерию за реку, и сохранил на месте только два казачьих полка, чтобы проследить за его намерениями. Вскоре все неприятельские войска пришли в движение; часть их устремилась на Теттенборна, который не имел уже времени отойти к Сен-Дизье и, вынужденный искать себе путь для отступления, перешел реку вброд ниже города. Мое войско было атаковано менее сильно, и я медленно отступил по городскому мосту. Винценгероде, извещенный мною о происходящих событиях, поручил своему начальнику штаба, генералу Ренни, выстроить свою кавалерию за Сан-Дизье таким образом, чтобы, как он сказал, можно было беспрепятственно отступить как на Витри, так и на Бар-ле-Дюк. Но мы заняли совершенно неправильную и столь же плохую позицию, потому что наша кавалерия численностью до 10 тысяч

лошадей была развернута в одну линию. Противник не дал нам времени исправить наше расположение; его кавалерия, преследуя Теттенборна, переправилась через реку вброд, его пехота, захватив мост, быстро прошла через Сен-Дизье и двинулась прямо на нас. Я удерживал крайний левый фланг и успел только крупной рысью направиться на Бар-ле-Дюкскую дорогу, которая оставалась единственным маршрутом нашего отступления, и куда уже спешил французский батальон, собиравшийся преградить нам путь. Атака двух эскадрон гусар, проведенная храбрым полковником Арефьевым, дала нам возможность обосноваться на шоссе и позволила моему отряду построиться и установить наши орудия для того, чтобы сдержать первый порыв неприятеля. Теттенборн был отброшен и во весь опор бежал по дороге на Витри вместе со своими казаками, которых никакие усилия не могли заставить собраться.

Центр нашей позиции, неудачно расположенный между дорогами на Витри и на Бар-ле-Дюк, был прорван всей массой французской кавалерии и отброшен в болото и кустарники. Полки, которые держались дольше всех, пострадали больше всего; генералы Орурк и Балк надеялись смелыми атаками восстановить бой, однако, угрожаемые с фронта, охватываемые густыми колоннами и обстреливаемые фланкирующим огнем пушек, они только увеличили беспорядок. Не успела наша конная артиллерия вступить в дело, как была увлечена в бегство нашей собственной кавалерией и бросила несколько своих орудий, увязших в болоте. Неприятель, ободренный таким легким успехом, живо преследовал нас и помешал нашим эскадронам устроиться заново. Все бежали перед ним, генерал Винценгероде был обязан своим спасением только резвости своей лошади. Все те перемешавшиеся между собой беглецы, кому удалось добраться до Бар-ле-Дюкской дороги, укрылись за моим отрядом

и тем самым избежали дальнейшего преследования. Только два эскадрона Изюмских гусар, два эскадрона Елисаветградских гусар и несколько артиллерийских орудий смогли выстроиться в боевом порядке на некотором расстоянии позади моей позиции. Эта позиция оказалась удачной, мой правый фланг нельзя было обойти, а мой левый фланг защищали три казачьих полка под командованием генерала Льва Нарышкина.

Генерал Винценгероде, огорченный этой неудачей и возлагавший всю ответственность за нее на своих генералов, в то время как виноват был он один, приказал мне руководить отступлением, а сам отправился в Бар-ле-Дюк, надеясь собрать там остатки своей кавалерии. Между тем Наполеон, не удовлетворенный выигранным сражением которое стало последней победой в его блестящей карьере, пожелал разбить все то, что еще находилось перед ним в боевом порядке. Он бросил в атаку часть своей кавалерии; два эскадрона Изюмских гусар, поставленные мною впереди, были опрокинуты, а их храбрый полковник Лошкарев, свалившийся с лошади, остался во власти неприятеля. Несколько выгодно расположенных орудий и атака шести эскадронов Павлоградских гусар остановили это движение противника, что дало мне возможность продолжить в порядке свое отступление.

Поскольку неприятельская пехота не могла продолжать преследование, а кавалерия была отбита, остаток дня прошел в артиллерийской перестрелке. К счастью, темнота застигла нас еще до того, как я дошел до Бар-ле-Дюка, и положила конец этому печальному дню. Наполеон был уверен, что преследует императора Александра, жители Сен-Дизье уверили его, что тот прибыл в их город в начале сражения. Убежденный в обратном показаниями пленных, он был очень огорчен своей ошибкой и не мог более сомневаться в наступлении нашей главной армии на Париж. Он тут же приказал

изменить направление движения и быстро выступил на Витри, намереваясь захватить его с ходу. Но командовавший там генерал Васильчиков защищался с достоинством, и Наполеон был вынужден отступить перед этой крепостцой, потеряв там еще один день.

* * *

Тем временем император Александр, покинув Витри, направился к Фер-Шампенуазу, где во главе кавалерии атаковал и опрокинул корпуса маршалов Мармона и <...>. Эти два корпуса, имевшие задачу прикрывать Париж и намеревавшиеся, согласно распоряжениям Наполеона, зайти в тыл нашей армии, были крайне удивлены, увидев себя атакованными. Тем не менее, они оказали стойкое сопротивление, и их удалось победить только после многократных конных атак и благодаря отваге, внушенной нашей кавалерии присутствием императора Александра. Наши потери были весьма значительны; гвардейская кавалерия показала чудеса храбрости; Император рисковал собой как последний из кавалеристов, встав во главе полков и направляя огонь батарей. После нескольких часов боя остатки двух неприятельских корпусов, спасаясь, отступили к Парижу.

Ни один полк пехоты не участвовал в этом деле; вся главная армия продолжила тогда свое движение к столице Франции, не встречая более сопротивления. Корпуса генералов Сакена и Бюлова были оставлены в Мо для наблюдения на тот случай, если Наполеон захочет пойти по нашему следу.

Наполеон, получив известие о поражении своих двух корпусов, ускоренным маршем двинулся на Фонтенбло, бросив часть армейских обозов и даже артиллерийские орудия. Генерал Винценгероде находился в Шалоне, куда он отошел, не дожидаясь моих сообщений о движении неприятеля.

На следующий день после нашего сражения я был атакован несколькими полками кавалерии и вынужден отступить через Бар-ле-Дюк. После чего этот неприятельский отряд двинулся вслед за армией Наполеона, а я получил срочный приказ прибыть в Шалон.

Наша кавалерия вновь была собрана, и мы пошли, хотя и слишком поздно, по следу французской армии. В Сансе неприятельский арьергард воспротивился нашей переправе, произошел обмен несколькими пушечными выстрелами, и французы вступили с нами в переговоры. Они нам сообщили, что наша главная армия атаковала Париж, и что Наполеон направился туда со всеми своими силами. Это известие заставило нашего генерала выступить без промедления, чтобы успеть принять участие в этом последнем и великом сражении. Мы пошли на Монтро, ускоряя марш, и беспокоясь о важных событиях, которые должны были решить судьбу Французской империи и целой Европы.

Я унесся далеко в своих раздумьях, когда увидел приближающийся ко мне экипаж, в котором я издалека опознал парижский фиакр. Его появление в гуще военной суеты показалось мне столь необычным, что я не поверил своим глазам. Кучер и сидевшие в экипаже люди поспешили показать мне свои белые кокарды и все сразу с радостными криками сообщили мне великую новость о том, что император Александр вступил в Париж во главе своих войск, что Бонапарт отрекся от трона и что Людовик XVIII провозглашен французским королем. С целью убедить меня в истинности своих слов, они передали мне несколько экземпляров прокламации временного правительства. Больше не было сомнений в этих великих переменах, которые вызвали во всем отряде живейшую радость. Подойдя к Парижу, союзники нашли там французов, решившихся до последней возможности защищать вход в свою столицу. Заполненные многочисленной

артиллерией укрепления оборонялись всеми войсками, которые удалось собрать, поддержанными частью парижской национальной гвардии, толпой добровольцев и юными учащимися лицеев. Маршалы и несколько отличных генералов решили держаться или погибнуть с честью. Этот город с огромными ресурсами был средоточием мощи империи, казалось, он мог противостоять усилиям целого мира. Народ не допускал, что враг попытается овладеть им, кроме того, все знали, что Наполеон со всей своей армией спешит на помощь Парижу. Ощущение полной безопасности, существовавшее в городе, немало способствовало усилиям начальников по наращиванию средств обороны.

Когда объявили о приходе союзников, жители поспешили за городские заставы, словно для того, чтобы насладиться неким спектаклем. Но внутри самого правительства шла работа, предварявшая падение Наполеона, во главе этой партии князь Талейран готовил умы к неизбежным переменам, которые только могли спасти Францию. Тем временем пушки грохотали вокруг стен, французы сражались со своей обычной храбростью; угроза их столице воспламенила их мужество, тогда как союзные войска были воодушевлены на бой видом этого города, являвшегося окончанием их трудов и зенитом их славы.

Император Александр и король Пруссии лично руководили атаками, генерал Барклай де Толли должен был найти у стен Парижа вознаграждение за все свои труды и все свои печали, преследовавшие его во время кампании в России. Он стал фельдмаршалом на поле битвы, посреди самого смертоносного огня. Прусская гвардия соперничала в усердии с нашей и имела честь захватить пригороды Парижа.

Храбрый полковник, руководивший этой атакой, был еще во время схватки награжден крестом Святого Георгия, который император Александр снял со своей петлицы,

чтобы вручить ему. Все генералы и все войска были воодушевлены этой наградой государя; отовсюду слышались крики радости и победы. Ничто не могло бы устоять перед такой армией. Неприятельские позиции, их самые мощные и наилучшим образом обслуживаемые батареи были захвачены с яростью; наконец, мы оказались у застав Парижа.

Население трепетало и уже видело себя подвергшимся всем ужасам штурма; ощущение полной безопасности мгновенно сменилось полным унынием. Даже маршалы разуверились в спасении города; беспорядок и отсутствие согласия у начальников только увеличило опасность; тогда заставы открылись и появились парламентеры, чтобы предотвратить несчастья, угрожавшие городу. Поверенный в иностранных делах граф Нессельроде въехал в Париж, и князь Талейран принял на себя обязанность ускорить сдачу города.

Наполеон, нетерпеливо стремившийся помочь своей столице, совсем один поспешил по дороге в Фонтенбло. Находясь в нескольких лье от Парижа, он встретил выходившие оттуда войска. Он узнал, что уже поздно возобновлять оборону города, что капитуляция, которую его генералы не имели настроения разорвать, отдала союзникам ворота Парижа. Вспылив, он обругал всех тех, кто согласился на капитуляцию, которую он приписал трусости, и был вынужден, тем не менее, продолжить свой грустный путь в Фонтенбло.

В это время, на рассвете, наши войска заместили французскую стражу на городских заставах. Русские гренадеры сменили часовых у ворот Сен-Дени и Бонди, которые на протяжении столетий охранялись только французами.

В сильнейшей тревоге горожане направились к заставам, они двигались по улицам, волновались и с дрожью ожидали объявления своей судьбы. Их устрашенному воображению представлялись пожар Москвы, разорение России, несчастья Германии, они не ожидали ничего кроме мести.

Высоты Монмартра были увенчаны пушками, и артиллеристы навели их стволы на город, держа фитили горящими. Со всех сторон войска готовились к вступлению. Граф Пален, с авангардом, прошел в молчании по нескольким улицам и направился по Аустерлицкому мосту на дорогу в Фонтенбло. Наконец, появился Император, подобно Богу, который все успокоит и всех простит. Он предстал перед толпой парижан с теми доверчивостью и добротой, которые украшали его лицо.

Ожидали завоевателя, а увидели освободителя. Люди толпились вокруг него; ободренные его приветливостью, его окружили, им восхищались, и в один момент этот прежде дрожавший от страха народ преисполнился энтузиазма. Здравицы императору Александру послышались со всех сторон, можно было сказать, что французы увидели своего императора и приветствовали его подвиги. Несколько голосов выкликнули здравицу Бурбонам и Людовику XVIII. Из опасения или под влиянием эмоций эти слова были повторены; появились белые кокарды, и через мгновение эти крики подхватили все горожане.

Союзники поспешили принять эту идею, они рассматривали ее как желание всей нации, и Людовик XVIII был провозглашен королем Франции.

* * *

Император Александр остановился в доме князя Талейрана, все войска провели остаток дня на биваках, разбитых в укрепленных местах и в окрестностях Парижа.

Утомленные тяготами и боями, овладевшие ценою своей крови Парижем, этим городом разорителей своей родины, войска подали величайший и благороднейший пример воинских добродетелей. Император Александр заявил о своем прощении, и вся армия забыла о мести. Можно было видеть

как те же солдаты, которые только что ожесточенно сражались у парижских ворот, стояли 24 часа под сильным дождем без пищи на улицах этого униженного города и не решались постучать ни в одну дверь, чтобы попросить хлеба. Даже гвардия самого Императора получила пищу только на следующий день, и только на третий день стали заботиться о расквартировании войск.

Париж был удивлен, последующие события отдадут должное благородству Императора и покорности его доблестных солдат. Пруссаки и другие германские войска предавались грабежам и удовольствиям Парижа, но император Александр приказал, и русские показали пример дисциплины. Все в этом последнем акте, закончившем 20-летнюю войну, должно было быть необыкновенным и возвышенным. Вечером того же дня Император отправился в Оперу, где публика столпилась, как в день национального праздника. Громкими криками требовали показать спектакль «Триумф Траяна», эта опера была поставлена в честь побед Наполеона, вернувшегося из Тильзита, теперь хотели, чтобы так же была отмечена слава Александра, вошедшего в Париж.

Волнения стихли, когда сообщили о желании Императора посмотреть «Весталку». Он появился в королевской ложе, приветствовал публику так же, как он это делал в Петербурге. Как только его заметили, раздались такие громкие крики «Да здравствует Император!», «Да здравствует освободитель Франции!», которыми никогда не удостаивали короля Франции.

Повсюду, где он появлялся, слышались здравицы и восклицания, все театры отметили его добродетели и его триумф.

Вернувшись в Фонтенбло, где остатки французской армии соединились с Императорской гвардией, Наполеон стал придумывать способы, как спасти свою пошатнувшуюся удачу. В его голове проносились тысячи планов, которые либо

противоречили один другому, либо исполнение которых стало невозможно. Маршалы и даже придворные давали ему советы. Лесть исчезла при дворе несчастного Наполеона, ее место заняла дерзость, которая доказала победителю стольких народов, что только победы являются основой узурпации. Те, кого он наиболее щедро осыпал своими милостями, маршалы, которые при нем, и благодаря ему, стали вельможами Империи, и должны были бы поддерживать его власть, первыми стали упрекать его в падении величия. В конце концов, они заставили его разрешить им отправиться к Александру, чтобы молить о милосердии. Вместо того чтобы искать способы воодушевить нацию и своих храбрых солдат, все еще готовых проливать кровь за спасение чести Франции, эти маршалы, не покраснев, явились в Париж для того, чтобы договариваться об унижении их отечества и о бесчестии их славы. Некоторые из них, обманув войска, доверявшие их приказам, и соблазнив офицеров, увели свои корпуса из преданного Наполеону лагеря.

Перемирие и военная конвенция были заключены без ведома Наполеона. Проданный и разоруженный своими собственными генералами, он был счастлив найти в великой душе императора Александра поддержку против мести союзников и предательства своих подданных, и счел себя спасенным, подписав отречение.

В ходе этих переговоров Париж, казалось, уже забыл своего бывшего хозяина, там занимались только делами Бурбонов, приездом короля, великодушием союзников и теми бесчисленными переменами, которые новый порядок вещей должен был произвести в обществе и при дворе.

Я получил разрешение покинуть свой пост и прибыть в Париж. Не могу передать охватившее меня чувство, когда я вернулся в этот город, в котором жил молодым человеком, жаждавшим удовольствий и любви, в город, некогда

наполненный величием Наполеона, славный его подвигами, прославлявший его вернувшуюся из Тильзита гвардию. Тогда он являлся хозяином большей части Европы, местом, куда стекались государи и принцы, платящие дань французскому могуществу, теперь же я увидел его униженным солдатами всех тех наций, которые на протяжении 20 лет подчинялись его триумфу. Я не мог прийти в себя, видя русских гренадеров и казаков, прогуливающихся по бульварам, составляющих охрану театров, патрулирующих Пале-Рояль и городские парки.

Мое национальное самолюбие было в высшей степени польщено, но мои глаза отказывались верить. На Пасху король Пруссии, принцы, все генералы различных союзных армий и французские маршалы, находившиеся в Париже, собрались у императора Александра и составили его свиту в тот момент, когда он сел на лошадь, чтобы произвести смотр войскам, выстроившимся вдоль бульваров от Маддлен (церкви Святой Магдалины) до ворот Сен-Мартен. Все полки встречали его радостными криками «ура», на которые бесчисленные горожане, стоявшие по сторонам аллей и украшавшие все окна, отвечали возгласами «Да здравствует император Александр!» Казалось, все население этого огромного города пришло в движение, можно было подумать, что они встречают воскресшего Генриха IV. Сад Тюильри, Елисейские поля, набережные и все дома, даже самые отдаленные, были заполнены любопытными. Самые красивые женщины спорили за удобные места и махали платочками в ответ на крики наших солдат и народа. На площади Революции, неподалеку от того места, где под неумолимым ножом гильотины упала голова несчастного Людовика XVI, был возведен помост, обитый красной материей, на котором был сооружен алтарь. Прибытия Императора ожидали русские священники в богатых одеяниях и придворные певчие

в лучших нарядах. Это святилище было оцеплено парижской национальной гвардией. Войска проходили перед государями и выстраивались густой колонной вокруг этого возвышения, образуя подобие широкого каре.

Император спешился и со всей своей свитой поднялся наверх, войска обнажили головы и слушали обедню в самом почтительном религиозном молчании. Во время благодарственной молитвы все пали ниц, так что русские священники посреди Парижа поставили на колени представителей всей Европы. Даже Рим времен наивысшей славы никогда не знал столь гордого триумфа. Это было настолько красиво, настолько проникнуто религиозным духом, что в тот момент никого не шокировало. Казалось, что происходящее событие сближало все нации и скрепляло их союз. Каждый русский гренадер чувствовал величие этого момента, ставшего самым прекрасным воздаянием Императору и его армии. Он навеки останется вписанным в скрижали славы России.

Наполеон, еще недавно находившийся в зените славы, полагавший, что из Кремля он продиктует свои законы пораженной Вселенной, и не видевший более границ своему могуществу, теперь оказался почти зрителем величия своих противников. Его маршалы только что придали блеска триумфу императора Александра, а он сам ожидал решения победителя для того, чтобы отправиться в уготованную ему ссылку. Он простился с солдатами, которых его фортуна провела по трем частям света. Они предстали перед ним для прощания, как свидетели его прошлых побед; слезы орошали усы этих храбрецов, и Наполеон, наверное, в первый раз почувствовал цену крови, которую он так часто проливал.

* * *

Наконец, король Людовик XVIII высадился в Кале. Встречать нового государя отправились приближенные Наполеона

и старые эмигранты, которым было разрешено вернуться во Францию. Все были хорошо приняты и, казалось, партийные раздоры должны быть преданы забвению. Таковы были надежды всей Франции, и таково было желание короля. Но очень скоро накал страстей вновь разжег огонь разногласия. Лишенные родины за 20 лет изгнания, потрепанные нищетой, эти печальные эмигранты быстро вернули всю свою родовую гордость, почувствовав под ногами почву своих прошлых ошибок. Маршалы, гордые 20 годами побед, вельможи, которые службой получили свои отличия, были в их глазах только опасными выскочками. Все следили друг за другом, начали развиваться интриги и к моменту приезда короля в Париж партии вновь существовали.

Людовик XVIII был встречен холодно, дети Революции этому радовались, а эмигранты не могли скрыть свой гнев. С этого момента можно было предвидеть их докучливую преданность. Император проявил крайнюю деликатность, приказав, чтобы во время въезда короля в Париж никто из нас не появлялся на улицах города в военной форме, а солдаты были возвращены в казармы. Везде русских часовых заменили французами и образовали из войск бывшей Императорской гвардии, линейных полков и национальной гвардии оцепление на тех улицах, по которым должен был проехать король.

Страх заставил почти всех жителей надеть белые кокарды, а любопытство собрало их в огромную толпу, но только очень немногие выкрикивали здравицы в честь короля. Несколько генералов и некоторые офицеры пытались заставить свои войска кричать, но солдаты хранили гробовое молчание. Бесчестие и стыд были написаны на покрытых шрамами лицах наполеоновских гвардейцев, часть кавалеристов даже не села на коней, когда объявили о появлении короля. Он медленно проехал в коляске и не мог надеяться получить

много удовольствия от обладания троном, на который он взошел, лишь благодаря желанию врагов своего королевства. Прибыв во дворец своих предков, он появился в окне, выходящим в парк Тюильри, большинство зрителей даже не сняли свои головные уборы, несколько человек пытались спровоцировать приветственные возгласы, но вызвали только смех соседей и едкие шутки по адресу короля и Бурбонов.

Закончив со славой долгую борьбу за независимость Испании, в Париж прибыл фельдмаршал Веллингтон. Постоянно сражаясь и чаще оказываясь победителем, он заставил французов отступать от Лиссабона до их собственной территории. Он присутствовал на этом параде и привлекал взоры всех военных, сам он восторженно взирал на солдат России. Он говорил, что самым любопытным, что он нашел в Париже, это было видеть в нем русских гренадеров. Войска расположились широким лагерем, гвардия заняла парижские казармы, Версаль и пригороды. Тяготы войны были забыты, все принялись развлекаться. Я не смог этим долго воспользоваться: будучи болен на протяжении нескольких месяцев, я поспешил заняться своим здоровьем. Я просил и получил разрешение отправиться в Англию; после месячного пребывания в Париже я выехал туда вместе с графом Воронцовым.

Мы остановились в Сен-Дени, где были расквартированы польские войска, которые недавно присоединились к нам после того, как сражались под знаменами Наполеона. Много подданных Российской империи из числа знати и простых солдат подняли оружие против нас. Они не должны были ожидать ничего другого, как конфискации их имущества и ссылки в Сибирь. Император простил побежденных, он провозгласил себя покровителем этой нации, которую

века ненависти вооружили против России. Он забыл предательство поляков, все их измены и сражения, в которых они с яростью боролись против нас. Он приказал своему брату, великому князю Константину, принять на себя командование этими войсками, которые помогали грабить Москву и сражались против наших побед. Император уже простил 1812 год всем полякам, проживавшим в провинциях, входивших в состав империи. Со всех были сняты обвинения в измене России, пресмыкательстве перед Наполеоном и в преступной непоследовательности. Он даже мечтал после окончания войны предоставить этой нации самые блестящие доказательства своих милостей. Он хотел, чтобы Королевство Польское существовало! Таким образом, поляки были

Людовик XVIII

обязаны государю, которого они так обижали, всем, о чем они только смели мечтать, тем, за что они проливали свою кровь и жертвовали своим имуществом.

* * *

Мы прибыли в Кале, где встречный ветер задержал нас на три дня. На берега Англии, несмотря на непогоду, нас доставила почтовая шхуна. Мы высадились в Дувре. Коснувшись ногой этого благословенного острова, я испытал чувства столь же прекрасные, сколь и удручающие. Эти достаток, богатство, утонченность, свобода, казавшиеся верхом человеческого счастья, вызывали восхищение. Печалило то, что на нашей родине должно смениться еще немало поколений, прежде чем будет достигнуто подобное процветание. Вся дорога из Дувра в Лондон заставляла путешественника все больше удивляться и повышала его удовлетворение. Везде было богатство, оживление, порядок, вокруг была щедрая природа, о которой заботились, как о нашем красивом саде.

На подъезде к Лондону, этому гигантскому городу, средоточию сокровищ и мировой торговли, к месту стольких грандиозных событий и мастерской промышленности, охватывала жажда увидеть его целиком. Глаза пытались это сделать, но сгустившаяся атмосфера скрывала Лондон от глаз путешественника, едва позволяя различить купола собора Святого Павла, который возвышался над туманом и господствовал над самыми высокими колокольнями и зданиями. Я имел счастье вновь увидеть свою сестру, муж которой, граф Ливен, был нашим послом. Благодаря ей, мое пребывание в Лондоне оказалось действительно радостным, через нее я поддерживал связь со двором и с обществом.

Я был представлен регенту, который, будучи настроен в пользу России, принял меня с такой сердечностью, на которую могли рассчитывать очень малое число иностранцев.

Англичане были восхищены славой нашего оружия, героизмом, который наша нация проявила во время нашествия, и особенно пожаром Москвы. Их восхищение императором Александром, их уважение к победам наших армий переносили предупредительное отношение на любого человека, носившего русский мундир. Вся Англия приготовилась прославлять и почтительно созерцать того государя, руками которого был соткан союз Европы и оспорено французское могущество.

Со всех концов Британских островов массы людей прибывали в Лондон для того, чтобы увидеть императора Александра, о чьем приезде уже было сообщено. В Дувре, где он высадился, и по всей дороге его сопровождали толпы людей и крики радости. На улицах столицы, по которым он должен был проехать, были установлены скамьи с тем, чтобы там могло разместиться больше зрителей. За эти места на скамьях, также как и за места у окон платили дороже, чем за места на театральной премьере.

Императора ожидали с шести часов утра. Все улицы были запружены народом, везде готовились встретить его с энтузиазмом. Но он обманул ожидания англичан по причине своей скромности, о которой он не забывал во всех своих делах, он спрятался от проявлений восхищения всей свободной нации, которая редко предоставляла такую честь своим собственным государям. Император сел в дорожную карету своего посла и неузнанный подъехал к дому, где жила его сестра, великая княгиня Екатерина. Но стоило ему войти туда, как его все узнали. Вся улица взорвалась криками «Ура!», многократно подхваченными тысячами голосов. Когда он появился на балконе, крики усилились и продолжались вдали более часа. Толпа двинулась к дому, все прилегающие улицы были запружены, все пытались заглянуть в окна в надежде

увидеть там принца, вызывавшего столько восхищения. При виде каждого русского офицера приветственные крики возобновлялись, даже кучер Императора, преданный Илья, получил свою долю несмолкаемых аплодисментов от более 100 тысяч человек, толпившихся вокруг дома.

Самые красивые женщины Лондона домогались от швейцара дома позволения остаться на лестнице или в прихожей и платили золотом за разрешение оставаться там по полдня в надежде хоть на мгновение увидеть Императора. Восторги англичан разделили между собой фельдмаршал Барклай де Толли, фельдмаршал Блюхер и особенно казачий атаман Платов во время всего своего пребывания в Лондоне. Именно им был оказан самый сердечный прием, крики «Ура!» встречали их на выходе из дома и сопровождали их возвращение, даже глубокой ночью. Блюхер и Платов переносили эти тяготы с помощью той легкости, с которой они пили со всеми и во всех домах.

Их лошадей выпрягали, и народ с триумфом вез их. Однажды одного из князей Лихтенштейн, человека с очень некрасивого фигурой, прибывшего в Лондон, приняли за фельдмаршала Блюхера. Он не смог вовремя объясниться, его лошадей распрягли, и люди сами повезли его карету. Через некоторое время горожане увидели свою ошибку, и бедный князь Лихтенштейн был внезапно брошен посреди города, осыпаемый насмешками и бранью тех, кто только оказал ему такую честь.

Регент приготовил для приема Императора роскошные апартаменты в Сент-Джеймсском дворце, но под влиянием великой княгини Екатерины он отказался от королевских покоев и остался жить в доме своей сестры. Этот шаг не понравился регенту, была разрушена та сердечность, которая, казалось, должна была сопровождать все это путешествие.

Министры обоих могущественных государей России и Англии уже основывали свои будущие отношения на этом добром взаимном расположении, что сулило самые счастливые результаты. Торговля и политика получали новый толчок, процветание восстанавливалось, а равновесие в мире находилось в руках, располагавших неисчислимыми русскими войсками и победоносным флотом, ходившим по всем морям. Дружба императора Александра и регента Англии должна была скрепить связи, которые на протяжении более ста лет сближали две великие нации, призванные управлять миром.

Сопровождавший Императора король Пруссии начал разделять опасения, которые его министры испытывали от великих проявлений дружбы, всей тяжести которых они не могли не видеть. Австрия страшилась потерять свое влияние ввиду нового союза, который мог сделать ее зависимой, несмотря на все ее интриги. Весь мир готовился склониться в ожидании приказов, которые будут отданы объединенными Россией и Англией. Этот политический гигант в момент своего рождения окажется поверженным женщиной. Великая княгиня Екатерина привезла в Лондон тщеславие, руководившее всеми ее поступками. Умная, привлекательная, уверенная в силе своего характера, она была убеждена, что призвана управлять судьбами мира. Гордясь своим влиянием на Императора, объяснявшимся его братской любовью, она не сомневалась, что покорит принца, правящего англичанами; на время министры стали ее рабами. Но регент не собирался сдаваться, он разрушил все построения, которые возвело горячее женское воображение, и стал объектом ее беспощадной ненависти.

Не существовало таких интриг и ходов, которые не были бы ею использованы для того, чтобы отдалить Императора от человека, столь жестоко оскорбившего ее самолюбие. Австрийцы уловили эти настроения и удвоили свои усилия

в отношении великой княгини, с ее помощью они добились еще большего охлаждения регента.

В конце концов, она сделала столько, что Император под постоянным воздействием ее злобных инсинуаций отдалился от регента, который со своей стороны был шокирован действиями великой княгини и в результате обиделся. Интриги женщины возобладали над интересами наций, которые были принесены в жертву ее отмщения.

Австрия ликовала. Путешествие Императора в Лондон вместо того, чтобы стать непоколебимым основанием для полезных отношений, навсегда увеличило непреодолимые расхождения между двумя государями.

Обожаемая нацией, которой ей было предназначено управлять, наследница британской короны принцесса Шарлотта готовилась в то время выйти замуж. Однако разрыв между ее родителями поставил ее в трудное положение и открыл широкие возможности для интриг. Оппозиция использовала это положения для давления на регента, а великая княгиня Екатерина энергично им воспользовалась. Она использовала с этой целью господина и особенно госпожу Татищевых, первый был назначен нашим представителем в Мадриде и находился в Лондоне в надежде заменить там графа Ливена; вторая, еще очень красивая женщина, была рада возможности участвовать в любой интриге.

После того как она добилась расположения принцессы Шарлотты, ей было поручено отговорить ее от брака с принцем Оранским, чего очень желал регент, и внушить ей мысль выйти замуж за великого князя Николая или Михаила, которые должны были сопровождать императора.

Желание воспротивиться воле отца и постоянные напоминания о красоте великих князей сильно способствовали успеху этой интриги. Великая княгиня желала только досадить

регенту, а госпожа Татищева связывала с предстоящим браком надежды на назначение своего мужа на должность посла в Лондоне.

Тем временем регент убедился, что его дочь уклоняется от исполнения его воли, он стал подозревать великую княгиню и попытался разорвать интригу. Горячность принцессы легко предоставила ему такую возможность, она категорически заявила, что не собирается выходить замуж за принца Оранского, и вскользь упомянула о своих надеждах. Свадьба была расстроена, но весь гнев регента обратился на великую княгиню. Не имея возможности с нею объясниться, он вообразил, что главным двигателем интриги был русский посол, которому он официально объявил, насколько он был удивлен и поражен тем, что иностранный двор вмешивается в его семейные дела. Далее он заявил, что располагает точными сведениями о том, что супруги Татищевы были участниками этой интриги. Граф Ливен мог только осудить то, что было сделано его соотечественниками, и заявить о полном незнании своим государем этих действий. Регент принял его объяснения и велел передать господину Татищеву требование в 24 часа покинуть Англию.

Татищев прибыл в Париж, где был очень плохо принят императором, который приказал ему отправиться исполнять свои обязанности в Испании. Таким образом, любезные отношения между двумя дворами и поездка Императора в Лондон были сохранены, но великие князья, вместо того, чтобы сопровождать своего брата, отправились обратно в Россию.

Оставшаяся в Англии госпожа Татищева была покинута даже великой княгиней, которой она столь усердно служила, она была в ссоре с моей сестрой и оказала мне честь, выбрав меня своим защитником. Я был счастлив быть ей полезен,

так как она была достаточно красива для того, чтобы должным образом компенсировать мне затраченные на ее дела усилия. Вскоре наша связь стала для меня очень приятной.

Д. Х. Ливен

Приезд императора в Лондон открыл череду празднеств и балов, которые следовали друг за другом с утомительной быстротой. В очень малой степени я использовал свое пребывание в Лондоне для знакомства с огромным количеством разного рода достопримечательностей, чем обычно занимаются иностранцы. Я предавался развлечениям и думал только об этом.

Один англичанин, господин Сиднэм, который проделал с нами часть кампании во Франции, дал графу Воронцову рекомендательное письмо к своей бывшей любовнице. Отнести письмо отправились мы оба. Эта женщина была не столь

красива, сколь любезна и наделена лишь ей присущей веселостью. Она мне очень понравилась, не успел я вернуться домой после визита, как получил от нее письмо с приглашением провести у нее вечер. Я нашел у нее избранное общество, состоявшее из самых элегантных молодых людей Лондона. Я приложил много усилий для того, чтобы понравиться и мне удалось получить разрешение вернуться после того, как все уйдут, и я сделаю вид, что ухожу. Я был в восторге от той легкости, с которой я добился этой победы, и некоторое время с усердием предавался этому. На пару дней мы вместе отправились в небольшое поместье под Лондоном, где одна из доверенных женщин моей любезной стала свидетельницей нашей любовной связи. Меня просили сохранить тайну, но я не считал важным придавать этому большое значение, так как в это время уже очень слабо верил в доброе расположение ко мне Мадам. Несколько дней я не бывал у нее, зная, что граф Воронцов много других молодых людей добивались или, может быть, уже пользовались теми же благами, что и я. Однажды вечером я пришел к ней с видом победителя. Все общество ужинало, вместо вежливых слов Мадам обратилась ко мне с резкими словами: «Говорят, сударь, что Вы имели наглость хвастать моей благосклонностью, что Ваша ложь дошла до того, что Вы утверждаете, будто провели со мной несколько ночей в загородном имении». Свидетельница нашей поездки была здесь же, она продолжала жевать так быстро, чтобы не принимать участие в происходящем. Я был так мало готов к подобной выходке, что смешался, насмешники имели все основания не быть на моей стороне. Дерзость этой женщины, которая должна была дать мне возможность с презрением ее бросить, напротив, заставила меня влюбиться в нее. Я приложил все силы, чтобы получить прощение, бросил все ради нее, был полностью одурачен ею и чувствовал себя счастливым, когда после затраченных

усилий, казалось, получил малую толику того, что она расточала другим. Эта несчастная любовь не покидала меня во время всего моего пребывания в Англии. Эта проклятая женщина следовала за мною всюду и не переставала меня мучить до дня моего отъезда.

Вместе с моей сестрой я совершил очаровательное путешествие вглубь Англии, мы посетили прекрасный остров Уайт, великолепный Портсмутский порт, откуда выходят эти храбрые флоты, эти войска, которые готовы водрузить британский флаг на всех берегах четырех частей света, и в интересах лондонских торговцев поработить самые отдаленные страны. Именно здесь во всей своей мощи открывается величие и деятельность английской нации. Здесь увидишь солдат, которые садятся на суда и отплывают за море, чтобы сменить стражей Гибралтара, усилить армии, раздвигающие в Индии границы владений Ост-Индской компании. Здесь увидишь кадры полков, возвратившиеся на родину, чтобы пополнить свои ряды, опустевшие от нездорового климата и утомительных походов, увидишь тысячи матросов, прибывших, чтобы в течение нескольких дней отдохнуть и развлечься, потратив свое жалование за несколько лет на пьянство и драки. Иные ищут службы, другие по принуждению законов поднимаются на корабли королевского флота и покидают, возможно навсегда, родную землю, которую долгое отсутствие сделало еще дороже. Корабли самых разных размеров, готовые поднять паруса, прибыли со всех концов света и стоят в одной части порта, другая часть полна судами, которые готовятся выйти в море, их ремонтируют, вооружают. В глубине порта находятся перестроенные суда и брошенные на гниение старые корабельные каркасы. Все верфи полны рабочими и огромным количеством строительных материалов; мастерские, в которых изготовляется все, что требуется

для содержания огромного флота, наполнены самыми умело придуманными и виртуозно изготовленными механизмами.

Арсеналы были полны всеми видами оружия и тысячами пушек. Два дня мы провели в изучении различных сооружений этого знаменитого порта, чтобы подробно со всем ознакомится, потребовался бы месяц.

После этого мы направились в Брайтон, где часть общества собирается для принятия морских ванн и привлеченная расположенной там резиденцией регента. Резиденция расположена в доме, построенном и украшенном в китайском стиле, конюшня готической архитектуры и английский сад придают этому обиталищу милый и своеобразный вид. Я провел часть дня у этого счастливого государя, который был слишком слаб, чтобы причинять зло, и достаточно силен, чтобы делать добро. Он был первым среди 12 миллионов англичан и управлял 50 миллионами азиатов, африканцев и американцев, входивших в его империю. Утром он завтракал в Манеже, где я забавлялся, рассматривая его многочисленных лошадей, затем я сопровождал его в долгой прогулке за городом. В восемь часов вечера все общество снова встретилось у него для ужина. Без сомнения, его стол был самым блестящим из всех возможных, казалось, все части света нашли свое место на этом пиру. Регент выделялся своим любезным и добрым обхождением, он придавал свежести разговору. Он представлял гостей, много пил, но, вопреки возводимой на него клевете, я никогда не видел его пьяным. В 11 часов он встал из-за стола, чтобы принять ожидавших его в гостиной дам, заканчивался день небольшим концертом или маленьким балетом. Таким образом, я провел в Брайтоне около двух месяцев, исследовал окрестности, участвовал в скачках, купался в море. Оттуда мы с сестрой поехали в Уилтон-хаус, поместье лорда Пемброка, женатого на сестре графа Воронцова. Там собрались все русские из Лондона,

включая самого графа, и надолго образовали нечто вроде русской колонии в одном из наиболее красивых владений Англии. Этот замок был примечателен по количеству античных статуй, которые его украшали, и красивым мостом в саду, копией которого является сооружение в Царском Селе. Там я покинул свою сестру, своих друзей Воронцова и Льва Нарышкина, своего шурина и направился на поиски корабля, который должен был доставить меня в Готтенбург.

* * *

Плавание было удачным, но весьма неприятным, потому что моими попутчиками были пара евреев и несколько молодых коммерсантов, половина из которых страдала морской болезнью. На седьмой день наше небольшое судно вошло в скальные фиорды, которые защищали порт Готтенбург, и покрывали почти все шведское побережье. Нужен был опытный лоцман, чтобы лавировать между этими морскими камнями, многие из которых были скрыты под водой.

В Готтенбурге собрался весь королевский двор Стокгольма. Туда прибыли старый король Карл XIII с супругой с тем, чтобы встретить кронпринца Карла-Юхана, только что завершившего присоединение Норвегии к шведскому престолу. Это была цена услуг Швеции соединенной Европе в борьбе против Наполеона. Однако потребовалось применить силу для того, чтобы получить обещанное на политическом уровне. Датский принц Христиан призвал норвежцев защищать независимость своей родины. Исконная вражда между двумя нациями обещала войну до последней крайности, воззвания принца были проникнуты силой и храбростью, казалось, что все норвежцы встретили их восторженными криками. Кронпринц Шведский вошел в Норвегию во главе закаленной в боях, дисциплинированной и преданной

своему полководцу армии. В стране не было политического единства, поэтому только сила оружия должна была решить судьбу Норвегии.

Но действия датского принца были менее решительны, чем его воззвания: увидев реальную опасность, он укрылся в Христиании. Со дня прихода на норвежскую землю кронпринц Шведский стал обращаться с ее жителями с отеческой заботой, он приказал своим солдатам помогать крестьянам в уборке урожая, он провозгласил принципы свободы и милосердия и установил совершенное равенство между шведами и норвежцами. Он направил одного своего адъютанта узнать настроения принца Христиана, наказав ему особенно внимательно отнестись к впечатлению, которое окажет на принца первый артиллерийский обстрел, якобы по ошибке направленный на город, где он тогда укрывался, в самый момент переговоров. Принц Датский являлся одним из тех бравых участников военных парадов, которые никогда не слышали грохота орудий. Ему было достаточно услышать его и увидеть разрушения в городе, как храбрость покинула его, и он решился на капитуляцию. Норвежцы были довольны обещаниями кронпринца Шведского, в тоже время они не имели большой надежды на военные способности своего командующего, которого стали покидать один за другим и переходить к неприятелю.

Ловкий Бернадот воспользовался результатами поездки своего адъютанта и усилил огонь своих батарей. После нескольких артиллерийских обстрелов городские ворота были открыты по приказу малодушного принца. Вся Норвегия признала шведского короля своим законным государем и высказала искреннюю преданность кронпринцу, чьи действия отличались мудростью и умеренностью. Он поручил собрать заседание Парламента страны и предложил ему обсудить статьи Конституции, которые вызвали самую глубокую

признательность его новых подданных. К моменту моего прибытия в Готтенбург он находился в зените славы победителя и законодателя. Швеция была ему обязана значительным увеличением территории, которое компенсировало потерю Финляндии. Под его командованием на равнинах Ютербока и Лейпцига шведская армия стерла воспоминания о поражении в последней войне против России. Бернадот поправил дела принявшего его королевства, он поддержал престарелого короля, назвавшего его своим сыном, и стал надеждой народов древней Скандинавии.

Наследный принц Швеции Карл-Юхан
(маршал Бернадот)

Этот прием в Готтенбурге стал триумфом шведского тщеславия и удовлетворением самых смелых амбиций кронпринца, его молодой сын Оскар сопровождал отца в Норвегии и там, в рядах гусар на аванпостах, получил боевое

крещение с саблей в руках. Двор сопровождали все аккредитованные в Стокгольме иностранные послы.

Самый богатый в королевстве после столицы город Готтенбург прилагал огромные усилия для того, чтобы достойно встретить в своих стенах три поколения своих государей. Это была сплошная череда балов и публичных празднеств. Горожане были приглашены участвовать в них, с легкой руки недавно служивших под его командованием солдат, шведский народ научился любить и восхищаться этим генералом французской революции, которого судьба посадила на трон Густава-Адольфа и Карла XII.

Двор и военные приняли меня очень любезно, наследный принц общался со мной с сердечностью старого военного товарища и я мог только поздравить себя с тем, что случай привел меня в Готтенбург в это замечательное и интересное время. Король и двор направились в Стокгольм, кронпринц с сыном вернулся в Норвегию, а я воспользовался случаем присоединиться к стоявшему в порту русскому фрегату, который направлялся в Кронштадт.

* * *

Отсутствие ветра задержало нас ввиду порта на четыре дня, наконец, он подул и, благодаря его силе, мы наверстали упущенное время. На корабле была поднята только половина нижних парусов, а фрегат шел со скоростью 15 узлов в час, нас поднимало на волны с ужасающей быстротой, ветер усиливался с каждой минутой, и разразилась страшная буря. Перед нами открылся вход в пролив Зунд, стали видны форты Хельсингборга и Хельсингёра, защищающие подступы к нему, мы быстро прошли их и к заходу солнца счастливо бросили якорь на рейде Копенгагена. В это позднее время года, а была середина октября, ненастье не кончается, в эту ночь и в последующие дни потонуло много кораблей.

Мне захотелось осмотреть столицу Дании, и с риском для жизни шлюпка доставила нас в порт этого города. Порт был почти пуст; Нельсон нанес датскому флоту, верфям и всем сооружениям порта столь сильный урон, что такая небогатая страна как Дания не смогла за прошедший небольшой срок восстановить свой флот. Даже торговля имела чахлый вид, город показался мне грустным и опустевшим. О его прошедшем богатстве и о том, что в нем жил король, свидетельствовали несколько больших церквей и ряд красивых зданий. В Копенгагене я провел два дня, которые показались мне чересчур долгими. Наконец, мы вернулись на борт фрегата, ветер немного утих, и мы подняли паруса.

Капитан любезно направил корабль к Ревелю, где я собирался высадиться на берег, чтобы повидаться с отцом. Переход занял трое суток, к вечеру последнего дня мы увидели эстонские берега, высокие крепостные стены Ревеля и стоящую на рейде императорскую эскадру. С наступлением ночи фрегат подошел к порту и бросил якорь. Я бросился искать родительский дом, долгое отсутствие и кровопролитная война, которую я имел счастье с честью окончить, сделали для меня еще более драгоценным возвращение на родину и вид дорогого отца. Я почувствовал, что в первый раз переполнен религиозным духом, исходящим из сыновней нежности и привязанности, которую мне внушила русская земля.

Я был самым счастливым человеком, когда обнял своего отца, это было для меня окончанием войны и воздаянием за перенесенные тяготы. Он разделял мою радость и окружил меня лаской, в эти моменты я не мог бы даже подумать желать чего-то еще. Так мы провели пару недель, каждый день я знакомился с новыми кузенами и кузинами, так как в Эстляндии все друг другу родня. Затем мы вместе поехали в Петербург, который я сгорал от нетерпения увидеть. По дороге мы заехали в Гатчину, где находились

тогда Императрица-мать и весь двор. Она приняла меня с всегдашним интересом, который проявляла к детям своей старинной подруги, нашей уважаемой матери. Все вокруг словно опьянели от окончания этой памятной войны, которая столь блестяще закончилась. Занимались только развлечениями. Император был на Венском конгрессе с тем, чтобы поставить точку в великом деле возрождения и установления баланса сил в Европе. До моего отъезда из Петербурга в 1812 году город и двор были погружены в самые тревожные раздумья, безнадежно искали посланного небом человека, который бы разгромил угрожающего России гиганта. Наиболее отважные предполагали кровопролитные, но безуспешные сражения, крестьянские бунты против помещиков, наши завоеванные границы и низвергнутую славу. Другие, потерявшие всякую надежду, считали борьбу безрассудной и уже протягивали свои дрожащие руки к цепям победителя.

* * *

Я был крайне озлоблен, не найдя в городе Филиссу; она недавно навсегда покинула Петербург: ее ревнивый муж посчитал более надежным вернуть ее во Францию. Ее сестра мадам Бертен осталась, чтобы дождаться своего друга Браницкого. Оба разочарованные, мы приняли решение утешаться вместе, у меня не было никого, кто бы мог меня заинтересовать, и я был в восторге от этой связи. В высшем свете я адресовал свои желания княгине Салтыковой, урожденной Головкиной, так как ей срочно нужен был любовник, то она приняла меня по рекомендации своей приятельницы.

Я ходил на все балы, как если бы мне было 18 лет, это было достаточно смешно. Тем временем я развлекался и никак нельзя сказать, что это было напрасно потраченное время.

1815

Меня назначили бригадиром двух уланских полков, Сибирского и Оренбургского. Они находились на марше из Гамбурга, где они состояли в корпусе под командованием генерала Беннигсена. Праздник закончился, я пустился в путь, чтобы занять свой пост на пути к Витебску.

Я выбрал не самую короткую дорогу и проехал через Москву. Какой же круг я сделал, чтобы вернуться в эту столицу, где был менее трех лет назад, и которую покинул, чтобы преследовать убегающую армию Наполеона! Мой путь лежал через Берлин, Лейпциг, Амстердам, Париж, Лондон, Готтенбург и Петербург.

Москва уже поднялась из руин. Купцы возобновили свою торговлю в лавках, построенных среди руин, господа жили в небольших частях своих бывших домов, церкви отстраивались заново, велись работы по расчистке развалин Кремля, перед взорванными стенами Арсенала были собраны более тысячи артиллерийских орудий, захваченных у различных армий Европы. Это зрелище несколько компенсировало грустный облик города, создаваемый отдельно стоящими трубами, дворцами без крыш, потемневшими от копоти куполами и обезлюдевшими улицами. Но Россия желала, чтобы Москва жила. Ее возрождающееся величие должно стать доказательством могущества нации. Со всех сторон в этот древний город рекой стекались рабочие и различные богатства.

Я повидался с графом Толстым, с которым расстался в Париже, он показал мне свою вторую дочь и позволил мне постараться ей понравиться. Она была очень молода, и я был первым, кто танцевал с ней, и первым, кто заставил ее почувствовать, что она красива. Не нужно было ничего больше, чтобы закрепить нашу добрую дружбу, мы

расстались с грустью, договорившись возобновить наше знакомство будущей зимой в Петербурге.

Я прибыл в бригаду, заранее скучая от приготовленного мне времяпрепровождения: полки находились в плохом состоянии, а Витебск был бесцветным городом.

Но очень скоро Наполеон вывел нас из состояния скучного отдыха. Он преодолел морское пространство, отделявшее его от Франции, и во главе горсти солдат высадился во Фрежюсе. В Европе началась тревога. Австрийские генералы еще сочиняли планы, оценивая шансы и сроки продвижения Наполеона, когда последний преодолел препятствия и одним своим именем открыл себе дорогу на Париж. При первом известии о побеге ужасного пленника с острова Эльба император Александр прервал все дипломатические увертки конгресса, собравшегося в Вене, и послал войскам приказ выступать.

Все забурлило, гвардия покинула Петербург и направилась в Вильну, дивизия, частью которой была наша бригада, входила в Гвардейский корпус, мы возглавили колонну и направились к Полоцку.

Но фортуна, последнее усилие которой вернуло Бонапарту трон Людовиков, устала от его амбиций и не имела сил доставить ему победу над талантом Веллингтона и отвагой Блюхера. Эти два генерала нанесли последний удар колоссу, который единственный мог прервать работу объединенной Европы и угрожать ее независимости. Он пал столь же стремительно, как и возродился. Единственное сражение при Белль-Альянсе (или Ватерлоо) закончило новый этап борьбы; Бонапарт, который одной победой вернул себе главенство над Францией, не нашел больше сил для того, чтобы пережить катастрофу. Париж вновь был занят, император Александр снова вернулся туда, как посредник и как покровитель самого слабого.

Армия под командованием князя Барклая де Толли расположилась лагерем на севере Франции, гвардия получила приказ остановиться около Вильны. Наша бригада стояла в Ковно. Я воспользовался счастливым случаем, чтобы съездить в Курляндию, развлечься в Либаве и искупаться там в море. Затем я вернулся в Вильну, чтобы продолжить удовольствия. Приход гвардии собрал в этом городе самых красивых женщин Польши. Командующий корпусом генерал Милорадович не упустил этого прекрасного случая, чтобы влюбиться, он устраивал праздники, но не платил за них.

Пока мы танцевали в Вильне, Император защищал в Париже интересы Франции, которую английская ревность и прусская жадность хотели бы разрушить до основания.

С. П. Толстая

С тем, чтобы придать больше веса своему посредничеству и потрясти Европу, Император собрал в Вертю, на равнине Шампани, 150 тысяч человек своей армии. Он пригласил государей Австрии и Пруссии, германских принцев, Веллингтона и всех иностранцев, военных и дипломатов, присутствовать на смотре, который он устраивал своим войскам.

Перед удивленным взором многих тысяч зрителей наша армия предстала собранной в одном месте, в самом строгом порядке, заново обмундированная, заботливо экипированная всем необходимым, обученная всем тонкостям военного дела. Этот военный триумф длился несколько дней, вся роскошь и все пиршества Парижа украсили биваки нашей армии. Окруженный этим прекрасным инструментом своего могущества, Император в Вертю на желаемых им условиях определил условия мира, было решено оставить во Франции оккупационную армию, составленную из войск всех союзных наций и вверенную командованию лорда Веллингтона.

От России почетную миссию остаться во Франции во главе 30 тысяч человек, собранных из различных корпусов армии фельдмаршала Барклая де Толли, получил граф Михаил Воронцов. Остальные войска направились в Россию, мы получили приказ возвратиться в Петербург и в места нашего постоянного расположения. Наполеон, который еще раз заставил всю Европу взяться за оружие, печально отправился на остров Святой Елены.

* * *

Мы расположились в Великих Луках, городе еще менее приятном, чем Витебск. На зиму я уехал в Петербург, где прилежно ухаживал за молодой графиней Толстой.

1816

Ее родители предоставили нам все возможности для встреч, в ее доме меня принимали, как своего, дядя графини граф Остерман давал в ее честь балы, которые я усердно посещал. Казалось, что все способствует тем нежным чувствам, которыми молодая девушка отвечала на мои ухаживания. В этом браке меня устраивало все, кроме разницы в годах, мне скоро должно было исполниться тридцать, а ей было всего 16 лет; я вскоре должен был покинуть блестящие удовольствия высшего света, а она только входила в него. Перед отъездом из Петербурга, когда я собирался выехать к своей бригаде, а граф Толстой — возвратиться в Москву, мы расстались в надежде вновь встретиться будущей зимой. С этого времени размышления о разнице в возрасте начали уменьшать мое стремление к этому браку и заставили меня предоставить судьбе решение этого вопроса.

Я переехал в Ржев, где очень хорошо себя чувствовал в обществе бородатых купцов, составлявших почти все население этого города. Его расположение на берегу Волги также было очень полезно для торговли. В течение многих лет в городе не стояли войска, поэтому мы были приняты с радостью, нас встретили с гостеприимством и хлебосольством, которыми отличались счастливые внутренние губернии Империи.

Не успел я расположиться в новом гарнизоне, как последовало назначение меня дивизионным командиром 2-й драгунской дивизии. Я прибыл в Петербург, чтобы устроить свои дела; в течение 6 дней все было окончено, и я направился в город Гадяч Полтавской губернии, где располагалась штаб-квартира моего нового командования.

По дороге на одной из почтовых станций я встретил графиню Потоцкую, которую любил в Белостоке и которую

не видел с того времени. Она изменилась, была больна, ее любезность превратилась в ярость против своего мужа и свекра. Пришлось краем уха слушать обо всех несправедливостях, несчастной жертвой которых она себя считала. Тем не менее, памятуя прошлое, она допустила меня до себя, и мы расстались только с восходом солнца.

На дороге в Киев меня догнала княгиня Лопухина со своей красивой дочкой, что заставило меня сделать крюк, чтобы провести с ними там несколько дней. Там я посетил старинные пещеры и многочисленные святые мощи, церкви и все то, что заставило меня вспомнить о былом блеске этой древней столицы Руси. Киев — это настоящий памятник истории нашей Империи. Его история восходит к началам Руси, он был местом первых успехов государства, местом триумфа князя Олега, он видел, как в нашей нации рождались цивилизация, законы и христианская религия. Он пережил многочисленные преступления и несчастья, ярость врагов России несколько раз подвергала его разрушениям, так же как и его собственные жители, которых нескончаемые войны заставили обращать оружие друг против друга. Огонь пожаров пожирал строения этого города, чума выкашивала население, наконец, ужасный Батый опустошил его, как и все, что было у него на пути. Киев пал под ударом татарской сабли, его жители были вырезаны, лавки сожжены, церкви и укрепления разрушены. Более чем сто лет на этом несчастном месте никто не жил. Землю покрывали развалины города и пепел. Только воробьи вернулись в его святые пещеры. Мало-помалу набожность привлекла сюда паломников, Печерский монастырь поднялся из руин, были восстановлены и другие церкви, новое поколение отстроило новый город, не имея возможности вернуть ему былое значение, богатство и многочисленное население.

Киев расположен наиболее благоприятным образом, он стоит на возвышенном берегу Днепра, эта красивая река снабжала город продукцией внутренних районов России и доставляла городские товары к Черному морю. Вокруг города лежит плодородная земля, его окружают богатые страны, общение с которыми облегчают различные реки, впадающие в Днепр. Киев является центром для южных владений Империи, он должен был стать столицей древней Руси, протянувшейся от придунайских территорий до Галиции. В силу своего положения он мог снова стать столицей новой России, которая начала расширять свои древние границы. В любом случае, Киев очень важен как с точки зрения управления южными губерниями, и как плацдарм для подготовки наших войн против Турции или против стран Центральной Европы.

Наконец, я прибыл в Гадяч, к месту моей службы. Мою дивизию составляли Казанский, Рижский, Финляндский и Тверской полки, причем последний все еще находился во Франции. Все войска были в плачевном состоянии, и я не знал средства, чтобы его улучшить. Я никогда не занимался деталями военной службы, которые столь необходимы для реорганизации войск. Мне пришлось учиться, прежде чем стать учителем для моих подчиненных. Это стоило мне больших трудов и великой скуки.

С каждым днем я все труднее переносил Гадяч, самый грязный и убогий город во всей Малороссии. Единственным развлечением был живший в 12 верстах от него богатый и старый помещик, скупой и болезненный. Также для развлечения я поехал на цыганскую ярмарку в 60 верстах от моего расположения. Там я увидел толпу людей и множество купцов, но скука все время преследовала меня. Чтобы убить время я поехал в Ахтырку к князю Абамелеку, который командовал там уланским полком. У него я встретил знакомую мне по Астрахани армянскую даму, госпожу Кавалинскую,

которая пригласила меня приехать к ней в Харьков с тем, чтобы присутствовать на балу, где я должен был встретить интересных людей.

* * *

Остановившись в Харькове у командующего армейским корпусом князя Щербатова, я на следующий день после моего прибытия отправился с ним на бал. Мой взгляд блуждал между присутствующими до того момента, когда вошла госпожа Бибикова. В ней меня удивило все — ее красота, скромная манера держаться, рост, простота одежды. Я представился ей и больше от нее не отходил. Она не танцевала; уже 4 года носила она траур по мужу, убитому при Вильне в 1812 году. Мне также не хотелось танцевать. В конце концов, меня пленили мягкость и доброта ее разговора и еще до конца бала я совершенно влюбился. Вернувшись домой, я решил на ней жениться. Князь Щербатов много смеялся над быстротой моего решения и помог мне в нем утвердиться своими похвалами поведению и репутации госпожи Бибиковой. На следующий день он привел меня в дом госпожи Дуниной, приходившейся теткой предмету моей страсти, я нашел это семейство респектабельным и придерживающимся самого лучшего тона. Моя любовь еще увеличилась при виде того уважения и дружелюбия, с каким все относились к госпоже Бибиковой. Я не мог больше сдерживаться, и еще до конца второй встречи все члены семьи, под большим секретом, были посвящены в тайну моего сердца. Я оставался в Харькове 6 дней, и моя страсть усиливалась от счастья каждой новой встречи с этой женщиной, которая с первой минуты сумела произвести на меня столь живое впечатление. Я считал эту любовь лучшим из того, что мне пришлось пережить до сих пор, основой чувства были уважение и восхищение, никаких дурных мыслей не было, все было чисто, как предмет

вдохновения. Я получил разрешение приехать в Водолагу — имение в 40 верстах от Харькова, где обычно жила госпожа Дунина со своим многочисленным семейством. Из самодовольного мужчины, каким я был с женщинами, я сделался робким, и в момент расставания я почувствовал набежавшие на глаза слезы.

После моего прибытия в унылый Гадяч, я получил приказ о новом расположении моей дивизии. Она была выведена из состава корпуса графа Сакена и вместе со 2-й конно-егерской дивизией образовала 5-й резервный кавалерийский корпус под командованием графа Ламберта. После приготовлений к маршу, на которые ушло несколько дней, я прибыл в Полтаву, чтобы проститься с графом Сакеном, и полетел в Водолагу, находившуюся уже в более чем в 200 верстах от новых квартир моей дивизии. Не успел я туда приехать, как получил приказ фельдмаршала Барклая срочно отправляться в Воронеж, чтобы организовать там заготовку фуража для четырех кавалерийских дивизий, включая мою. Недавно назначенные места дислокации были внезапно изменены. Опасались, что фуражиры не успеют произвести необходимые приготовления, и кто-то счел наиболее удобным отдать мне эту малоприятную миссию. Надо было исполнять приказ и покинуть госпожу Бибикову, тем не менее, от нее и от ее тетки я получил разрешение вернуться.

Я был так счастлив и так хорошо исполнил поручение, что менее, чем через 15 дней требуемый фураж был закуплен и размещен в нужных местах, что до стоимости этих закупок, то казне было сэкономлено около 100 тысяч рублей. Дворяне Воронежа, которым я оказал все полагавшиеся знаки внимания, очень помогли в выполнение моей миссии, они добровольно предложили кормить солдат за свой счет первые шесть месяцев, добавив к их ежедневному пайку полфунта мяса и стакан водки. Фельдмаршал Барклай оказал мне честь,

выразив благодарность, а Император проявил благородство, отказавшись от подношения дворянства.

Я поспешил продолжить свои сердечные дела и провел в Водолаге и в Харькове те две недели, за которые моя дивизия пересекла эту губернию. Приободренный оказанным мне хорошим приемом, я решился заговорить о своих намерениях с графиней Сивере, подругой госпожи Бибиковой. Меня выслушали с интересом, начались переговоры. После перешептываний между двумя подругами, мне было разрешено обратиться к ее тетке, спросили господина Захаржевского, отца госпожи Бибиковой, наконец, я получил согласие, с которым связывал все мои надежды. Мой отец не имел других желаний, как видеть меня счастливым, и быстро прислал мне свое согласие и благословение. Я написал Императору и Императрице-матери, чтобы получить их разрешение, и получил их. Скверная репутация, совершенно заслуженная моим предыдущим поведением, заставила всех пожалеть женщину, которая так необдуманно приняла решение стать моей. Однако нужно было расстаться с моей суженой, приказ Императора вновь призвал меня в Воронеж.

1817

Мне поручили проинспектировать один из уездов Воронежской губернии, так как к Императору были обращены очень серьезные жалобы на злоупотребления многих чиновников и даже самого губернатора. Это был некто Бравин, наглый, продажный, допускающий произвол человек, который оскорблял дворян, притеснял купцов и разорял крестьян.

Как только он узнал, что мне предписано изучить его поведение, он сначала попытался внушить мне уважение, а затем прибег к низостям. Его жена и две дочки оказывали мне всевозможные знаки внимания, первая любила своего маленького спаниеля также как и мужа, две другие были неприятными особами. Не было большой заслуги в том, чтобы противостоять соблазну. Мне посчастливилось запугать и привлечь на свою сторону одного из друзей губернатора — статского советника из числа чиновников, наиболее причастных к злоупотреблениям и воровству. Чтобы получить прощение, он развернул передо мной широкую картину злоупотреблений. Я взял его с собой в поездку для того, чтобы он показал мне плутов и рассказал об их хитростях. Он лояльно рассказал мне более чем достаточно. Этими печальными делами я занимался 6 недель. Надо было выслушать всех, заставлять присягать одних, ободрять других, ругать, льстить, копаться в грязном белье, наконец, слушать и запоминать все то, что чиновники и толпа мелких дворян, которые жили в провинции, могли придумать о нанесенных обидах и отвратительных действиях.

Вернувшись в Воронеж, я сделал отчет Императору, губернатор и около 60 чиновников были отстранены от должностей и отданы под суд. Жена губернатора была недовольна моими действиями, она не могла понять, как среди прочих

поручений, которые были даны исправнику, я обвинил ее в том, что она потребовала у крестьян тройку лошадей для перевозки своих собак, сказав, что она сама в своей карете отдала лучшее место своему спаниелю. Императору начали поступать жалобы на меня, но это не изменило его решений, пытались уменьшить его доверие ко мне. Напротив, вскоре я получил новое подтверждение его доверия. Не успел я закончить с этим делом, как пришел приказ направиться в имение господина Сенявина для раскрытия двух убийств, в которых его подозревали его собственные крестьяне. Один случай произошел 17 лет назад, второй — около 3 лет назад. Господин Сенявин имел большое состояние, принадлежал к одной из лучших фамилий России, он был братом госпожи Нарышкиной, в доме у которой меня много лет принимали как своего, он был дядей моего друга графа Михаила Воронцова и родственником большего количества моих близких знакомых.

Он явился ко мне с многочисленными рекомендательными письмами. Его сестра заверила его, что в моем лице он найдет защитника. Я был вынужден ему ответить, что, несмотря на горячее желание доказать его невиновность, мой долг обязывает меня быть строгим судьей. С этого момента он потерял всякую надежду, и начал жаловаться на меня всем родственникам. Один из них, его двоюродный брат, отец графа Воронцова, ответил ему, что очень хотел бы считать его оклеветанным, но если я решу, что он виновен, то и он будет вынужден в это поверить. По приказанию Императора меня сопровождал губернский предводитель дворянства и два дворянина.

Мы расположились в замке господина Сенявина, который был им покинут. После этого мы опросили всех его крестьян и прислугу, окрестных крестьян и землевладельцев.

Они рассказали нам самые ужасные вещи о господине Сенявине и, особенно, о его жене. Затем по рассказам крестьян мы узнали о двух людях, погибших под кнутом своего господина. Один из них был украдкой похоронен в глубине леса, другой — на берегу реки в таком месте, где ежегодные разливы полностью изменили русло реки. Прошло 17 лет и крестьяне, которые исполняли варварские приказы своего господина, были под разными предлогами удалены из этих мест. Для подтверждения слов крестьян было важно найти захороненные тела примерно в тех местах, где нам было указано. Но было почти невозможно определить эти места, без чего нельзя было начинать копать. В то время, когда мы все и несколько сотен крестьян находились на этом берегу реки, мимо прошла старуха. Она спросила о причинах происходящего. Как только она их узнала, она закричала, что 17 лет назад, она проходила по этим местам и, приблизившись в сумерках из любопытства к нескольким мужчинам, копавшим землю, она увидела два мертвых тела. «Я всегда помнила это место, — сказала она. — Сегодня сам Господь привел меня сюда, чтобы я смогла его показать вам». После ее слов все принялись за работу. Выкопав яму глубиной почти в 6 футов, крестьяне закричали от радости, когда увидели скелет, найти который было столь важно. Это доказательство вины господина Сенявина, совокупно со всеми остальными, позволило нам считать его в достаточной мере под подозрением для того, чтобы предать его суду. По нашему докладу Император забрал все его состояние под опеку и передал его в руки правосудия.

Госпожа Нарышкина и другие не смогли мне простить того, что я был справедлив. А я обратился с самой горячей просьбой о том, чтобы это поручение оказалось последним в данном роде, которое мне пришлось выполнить.

Закончив это печальное дело, я был вынужден вернуться в свою дивизию, в которой отсутствовал около 4 месяцев. Пришлось снова отложить свидание с суженой.

* * *

Моя штаб-квартира располагалась в Новохоперске, небольшом городе, похожем на деревню, даже в окрестностях которого не было приличных помещиков. Весь июль, который я полностью провел там, я мучился от нестерпимой жары, даже не имея возможности искупаться. Я писал, ездил верхом и скучал в свое удовольствие. Я отправился на воды в Липецк, где находился граф Павел Пален, который в отсутствие графа Ламберта командовал корпусом, частью которого была моя дивизия. Я надеялся там развлечься. Действительно, там собралось многочисленное общество, но у меня не было возможности оценить его приятность, потому что сильнейший ревматизм приковал меня к постели рядом с графом Паленом, страдавшем тем же недугом. Объявили о приезде великого князя Михаила, который объезжал с инспекционной поездкой большую часть империи. Так как он должен был проехать через Тамбов, где располагался штаб нашего корпуса, я поехал туда, чтобы выразить ему свое почтение. Он изволил очень дружески меня принять и пригласил сопровождать его в части своей поездки. Повсюду его встречали с той любовью, искренними чувствами и радостью, с которыми великий и благородный русский народ всегда встречает членов Императорской фамилии. Великого князя с энтузиазмом окружали все: мужчины и женщины, молодые и старые. Как же не правы наставники молодых принцев, если они не пользуются такими замечательными моментами для того, чтобы их ученики в самой глубине своего сердца запечатлели свою благодарность великолепной

нации и те обязанности, которые им предстоит выполнить по отношению к ней. К несчастью лесть и легкомыслие притупляли то доброе впечатление, которое должны были оставлять подобные сцены.

Мы прибыли в Воронеж, где нас встретили балы и иллюминация. Отсюда я уехал раньше, чтобы организовать встречу великого князя в Боброве, где стоял один из полков моей дивизии. Я провел учения скорее хорошо, нежели плохо, хотя у меня еще не было возможности уделить этому много времени. Наше внимание заранее привлекло имение Хреновое, что в 30 верстах от Боброва. Это огромное владение принадлежало графине Орловой. Ее отец основал здесь конный завод, который стал образцом заведений подобного рода. Завод занимал 180 тысяч десятин земли, и его обслуживали 4 тысяч крестьян. Обслуживание этого завода облегчалось наличием самых замечательных пастбищ и самой плодородной земли. В великолепных конюшнях было около 700 лучших кобыл и победителей различных конкурсов, о которых заботились с блеском и элегантностью, которые можно встретить разве что в Англии. Все работники конного завода были крепостными графини Орловой, сюда никогда не приглашали ни одного иностранца. Здесь же производили все, что было необходимо заводу — седла, уздечки, попоны, все было сделано с наиболее изысканной утонченностью и вкусом.

После того, как перед нами провели более 200 лучших лошадей, нам показали скачки, организованные со всей заботой и вниманием к деталям, которыми отличаются скачки в Англии. Приз за скорость был разыгран между дюжиной великолепных лошадей, которых готовили полгода, и которыми управляли маленькие мальчики, столь же ловкие и хорошо одетые, как лондонские грумы. В это время на специальной арене ожидали сигнала к началу бегов небольшие

дрожки, в которые были запряжены лучшие рысаки. Эти два представления очень позабавили великого князя. Затем нам показали молодых жеребцов на привязи и на свободе, которых охраняли только несколько всадников на проверенных в своей легкости лошадях, не упускающих из виду молодой табун, природная горячность которого заставляет его совершать круги в 20 и 30 верст.

М. Д. Дунина

Крепостной графини Орловой, управлявший этим большим заведением, заслуживает того, чтобы быть названым, его фамилия Шишкин, он вырос в доме старого графа Орлова, получил от него наказы и перенял увлеченность, необходимые для продолжения работы и улучшения конного завода, который уже стал самым большим и прославленным на всю нашу Империю.

Здесь я снова обогнал великого князя с тем, чтобы подготовить его прием в Павловске, куда я попросил перевести штаб-квартиру моей бригады. Я провел перед ним учения Рижского драгунского полка, которыми он также изволил остаться довольным. Из Павловска он направился в земли донских казаков. Я был в восторге от возможности сопровождать его к этому воинственному народу, с которым я так долго делил трудности и успехи воинской службы. На границе от имени атамана Платова и всего Войска Донского великого князя встретил старый и доблестный генерал Жиров. На ночь мы остановились в станице Казанской, что на берегу реки Донец. На следующий день мы пересекли эту реку на изящно украшенных плотах, население станицы и окрестностей находилось здесь, женщины стояли по одну сторону улиц, мужчины — по другую, все встречали брата своего Государя радостными криками «Ура!» На другом берегу реки стояло 500 хорошо одетых и хорошо вооруженных всадников, которым предстояло эскортировать нас. Я подал великому князю мысль попросить коня и стать во главе эскорта, который был ему приготовлен по всей дороге. Он с удовольствием согласился с этим предложением, чем доставил казакам наивысшее удовольствие. Во время переезда от этой первой остановки, проделанного нами полевым галопом, эскорт продемонстрировал нам показательную атаку с криками и требуемыми маневрами. На каждой остановке войска эскорта менялись, великому князю приводили новую лошадь, а он сильно забавлялся этим чисто военным способом путешествовать. Повсюду население с 30 верст вокруг собиралось, сменяя друг друга, чтобы увидеть и шумно приветствовать знаменитого путешественника. Нам в изобилии приносили корзины с виноградом, лучшие фрукты и самые тонкие донские вина. Это была настоящая прогулка и нескончаемый пир.

На третий день после обеда мы оказались уже совсем недалеко от Новочеркасска. Здесь мы остановились, чтобы привести себя в порядок. В 25 верстах от города нас встретил генерал Иловайский с 12 офицерами, в 10 верстах — генерал Греков во главе тысячи всадников, расставленных по обе стороны дороги. Лошади несли нашу коляску полевым галопом, а это войско окружало и обгоняло нас, крича «Ура!» и поднимая ужасную пыль. Мы остановились возле плотины, которая вела в город, где, спешившись, стояли генерал Иловайский 4-й и более 2000 казаков, которые по возрасту и из-за ранений не могли больше нести воинскую службу. Наступил вечер, и в сумерках стал хорошо виден огонь 24 артиллерийских орудий, расположенных на высоте перед входом в столицу Дона. Шагом мы прошли сквозь это достойное оцепление старых воинов. В конце аллеи находились триумфальные ворота, которые служили входом в Новочеркасск. Вдруг в момент нашего проезда в один миг все осветилось, тысячи ламп одновременно зажглись во всем городе, и стала видна огромная толпа людей, теснившихся вокруг. В окружении генералов и офицеров рядом с триумфальной аркой стоял старый атаман, склонившийся под тяжестью лет и тяготами славной службы. Наша коляска остановилась, великий князь вышел из нее и обнял Платова. Все сели на приготовленных лошадей, и под крики «Ура!» и гул огромной толпы мы пересекли город, чтобы подъехать к кафедральному собору.

После окончания церковной службы атаман пешком проводил великого князя в приготовленный ему дом. Путь был обозначен стоявшими на земле зажженными лампами, за которыми по обе стороны стояли самые старые воины Дона. По мере продвижения вперед бороды стариков становились все более седыми, а крестов и медалей, которыми были отмечены эти храбрецы, становилось все больше. Полковые

знамена развевались, их держали эти престарелые люди, самые старые из них несли памятные знамена, которыми наши государи по разным поводам награждали это славное воинство. Мимо этих славных реликвий можно было пройти, только обнажив голову в великом уважении. Под конец появились старцы с совсем седыми бородами, которые несли регалии атамана, его штандарт, бунчук и пернач. Замыкали ряд четверо последних воинов, поддерживавших массивный серебряный сундук, в котором находились грамоты наших государей, объявлявших свободы и привилегии Войска Донского.

Войдя во двор дома великого князя, мы увидели на вершине холма караул в 100 аккуратно снаряженных гвардейцев, выбранных из самых красивых воинов атаманского полка. Они все были гигантского роста и очень театрально завершали этот парад, тоже весьма впечатляющий и похожий на театральное действие. Только старый Платов, обладающий чувством такта и непререкаемой властью, мог организовать и провести такой прием.

На следующий день мы верхом отправились за город, чтобы присутствовать на учениях двух рот конной артиллерии, сформированных из казаков. Как главнокомандующий артиллерией, великий князь устроил им смотр, которым остался очень доволен. На равнине собралась огромная толпа любопытных. Неожиданно появились казачьи разъезды, а затем и ведеты турок; они осматривали и атаковали друг друга. Обе стороны усиливались прибывающими сторожевыми заставами, так что под конец более 2000 казаков и одетых по-турецки всадников участвовали в этом «бою», который очень точно повторял настоящее и горячее столкновение между двумя столь умелыми кавалериями. Наконец, «турки» были отброшены, их преследовали до горизонта. Из гущи схватки выскочил юный внук атамана, 12-летний мальчик,

уже хорошо держащийся в седле, который представил великому князю пленных, являвших собой полный оркестр калмыцкой музыки, чья дисгармония была очень забавна. Потом состоялись большой обед и бал; все это было организовано со столичной элегантностью и роскошью.

На следующий день мы отправились в путь, завтракали в имении Платова в 4 верстах от города, затем в сопровождении более 200 офицеров и части Атаманского полка мы проскакали полевым галопом 18 верст до старого Черкасска. Нас встретило верховое войско и многочисленное население, мы спешились у старого Кафедрального собора, который был замечателен собранными в нем ценными предметами. Раньше частые пожары причиняли городу большой урон, и местные жители были вынуждены прятать свои самые дорогие украшения в этой церкви, как в месте, недоступном для огня и разграбления.

После обеда у старого генерала Грекова, экипажи были направлены прямо в Нахичевань, а великий князь со своей свитой и в сопровождении атамана поднялись на борт замечательно украшенного судна, которым управляли 18 казаков. О них говорили, что они столь же хорошие моряки, как и наездники. На протяжении плавания нас развлекали видом рыбной ловли, результаты которой убедили нас в изобилии этой красивой реки. Великий князь сошел на берег в Ростове, чтобы продолжить свое путешествие в Крым, а я покинул его, чтобы вернуться в свою скучную дивизию.

* * *

Наконец, более ничто не мешало моим планам жениться, у меня было время их хорошо обдумать в течение тех 8 месяцев, пока я был разлучен со своей суженой. Я часто колебался, опасения потерять свободу в выборе любви, которой я раньше пользовался, боязнь причинить несчастье замечательной

женщине, которую я столь же уважал, сколь и любил, сомнения в том, что я обладаю качествами, требуемыми верному и рассудительному мужу — все это пугало меня и боролось в моей голове с чувствами моего сердца. Тем не менее, надо было принимать решение. Моя нерешительность объяснялась лишь боязнью причинить зло или скомпрометировать женщину, чей соблазнительный образ следовал за мной вместе с мечтой о счастье.

Я попросил согласия на свой брак у Императора, Императрицы-матери и у своего отца, все они с удовольствием его мне предоставили. Я выбрал себе в свидетели драгуна из моей дивизии, который пользовался наилучшей репутацией храбреца, и в сопровождении одного лакея направился в Водолагу, чтобы вымолить у моей суженой прощение за мое долгое отсутствие, и согласие стать ее счастливым супругом. Свадьбу сыграли в имении самым веселым и сердечным образом, все окрестные генералы приняли в ней участие. С этого момента я чувствовал себя на вершине счастья. Все многочисленное семейство моей жены было счастливо видеть ее довольной, и с радостью приняло меня. Мы провели несколько дней в Константиновке у моего тестя Захаржевского, почтенного старца, удалившегося от мира и уважаемого всеми своими родственниками.

Моей жене надо было выполнить обязанности по отношению к своей свекрови, у которой на попечении жила ее старшая дочь. Я же решил немного заняться хозяйством, прежде чем привести в дом молодую жену. Я решил, что моя жена поедет в Москву к госпоже Бибиковой и через три недели присоединится ко мне в моей главной дивизионной квартире в Павловске. Мы вместе доехали до Белгорода, затем разъехались каждый по своим делам.

Не успела она приехать в Москву и представиться Императрице-матери и Императору, как я получил с курьером приказ Императора немедленно явиться в Москву.

1818

Я был в восторге вновь увидеться с женой, ее осыпала милостями вся Императорская фамилия, все вокруг восхищались ею. Ее поведение при дворе, то малое значение, которое она придавала слухам, все то хорошее, что мне о ней рассказывали все вокруг, завоевали меня окончательно, именно с этого момента я бесповоротно ощутил себя добрым мужем женщины, которую раньше любил только как возлюбленную.

А. Х. Бенкендорф с женой Елизаветой Андреевной

Мы были в Москве только три недели. Я был поражен теми гигантскими изменениями, которые произошли после обрушившегося на нее разорения. Пребывание в городе императорского двора оживляло это воскрешение, начатое уже богатством империи. Кремль был восстановлен более величественным и прекрасным, чем он был до сих пор, торговые ряды были элегантно реконструированы, улицы и городские

публичные места были правильным образом распланированы, церкви были починены и блестели ярче прежнего, частные владения отстраивались, все свидетельствовало о том, что в ближайшие годы исчезнут даже следы былого полного разорения. Во время своего пребывания в Москве Император заложил первый камень в фундамент храма на Воробьевых горах, который должен был своими величественными размерами запечатлеть великие страдания и великую славу 1812 года.

Я возвратился в свой гарнизон с женой и с одной из приемных дочерей, вторая находилась на попечении бабушки, которая должна была дать ей образование. Я отдавал много времени службе, делал все, что мог, чтобы заслужить одобрение Императора, который в июне месяце должен был посетить расположение моих войск, возвращаясь с поездки на Дон. Эти занятия и счастье находиться с женой сделали мое пребывание в Павловске весьма приятным. Это был один из самых счастливых периодов моей жизни. Состояние моей дивизии зримо улучшалось, я был к этому причастен, все здесь привыкли ко мне.

Император приехал, он оказал мне и моей жене много знаков внимания, был полностью удовлетворен, что я имел честь ему продемонстрировать, неоднократно благодарил меня, многие офицеры моей дивизии получили продвижение по службе и награды.

В день своего приезда к нам Император получил печальную весть о смерти храброго и честного фельдмаршала Барклая, который скончался после долгой болезни в начале путешествия, предпринятого им заграницу для выздоровления. Император и вся армия были глубоко огорчены этой потерей. Император потерял в его лице человека, не раз доказавшего ему свою высокую преданность, усердие и способности, армия потеряла заботливого и просвещенного

руководителя, имевшего огромный практический опыт, образец храбрости и дисциплины.

Уже долгое время я не видел моего отца, Император разрешил мне навестить его. Я отвез жену к ее семье в Водолагу и Константиновку и направился в Ревель. Мой отец находился в 40 верстах оттуда в Койке, имении его племянницы графини Стенбок. Я имел счастье найти его в добром здравии, очень довольного моим приездом. Я не мог долго наслаждаться его обществом, надо было расставаться, чтобы возвратиться в дивизию, которую осенью должен был проинспектировать генерал-аншеф граф Сакен, который после смерти фельдмаршала Барклая принял командование 1-й армией.

Отец проводил меня до Ревеля, откуда я поспешил вернуться на свой пост. Я провел несколько дней с женой в Водолаге в полном блаженстве. Так как она скоро должна была родить, я не смог взять ее в гарнизон, куда грустно вернулся в полном одиночестве.

Дивизия подтянулась, она стала значительно лучше, и, словно в военное время, я счастлив был находиться в окружении войск и пушек.

Граф Сакен приехал и был удовлетворен тем улучшением состояния полков, которое произошло за три года, когда он их не видел. Во время этой инспекции я получил известие о том, что моя жена 30 августа, в день тезоименитства Императора и моего, счастливо родила девочку. Как только уехал граф Сакен, я бросился к жене и нашему ребенку. Это новое связующее нас звено еще больше усилило мою любовь и увеличило счастье. После того, как жена оправилась от родов, мы поехали в Павловск, где спокойно провели всю зиму, наблюдая на досуге зимнее ненастье.

1819

Необозримые степи, окружавшие этот небольшой городок, были покрыты глубоким снегом, часто ужасные ветры поднимали этот снег и скрывали горизонт, стирая следы дорог и подчас делая поездки сложными и опасными. Та зима была более суровой, чем обычно, бывало, заблудившиеся путешественники погибали в этих условиях, причем часть из них на очень небольшом расстоянии от города, которого они не смогли увидеть из-за снежных зарядов.

В начале марта я получил приказ начальника императорского Главного штаба князя Волконского оставить дивизию на старшего офицера и немедленно прибыть в Петербург, чтобы принять должность начальника штаба Гвардейского корпуса. Я собрался за два дня, моя жена поехала к своему отцу, чтобы дождаться весны, а я со своим адъютантом отправился в дорогу к месту моего нового назначения.

* * *

После моего прибытия в Петербург Император сообщил о причинах, очень мне лестных, по которым он выбрал меня на эту, требующую его доверия, должность. Моим предшественником был граф Сипягин, которого Император очень любил и быстро продвигал по службе, и которому полностью доверял. Этот человек только что лишился всех милостей. Командование гвардией перешло от генерала Милорадовича к генералу Васильчикову, мне было очень приятно служить под его началом. Исполнение его и моей должности было делом равно нелегким, нам многие завидовали, нас критиковали и поучали все военные куртизаны, чье отличие от таких же особ, служивших при дворе Екатерины II, заключалась только в сапогах и шпорах теперь, и туфлях и кафтанах с шитьем тогда. Многие гвардейские генералы являлись

генерал-адъютантами, они докладывали Императору обо всем. Другие находились под защитой великого князя Константина, который со времен Варшавы сохранял за собой командование гвардейскими частями в Петербурге, и стремился поддерживать преданных ему людей и продвигать свои полки. Только начавшие службу великие князья Николай и Михаил исполняли ее с усердием молодости, руководимые страстью к военной жизни. Все эти обстоятельства должны были мешать работе начальника штаба, который обязан быть проводником воли командующего. Чувствуя всю затруднительность своего положения, я наметил себе линию поведения, от которой никогда не отходил. Не вмешиваясь ни в какие интриги, я старался вернуть власти то, чего она была лишена из-за честолюбивых помыслов, вместо того, чтобы оказывать влияние на окружающих, я был только исполнителем полученных приказов, чем заслужил искреннюю дружбу генерала Васильчикова, уважение некоторых моих товарищей и спокойную совесть.

Мои обширные и нескончаемые обязанности полностью оторвали меня от жизни общества. Я вернулся в столицу, но не смог вернуться к своим прежним привычкам. Моя жена приехала через три месяца, и я полностью погрузился в исполнение своих служебных обязанностей и в домашнее счастье. Мы выехали в лагеря под Красным Селом и произвели маневры, которыми Император остался очень доволен. Он назначил меня своим генерал-адъютантом, эта награда доставила мне большое удовольствие.

Мне удалось отвезти жену в Ревель, чтобы представить ее моему замечательному и пожилому отцу, который еще не имел этого удовольствия. Я оставался там только три недели, так как служебные обязанности призывали меня в Петербург.

1820

Зиму я провел в тех же занятиях, не имея ни минуты для выхода в свет. Летом Император выделил мне, жене и детям квартиру в Царскосельском дворце, что стало для меня возможностью передохнуть перед тем, как почти все дни я проводил в городе или в Красносельском лагере.

Уже некоторое время Император был недоволен лейб-гвардии Семеновским полком и особенно его командиром генералом Потемкиным. Этот полк занимал и развлекал его еще в царствование его отца, и со времени своего вступления на престол ему доставляло удовольствие на досуге входить в мельчайшие детали полковой жизни. Он знал в полку всех офицеров, многих унтер-офицеров и большую часть гвардейцев. Его природная доброта подчас позволяла свободный вход в его апартаменты военным различного звания, служившим в этом полку. Он ссужал полковых офицеров деньгами, у него была домашняя прислуга из числа уволенных от службы семеновских солдат, наконец, он сам был шефом этого полка и оставался для него ярым защитником. Столь явное внимание должно было подействовать на моральный дух офицеров и солдат, мало-помалу, дух интриганства, ревности и даже тщеславия распространился в полку вплоть до рядовых гвардейцев. Командир полка почувствовал себя, и даже с некоторым правом, на особом положении в армии, он имел завистников, с трудом подчинялся приказам, исходившим не он самого государя, от которого он привык получать распоряжения напрямую. Будучи горд своей должностью, но, не имея необходимых моральных и умственных качеств для того, чтобы заставить себя уважать в столь трудно управляемом полку, не имея даже такта по отношению к своим командирам, генерал Потемкин был самим ходом вещей обречен мало помалу потерять доверие Императора. Он не желал замечать нависшую над ним немилость.

Он усугублял свое положение тем, что почти не входил в подробности службы, офицеры следовали примеру своего начальника, в результате солдаты перестали их уважать и бояться. Наконец, Император назначил на его место полковника Шварца. В армии, откуда его взяли, этот штаб-офицер с отличием командовал полком. Но от такой милости он потерял голову, и, чтобы оправдать ее, проявлял усердие, суровость и резкость, которые совершенно противоречили удобному самоустранению от дел и приятным манерам его предшественника. Задетые грубым обращением нового командира, столь мало соответствующим правилам высшего общества, коего они считали себя лучшим украшением, офицеры полка с самого начала стали искать случая, чтобы посмеяться над ним. Уставшие от новых требований своего полковника, потрясенные его грубым тоном и суровостью, нижние чины осуждали его, не давая себе труда научиться его понимать. Приободренные примером своих офицеров, солдаты, желая угодить им, принялись насмехаться над полковником Шварцем и публично издеваться над его походкой.

Такое положение дел не могло не привести к ужасным последствиям. Генерал Васильчиков вызвал к себе полковника, осудил его действия, особенно, ту поспешность, с которой он производил необходимые изменения в области дисциплины, и дал ему все требуемые с его точки зрения инструкции. Ко мне явились командиры батальонов полка и попросили разрешения говорить со мной не как с начальником штаба. Они стали жаловаться на поведение полковника Шварца, не скрыв от меня, что общее недовольство вызовет взрыв. Поблагодарив их за оказанное мне доверие, я посоветовал им удвоить служебное рвение с тем, чтобы даже требования их командира не смогли застать их врасплох. Я сказал им, что это единственный способ заслужить благоволение Императора и доказать ему свою преданность, что от их примера

будет зависеть все, что, при условии, что начальство будет уверено в их послушании, оно может заменить полковника, если по прошествии некоторого времени будет замечена его неспособность командовать. Но, напротив, ропот и насмешки только заставят Императора поддерживать полковника против его подчиненных.

Они все заверили меня, что приложат все свои усилия для того, чтобы держать своих солдат и офицеров в наиболее суровом подчинении, дав мне слово предупреждать меня обо всем важном, что будет происходить в полку.

Полковник постарался стать более вежливым, батальонные командиры призвали офицеров к порядку, но толчок был дан, и настроение в полку не изменилось. Войска отправились в Красносельский лагерь, где частые учения и требования полковника, хотя и не нечрезмерные, привели к озлоблению солдат, уже готовых к самому худшему. Однако полковники мне ничего не говорили, а получаемые мною сведения свидетельствовали о том, что Шварц заботится об улучшении положения нижних чинов.

* * *

Из-за непростительной небрежности адъютанта полка только утром 17 октября я узнал, что накануне в 10 часов вечера рота Его Величества (она же лейб-рота, то есть 1-я рота 1-го батальона) самостоятельно вышла из спальных помещений и собралась в коридоре казармы. Дежурный унтер-офицер спросил у них, что это означает, и приказал им вернуться. Солдаты потребовали от него, чтобы он пошел искать капитана, с которым они хотели говорить. Прибежавшему капитану вся рота стала жаловаться на тяготы службы и просить выхлопотать для них облегчение, прибавив, что они не могут больше служить с полковником Шварцем. В страхе

капитан пообещал замолвить за них слово и призвал их вернуться и спокойно ждать его ответа.

Как только мне стало известно об этой выходке, я бросился предупредить генерала Васильчикова, который приказал мне немедленно направиться в казармы 1-й роты и провести тщательное расследование. Сначала я расспросил фельдфебеля, унтер-офицера и бывших на дежурстве солдат. Затем я велел привести одного за другим нескольких гвардейцев, известных своим прекрасным поведением. Все они ответили мне, что рота собралась на крик «К перекличке!», который раздался из коридора. Никто не указал мне ни на первого крикнувшего человека, ни на тех, кто вышел в коридор первыми.

Собрав всю роту, я получил тот же ответ, только сопровождаемый ропотом, указывавшим на заговор и беспорядки. Офицеры имели удивленный вид, солдаты хвалили их и обвиняли полковника. На вопрос, в чем именно он с вами плохо обходится, последовал единодушный ответ: «он нас тиранит». Я попросил выйти из рядов тех, кто от него пострадал; вышел один солдат, который пояснил, что был наказан за пьянство. В это время несколько человек в один голос стали жаловаться на то, что от них слишком много требуют по части чистоты и правильности в обмундировании. На вопрос, всё ли вы получаете, что вам положено в деньгах, пище и вещах, данный скрепя сердце положительный ответ полностью доказал вину тех, кто выдвигал это обвинение. После наведения порядка и объяснения всей глубины их вины, заключавшейся в том, что они собрались шуметь прошлой ночью и осмелились вызвать капитана, я объявил им, что единственная вещь, которая может уменьшить заслуженное ими наказание, это выдать зачинщиков. Я дал им несколько часов на раздумье, предупредив, что после этого все они предстанут перед военным трибуналом.

Докладывая генералу о том, что только что увидел и услышал, я не мог от него скрыть, что тон, которым мне отвечали солдаты, свидетельствовал о неповиновении. Нельзя было терять время, было очевидно, что роту надо срочно судить. Трудность состояла в том, как взять ее под арест; распределить ее нижних чинов между разными гвардейскими частями значило бы распространить дух неповиновения в тех войсках, которые бы их стерегли. Содержание в своей собственной казарме привлекло бы сочувствие других рот полка, у которых были те же причины жаловаться, и для которых эта рота была выражением их положения. Чтобы полностью их изолировать, надо было решиться водворить их в крепость и создать военную комиссию для ведения процесса.

В 8 часов вечера рота получила приказ прибыть в здание Гвардейского штаба, две роты лейб-гвардии Павловского полка привели в дворцовый зал для строевой подготовки, туда же ввели виновную роту. Генерал Васильчиков сказал солдатам, насколько они виновны в нарушении дисциплины, и приказал двум павловским ротам окружить роту семеновцев и отконвоировать ее в крепость. Приказание было выполнено при гробовом молчании гренадеров, участвовавших в этой сцене. Офицеры роты получили приказ идти с войсками и не покидать их, пока комендант крепости не примет и не распределит всех людей.

Я приказал командирам батальонов и дежурным офицерам неотлучно ночью оставаться на своих постах и немедленно мне сообщать, если в войсках что-нибудь случится.

Не успел я лечь спать, как явился командир 1-го батальона полковник Вадковский и сообщил, что три роты отказались ложиться и с ропотом собираются в коридоре своих казарм. Я еще не кончил одеваться, когда вошел испуганный полковой адъютант и сказал, что нижние чины двух других батальонов покидают казармы и собираются на полковом плацу,

капитаны и другие офицеры старались помешать этим беспорядкам, но не смогли остановить волнения. Я направил его в Гвардейский штаб, чтобы собрать там всех моих подчиненных, взял с собой полковника и поспешил к генералу Васильчикову. Разбудив его, я сообщил обо всем, что только что узнал сам. Он отправил полковника Вадковского на его пост, и мы направились к генерал-губернатору графу Милорадовичу. Мы решили, что командующий гвардией до самой последней крайности не должен появляться перед бесчинствующими солдатами, которых он должен был наказать за неповиновение. Не следовало, также, подвергать высшую власть риску действий, следствием которых могло быть только неповиновение, в то время как генерал-губернатор города должен был прибыть к месту преступного сборища, как если бы это был пожар или другое необычайное событие.

И. В. Васильчиков

Граф Милорадович согласился с этим рассуждением и направился в Семеновский полк. Тем временем, мы направились в штаб, и начальник Гвардейского корпуса приказал собрать всех командиров полков. Генерал-губернатор вернулся, так и не сумев повлиять на солдат, которые громко требовали вернуть первую роту и отказывались подчиняться приказам до ее возвращения. Он придерживался мнения, что надо выпустить роту Его Величества из крепости с тем, чтобы избежать еще больших несчастий. К счастью, генерал Васильчиков придерживался другого мнения, он заявил, что ничто не может заставить его уступить угрозам солдат, что одним проявлением слабости можно потерять все. Он назначил временным командиром Семеновского полка генерала Бистрома и отстранил Шварца, чтобы тот больше не появлялся на своем посту с начала беспорядков. Бистром, которого хорошо знали во всей гвардии, приступил к выполнению своих обязанностей.

Парад на Дворцовой площади. 1820-е

Он получил приказ построить полк и объявить ему о приезде начальника Гвардейского корпуса с инспекционной проверкой. Но он не смог заставить себя услышать; сумрак и водка, большой запас которой, к несчастью, находился в казармах, увеличивали беспорядок, который все больше разрастался. Генерал Потемкин предложил лично привести к порядку полк, командование которым он оставил только 6 месяцев назад, после того как возглавлял его в течение 8 лет. Мы все считали, что его голос, которому в полку издавна привыкли подчиняться, произведет должное действие, но к его стыду, его присутствие не произвело никакого действия. Шум и неповиновение постоянно возрастали, надо было предпринимать решительные действия.

Лейб-гвардии Егерский полк, чьи казармы располагались по соседству с казармами Семеновского полка, получил приказ войти в расположение последнего, захватить находившееся там оружие и никого туда больше не пускать. Павловский полк получил приказ выдвинуться к Семеновскому мосту, в тот же момент Конная гвардия подошла к Обуховскому мосту с тем, чтобы при необходимости быть готовой произвести комбинированную атаку против бунтовщиков. Отдав эти распоряжения, генерал Васильчиков отправил меня в непокорный полк с тем, чтобы еще раз сказать им о том, что они должны построиться и ждать его прибытия. Было еще темно, но гвардейцы узнали и окружили меня, чтобы узнать то, что я должен был им сообщить. Наиболее близко ко мне стоявшие обнажили голову и слушали в молчании, но шум и волнение основной массы, толпившейся вокруг них, не дали мне закончить. Я старался самым энергичным образом восстановить тишину, которая воцарилась на короткое время, но вскоре шум возобновился. Посреди общего волнения слышался крик о том, что нас не выпустят с этой площади, пока не будет возвращена головная часть полка — рота

Его Величества. Убедившись, что мне здесь не на что надеяться, я поспешил сообщить об этом генералу Васильчикову. Орлов с Конной гвардией, Бистром старший с гвардейскими егерями, Бистром младший, единственный из всех полковых командиров, кто лично поручился за поведение своих солдат, во главе Павловских гренадеров, получили приказ двинуться вперед и быть готовыми ударить на бунтовщиков по первому сигналу корпусного начальника. Момент был страшный, ответственность ужасна, малейшая искра могла вызвать самые большие беды. Генерал Васильчиков чувствовал на себе одном всю тяжесть этого бремени. Когда он появился на плацу Семеновского полка, стоял уже яркий день, все солдаты обнажили голову, и, казалось, на время успокоились. Генерал приказал им построиться, он не мог и не желал разговаривать с полком, не выполняющим его приказания. Снова возобновились крики:

— Верните нам первую роту!

Генерал громким голосом сказал:

— Я не верну вам ее, и вы все заслуживаете заточения в крепость.

Несколько гвардейцев ответили:

— Мы не желаем ничего другого, как разделить судьбу наших товарищей.

— Тогда идите в крепость, — ответил генерал.

В этот момент без малейшего ропота и в полном порядке вся эта масса людей пришла в движение и направилась в крепость. Я приказал офицерам, каждому на своем месте, идти вместе с войсками.

Тем временем, гвардейские егеря заняли казармы семеновцев и забрали оттуда ружья. Конная гвардия и Павловский полк получили приказ вернуться в свои казармы. Самым спешным образом я направился в крепость, чтобы сообщить коменданту о прибытии нового контингента.

Он казался испуганным и даже на мгновение заколебался, не следует ли ему закрыть ворота. Я объяснил ему необходимость хода вещей и дал письменный приказ. Через минуту полк перешел Неву по мосту, вошел в крепость, признав себя арестованным с удивительным спокойствием и кротостью.

Охрана была удвоена, патрули Конной гвардии объезжали улицы с тем, чтобы отыскать отдельных солдат, отбившихся от основной массы полка. Для суда над первой ротой и первым батальоном, как виновниками беспорядков, спешно был созван Военный Совет, в который вошли генералы Левашов, Гурьев и Сухтелен. Генералу Орлову и другим командирам полков было поручено произвести следствие о действиях полковника Шварца. Однако крепость была переполнена, а наличие в центре Петербурга такого количества заключенных могло разбудить жалость среди военных и горожан. Следовало разгрузить крепость и разделить полк. Было решено, что на следующий день один батальон без оружия, но и без конвоя направится вместе со своими офицерами в Выборг, другой будет посажен на суда в самой крепости и отвезен в Свеаборг, в крепости же останется один 1-й батальон. Все это было исполнено на утро следующего дня в полном порядке и без малейшего сопротивления со стороны виновных. Этот возврат к повиновению был доказательством преданности русского солдата своему государю и святого почитания военных законов.

Император находился на конгрессе в Троппау, к нему был направлен курьер с описанием всех подробностей этих печальных событий. Эта новость была для него тем более болезненна, что пример открытого неповиновения дал именно тот полк, к которому он издавна благоволил, и в то время, когда войска Португалии, Испании, Неаполя и Пьемонта только что покрыли себя позором, подняв флаг бунта против своих государей.

Ответа Императора двор и высшее общество Петербурга ожидали с любопытством, а генерал Васильчиков и я — с нетерпением. Очень значительная часть общества, обвинившая нас во всей этой истории, почти с уверенностью ожидала нашего осуждения. За исключением нескольких генералов, двор, столичные великосветские салоны и армия горячо защищали семеновцев, одни из простой жалости, другие — в силу родственных уз или знакомств, которые связывали их с этим полком. Часть же желала смещения генерала Васильчикова, высочайшее покровительство которому вызывало их зависть.

Император получил известие о произошедших событиях в тот момент, когда он готовился покинуть Троппау и поехать в Лайбах, куда был перенесен конгресс. Он был глубоко поражен, но не изменил своим принципам и, как всегда, высказал спокойную твердость и рассудительность. Он сам написал приказ по войскам, согласно которому лейб-гвардии Семеновский полк распускался, его солдаты и офицеры распределялись по различным частям всей армии. Новый Семеновский полк должен был быть сформирован из первых рот различных гвардейских дивизий. Этот приказ стал доказательством нерушимости дисциплины и в то же время примером снисходительного отношения Императора. Он был как удар грома для наших противников и полным разочарованием для высшего общества. В то же время он вернул страх и уважение к высшей власти. Этот документ показал, что Императора нельзя поколебать в его принципах за счет чувства привязанности, что он поддерживает всем своим могуществом генерала Васильчикова, как человека, обличенного его высоким доверием.

Везде водворилось спокойствие и подчинение. Действовавшие открыто интриганы с позором отступили в тень мелких делишек и тайных откровений.

1821

Тем временем, интриги становились все более опасными, так как они замышлялись в тайне. Как часто бывает, групповые интересы смешивали общественно важные дела с небольшими интересами частных лиц. С целью свалить генерала Васильчикова и снять с себя вину в таких делах, которые очевидно свидетельствовали против них, многие подло обвиняли всю гвардию в неверности Императору. Солдатские казармы и городские площади были наполнены шпионами, которым хорошо платили за плохие известия. Они задавали вопросы солдатам, вынуждали их говорить то, о чем те и не думали, и сочиняли самые опасные высказывания. Полиция усердно собирала эти сообщения и посылала их в Лайбах, сопровождая устрашающими пояснениями и опасениями, способными привести в ужас любую другую душу, кроме той, что принадлежала Императору Александру. Он неизменно и спокойно отвергал все измышления, которые в нем стремились зародить. Несколько плутов посчитали случай удобным для того, чтобы осуществить свои подлые замыслы. Они способствовали появлению мятежных листовок даже в казармах, солдаты были обеспокоены этими действиями и всегда сообщали о них своим командирам. Общество уже не удовлетворялось этими новостями, некое подобие брожения заполонило весь город и начало распространяться также в Москве и во внутренних губерниях.

На конгрессе в Лайбахе все время Императора было поглощено итальянскими, испанскими и португальскими делами. Утомленный всеми малоприятными известиями, он приказал гвардии выйти из Петербурга. Благовидным предлогом для этого послужило формирование армии для оказания помощи австрийцам в Италии, для командования которой из Грузии был вызван генерал Ермолов. Все войска,

находившиеся под командованием генерала Сакена, и гвардия получили приказ двигаться за этой армией, прикрывая ее, для того, чтобы в случае необходимости оказать ей поддержку. Эти приготовления оказали впечатление на всю Европу. При первом известии о нашем походе Италия покорилась австрийским войскам, и Лайбахский конгресс закончился так, как того желал Государь, одно слово которого могло напугать все державы.

Первым местом назначения гвардии был Витебск и его окрестности, где мы должны были получить последующие приказы. Все полки двинулись в поход в полном порядке и наилучшим образом укомплектованные. В восторге от надежды скорой войны генералы офицеры и солдаты покинули Петербург с радостью, общество также не сожалело об уходе войск, об опасности которых ему постоянно напоминали.

Между Великими Луками и Порховом вернувшийся из Лайбаха Император сделал смотр полкам 1-й гвардейской дивизии, его встретили единодушными криками «Ура!» и он был полностью доволен состоянием войск. В Порхове я имел счастье представиться ему. Он принял меня сухо, поставив в упрек мое письмо князю Волконскому, в котором я извещал его о случае с Семеновским полком, и уверял в том, что это событие было вызвано обстоятельствами, сложившимися в самом полку, и никак не связано с революционными взглядами и действиями итальянских карбонариев, французских и немецких либералов.

По приезде в Петербург его опыт, глубокий ум и легковесность полицейских рапортов, в которых обвиняли гвардию, доказали ему, что высказанная мною в этом письме мысль не была беспочвенной.

Со всех сторон раздавались единодушные голоса с тем, чтобы отдать должную справедливость порядку, дисциплине

и спокойствию, сопровождавшим движение различных гвардейских колонн. Наши лагеря оказались настоящим счастьем для этих мест, которые два года не могли оправиться от опустошения. Офицеры и солдаты кормили несчастных крестьян, которых голод довел до истощения, столь же ужасного, как смерть. О хорошем поведении Гвардейского корпуса повсюду свидетельствовали благословения народа, похвалы землевладельцев и добрые отзывы служащих. Командовавший нами после выхода из Петербурга генерал Сакен устроил нам по дивизионную инспекцию, по итогам которой подал Императору самый лестный рапорт.

Наконец, в сентябре месяце вся гвардия собралась в местечке Бешенковичи. Император приехал туда, его ожидали граф Сакен с толпой генералов. Этот маленький городок, принадлежавший графу Хрептовичу, был наполнен как большая главная квартира военного времени. Войска стояли в окружавших его деревеньках.

В первый день Император провел большой смотр, он был в восторге от состояния войск и, особенно, от желания ему понравиться, ощущавшегося в каждом взоре. Его принимали с криками «Ура!», сила и длительность которых была доказательством преданности ему. На третий день состоялись большие маневры, хорошо задуманные и исполненные в точности и в полном порядке. Они заслужили полное одобрение Императора. Его лицо освещалось радостью и удовлетворением, чем больше стремились удалить его от гвардии, тем больше он находил удовольствия видеть ее достойной его забот.

После окончания маневров все войска собрались в густых колоннах вокруг бивака, устроенного на берегу Двины в очаровательном месте, которое возвышалось над всей округой. Он был со вкусом украшен различным оружием и предметами воинской символики. В середине стоял стол, за которым

должен был обедать Император со всеми генералами, по обе стороны и далее веером располагались столы на 800 персон, за которыми сидели офицеры всего корпуса в порядке полков. Место Императора обрамлялось знаменами и штандартами, оркестр из 600 музыкантов, сидевших амфитеатром, завершал одну сторону этой огромной галереи. Император милостиво поднял тост за здоровье гвардии, затем, когда генерал Сакен встал, чтобы выпить за здоровье Императора, последовал залп более 100 артиллерийских орудий и громогласное «Ура!» почти 40 тысяч солдат, сопровождавшееся звуками фанфар и приветственными криками 800 офицеров. Земля вздрогнула, на глазах Императора, великих князей и всех присутствовавших навернулись слезы волнения и признательности. Какая прекрасная благодарность для такого государя, как Александр, какая величественная сцена, одновременно устрашающая для врагов нашей Империи! На этом обеде присутствовал поверенный в делах Австрии, который даже привстал от восторга. Император обратился к нему с тостом за здоровье его государя, сопровождавшимся 101 пушечным залпом.

Пребывание в Бешенковичах окончательно и победоносно развеяло все сложенные против гвардии выдумки, а также все козни врагов генерала Васильчикова. Уезжая оттуда, Император издал очень лестный для нас приказ и объявил о наградах — чинах, орденах, денежных выплатах. Я был произведен в генерал-лейтенанты, обогнав 93 генерала, превосходивших меня старшинством. Это отличие, явно превосходившее мои заслуги, было лестной наградой за те неприятности и неудовольствия, которые я навлек на себя этой несчастной историей в Семеновском полку.

В ожидании теплого времени года войска все еще оставались вне столицы; наши лагеря сильно расширились, а главная квартира была перенесена в Минск. Генерал Васильчиков

получил разрешение приехать в Петербург, а я остался вести все дела. Минск был не более приятен, чем Витебск; я поехал в Вильну посетить расположение 1-й гвардейской дивизии. Плохая погода сделала мои переезды крайне неприятными, по возвращении в Минск я получил известие о том, что генерал Васильчиков подал прошение об отставке с должности командира корпуса, на которой он был заменен генералом Уваровым. Последний просил меня продолжать исполнение моих обязанностей до его приезда. Моя должность более не соответствовала моему чину, и я от нее очень устал. По моей рекомендации ее занял генерал Желтухин, а я стал командиром 1-й кирасирской дивизии.

1822

Но ни новый корпусной командир, ни новый начальник штаба не приезжали, и я оставался в должности еще в течение 3 месяцев с тем большим нетерпением, что был разлучен с женой с момента приезда в Витебск. Она поехала к своей семье в Водолагу, чтобы там дождаться решения о направлении нашего движения. Каждый день тянулся для меня как год, никогда еще я так не скучал. Наконец, приехал генерал Желтухин. В тот же день я передал ему дела и лежавшую на мне ответственность. Я присутствовал на большом и красивом обеде, который мне дали мои сотрудники, а вечером был уже в пути. После стольких волнений и скуки я вдвойне почувствовал счастье от возвращения к жене в кругу членов ее семьи, которых я очень любил, и от спокойного и прелестного образа жизни. Я пользовался этим счастьем в течение месяца. Время года и состояние дорог были слишком неблагоприятными, чтобы путешествовать с женой и детьми. Надо было ехать одному, чтобы вступить в командование моей дивизией, стоявшей в Витебске. С первыми весенними днями я попросил разрешения съездить в Водолагу, чтобы забрать жену. С большим огорчением мы уехали из этого уголка спокойствия и дружбы, и с началом теплой погоды собрались в путь, чтобы скучать в Витебске.

* * *

Нищета народа, измученного тремя годами неурожая, расстроенным управлением поглупевшего дворянства и жадной алчностью огромного количества евреев, наводнивших Белую Русь, придала всему, что было в этих краях грустного и дикого, отпечаток несчастья. Во время прогулок по этим красивым местам со всех сторон можно было увидеть только нищету, столь же неприятную, как и картины города, улицы

которого были полны изголодавшимися крестьянами и исхудавшими женщинами, просившими у всех ворот хлеба для своих детей. Им подавали милостыню, но вся эта помощь была недостаточной. Зрелище постоянного несчастья заставляло нас живо желать покинуть эту бедную землю. Эти места стали для меня еще неприятнее из-за смерти моего адъютанта Чорбы, молодого человека 19 лет, образование которого было закончено на моих глазах и под моим руководством. Он был влюблен в витебскую барышню и хотел на ней жениться. Офицер кавалергардов оказался более счастливым, он добился ее любви и получил обещание ее руки. Чорба не вынес этого и разбил себе голову выстрелом из пистолета.

Наконец, пришел приказ отправляться в путь. Эта новость доставила всем солдатам гвардии подлинную радость. Лишь несчастные жители этих мест были грустны и провожали нас своими благословениями. Погода была очень хорошей, и наш путь превратился в приятную прогулку. В Гатчине моя жена покинула меня и уехала в Эстляндию навестить моего отца, а я стал готовиться к представлению моей дивизии Его Императорскому Величеству. После праздника в Петергофе я присоединился к моей жене и после нескольких недель, проведенных в гостях у моего замечательного отца, мы вернулись на зиму в Петербург.

1823

Будучи полностью довольным жизнью в кругу семьи, я все больше и больше отдалялся от великосветского общества. Для меня стали настоящими мучениями необходимые визиты или праздники, на которых я должен был присутствовать, и которые вырывали меня из спокойной домашней жизни.

В конце зимы Император сообщил мне только полученную им новость об опасной болезни жены моего брата, на следующий день он мне сообщил о ее смерти с присущей только ему добротой и деликатностью. Я знал, насколько мой брат должен был быть сражен этой ужасной потерей. Желая дружески утешить брата, я обратился к Императору за разрешением отправиться в Штутгарт, где мой брат был посланником. Он не только дал свое позволение, но и милостиво дал мне карт-бланш во всем, что я сочту нужным посоветовать моему брату в дальнейшем. В качестве знака внимания он также предоставил мне дорожный экипаж и тысячу дукатов. Одновременно Император поручил мне выполнить важную миссию при короле Вюртембергском, в том случае, если бы печаль вынудила моего брата запустить служебные дела.

Не успел закончиться Веронский конгресс, как этот король, всегда надменный, всегда игравший роль великого либерала, позволил себе издать ноту, в которой он осудил те принципы, которые лежали в основе переговоров на этом замечательном собрании. Он молчаливо призвал государей малых стран освободиться от деспотического влияния на судьбы народов Европы, присвоенного себе этим Высшим советом объединенных великих держав. Ответ Императора был сдержанным, но он, совместно с Австрией и Пруссией, отзывал своего посланника, прерывая тем самым

политические связи с государем, который встал на неправильный путь действий, и сам, казалось, желал отделиться от великого европейского единства.

Вюртембергский король Вильгельм I

Я ускорил свои приготовления к отъезду в нетерпении увидеть своего бедного брата. Я проехал через Варшаву и был очень удивлен, увидев ее полностью преображенной: вместо грязного города, отмеченного печатью беспорядка и неустройства, я увидел красивый европейский город. Его былая запущенность была полностью стерта чистотой, порядком и размеренностью жизни. Благотворные заботы Императора, которые проникали даже в мелкие детали, способствовали оздоровлению, удобству и элегантности этой столицы, для которой во всех отношениях он хотел быть новым основателем. Были выстроены замечательные здания,

посажены бульвары, благодаря большим заботам неровные берега Вислы превратились в красивые террасы. Мрачный пригород Прага стал приятным для глаза обиталищем. Укрепления, возведенные польской враждебностью против русских и улучшенные затем французами, были срыты, вместо них появилась красивая дорога, зеленые насаждения и хорошо ухоженная и выровненная площадка. Исчезли даже материальные следы войны, только имя Суворова, казалось, еще парило над этим местом, бывшим ареной одного из самых блестящих его военных подвигов. Оно стало еще более дорогим для поляков, как символ счастливого объединения под одним скипетром с нацией, которая столь часто издавала свой победный крик, даже на улицах их столицы.

Великий князь Константин, которому удалось восстановить польскую армию столь же красивой и дисциплинированной, как наша, отсутствовал; его супруга, княгиня Лович, находилась в Варшаве одна. Я поспешил высказать ей свое почтение, и был восхищен ее благородной и приветливой манерой держаться.

Оттуда я направился в Дрезден. Дороги везде зависели от времени года, март месяц бесполезно пытался скрыть следы зимы; снежные сугробы, особенно глубокие в том году, сделали весьма труднопроходимыми горные перевалы. Я поехал в город Байрейт, где во времена моей юности провел в пансионе 3 года, и который с тех пор не посещал. Я почувствовал непомерное желание вернуться туда. Прибыв в город вечером, и горячо желая увидеть каждую его улицу, каждый дом, я остановился в той же гостинице, в которую я приехал со своими родителями 28 лет назад.

Ранним утром следующего дня я отправился на поиски священника церкви, в которой каждое воскресенье молился во время учения в пансионе, я попросил его исповедать меня.

Никогда не чувствовал я этой необходимости с такой силой, я вернулся в город, из которого вышел в мир, я вновь находился здесь, здоровый и счастливый, после 28 лет деятельной жизни, опасных путешествий и кровавых войн. Затем я посетил дом, где располагался пансион, и с любопытством и удовольствием совершил экскурсию по городу, о котором на всю жизнь сохранил самое приятное впечатление.

Вечером я отправился в путь, проехал через Нюрнберг и, наконец, прибыл в Штутгарт. Мой бедный брат не сомневался в моих дружеских к нему чувствах, он был уведомлен о моем приезде и ждал меня. Переполнявшая его боль ужаснула меня. Он остался в той же квартире, где умерла его жена, не тронув ничего из обстановки, он разговаривал со своими детьми об их матери так, как если бы она была жива. Видя это, мое сердце разрывалось. Я все более убеждался в необходимости быть здесь для того, чтобы оказать ему братскую помощь. Я видел, что совершенно необходимо удалить его из этого места, где он все потерял, и я безо всякого труда решился предложить ему вернуться со мной в Россию. Небольшая политическая ссора с королем Вюртембергским стала для него полезным развлечением. Он с усердием взялся за исполнение привезенных мною инструкций. Король осыпал меня любезностями и знаками внимания; он часто приглашал меня к своему столу, предлагал мне пользоваться его экипажами и поручил своему обер-шталмейстеру сопровождать меня во всех ознакомительных поездках по городу и его окрестностям. Но когда он красноречиво уверял меня в своей преданности Императору, я в ответ молчал; когда он в таком же духе говорил мне о своих политических принципах, я переадресовывал его к моему брату. Он ошибся в своих расчетах, по моему молчанию он должен был убедиться в совершенном неудовольствии, которое его нелепая нота вызвала со стороны Императора.

Я покинул брата на 3 дня для того, чтобы съездить в Карлсруэ, чтобы передать письмо Ее Величества Императрицы Елизаветы к госпоже маркграфине, ее матери. Я нашел ее вместе с королевой Швеции, сестрой нашей Государыни; она поразила меня своей красотой и обходительными манерами. Ее сын, напротив, казалось, не был рожден для того, чтобы вновь занять трон Вазы, низвергнув с него солдата французской революции.

Я вернулся в Штутгарт, тем временем мой брат подготовился к путешествию, он расстался с могилой своей жены и с трудом покинул своих двух молодых детей и город, в котором был столь счастлив, и где потерял все свое счастье. Мы поехали по дороге на Вюрцбург и Эрфурт, затем на Веймар. Там мы сделали остановку на один день для того, чтобы представиться великой герцогине Марии; она приняла нас с добротой и участием, великий герцог и вся семья оказали нам знаки внимания.

В Лейпциге мы с моим братом расстались на 3 дня, он не хотел ехать через Берлин, поскольку воспоминания об его свадьбе, состоявшейся в этом городе, были еще слишком живы в его разбитом сердце. А я должен был посетить прусского короля и получить его приказы, предназначенные Императору. Мы встретились с ним в Потсдаме в день предпасхальных молитв. Тем не менее, он любезно принял меня и выказал ту предупредительность, с которой встречал все, что исходило от императора Александра. Принцы и королевская свита также оказали мне самый дружеский прием. В Берлине я провел только 36 часов, желая поскорее вновь увидеть брата, с которым мы договорились встретиться в Кюстрине. Там мы покинули мощеные дороги и начали крайне неприятное путешествие по путям, полностью разбитым началом весны. В Риге мы едва не оказались в воде, когда пересекали Двину на хилой шлюпке при ветре, который почти

в то же самое время перевернул большую барку, и река поглотила многих людей. Наше прибытие в Ревель задержалось также из-за необходимости пересекать небольшие речушки, которые в это время вышли из берегов и были полны льда, что увеличивало наши трудности. Наш старый отец был на вершине счастья, увидев нас, он передал брату свои соболезнования и поплакал вместе с ним. После 4 дней отдыха в Ревеле мы продолжили путь в Петербург, мне не терпелось вновь увидеть жену и детей.

Император благосклонно принял моего брата, он полностью одобрил мое решение привезти его сюда. Брат жил у меня, здесь он нашел все знаки дружеского участия. С наступлением теплых дней он с моей женой уехал в Эстляндию, где должен был провести лето с моим отцом. Я оставался в городе, готовясь к выезду в лагеря и к маневрам в Красном Селе, когда получил по эстафете сообщение, что мой отец находится при смерти. Я выехал в тот же день. На почтовой станции перед Калеком, где жил отец, меня ожидала моя жена. По ее лицу я понял, что должен отказаться от надежды найти живым лучшего из отцов.

Для моего сердца стал ужасным этот удар, к которому, я, казалось, должен был подготовиться в последние годы. Осведомленный обо всем и без надежды, я приехал в тот дом, где столь часто был счастлив любовью своего отца. Я прибыл как раз вовремя, чтобы отдать ему последний долг. Вся Эстляндия принимала участие в нашем горе. Все, большие и маленькие, богатые и бедные потеряли в его лице друга, источник поддержки, человека любезного и приятного. Его репутация была чистой во всех жизненных обстоятельствах, он был доволен своими детьми, все мы вышли в люди. Он пользовался общественным уважением, до последнего дня сохранил светлый ум и свежесть чувств. Остаток лета я провел с женой и детьми в небольшом имении, в 6 верстах

от дома, где умер мой отец. Там он заботливо приготовил для нас очень приятное жилище на берегу моря. Мы сами разбили там небольшой сад с аллеями. Воздух был свеж, и место очень красиво. Кузина моей жены графиня Сивере с детьми приехала сюда разделить нашу печаль. Если бы смерть дорогого отца не печалила меня, то пребывание здесь было бы одним из самых приятных в моей жизни.

* * *

Осенью мы вернулись в город. Моего брата направили к границе встретить принцессу Шарлотту Вюртембергскую, которая приехала для того, чтобы выйти замуж за великого князя Михаила. Это поручение было тем приятнее моему брату, так как именно он в Штутгарте вел переговоры об этом союзе. Прибывшая принцесса произвела сенсацию своим умом, скромным поведением и своими суждениями по злободневным вопросам, которые она высказывала во всех своих беседах. Через несколько месяцев она вышла замуж и приняла имя Елена.

Как только снег покрыл землю, я попросил отпуск для того, чтобы съездить с членами своей семьи в Харьковскую губернию отдать визит своему тестю. Мы проехали через Москву, где остановились на несколько дней. Оттуда жена поехала дальше, а я направился в Тамбовскую губернию, чтобы посетить земли, которые мы с братом унаследовали от отца. Тамошних крестьян я нашел в состоянии замечательной зажиточности, они чтили память нашего отца и просили только о продолжении своей счастливой жизни, благами которой он предоставил им пользоваться. Я проехал через Тамбов и Воронеж и к новогодним праздникам приехал в Водолагу. Моя жена прибыла туда накануне, там собралась вся ее семья, и мы провели вместе несколько в высшей степени приятных недель.

1824

Мой отпуск подходил к концу, а состояние здоровья моей жены, плохо переносившей начало беременности, заставило меня оставить ее у родителей и в одиночестве вернуться в Петербург. Я прибыл по последнему снегу и активно продолжил военные занятия.

С возвращением хорошей погоды весь Гвардейский корпус отправился в лагеря в Красном Селе. Император приказал, чтобы каждый дивизионный командир показал ему свою дивизию еще до начала маневров. Он имел милость остаться очень довольным состоянием кирасир, находившихся под моим командованием, и я был счастлив получить его одобрение. Ведь я в первый раз стоял перед этим войском, и в первый раз оно представлялось Императору целиком и отдельно от других. В тот момент, когда я подходил к нему, чтобы отдать рапорт, он чрезвычайно благосклонно сказал

Петербург. Арка Главного штаба

мне: «Мы с Вами давно знакомы, Ваша репутация не зависит от хороших или плохих упражнений. От них для Вас ничего не поменяется, в том числе, мое доверие. Постарайтесь не замечать меня и действуйте по своему усмотрению».

Едва началось первое движение, как он приблизился ко мне со словами одобрения. Такие действия, а также присущая лишь ему и вызывающая доверие любезность объясняли страх, который он внушал всему свету, и преданность, которую к нему питали.

После снятия с лагеря и завершения праздника, состоявшегося 22 июля, я поспешил к жене в Водолагу. Я приехал на следующий день после родов, жена подарила мне третью дочь, которая появилась на свет столь же удачно, как и первые две. К счастью, их мать чувствовала себя настолько хорошо, насколько позволяло ее положение. После восстановления состояния ее здоровья, мы отправились на несколько дней в Константиновку к нашему отцу, куда нас сопровождало все ее доброе и любезное семейство.

Наконец, надо было возвращаться в Петербург, следуя туда по дороге, которая уже начала портиться от осенних дождей. В Москве моя жена забрала старшую дочь у своей свекрови. Все предшествовавшие этому расставанию дни были наполнены слезами и напутствиями. Чтобы не быть свидетелем этого, я выехал заблаговременно и прибыл в Петербург на несколько дней раньше моего небольшого семейства.

В это же время Император вернулся из поездки по части Сибири. Через несколько дней, 7 ноября, я был при нем на дежурстве. В тот момент, когда я появился во дворце, вода уже затопила подвалы, ветер дул с ужасающей силой и начал гнать воду в реке против течения. На башне Адмиралтейства уже развивался красный флаг, как первый сигнал опасности. Через канализационные трубы вода начала просачиваться

на улицы. Залп крепостных пушек донес сигнал тревоги до самых отдаленных кварталов города. Ветер постоянно усиливался, он уже поднял вверх по течению остовы и обломки лодок, вода приблизилась к уровню набережных, наконец, был поднят белый флаг, как знак неминуемой опасности.

Очень скоро улицы наполнились водой, со всех сторон непогода несла волны, и они бились о стены домов. Дворцовая площадь превратилась в бурное озеро, еле успели спасти часовых, которые покинули свои посты только после получения приказа своих командиров. Везде были видны люди, спасающиеся в домах; экипажи ускоряли свой ход в поисках более высоко расположенных улиц, которые могли бы предоставить им убежище.

Все глаза были устремлены на Неву, казалось, что эта величественная река собиралась обрушиться на столицу, в течение столетия украшавшую ее берега. Не было никакой защиты против вздымавшихся волн. Все с ужасом наблюдали за усилением наводнения. По улицам гуляли лишь волны и ветер, горожане полностью их покинули и молили бога о защите. Тем временем непогода усиливалась, вода стремительно поднималась, река все больше покрывалась пеной и различными обломками. Дюжина больших барок, стоявших около Академии, сорвалась с привязей и была брошена выше по течению на Большой Васильевский мост. Из окон дворца мы видели, как эта масса ударила и с яростью проламывала опоры, из которых состоял мост. В мгновение ока барки и мост разбились друг о друга, обломки были выброшены на гранит набережной и увеличили собой количество разных осколков, уже плававших на Неве. Император увидел, как группа людей цеплялась за остатки одной из этих барок, ветер быстро пронес их перед его глазами. Он срочно отправил лакея передать его приказ дежурным морякам Гвардейского экипажа взять его личную шлюпку и спасти

этих несчастных. В этот момент я вошел в комнату, где Император с болью смотрел на стихию, угрожавшую его столице. Он с волнением приказал мне пойти ускорить отплытие шлюпки и приободрить офицера. Изо всех сил я побежал по огромным залам, кубарем скатился по парадной лестнице, подбежал к причалу и был возмущен тем, что офицер, действительно очень молодой, и матросы колебались броситься в воду. Я вышел вперед, сказав им, что на них смотрит Император. Все последовали за мной, вода была нам по плечи, когда мы достигли шлюпки, бившейся о парапет набережной. После нескольких усилий лодка покинула причал, и ветер яростно потащил нас против течения реки. На уровне Мраморного дворца мы, наконец, нашли несчастных, которые скоро должны были утонуть. Не без большого труда нам удалось забрать их в шлюпку, в которую с разных сторон ударяли плававшие на воде обломки, и которая качалась так сильно, что матросам трудно было грести.

Я хотел было вернуться во дворец, но все наши усилия оказались тщетны, весла ломались, руль не действовал, а ветер в каждое мгновение грозил опрокинуть шлюпку. Его стремительность была непостижима; мимо нас стрелой проносились огромные баржи, двухмачтовые корабли и целые караваны, у нас даже не было возможности избежать столкновения с ними, если бы случайно их бросило на нас. Испуганные и уставшие от бесцельных усилий матросы своим колеблющимся поведением убедили меня в том, что опасность огромна. Мы дрожали от холода. Ветер студил наши тела, проникая сквозь мокрую одежду. Я приказал взять курс по ветру, против которого хотел бороться. В один миг нас отбросило за второй мост, который уже был разбил. Тут мне пришла счастливая мысль, войти в Малую Невку; гвардейские моряки удвоили усилия, надежда на спасение вернула им силы, и после нескольких минут гребли нос

нашей шлюпки вошел в черные ворота дома на берегу реки рядом с Самсоньевским мостом. Укрывшиеся на верхних этажах жители дома ответили на нашу просьбу открыть окно, но шум ветра помешал нам услышать, что нижний этаж закрыт, и они не могут туда войти. Приняв их жесты за отказ, и умирая от холода, я приказал выбить одно окно. Два матроса взобрались по балюстраде и разбили стекла. Мы вошли в уже заполненную водой комнату: дверь оказалась запертой, так что пришлось сломать и ее. Наконец, мы нашли лестницу, которая привела нас в теплые комнаты. Хозяин и хозяйка встретили нас со всей сердечностью, которую заслуживало наше положение. Я заставил матросов выпить водки, и мы немного обсохли у кухонного очага. Нам сказали, что жильцы нижнего этажа отправились спасать козу, составляющую все их состояние. Подтопленные лавки угрожали их владельцам неизбежной смертью. Мы снова сели в шлюпку и вскоре достигли указанного места, где 6 человек ожидали своей смерти, когда мы их счастливо спасли. Мы снова вернулись к дому, который стал нашей гаванью, где я и 16 человек экипажа разделись, чтобы обсохнуть окончательно.

Только стоя у окна, из которого открывался широкий вид, я увидел и понял, какое ужасное бедствие обрушилось на Петербург. Со всех сторон волны несли обломки жилищ, предметы обстановки, выломанные из могил кресты. Все вокруг предвещало разрушения и смерть — плывущие и тонущие лошади и рогатый скот, завывание ветра и пена на волнах. На реке не было ни одной шлюпки, та, на которой был я, оказалась единственной, продвигавшейся в эту ужасную непогоду, разгул которой сделал бесполезной всякую помощь.

Тем временем, со своего балкона Император наблюдал это всеобщее опустошение. Вся его душа и могущество не могли дать против него лекарства. Он послал своего дежурного адъютанта отдать приказ морскому батальону спустить

на воду все шлюпки, которые можно было найти. С угрозой для жизни, частично верхом, частично по шею в воде, адъютант добрался до казарм. Матросы очень старались выполнить приказ, но как обычно в конце сентября с судов была снята оснастка, и их поставили в доки Адмиралтейства. Вода проникла и туда, все улицы были настолько запружены бревнами, которые наводнение принесло с верфей, что было невозможно спустить шлюпки в воду. Шлюпки Сената и частные суда были или разбиты, или сорваны с якорей, или брошены их владельцами, которые больше думали о спасении своего скромного имущества, своих жен и детей, чем о плавании наугад по разбушевавшейся Неве. Нашли только одну сенатскую шлюпку, которую отправили на наши поиски, больше от нее не было известий.

В два часа пополудни вода начала спадать; ветер, еще очень сильный, не мог больше гнать воды реки против течения. Они стремились вниз со все возрастающей силой, и, наконец, течение превозмогло неистовость ветра, и река вернулась в свои берега почти столь же стремительно, как раньше вышла из них. Я счел возможным воспользоваться первыми признаками падения воды для того, чтобы вернуться во дворец. Мы сели в шлюпку, но ветер и особенно обломки, покрывавшие всю поверхность Невы, представляли собой те же препятствия и те же опасности. После часа упорной гребли и, видя, что приближается ночь, я принял решение в третий раз вернуться в тот же дом, который служил нам пристанищем. Мы окончательно обосновались в нем, пока ветер бесповоротно не утих. В три часа утра мне сообщили об этом, и мы направились во дворец.

Вслед за бурей наступила ужасающая тишина, вода была спокойна, течение реки мирно несло обломки разрушений минувшего дня. Над Невой слышался только шум наших весел, улицы были пустынны, фонари погашены, казалось, что мы плыли среди заброшенных руин.

Приблизившись к дворцу, мы услышали голос, спросивший нас, не мы ли та шлюпка, которая уплыла со мной, и жив ли я. Это оказался мой шурин Захаржевский, который много часов один и в печали бродил по набережной, почти потеряв надежду увидеть меня снова.

Мы сердечно обнялись. Он рассказал, что меня посчитали утонувшим, что Император был очень доволен моей преданностью и очень беспокоился о моей судьбе. Благодаря его милосердному приказу, моя жена еще ничего не знала об опасности, которой я избежал.

Вернувшись во дворец, я застал все службы в готовности оказать мне всяческую помощь. Император приказал разбудить его, как только будут получены от меня известия, но так как он только что заснул, я попросил пока ничего не предпринимать. В шесть часов утра меня впустили в его кабинет.

— Я всегда Вас любил, — сказал он мне, — но теперь я люблю Вас от всего сердца.

Эти слова произвели на меня впечатление, несоизмеримо большее, чем я мог бы выразить. Он обнял меня и начал детально расспрашивать обо всем, что со мной случилось, и о разрушениях в городе. Он еще не получил отчетов ни о количестве жертв, ни даже о положении дел в городе и окрестностях. Его отеческое сердце заранее страдало и сожалело о тех тревожных известиях, которые этот день должен был ему принести.

Не успел я выйти его кабинета, как он послал мне богато украшенную табакерку со своим портретом и 50 тыс. рублей, морской офицер, спустивший шлюпку, был награжден владимирским крестом, а матросам была роздана 1000 рублей.

Военный губернатор принес донесения о положении в городе, со всех сторон стекались сведения, они свидетельствовали только о несчастии, опустошении и жалобах. Повсюду несчастья усугублялись суровой погодой, тысячи жителей остались без крова, беззащитные перед морозом и нищетой.

На всех этажах складов была грязь, крыши были сорваны, предметы обстановки, припасы, продукты питания были уничтожены или испорчены. Дома всего населения пригородов и деревень по берегу залива оказались смыты, разбиты или почти уничтожены, люди взяли своих детей и с плачем наполнили улицы столицы.

Принадлежавшая казне железоделательная фабрика, находившаяся в окрестностях Екатерингофа, строения которой были низки и частично разрушены, была полностью затоплена. Рабочие с женами и детьми нашли убежище на крыше и видели надвигавшуюся вместе с волнами свою смерть. Очень немногие их них спаслись, 148 человек утонули под обломками своих жилищ.

Улицы были забиты предметами обстановки, которые пытались спасти, кусками дерева и обломками, мостовые были разрушены, все население вышло на улицы, чтобы узнать что-нибудь о судьбе своих родных и друзей, и чтобы своими глазами увидеть тот беспорядок, который вчерашнее наводнение оставило почти во всех частях города.

Вернувшись домой, я нашел там полный беспорядок, мои лошади были спасены благодаря присутствию духа моей жены, которая приказала поднять их на второй этаж, сараи были разбиты, кухня и комнаты прислуги, находившиеся на первом этаже, были полностью опустошены.

Настало время исправлять положение, император срочно назначил трех временных военных губернаторов в три района города по ту сторону реки, мне достался Васильевский остров, кварталы по левому берегу Невы были поручены членам Сената, в наше распоряжение были выделены денежные суммы.

Я немедленно выехал к новому месту назначения и расположился в казармах Финляндского полка, солдаты которого под командованием достойного генерала Шиншина уже трудились над уборкой главных улиц и оказывали помощь жителям.

Состояние, в котором находилась вся эта часть города и особенно квартал Галерных улиц, не поддается описанию. Более 100 домов было разрушено, другие были сдвинуты со своих мест и перегораживали улицы, остатки мостов, набережных, проездов для извозчиков, строительный материал и дерево для отопления были в беспорядке разбросаны на улицах и в общественных местах. Лодки и двухмачтовые корабли были выброшены на берег и после того, как они разбили многие дома, оказались на сухом месте значительно дальше, между жилыми домами. Даже у Галерного моста все было разрушено, строения налетели одно на другое и разбились у гранитной набережной канала и у каменных доков, в которых зимой укрывались верфи. На русском, немецком и армянском кладбищах надгробные памятники были перекошены или опрокинуты, мраморные блоки передвинуты, могилы затоплены, все кресты снесены, многие гробы оказались на поверхности, они были унесены волнами и выброшены на невероятном расстоянии. Министр Финляндии граф Ребиндер только через несколько дней нашел гроб с телом своего отца, который волны унесли в екатерингофский лес. На каждом шагу на улицах, во дворах, под обломками находили несчастных утонувших, только на Васильевском острове их было сто дюжин.

Рано утром следующего дня император прибыл для того, чтобы увидеть все собственными глазами. Его душа разрывалась от несчастий подданных, когда он, двигаясь пешком, увидел всю полноту разрушений. Люди благословляли его, осеняли крестным знамением и находили утешение в ангельских чертах прекрасного лица своего государя. Он останавливался для того, чтобы поговорить с наиболее обездоленными, распоряжался о помощи, которую следовало им оказать, и дал мне полные полномочия в наиболее скором и благородном вспомоществовании при всякой нищете. Ближе к концу дня он вошел в кладбищенскую церковь, где был встречен

рыданиями родственников, которые принесли туда для погребения бренные останки своих отцов, мужей и жен. Глаза императора наполнились слезами, и он пожал мне руку, сказав мне: «Это очень печально! Сделайте все, что будет в Вашей власти для того, чтобы облегчить все эти несчастья, я рассчитываю на Ваше доброе сердце». Это поручение никогда не изгладится из моей памяти. Мое рвение удвоилось, я пригласил к себе торговцев Васильевского острова и мы с ними рассмотрели способы оказания немедленной помощи. Мы решили и безотлагательно стали осуществлять следующие меры: 1) большое здание биржи будет превращено в госпиталь для самых бедных, где они смогли бы найти пристанище, пищу и одежду; также они смогли бы получить там необходимые средства и материалы для скорейшего возобновления работы по своему ремеслу; 2) каждый домовладелец возьмет к себе несколько человек и будет их кормить несколько дней; 3) всем врачам будет дан приказ бесплатно лечить бедных больных своего квартала; 4) аптекари будут отпускать все лекарства по простым рецептам любого врача бесплатно, плату они будут получать с меня в конце месяца; 5) в трех местах острова будут накрыты столы более чем на 800 человек, во всех кварталах будут раздавать хлеб; 6) на следующий день все бедные будут одеты в теплые шубы, шапки и сапоги, белье будет роздано даже самым маленьким детям; 7) я назначил двух полковников, нескольких офицеров и младших офицеров, чтобы возглавить работы по восстановлению и постройке как домов, так и мостов, заборов и крыш. Немедленно закипела работа и, несмотря на холод и трудности найти нужное количество рабочих, я почувствовал удовлетворение, видя продвижение работ вперед на восточных улицах.

1825

Тем временем приходили сведения об ущербе в каждом доме, об убытках на каждой фабрике и в каждой лавке. Деньги приходили со всех сторон, и по мере возможности мы расселяли в домах семьи в соответствии с их положением и количеством детей. Я велел раздать более 300 коров с тем, чтобы дети получали более здоровую пищу. Таким образом, были использованы все способы для скорейшего исполнения спасительных приказаний лучшего из государей. Я чувствовал удовлетворение от того, что заслужил его похвалы, и от того, что все население было довольно теми мерами, которые были мною предприняты. Не далее, как через три месяца слезы были осушены, дома, мосты и заборы восстановлены, и подданные благословляли своего императора.

* * *

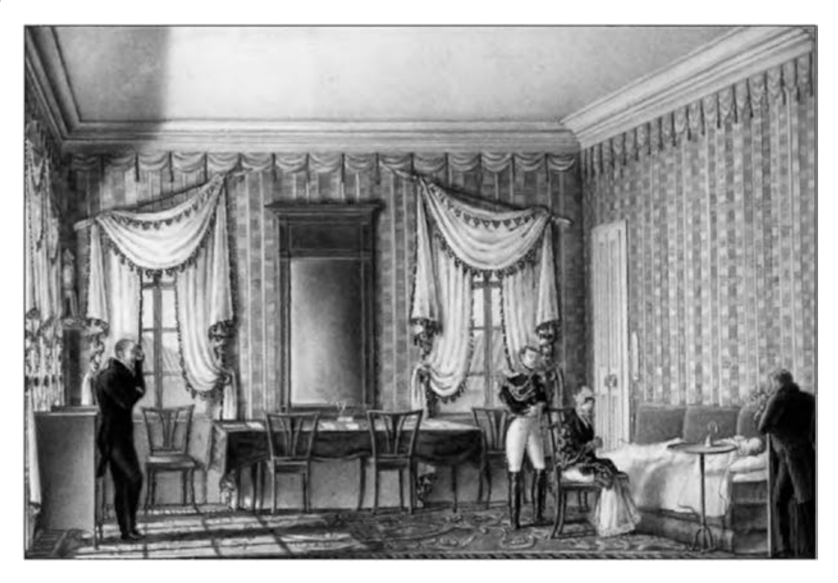
Летом возобновились поездки и пребывание в Лифляндии, куда моя жена с нашими детьми уехали провести теплое время года в небольшом имении Зильтер. Я отправился к ним после окончания сборов в Красносельском военном лагере и привез к ним свою сестру графиню Ливен. Она на несколько месяцев покинула своего мужа и Великобританию с тем, чтобы напомнить о себе императорской семье и повидать родных, с которыми она не встречалась целый год. 30 августа в день именин государя я приехал в Петербург, желая получить у него отпуск. В это время он со своей супругой уезжал в Таганрог и покидал Петербург, не подозревая о том, что снова увидит его только из гроба. Я имел счастье получить у него отпуск в его кабинете на Каменном острове, он благосклонно принял меня, произнес в высшей степени ласковые и теплые слова, а также обнял меня с сердечностью, от которой у меня на глазах выступили слезы.

Было что-то грустное в этом расставании, в приготовлениях к поездке, во всех окружающих, и в особенности в самом императоре, который, видимо, предчувствовал несчастье. В день его отъезда все смотрели друг на друга с тревогой, его собственный взгляд был хмурым и даже суровым. Все это отнесли на счет болезни императрицы Елизаветы, которая казалась слабой и почти приговоренной врачами к смерти. Но стоило императору покинуть столицу, как из уст в уста стали передаваться смутные слухи о том, что он сбежал из Петербурга и от высшего света, что он устал царствовать, что он хочет отречься, что он не любит России и передает ее в неумелые и ненавистные руки графа Аракчеева. Каждый день появлялись новые тревоги, в свете были испуганы, чиновники оробели, недоброжелатели раздували пламень недовольства, честные люди, предвидя большие осложнения, стремились отойти от дел для того, чтобы избежать мощного влияния временщика, которого уже не называли иначе, как Визирем. Все перешептывались и предсказывали несчастья, Петербург и двор замерли в молчании, которое предвещало грозу.

Это молчание было нарушено 25 ноября письмом генерала Дибича, в котором было объявлено империи о безнадежной болезни ее государя, еще вчера столь могущественного, молодого и крепкого. Глубокая печаль легла на все лица. Опасения несчастий, которые должны были начаться с его смертью, не позволяли пока верить в нее и задержали пролитие слез.

Все устремились во дворец для того, чтобы узнать последние новости и найти там утешение. Я видел заплаканного великого князя Николая и его супругу, императрица-мать была безутешна. Все и ожидали, и опасались следующей новости, общественные места, лавки, театры позакрывались, церкви открылись и заполнились людьми, которые пришли туда молить господа о выздоровлении своего господина. Угрожавшая

ему опасность наполнила все сердца любовью и благодарностью, не вспоминали ни о чем, кроме его побед, его ангельской доброты, его благодеяний, особенно вспоминали его любезное внимание, которым он одарил за 25 лет царствования почти каждую семью. Все то, за что его еще несколько дней назад сурово осуждали, — удаление от дел, вызванный этим беспорядок в управлении, даже его любимец, все было забыто. В его смерти видели только несчастье, а в его выздоровлении — только всеобщее благо.

Смерть Александра I в Таганроге

В будущем его наследником видели великого князя Константина, который за двенадцать лет отдалился от России и был женат на польке. Считалось, что он не любит России и не понимает интересов своего народа. В приглушенных разговорах наследником престола называли великого князя Николая, но его не любили, так как он вечно был занят военными делами, и демонстрировал суровость, которую считали свойством его души, и которая в общественном мнении

затмевала качества его разума. С другой стороны, каким образом младший брат мог бы занять место старшего? Захочет ли этот последний покинуть Варшаву? Сможет ли его католичка-жена стать императрицей всероссийской? Некоторые уже предвидели раздоры в императорской семье, расчленение империи, гражданскую войну, нападение со всех сторон на наши границы внешнего врага, который поспешит воспользоваться временной слабостью русского великана.

Казалось, все должно было обрушиться, когда бессильно упала эта умелая рука, которая освободила Европу, которая вслед за своим триумфальным входом привела в Париж всех государей и их армии, которая с тех пор поддерживала политическое равновесие в мире и которая на протяжении четверти века спокойно держала вожжи в самой большой империи на свете. Министры, генералы, гвардия, армия — все были учениками императора, все были обязаны ему своим существование и своей славой, все верили, что будут жить с ним еще четверть века.

27 ноября все общество собралось в Александро-Невской лавре, чтобы молить господа не отнимать у них еще столь молодого и обожаемого государя. Все собравшиеся горячо молились о его выздоровлении, когда в храм вошел начальник штаба гвардии генерал Нейдгард, приблизился к командующему гвардией генералу Воинову и сообщил ему, что нашим государем стал император Константин. Служба была прервана, все с ужасом переглядывались, со всех сторон слышались рыдания. Священнослужители удалились в алтарь, и все вышли из этой церкви, в которой наши молитвы не были услышаны. Ровно год назад в этот день и час, в том же храме император Александр отдал последний долг старейшему своему генерал-адъютанту начальнику гвардии генералу Уварову, одному из участников заговора на жизнь его несчастного отца Павла I. Это сравнение меня потрясло.

Мы бросились во дворец, царившее там волнение не поддавалось описанию. Великий князь Николай с заплаканным лицом сказал нам: «Я присягнул на верность императору Константину. Идите в Штаб гвардии, последуйте моему примеру, а затем заставьте присягнуть верные Вам войска». Ни у кого не было времени на раздумье или на промедление под тяжестью случившегося несчастья. Никто не подумал о том, что не было приказов от великого князя, о том, что нужно было бы узнать последнюю волю императора Александра, который оставил за собой право назначить преемника. Только князь Александр Голицын попытался остановить этот порыв и заговорил о завещании. Но генерал-губернатор города генерал Милорадович уже привел к присяге дворцовую гвардию, и мы вместе с остальными направились в Штаб, будучи избавлены от необходимости обагрить руки кровью для того, чтобы поклясться в верности новому Государю. Зачитывая текст присяги, слова которой мы должны были повторять, священнослужитель плакал вместе с нами. Собранные второпях войска приняли присягу, этому порыву покорно последовали вся столица и вся империя. За этими первыми событиями последовало хмурое молчание и истинная печаль, только очень немногие не были обеспокоены будущим и не предвидели только несчастья. Эти стремительные перемены опрокинули все общие и частные комбинации. Тем временем члены Совета собрались вместе и, прежде чем последовать общему примеру, распечатали конверт, который несколько лет назад император Александр доверил им на хранение, с предписанием вскрыть только после его смерти. Конверт был передан на хранение в Сенат, митрополиту Петру и Св. Синоду и с общего согласия находился в кремлевском соборе в Москве. Чтение этого таинственного документа показало Совету, что по воле императора Александра в соответствии с формальным завещанием великого

князя Константина трон должен был перейти к великому князю Николаю. Акт отречения великого князя Константина не вызывал больше сомнений, в соответствии с его намерением не царствовать и отказаться от всех прав, корона переходила к его брату Николаю. Но он был первым, кто поклялся в верности Константину[7]. Сенат последовал его примеру, а хранившийся там документ еще не был вскрыт. Министр юстиции Лобанов вопреки всем традициям принял такое решение, члены Сената уже избрали депутацию для поездки в Варшаву с тем, чтобы высказать Константину свою преданность.

Тем временем члены Совета были верны своему долгу и уважали последние распоряжения недавно скончавшегося государя. Они видели незаконность присяги, которую великий князь Николай единственный принял столь поспешно, и собрались у него, взяв с собой завещание императора Александра и отречение Константина. Они ему заявили, что могут присягнуть только ему. «Если Вы признаете меня Вашим господином, — ответил им Николай, — так повинуйтесь моей воле. Я принес присягу моему брату, сделайте тоже самое». Совет попросил разрешения повидаться с императрицей-матерью для того, чтобы узнать от нее самой, какого мнения она придерживается по вопросу о наследовании престола в настоящем случае. Как мать недавно скончавшегося императора России и мать принца, которому предстоит ему наследовать по акту завещания, и мать того, кто только что был провозглашен императором, в этот момент столь же важный, сколь и исключительный, она призвана высказать решающее для Государственного Совета мнение. Великий князь лично проводил их к своей матери, она была вся в слезах,

[7] Зачеркнуто: «и тем самым вовлек в это дело гвардию, Сенат и все население».

но спокойна, как Дева Мария, которая покорно повинуется небесным предначертаниям. Она произнесла несколько слов по поводу утраты, понесенной недавно империей и ее материнским сердцем, затем она собрала все свои силы и сказала Совету: «Николай выполнил свой долг, он дал России великий пример того, что наследование престола не подлежит обсуждению, что оно предопределено самим богом по старшинству рождения. Я, как и он, признаю Константина государем. Далее. Константин выполнит свой долг, я в этом не сомневаюсь, но принцип должен быть подтвержден». Члены Совета были в восхищении, они были счастливы повиноваться столь достойно царствующей фамилии и направились в церковь для того, чтобы принести присягу императору Константину.

Но он был в Варшаве в окружении поляков, которые должны были желать видеть его на российском престоле, он был окружен также и русскими, которые, стремясь повлиять на него, были заинтересованы в его согласии принять скипетр, который ему смиренно предлагали без малейших затруднений и малейшего соперничества. В армии, в губерниях, везде ему присягали на верность, вся империя признала его своим законным государем. Столичные придворные уже основывали свои надежды на будущее на готовности порхать вокруг тех людей, которые были известны своим знакомством с новым государем. Все делалось от его имени, уже торжественно провозглашали день его прибытия в Петербург. Все были восхищены благородным и выдержанным поведением великого князя Николая. Тем временем суждения, опасения и надежды разделились. Все достойные люди, искренне преданные своей стране, все те, кто знал великого князя Константина, опасались его царствования и видели в нем только бедствия и преследования. Они пылко желали,

чтобы верный своему решению он отказался от предложенного ему трона. Великий князь Николай внушал больше доверия, его лояльное и твердое поведение с каждым днем увеличивало ряды его сторонников. С другой стороны партия императора росла за счет всех тех, кого уверенность в том, что он сохранит свой титул, заставила оробеть или замолчать, к ней присоединялись либеральные крикуны, которые предсказывали беспорядки во время его царствования и которые уже узнали твердость великого князя Николая.

Позорное общество, о котором я уже упоминал императору Александру в бытность мою начальником штаба гвардии, не веря, впрочем, ни в его важность, ни в особенности в его влиятельность, достаточно открыто пользовалось теми распрями, которые, как они считали, должны были бы стать следствием такого положения дел и такого рода междуцарствия. Они подготавливали самые черные планы, включая уничтожение царской семьи и те потрясения, которые должны были от этого последовать. Начальник штаба граф Дибич прислал из Таганрога свои соображения о деятельности именно этого общества, ответвления которого появились в нескольких армейских корпусах, и о котором император Александр накануне своей кончины получил тревожные сведения.

Говорили, что в Петербурге и, в особенности, среди молодых офицеров гвардии началось брожение, говорили, что во второй раз они не будут принимать присягу, что нельзя таким образом играть с судьбой империи, что в связи с тем, что они уже признали государем императора Константина, было бы низостью признавать таковым другого человека. Ходили даже слухи о том, что великий князь Николай сожалел о шаге, предпринятом им в первом порыве благородства, о том, что он собирался его исправить, неожиданно провозгласив себя государем. Говорили, что ему надо опасаться

своих соблазнов и других подобных вещей, с тем, чтобы не вводить в заблуждение и не раскалывать общественное мнение и особенно доверие гвардии.

Император Всероссийский Константин Павлович

Находившийся до этого в Варшаве великий князь Михаил в этих обстоятельствах вернулся, и так как было известно о проявленной им искренней преданности новому императору, все бросились наперегонки представляться ему с тем, чтобы узнать новости о приезде императора. Но он скрылся в небольших апартаментах в Зимнем дворце и не хотел никого принимать. Такое поведение увеличило подозрения и неуверенность, а также придало храбрости злоумышленникам. С каждым днем количество их сторонников увеличивалось, и они все ближе подходили к офицерам и солдатам гвардии. Великий князь Николай постоянно говорил об императоре с прежним уважением, с другой стороны, великий

князь Михаил привез ему из Варшавы ясное подтверждение того, что великий князь Константин настаивает на своем отречении. В то же время он не чувствовал себя вправе опубликовать его в виде манифеста, пока он не принял корону.

Положение становилось все более критическим, великий князь Николай уже не мог более сомневаться, что он призван царствовать, в то же время его старший брат получил присягу его и всей империи и не хотел ничего сделать, чтобы освободить нацию от нее. Все происходящее держалось в самой глубокой тайне, но все же была допущена неловкая оплошность, когда в официальной газете было напечатано сообщение о том, что император чувствует себя хорошо и вскоре приедет. В ожидании этого был составлен манифест о вступлении на престол императора Николая, были сделаны все необходимые приготовления и заговорщики увеличивали свою численность и ускоряли работу. Генерал-губернатор мужественный, но непоследовательный граф Милорадович предупредил виновных в заговоре, которые выступали почти открыто, не собираясь оказывать им доверия. Он даже принимал у себя многих посвященных в заговор людей, которые нашли способ через актрис, одна из которых была любовницей графа Милорадовича, проникать на эти галантные вечеринки. Великий князь Николай сообщил мне сведения, направленные ему генерал-майором, и я был весьма удивлен, найдя в них многие имена, сообщенные мне три года назад, такие как князь Трубецкой, полковник Пестель, Муравьев и другие офицеры. Самые значительные из них были из 2 и 1 армий и за исключением князя Трубецкого, который был полковником в Главной квартире, имена тех, о ком сообщили в Петербург, принадлежали совершенно неизвестным молодым лейтенантам. Я был одним из тех, кто не придал большего значения методам заговорщиков. Можно было рассчитывать на генералов и на командиров полков,

и совершенно невозможно было поверить в то, что младшие офицеры могли бы подтолкнуть на бунт преданных и дисциплинированных солдат. Я отвечал за 4 полка моей дивизии, и другие командиры посчитали возможным сделать то же.

Наконец, приблизился тот день, когда это состояние нерешительности, придавшее заговорщикам такую свободу, должно было закончиться. Все рассказывали друг другу на ухо о том, что вскоре великий князь Николай провозгласит себя государем в соответствии с ясно выраженной волей своего старшего брата. Великий князь Михаил выехал, как говорили, для того, чтобы встретить императора Константина, и дождаться за Дерптом подходящего дня для того, чтобы вернуться в соответствии с волей своего брата. Совет собрался вечером 13 декабря для того, чтобы отдать последние приказания и принять присягу на верность новому государю, Сенат должен был собраться с той же целью в 5 часов утра, все генералы гвардии получили приказ в этот же час находиться во Дворце. Вечером я очень поздно ушел от великого князя Николая, он только что получил от одного молодого гвардейского офицера письмо с предостережением об опасности, которую избежит он и вся Россия, если он будет провозглашен императором. Этот молодой человек услышал бунтарские речи и узнал о приготовлениях к восстанию от одного своего товарища и, полный ужаса, посчитал своим долгом предупредить о них. Мы спокойно обсуждали эту новость, я не мог себе представить, что осмелятся предпринять что-либо, имея в основе только слабые голоса нескольких помешанных, но великий князь Николай, предвидя опасность, приготовился встретить ее с тем спокойствием, которое дает только невиновность и храбрость.

Производить аресты в момент восшествия на престол, не имея определенных доказательств, было бы столь же неправильно, сколь и рискованно. Надо было дождаться развития

событий. До назначенного часа я был у своего нового государя и присутствовал при его утреннем туалете. В соседней комнате собрались все гвардейские генералы и члены семьи бывшего государя. Император появился и твердым голосом объявил волю двух старших братьев, он прочитал завещание императора Александра и формальное отречение великого князя Константина, он нас призвал продолжать нести службу так, как мы это делали при императоре Александре, и закончил, приказав нам идти в Генеральный штаб для того, чтобы принять там присягу, оттуда направиться в войска, собрать их по полкам, зачитать им манифест и приложенные к нему документы и привести их к присяге. За одно мгновение до того, как войти в комнату, он сказал мне: «Итак, возможно, сегодня вечером нас обоих не будет в живых, но, во всяком случае, мы исполним наш долг». Эти слова и выражение его лица потрясли многих генералов, а мне позволили увидеть в самых черных красках ту трудную ситуацию, в которой мы тогда оказались.

* * *

Еще не рассвело, а весь город был уже на ногах, в то время как все генералы собрались в помещении Главного Штаба, многие из них поделились со мной своими опасениями о том, что требование принять присягу может вызвать волнения. Мы расстались, будучи уже уверены, что придется действовать с осторожностью и применить силу. Каждый вернулся к своим войскам. Зная, что могу рассчитывать на генерала Орлова, командовавшего конной гвардией, я бросился в казармы конногвардейцев. Полк в пешем строю находился в манеже, появился священник, и присяга была принята. Я тщательно следил за малейшими изменениями на лицах, солдаты были холодны, несколько молодых офицеров были невнимательны, и даже беззаботны, я был вынужден

подать некоторым из них знак, чтобы они приняли подобающую ситуации и оружию позу. Мой адъютант мне только что сообщил, что Конная гвардия только что приняла присягу, и что все прошло спокойно. Два других моих полка были на лагерных сборах вне города, я отправил туда приказы полковым командирам, не сомневаясь, что пример двух первых полков скажется на них самым благоприятным образом.

Но в других казармах эти действия не прошли столь же спокойно. В конногвардейской артиллерии три офицера отказались принять присягу и призвали солдат выступить против генерала Сухозанета, который ими командовал. Они были схвачены и посажены под арест за исключением одного, которому удалось бежать, и который предупредил заговорщиков о тревоге. В лейб-гвардии Московском полку храбрый генерал Шеншин, недавно торжественно назначенный бригадиром, встретился с большими беспорядками, солдаты, хотя и были одеты, отказались выстроиться во дворе казарм. Тем временем, когда несколько рот повиновались его голосу, командир одной из рот князь Щепин-Ростовский приблизился к нему с саблей в руке и нанес ему несколько ранений в голову, от которых он упал на землю без сознания. Заметив командира полка генерала Фридерикса, он побежал также и к нему и перед полком ударил его саблей, крича клятвопреступникам, что они будут прокляты и провозглашая Константина единственным законным государем. Этот бешенный, воодушевленный двойным убийством, воспользовался временно наступившим у других офицеров оцепенением, вырвал знамя из рук знаменосца и, выкрикивая здравицы Константину, вышел из казарм во главе своей роты и еще 3 или 4 сотен солдат, которые последовали его примеру. Остатки полка находились в беспорядке и в самом страшном сомнении относительно того, какую сторону следует поддерживать. Произносились слова о переговорах, о предателях,

говорили, что шеф полка великий князь Михаил был задержан, что он остался верен своему брату Константину, что этот последний идет во главе войск для того, чтобы наказать измену великого князя Николая. Тем временем Щепин с саблей в руках расчищал дорогу через толпу и направлялся к Сенату. Он заставлял кричать здравицы Константину и люди, которые еще ничего не знали, так как еще не было времени распространить манифест, повторяли этот крик, ведь для них он, Константин, был еще законным государем. Но эти крики привели к беспорядкам. В это время на другом берегу Невы в гренадерских казармах два молодых офицера Сутгоф и Панов построили солдат и вызвали неподчинение их командиру полковнику Стюрлеру, неверно истолкованная суровость которого показалась ужасной его подчиненным. Крики «Да здравствует император Константин!» охватили весь полк, который в беспорядке бросился из казарм и, не желая больше слышать приказы своих командиров, толпой последовал за двумя молодыми заговорщиками.

Получив все эти сообщения, император послал приказ в 1-й батальон Преображенского полка и лейб-гвардии Саперный батальон, на которые он мог рассчитывать, так как много лет командовал ими, прибыть во Дворец. Он спустился в Большую галерею дворца, говорил солдатам об их долге, приказал зарядить ружья и поставил при входе во Дворец со стороны площади. Со всех сторон сбежался народ и теснился вокруг дворца. Проявляя доверие к народу, император вышел на середину толпы и громким голосом сообщил об отречении своего брата, сел на лошадь и принял на себя командование 1 батальоном Преображенского полка, который прибыл на Дворцовую площадь. Стоило батальону саперов войти в дворцовый двор, как появились гренадеры с намерением проникнуть туда. Увидев саперов, они повернулись и на мгновение заколебались. Тогда император

приказал им построиться и, услышав крики «Да здравствует Константин!», ответил «Хорошо! Тогда идите и присоединитесь к ним, они там» и указал на Сенат, куда гренадеры и двинулись толпой.

Тем временем, храбрый генерал Милорадович, прислушиваясь только к голосу своей храбрости и рассчитывая на свою популярность, вскочил на лошадь и бросился к Сенату, чтобы самому встретиться с бунтовщиками. При его появлении солдаты построились, он начал их убеждать и заставил заволноваться. В это время несчастный Каховский выстрелил из пистолета и попал ему в живот, а адъютант Благословенного (Александра I) князь Оболенский вырвал у солдата ружье и нанес ему удар штыком, крикнув, что это предатель. Войска поверили и храбрец всей Русской Армии, который обожал солдат, а солдаты всегда любили его, повернул лошадь и упал на землю в нескольких шагах оттуда перед казармами конногвардейцев, которые в этот самый момент под командованием моим и генерала Орлова спешно седлали лошадей и строились. Милорадович нашел еще в себе душевных сил для того, чтобы сказать нам: «В меня стрелял не военный, это был человек во фраке». Он скончался через несколько часов с тем же мужеством, которое столь знаменательно отличало его во всех обстоятельствах.

Тем временем, со всех сторон прибывали вызванные вооруженные полки. Батальон Финляндского полка прибыл из своих Василеостровских казарм и построился на мосту, еще не очень хорошо понимая к какой стороне им следует присоединиться, 1 рота во главе со своим капитаном Розеном, который был в числе заговорщиков, отделилась от них и осталась рядом с корпусом кадет. Другие полки прибывали один за другим, и император каждому показывал его место. Я побежал, чтобы догнать императора и доложить ему о прибытии Конной гвардии, он очень холодно спросил меня,

можем ли мы быть уверены в этом полку, которым много лет командовал великий князь Константин и который может поэтому быть преданным имени своего бывшего шефа. Я сказал, что отвечаю за него головой. Тогда он приказал мне поставить их напротив мятежников, выстроив эскадроны в колонны. Другой полк моей дивизии, находившейся в то время в Петербурге, — кавалергардский — остался в резерве на Адмиралтейской площади. Пока все были заняты вышеописанными событиями, батальон гвардейского Морского экипажа, поднятый несколькими офицерами заговорщиками, прибыл на поддержку бунтовщиков и под крики «Да здравствует Константин!» расположился справа от восставшего лейб-гвардии Московского полка.

В этот момент императору сообщили, что его бывший полк — Измайловский — проявляет нерешительность, а его командиры не отвечают. Чтобы решить дело император пришпорил лошадь и поскакал к своему полку, к которому подъехал со стороны Исаакиевской площади. Он отдал приказ построиться в колонны тем же тоном и с тем же спокойствием статуи, и вместо того, чтобы обратиться к офицерам и солдатам со словами возмущения, он приказал зарядить ружья и с суровым видом твердым голосом сказал: «Вы знаете, что Ваш долг предписывает Вам всем умереть за меня, идите вперед, я укажу Ваше место». Полк, словно под воздействием ужаса, двинулся вперед и остался в полном повиновении, несмотря на недобрую славу, которую заслужили многие его офицеры.

Между тем, народ волновался и совершенно не понимал, что происходит. Не зная, кто из двоих, Николай или Константин, является настоящим государем, не видя еще манифеста и, не будучи призван к новой присяге, люди беспорядочно повторяли крики восставших. Даже многие офицеры были введены в заблуждение нежеланием отвечать

на крики «Ура Константину!». Полковник гренадерского корпуса Стюрлер был убит тем же Каховским, который убил и графа Милорадовича. С каждой минутой опасность нарастала, толпа напирала со всех сторон, рабочие, собравшиеся на старых сооружениях Исаакиевского собора, бросали в нас камнями и палками, несколько ружейных выстрелов с разных сторон заставили мятежников покинуть их ряды. Император отказался от намерения начать бой, который без сомнения оказался бы смертоубийственным, и, кроме того, своей продолжительностью мог бы воодушевить бунтовщиков. Прибывшая на место артиллерия не могла стрелять без боеприпасов, которые по старому обычаю находились в Охте, куда я отправил сани для того, чтобы привезти оттуда картечи и ядер.

В это время все высшее общество, мужчины и женщины, собрались в Зимнем дворце на молитву. Тревожные вести, усиленные страхом, устрашили это собрание, все пришли отметить праздник, а теперь дрожали за судьбу империи, за своих сыновей, за своих супругов, которые находились друг против друга, готовые сражаться. Императрице-матери и молодой императрице понадобилось все их мужество в этот момент, когда, казалось, решалась судьба всего — существования их власти, ее потеря или сохранение, жизнь их сыновей и их мужей, которые вместо славы и поздравлений, обычно сопровождающих вступление на престол, были окружены взбунтовавшимися убийцами, дурным отношением к своей семье и к славному наследию своих предков.

* * *

Великий князь Михаил, который должен был приехать накануне, для подтверждения отречения великого князя Константина, появился только после полудня. Это опоздание

помогло ввести в заблуждение солдат лейб-гвардии Московского полка — им сказали, что по приказу узурпатора Николая великий князь Михаил был заключен в крепость, и что если бы Константин искренне решил отказаться от престола, то его самый близкий друг и брат Михаил не упустил бы случая лично приехать и объявить об этом гвардии. Едва выйдя из кареты и узнав о том, что происходит, великий князь Михаил бросился к казармам своего полка. Увидев, что их недостойно обманули, солдаты живо построились, и с голоса брата своего государя приняли присягу. Вслед за ним они ускоренным шагом пришли на Адмиралтейскую площадь. Стыдясь позора, который лежал на имени полка, благодаря их товарищам, они попросили разрешения пойти в штыковую атаку против мятежников, великий князь Михаил в пешем строю находился в первом отряде и пожелал возглавить атаку. Император был спокоен, он еще сомневался в необходимости проливать кровь своих подданных и он остановил этот благородный порыв. Он позволил только, чтобы несколько пожилых гренадер без оружия подошли к рядам заговорщиков для того, чтобы сообщить им о приезде великого князя Михаила и о том обмане, в который вовлекли их бунтовщики. Гренадеры стали смело приближаться, но крики «Ура Константину!» и несколько ружейных выстрелов показали им всю бесполезность их поступка.

Якубович был одним из самых отважных заговорщиков. Красивый мужчина, он был наделен злым и деятельным красноречием, он приблизился к императору с предложением переговорить с заговорщиками. Он был драгунским офицером и прошел через толпу, поэтому никто из нас не увидел, что он приблизился со стороны противника. Император, не имея оснований сомневаться в его преданности, позволил ему это сделать. У Якубовича в кармане был заряженный

пистолет, приготовленный для стрельбы в императора. Мой адъютант с удивлением предупредил меня о спрятанном оружии. Я приблизился к императору, но в этот момент предатель отошел от него и подошел к бунтовщикам, которые встретили его криками «Ура!» и призывами действовать. Он надеялся вернуться в наши ряды, где готовил, быть может, самое бесчестное преступление, но только что оказанный ему прием раскрыл эти ужасные планы и он остался с врагами, чья отвага и крики усиливались с каждым мгновением.

Привлеченные любопытством иностранные представители собрались на Адмиралтейском бульваре. Они уполномочили ганноверского посланника генерала Дёрнберга попросить у императора позволения присоединиться к его свите с тем, чтобы их присутствие послужило доказательством законности его восшествия на престол. Император поручил Дёрнбергу поблагодарить дипломатический корпус за его добрую волю и передать им, что это «дело семейное и впутывать в него Европу нет никаких оснований». Этот ответ доставил удовольствие русским и в первый раз дал иностранным представителям возможность оценить характер нового государя.

У императрицы-матери появилась мысль послать к бунтовщикам архиепископа со всем тем, что было приготовлено во Дворце для проведения церковной службы. Архиепископ в сопровождении всех своих священнослужителей пешком с крестом в руках пересек Адмиралтейскую площадь и появился перед восставшими. Народ расступился для того, чтобы пропустить его и посреди этого беспорядка воцарилось хмурое молчание. Восставшие солдаты обнажили головы и архиепископ начал говорить. Руководители заговорщиков испугались того действия, которое эти слова могли возыметь, и попросили архиепископа быстро удалиться, что он и принужден был исполнить.

Тем временем, день клонился к вечеру, а ночь, наступившая при неподавленном бунте, могла укрыть своей тенью и беспорядки и измену, надо было принять решение и окончить это дело. Первый эскадрон конногвардейцев, который время от времени тревожили многочисленные ружейные выстрели со стороны бунтовщиков, был выдвинут вперед. Тогда гренадеры, солдаты лейб-гвардии Московского полка и гвардейские моряки, выстроенные перед Сенатом, начали очень густой заградительный огонь, которым были опрокинуты многие кирасиры и их лошади. Пули свистели со всех сторон вокруг императора, даже его лошадь испугалась. Он пристально посмотрел на меня, услышав, как я ругаю пригнувших голову солдат, и спросил, что это такое. На мой ответ: «Это пули, сир», он направил свою лошадь навстречу этим пулям. Испуганные люди, стремясь спастись, бросились прочь от этого несущего смерть места. Толпа людей в страхе направлялась навстречу движения императора, тогда он крикнул громовым голосом: «Шапки долой!». И вся эта толпа, которая забыла всякое уважение и еще не знала, кто является ее государем, признала его по хозяйскому голосу. Все люди обнажили головы, наиболее близко находившиеся стали целовать его ноги, и как по волшебству слепое повиновение пришло на смену шуму и беспорядку. Тогда император приказал толпе разойтись с тем, чтобы избежать опасности и поддержать порядок. Площадь опустела, и конные патрули взяли под охрану места, где улицы выходили на площадь.

Эскадрон конных саперов галопом проскакал между Сенатом и восставшими и занял место на Английской набережной. Два батальона Семеновского полка были направлены к Конногвардейскому манежу, имея в своем составе артиллерийские орудия. Батальон Павлоградского полка захватил Галерную улицу и тем самым перерезал пути отступления восставшим. В конце дня император передал своего

сына, наследника престола, в руки гренадер Павлоградского полка[8], сказав им: «Я хочу, чтобы он у Вас научился служить своей стране. Я доверяю Вам своего сына».

Наконец, прибыли боеприпасы, три пушки были поставлены против восставших. Я получил приказ, когда орудия начнут стрелять, направить конногвардейцев, батальон Финляндского полка с несколькими орудиями на Васильевский остров с тем, чтобы отрезать гренадер с этой стороны от их казарм. Будучи скуп до конца на кровь своих подданных, император приказал еще раз сказать бунтовщикам, что если они не раскаются, то будут расстреляны. Это поручение было дано самому генералу от артиллерии Сухозанету, который галопом поскакал к передним рядам восставших, но ответом ему стали ружейные выстрелы. Тогда император, желая взять на себя одного ответственность в этот великий и решительный момент, приказал первому орудию открыть огонь. За этим выстрелом последовал огонь из других орудий, расположенных возле Манежа.

Первым ответом противника были крики «Ура!» и ружейные залпы, но предатели были малодушны, эти бедные солдаты, сагитированные заговорщиками, были ими покинуты в минуту опасности. Вскоре их ряды охватила паника, виновные во всем офицеры пытались скрыться от законного возмездия, они пытались спрятаться в соседних домах или покинуть город. С этого момента, если их догоняли, то они неотвратимо становились жертвами гнева своих же товарищей. Несчастные солдаты бежали во все стороны, самая большая их часть бросилась в беспорядке на реку и по льду перешла на Васильевский остров, к счастью, среди них было всего около 20 убитых и около 50 раненных. Император приказал прекратить огонь в тот момент, когда последовало

---

[8] На полях помета Николая I — «гвардейских саперов»

их общее отступление. С нашей стороны только конногвардейский полковник Вельо был серьезно ранен и несколько человек были убиты и ранены.

Граф Орлов с конногвардейцами галопом проскакал по Василеостровскому мосту для того, чтобы с этой стороны окончательно рассеять бунтовщиков. Я направился в батальон Финляндского полка, который без колебаний последовал за мной, рота, которая осталась у кадетского корпуса и чувствовала себя наиболее виноватой, попросила разрешения занять свое место и следовать вместе с батальоном. Но, зная об их поведении, я им приказал построиться отдельно и объявил им, что, для того, чтобы получить почетное право присягнуть на верность новому императору, от чего они отказались сегодняшним утром, его надо заслужить, найдя виновных и доставив их мне безоружными. Рота поспешила исполнить этот призыв и бросилась в погоню за беглецами. Со своей стороны конногвардейцы с той же целью разделились на отряды. Остаток войск я расположил лагерем перед 1 кадетским корпусом, напротив Васильевского острова. Я приказал разжечь костры и принести людям еды. Мороз был очень силен. Я заметил это, как только сошел с лошади, только теперь я почувствовал всю важность и опасность нашего положения. Гвардия только что победила гвардию, единственная опора империи — император — 6 часов подряд рисковал своей жизнью, в народе было неспокойно и еще нельзя было распознать его истинных намерений. Был раскрыт заговор, но пока не были известны ни его руководители, ни его обширность, все было, как в тумане и все могло начаться снова.

Эти размышления не могли успокоить, но мы видели нашего молодого императора отважным, твердым и спокойным в минуту смертельной опасности. Офицеры были этим удивлены, а солдаты были в восторге. Победа была на стороне

престола и преданности, что же еще было нужно для того, чтобы войска восхитились и перешли на сторону своего нового государя, чтобы они забыли все претензии, которые еще накануне высказывались в адрес этого человека, который только недавно был командиром гвардейской дивизии, и теперь принял скипетр Петра I, Екатерины и Александра. Во всяком случае, мы знали, что если завтра повторятся вчерашние опасности, то наш руководитель, наш хозяин достоин и способен направлять наши усилия.

Все войска были оставлены на Галерной, Сенатской и Адмиралтейской площадях. Император возвратился во Дворец, где вслед за двором направился в церковь. Там в присутствии всего специально собравшегося высшего общества он присутствовал на молебне, приготовленном еще с утра. В это время несколько офицеров из партии заговорщиков были найдены и доставлены к Его Величеству. Их первые показания раскрыли часть их планов и многих их сообщников. На полковника князя Трубецкого было указано как на руководителя движения, получившего чин Диктатора. Его нашли в доме австрийского посла господина де Лебцельтерна, который по жене был шурином князя Трубецкого. Той же ночью более 20 заговорщиков были арестованы, допрошены и им были устроены очные ставки. Их показаниями были изобличены многие люди различных званий, служивших в армии, они вызвали отправку курьеров и приказы о задержаниях.

* * *

До рассвета ко мне привели свыше 600 пленных, в основном солдат лейб-гвардии Гренадерского полка, и нескольких офицеров, среди которых был князь Оболенский, нанесший удар штыком бедному Милорадовичу. Больше всего меня огорчило знамя этого полка, которое находилось в лагере бунтовщиков. Это знамя было захвачено у восставших,

уже приближавшихся к своим казармам, одним из отрядов, находившихся под моим командованием.

С рассветом стал собираться народ, который казался взволнованным от вида военного бивуака и походных орудий. Меня поразило его раздраженное отношение и отсутствие вежливости. Я приблизился к толпе и, узнав в ней одного торговца, которого я знал как храброго человека, спросил, откуда он идет. Обычно после наводнения, когда началось мое командование в этой части города, меня дружески приветствовало население. Сейчас он, казалось, не узнал меня и даже вел себя вызывающе. Торговец ответил мне напряженным голосом, на который я первый не обратил никакого внимания: «Как я должен приветствовать Вас, когда Вы сражались вчера, и, кажется, готовитесь продолжать сражение. Вы присягнули Николаю, преследуете солдат, оставшихся верными нашему императору, что мы должны об этом думать и что нас ждет?»

Убедившись, что причиной беспокойства невиновного народа является только незнание манифестов, я поспешил написать императору о том, что только что увидел и услышал, добавив, что тот же эффект, вызванный теми же причинами, должен поломать недоверие народа в других частях города. Я умолял его немедленно распорядиться доставить мне достаточное количество печатных экземпляров, и чтобы по его приказанию они были распространены во всех кварталах города. Приготовленные для этого листы должен был распространить Сенат, но он оказался изолированным бунтовщиками и произошедшим сражением до ночи, работники в страхе разбежались со службы, и было совершенно естественно, что манифесты остались там. Только сотрудники Сената и рабочие типографии были информированы о смене царствования и о документах, которые закрепляли ее законность.

Адъютант Его Величества привез мне пакет, содержащий все необходимые документы: завещание императора Александра, отречение великого князя Константина и манифест нового государя. Снабженный этими аргументами, я храбро вошел в толпу, которая увеличивалась с каждой минутой. Я позвал всех следовать за собой в церковь, которая находилась недалеко от первого кадетского корпуса. Священник уже ожидал меня. Я вручил ему три бумаги и попросил, чтобы он громким голосом и отчетливо, чтобы услышали все люди, толпившиеся вокруг нас, прочитал каждую из них в указанном порядке и повторил бы чтение, если бы кто-либо из слушателей чего-то не понял. Выйдя из церкви, я роздал большую часть бумаг стоящим снаружи группам людей. Как только люди прочитали документы, их лица прояснились передо мной, спокойствие и уверенность установились окончательно.

Император, проведя всю ночь в трудах, в 8 часов утра сел на лошадь и объехал войска. Его встретили восторженными криками веселья и восхищения. Батальон Гвардейского Морского экипажа, который принимал участие в бунте, видя, что его бесчестно предали несколько своих офицеров, на коленях просил о прощении. Император без колебания даровал его им и вернул их знамя после того, как оно было освящено святой водой с целью очистить его от преступления, одним из символов которого оно было накануне. После этого войска вернулись в свои казармы, с этого дня в городе восстановилось спокойствие и обычное течение жизни, как если бы оно ничем и не было нарушено.

Между тем, ужасные события 14 декабря, которые с этих пор стали обозначаться этой датой, перепугали все слои населения. Все были возмущены и встревожены последствиями этого заговора, пламя которого было потушено, по правде говоря, лишь восхитительным хладнокровием и отвагой

императора. Но, благодаря полученным от бунтовщиков показаниям, было известно, что заговор имеет многочисленные ответвления в армии, в Москве и в провинции. Можно было опасаться, что новость о подавлении бунта в Петербурге, разнесенная недоброжелателями, стала бы сигналом для подобных выступлений особенно в древней столице и в удаленных районах. Во все стороны были направлены курьеры к военным и гражданским властям, была создана следственная комиссия, с целью найти связи, средства и членов этого тайного общества, которое желало низвергнуть престол. Членами этой следственной комиссии стали великий князь Михаил, военный министр, князь Голицын, директор почт генерал Кутузов, который только что сменил на посту генерал-губернатора Петербурга храброго генерала Милорадовича, генерал Левашов и я. Мы немедленно принялись за работу с тем усердием и отношением к ней, которые требовались существом дела, прямо связанным с безопасностью империи и политическим существованием каждого члена нации.

Император уже подал нам пример деятельного поведения и преданности общественному благу. Он лично предварительно виделся и допрашивал всех заговорщиков, которые были захвачены в Петербурге с оружием в руках, и тех, кого впоследствии привозили из других губерний и полков. Ни один из тех, на кого указали показания заговорщиков, не ускользнул от бдительности властей. Все они были арестованы и препровождены на наш суд. Главарями заговора, находившимися в Петербурге, были литератор и сотрудник Российско-американской компании Рылеев и князь Трубецкой. Последний, несмотря на данное ему звание Диктатора, в минуту опасности спрятался и бросился к ногам императора, моля о спасении своей жизни, что было ему обещано. Другой, Рылеев, несмотря на то, что был душой бунта

и предлагал проекты, которые должны были стать его следствием, также предпочел осторожно дождаться развития событий, не выходя из своей комнаты до тех пор, пока полиция не заставила его это сделать с тем, чтобы он предстал перед своими судьями. Это ему принадлежала мысль поднять руку на всю императорскую семью. Я видел его через несколько дней плачущим от умиления, а, возможно, от сожаления, когда он узнал, что император, получив известие о том, что жена и дети Рылеева сильно нуждаются, послал им три тысячи рублей и взял на себя заботы о детях того, кто вынес смертный приговор ему и всей империи. Были изданы самые суровые и подробные приказы с целью обеспечить жизнь и здоровье арестованных.

Внимательно следили за тем, чтобы небольшое количество людей, задержанных по ошибке или в силу малой их вины, были отпущены скорейшим образом и без враждебности. Доверие и полное понимание вызвали у всех эти заботы со стороны правительства и полная гласность о своих действиях. Все сердца раскрылись к новому государю. Он спас империю в тот момент, когда только начал царствовать, и он польстил самолюбию общества этим своеобразным отчетом о своих действиях.

Наконец пришла с таким беспокойством ожидаемая новость о принятии присяги в Москве, и это нас успокоило окончательно. Весьма разумный человек архиепископ сильно способствовал мерам, которые были предприняты главным губернатором столицы князем Голицыным и командующим войсками гарнизона графом Петром Толстым.

Все высокопоставленные лица, высшее дворянство и масса людей заполнили все внутреннее пространство собора, архиепископ приблизился к алтарю, достал оттуда пакет, показал его собравшимся, сосредоточил на нем их внимание и сказал:

«В этом конверте заключены счастье и слава России». Затем он зачитал завещание императора Александра, отречение великого князя Константина и манифест императора Николая. Столица и войска приняли присягу. Москва была избавлена от преступных выступлений, которые устрашили Петербург, и по праву гордилась своим поведением, столь несхожим с поведением своей соперницы 2-й столицы.

С. Г. Волконский

Сведения о существовании заговора, которые император Александр получил за несколько дней до своей смерти, заставили его направить генерала графа Чернышева из Таганрога во 2-ю армию, где находился центр партии, входившей в ассоциацию под названием Южное общество, тогда как партия

с центром в Петербурге получила название Северного общества. В день восшествия императора на престол 14 декабря Чернышев арестовал в Тульчине полковника Пестеля, командира пехотного полка и одного из главарей заговора. Он успел передать своим сообщникам сигнал тревоги, который вместе со смертью императора Александра, должен был помочь в осуществлении их планов. Они приняли решение выступить.

Командир пехотного полка полковник Муравьев, предполагая, что к нему для ареста уже был послан жандармский офицер, призвал на свою защиту солдат и стал им говорить о присяге не верность законному государю, смущая совесть и умы войск, доверенных его командованию. Он призвал к бунту, надеясь на поддержку гусарского полка под командованием одного из заговорщиков, как и он сам по фамилии Муравьев. Но этот последний в отличие от первого не обладал ни храбростью, ни преданностью войск. Он проявил колебания и был арестован и препровожден в Петербург вместе с полковником Пестелем, шефом интендантской службы 2-й армии Юшневским и многими другими офицерами, наиболее революционно настроенным из них был Бестужев-Рюмин, молодой человек, якобинец по убеждениям, энергичный, честолюбивый, настоящий демон пропаганды. Муравьев послал курьеров ко всем своим сторонникам с сообщением, что он поднял щит, и с просьбой о помощи, но нить заговора уже была порвана. Офицеры артиллерии и даже командиры рот были арестованы, другие офицеры испугались, и в итоге Муравьев мог рассчитывать только на себя, одна рота целиком отделилась от его полка, остальные солдаты только холодно следовали за их буйным и преступным полковником. Он увидел, что его надежды на присоединение единомышленников оказались обмануты, произвел несколько бесцельных маневров, потерял время,

и через несколько дней встретился с направленным против него отрядом, в котором было несколько полевых орудий и несколько эскадрон гусар. Муравьев отважно принял бой, его солдаты примкнули штыки, и пошли на артиллерийские орудия. С той же неустрашимостью те бросились навстречу врагу и обстреляли их картечью, от которой Муравьев упал. Затем он поднялся и хотел бежать вперед, но его солдаты, увидев атаковавших их преданных солдат и осознав свою ошибку, бросили предателя и стали просить прощения. Таким образом, было рассеяно и погашено при самом появлении пламя бунта, который в силу своих многочисленных отростков в разных воинских частях мог бы стать трудным для тушения пожаром.

Оглавление

Александр Христофорович Бенкендорф

Воспоминания

Том I
1802–1825

16+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *А. Тельная*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д. 166